

ВЧЕНІ ЗАПИСКИ

**Харківського гуманітарного університету
«Народна українська академія»**

Додаток до XXV тому

Харків
Видавництво НУА
2020

УДК 08
В90

Збірник наукових праць засновано 1995 р.

Свідоцтво про державну реєстрацію КВ № 7367 від 03.06.2003 р.

*Друкується за рішенням Ученої ради Харківського гуманітарного
університету «Народна українська академія».
Протокол № 9 від 22.04.2019*

**Індексується в Міжнародній наукометричній базі
*Index Copernicus***

Редакційна колегія

Астахова К. В., д-р іст. наук (голов. редактор); *Астахова В. І.*, д-р іст. наук;
Батаєва К. В., д-р філос. наук; *Бистрянцев С. Б.*, д-р соціол. наук;
Герасіна Л. М., д-р соціол. наук; *Дорошенко Г. О.*, д-р екон. наук; *Іванов Ю. Б.*,
д-р екон. наук; *Коллін С.-О.*, канд. екон. наук; *Корабльова Н. С.*, д-р філос.
наук; *Лозовий В. О.*, д-р філос. наук; *Михайльова К. Г.*, д-р соціол. наук;
Міттельштедт Е., д-р екон. наук; *Нечітайло І. С.*, д-р соціол. наук;
Ребрій О. В., д-р філол. наук; *Робак І. Ю.*, д-р іст. наук; *Сілласте Г. Г.*, д-р
філос. наук; *Сокурянська Л. Г.*, д-р соціол. наук; *Сухіна В. Ф.*, д-р філос. наук;
Тарасова О. В., д-р філол. наук; *Тимошенкова Т. М.*, канд. філол. наук;
Томашевський Р., д-р іст. наук; *Хаустова В. Є.*, д-р екон. наук; *Шевченко І. С.*,
д-р філол. наук; *Щудло С. А.*, д-р соціол. наук; *Яременко О. Л.*, д-р екон. наук.

Україна, 61000, Харків, МСП, вул. Лермонтовська, 27.
Харківський гуманітарний університет «Народна українська академія»
Тел. 714-92-62; 714-20-07

ISBN 978-966-2298-14-0

© Народна українська академія, 2020

RESEARCH BULLETIN
of Kharkiv University of Humanities
“People’s Ukrainian Academy”
Supplement to volume XXV

Kharkiv
PUA Publishers
2020

Collection of Scientific Works was founded in 1995

State registration Certificate number is KB № 7367 of 03.06.2003

*Published with the authorization of the Kharkiv University
of Humanities “People’s Ukrainian Academy” Scientific Council
Protocol № 9 of 24.04.2019*

Indexed in the Index Copernicus

Editorial Board

Astakhova K., Dr.Sc. (History) (editor in chief); Astakhova V., Dr.Sc. (History); Bataeva K., Dr.Sc. (Philosophy); Bystriantsev S., Dr.Sc. (Sociology); Herasina L., Dr.Sc. (Sociology); Doroshenko G., Dr.Sc. (Economics), Ivanov Yu., Dr.Sc. (Economics); Collin S.-O., Ph.D. in Economics; Korablova N., Dr.Sc. (Philosophy); Lozoviy V., Dr.Sc. (Philosophy); Mykhaylyova K., Dr.Sc. (Sociology); Mittelstaedt E., Dr.Sc. (Economics); Nechitaylo I., Dr.Sc. (Sociology); Rebrii O., Dr.Sc. (Philology); Robak I., Dr.Sc. (History); Sillaste G., Dr.Sc. (Philosophy); Sokurianska L., Dr.Sc. (Sociology); Sukhina V., Dr.Sc. (Philosophy); Tarasova O., Dr.Sc. (Philology); Tymoshenkova T., Ph.D. in Philology; Tomaszewski R., Dr.Sc. (History); Khaustova V., Dr.Sc. (Economics); Shevchenko I., Dr.Sc. (Philology); Shchudlo S., Dr.Sc. (Sociology); Yaremenko O., Dr.Sc. (Economics).

Ukraine, 61000, Kharkiv, 27 Lermontovska Str.
Kharkiv University of Humanities “People’s Ukrainian Academy”
Phone numbers: 714-92-62; 714-20-07

ISSN 1993-5560

© People’s Ukrainian Academy, 2020

Дорогие читатели!

Предлагаемый вашему вниманию том «Ученых записок Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» – не совсем обычное издание, не очередной сборник научных статей, подготовленных преподавателями и сотрудниками НУА. Это **приложение к XXV юбилейному тому**, вышедшему, как обычно, ко дню рождения Академии в мае 2019 года.

Такая публикация у нас подготовлена впервые и цель ее не столько в том, чтобы рассказать об очередных научных достижениях, о теоретических инновациях и их практическом внедрении, сколько в том, чтобы обобщить и проанализировать достигнутое, наработанное и опубликованное за те 25 лет, что издавался наш ежегодник.

Первый том «Ученых записок ХГУ «НУА» увидел свет в мае 1995 года. Естественно, за прошедшие четверть столетия автура сборника, состав его редколлегии, его структура и научная направленность претерпели существенные изменения. В первом томе были представлены 56 авторов, среди которых такие известные харьковские ученые как Е. М. Воробьев, В. И. Борисова, А. Ф. Кондратьева, В. А. Лозовой, Н. Г. Межова (Чибисова), И. В. Семеняк, Т. М. Тимошенко, И. С. Шевченко, Е. А. Якуба, О. Л. Яременко и др. [1].

Теперь, когда как гласит народная мудрость, «иных уж нет, а те – далече», на смену ушедшим приходит новое поколение креативных, творчески мыслящих авторов, украшающих своими публикациями страницы этого издания. Мы можем назвать среди них наших докторантов и уже состоявшихся докторов-профессоров Михайлеву Е. Г., Батаеву Е. В., Нечитайло И. С., Помазана И. А., Подлесного Д. В., Тарасову Е. В., Цыбульскую Э. И., Решетняк Е. И., Шилкунову З. И., Иванову О. А., Кирваса В. А. и мн. др.

Среди тех, кто имеет публикации во всех 25-ти томах нашего главного научного сборника, должны быть отмечены Астахова Е. В. и Астахова В. И., Тимошенко Т. М., Межова (Чибисова) Н. Г.,

Шевченко И. С., Астахов В. В., Яременко О. Л. Всего на страницах Ученых записок ХГУ «НУА» за эти 25 лет опубликовано более 1500 статей общим объемом свыше 900 печатных листов. Сотни маститых и начинающих ученых представили здесь результаты своих научных изысканий.

Только в юбилейном XXV томе опубликованы работы 53 авторов, из которых 10 докторов наук, профессоров, 4 преподавателя общеобразовательной школы, шесть студентов, шесть магистров и аспирантов.

Примечательно, что из года в год растет и число зарубежных авторов. В юбилейном издании опубликованы статьи, присланные докторами наук из Беларуси (М. И. Вишневецкий), из Польши (Г. Пекарский). Регулярно работают с Учеными записками аффилированные профессора НУА С.–О. Коллин (Швеция), Г. Г. Силласте (Россия), Э. Миттельштадт (Германия), Р. Томашевский (Польша) и мн. др. [2].

Существенно изменилась за эти годы и структура наших «Ученых записок». Если в I томе были выделены 7 рубрик, соответствующих разнообразным научным интересам авторов (I раздел – Реформа образования в Украине, II – Философия, история, культура, III – Социология, психология и социальная работа; IV – Экономика, менеджмент, математические методы в экономике; V – Право; VI – Литературоведение, лингвистика и методика преподавания языка; VII – Прикладная математика и информатика), то постепенно трансформируясь, структура XXV тома выглядит теперь уже принципиально по-иному.

За прошедшие 25 лет полностью выкристаллизовалась практически новая стабильная и четкая структура сборника, отражающая как основные направления научных исследований, которые ведет академия (комплексная тема НИР НУА от 2017 до 2035 года сформулирована так: «Становление и развитие социального партнерства как инновационная функция современного образования»), так и события, происходящие в научной жизни нашего не совсем обычного учебного заведения.

Наибольшее число публикаций в последние 10–15 лет вмещает в себя традиционно рубрика, посвященная проблемам образования.

В XXV томе, например, 23 статьи из 59 связаны именно с нашей комплексной темой. Значительно меньшими по объему являются рубрики «Современное общество в контексте гуманитарного знания и проблемы экономического развития» (5 статей), а также «Проблемы лингвистики, лингводидактики, литературоведения и перевода» (8 статей).

Остальные рубрики – «Студенческая трибуна», «Наука в НУА» и «Презентация новых изданий» носят в основном информационный характер, хотя все – так или иначе в наибольшей мере выходят на проблемы образования.

С каждым годом публикации в «Ученых записках ХГУ «НУА» привлекают к себе все больший интерес ученых и практических работников, родителей и других стейкхолдеров, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки на наш ежегодник в научной литературе, его государственная регистрация [6], а также индексация в международной наукометрической базе Index Copernicus.

Предлагая вашему вниманию «Приложение к XXV юбилейному тому Ученых записок ХГУ «НУА», мы тешим себя надеждой, что это издание поможет нашим читателям лучше понять смысл нашей 30-летней работы, очень сложной и не всегда благодарной, но всегда нацеленной исключительно на поиск оптимальных путей реализации идей непрерывного образования и социального партнерства, на совершенствование украинской национальной системы образования.

Список литературы

1. Ученые записки : сб науч. тр. / М-во образования Украины, Харьк. гуманитар. ин-т «Нар. укр. акад.» ; редкол.: В.И. Астахова (гл. ред.) и др. – Харьков : [б. и.], 1995 – Вып. 1. – 351 с.

2. Вчені записки Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» / [редкол.: К. В. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2019. – Т. 25. – 444 с.

3. Про державну реєстрацію друкованого засобу інформації «Вчені записки Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» [Електронний ресурс] : Свідомство серія KB № 3767 від 03.06.2003 // Нац. бібліотека України ім. В. І. Вернадського : [сайт]. – Режим доступу: <https://bitly.su/hTklWLn>.

References

1. Astakhova, V.I (ed.). (1995). *Uchenyye zapiski [The scientific notes]*. Khar'kov, 1, 351 p.
2. Astakhova, K.V (ed.). (2019). *Vcheni zapysky Kharkivskoho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya» [The Scientific notes of the Kharkov Humanities University «People's Ukrainian Academy»]*. Kharkiv : Vyd-vo NUA, 25, 444 p.
3. КУХ «ПУА» (2003). *Pro derzhavnu reyestratsiyu drukovanoho zasobu informatsiyi «Vcheni zapysky Kharkivskoho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya» [On the state registration of the printed media «The Scientific notes of the Kharkiv Humanities University «People's Ukrainian Academy»]*. [online]. Available at: <https://bitly.su/hTkIWLn>.

**Безперервна освіта в дії:
погляд з висоти 30-річного
досвіду**

В. И. Астахова

ВУЗОВСКИЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ В ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСНОГО ТУПИКА

В статье на основе опубликованных ранее в Ученых записках НУА [1] и других научных изданиях [2] материалов по проблемам деятельности научных школ в Украине, дается обобщенный анализ ситуации, переживаемой академическими научными школами на рубеже двух столетий, делается попытка систематизировать причины углубляющегося кризиса науки и определить возможные пути, если не выхода, то хотя бы смягчения кризисных проявлений.

Ключевые слова: научная школа, научно-образовательная школа, научно-исследовательская работа, студенческая наука, кризис в научной сфере, лидер в научной школе, культурно – образовательная среда вуза, научная культура.

Астахова В. І. Наукові школи закладів вищої освіти в пошуку виходу із кризової ситуації

У статті на підставі опублікованих раніше в «Учених записках НУА» [1] та інших наукових виданнях [2] матеріалів із проблем діяльності наукових шкіл в Україні подано узагальнений аналіз ситуації, що постала перед академічними науковими школами на межі двох століть, зроблено спробу систематизувати причини кризи науки, що поглиблюється, і визначити можливі шляхи якщо не виходу, то принаймні пом'якшення кризових проявів.

Ключові слова: наукова школа, науково-освітня школа, науково-дослідна робота, студентська наука, криза в науковій галузі, лідер у науковій школі, культурно-освітнє середовище закладу вищої освіти, наукова культура.

Astakhova Valentyna. University Scientific Schools Searching a Way out of a Deadlock

This article is based on the material of the previously published articles which were focused on the problems, that scientific schools have in their activity in Ukraine and it is devoted to the general analysis of the situation, that academic scientific schools are getting through at the beginning of the century. An attempt

is made to systematize the reasons of the scientific crisis, that is extending, also the author makes an attempt to find possible ways out as well as to define the ways of making the situation less critical.

Key words: scientific school, scientific and educational school, scientific-research work, student science, crisis in scientific sphere, leader in scientific school, cultural and educational environment of the university, scientific culture.

Глобальные трансформационные процессы, кардинально меняющие политический, экономический, социокультурный облик современного мира, не могли обойти сферу науки, которая частично утратила свои прежние позиции и потенциал, частично пытается продуцировать новые направления, находящиеся на стадии формирования и развития. Уже со второй половины XX столетия в мире все более отчетливо проявляется озабоченность состоянием науки, звучат утверждения о ее системном кризисе, о необходимости пересмотра многих казалось бы непреложных истин.

К наиболее отчетливо проявляющимся причинам кризиса современной науки можно отнести:

1. Ускоряющиеся темпы развития Smart-общества и, следовательно, возрастание запросов на научнообоснованные данные и рекомендации, что зачастую ведет к небрежности, неряшливости, недостоверности и даже рискованности предоставляемой информации.

2. Утрата доверия к результатам научных исследований, ревизия коренных, краеугольных научных данных, уход от ответственности за качество научной продукции, снижение уровня научной культуры.

3. Внутренняя и внешняя эмиграция научных кадров, выезд из страны многих ведущих ученых, крупных специалистов, способных выполнять функции лидеров научных школ. Снижение престижа науки и научной деятельности.

4. Невостребованность результатов научно-исследовательской работы, ее бюрократизация и коммерциализация. Обе эти формы связаны с модернизацией и модификацией уже имеющихся результатов, сводятся к управлению проектами, а не к научному поиску, что убивает творчество и снижает авторитет науки.

5. Отсутствие внимания и поддержки со стороны государства, снижение уровня финансирования научной деятельности.

6. Усиливаються корупція, так же ведуча к уничтоженню подлинно исследовательской научной работы, ее реальных результатов.

В настоящее время основными единицами научного труда стали научные сообщества, генерирующие новое знание на основе разделения и кооперации труда, рутинизации процессов создания, передачи и использования знаний. Одной из форм таких научных сообществ стала научная школа. Термин «научная школа» и до сих пор не имеет однозначной трактовки в научной литературе.

Большинство исследователей склоняются к определению научной школы как высшей формы самопроизвольного интеллектуального объединения людей с целью разработки, обоснования и внедрения в практику определенной, достаточно четко оформленной системы научных взглядов по интересующим общество проблемам [3]. Формирование научной школы происходит под влиянием лидера, эрудиция, круг интересов и стиль работы которого имеют определяющее значение для внутреннего сплочения коллектива, результативности его научных изысканий и их признания внешним окружением.

Отношения внутри такого научного коллектива способствуют созданию творческой атмосферы, заинтересованности в получении оптимальных результатов и повышению эффективности труда каждого. Научные школы характеризуются инициативностью, самостоятельностью, стойкостью убеждений, постоянной неудовлетворенностью достигнутым. Для членов такого коллектива крайне важно научное самоопределение, самоидентификация каждого члена группы, выявление и укрепление его личной социальной роли в данном коллективе, проектирование исследовательской деятельности каждого как неотъемлемой части общего [4].

Именно такое определение понятия «научная школа» и ее общих характеристик дано и в наших предыдущих работах, опубликованных в разное время в Ученых записках ХГУ «НУА». Однако в нынешних условиях эти трактовки нуждаются в существенной корректировке, и причин тому несколько.

Во-первых, научная школа теперь не может сохранять свой замкнутый, интравертный характер, т.к. научные открытия все больше требуют разработок «на стыке» различных наук, а следовательно

расширения научных контактов, значительно более глубоких связей между научными школами и направлениями, что в условиях жесткой конкуренции не всегда дает положительный результат. Но, несмотря на имеющиеся издержки, деятельность научных школ все более выходит на сетевые принципы, когда аграрии выступают совместно с экономистами и правоведами, лингвисты – с психологами, а медики не могут решать свои научные проблемы без математиков, физиков, компьютерщиков. Университеты превращаются в своеобразные площадки сетевых проектов и сами оказываются полноценными участниками образовательных и научных сетей.

Очень активно создаются в последние десятилетия сетевые научные лаборатории, центры, которые стирают границы между отечественными и зарубежными группами, бизнес-средой, государством, открывают неизвестные ранее возможности для развития междисциплинарных исследований.

Во-вторых, являясь ядром научного сообщества, научные школы играют все более возрастающую роль в формировании и функционировании гражданского общества. Если формальная трудовая принадлежность к научному сообществу не столь значима для гражданского общества, то научная школа в целом выступает его существенным элементом, обеспечивая подготовку кадров наивысшей квалификации, решая актуальные народнохозяйственные задачи и в целом создавая возможности для постоянного неформального общения, творческого обмена идеями и мнениями, способствуя воспитанию молодого поколения, научных работников, выработке принципиальных жизненных позиций личности, формированию исследовательского, творческого типа мышления.

В-третьих, при определении сущности научных школ нельзя сбрасывать со счетов их усиливающуюся политизацию и потребительское отношение к результатам своего труда. В обществе жестокой конкуренции и непрерывного нагнетания политических страстей, не остается места для «чистой» науки, невозможно сохранить изолированность отдельных групп и сообществ, что несомненно влечет за собой существенные качественные изменения в характеристиках и структуре деятельности научных школ.

Учитывая, что любая научная школа теперь призвана постоянно обмениваться с внешним миром результатами своей деятельности, обосновывать их целесообразность и востребованность, важно подчеркивать, что помимо способности к внутренней интеграции она должна обладать свойствами, обеспечивающими возможность ее внешней адаптации. Поэтому для научной школы и даже научного направления становятся обязательными такие показатели как признание данной школы другими сообществами ученых и длительность ее существования, сохраняющийся общественный интерес к результатам ее работы. Крайне важным атрибутом внешней адаптации является также участие самих членов данного сообщества в пропаганде научных традиций и достигнутых коллективом результатов.

К числу отличительных признаков, свидетельствующих об уровне внешней адаптации, многие авторы сегодня относят:

- генерацию нового знания, исключаящую трактовку научной школы как системы передачи, распространения или пропаганды уже существующих знаний;

- генерацию новых исследователей – людей, способных к продуцированию нового знания, исключая при этом трактовку школы как научного коллектива, объединенного гением одного человека – родоначальника и главы школы;

- синергию творчества, исключаящую трактовку научной школы как мастерской, в которой подмастерья помогают мастеру и обучаются ремеслу, а когда становятся мастерами, создают свои мастерские. В научной школе ее участники обогащают друг друга, в том числе, и ученики – учителя, наиболее значимым становится эффект коллективного творчества;

- собственные технологии создания, передачи и применения знания исключают трактовку научной школы как системы легко воспроизводимых рутин (технологий) – института, поддающегося клонированию. Научная школа может порождать дочерние школы. Но последние имеют свою специфику, обладают всеми признаками научной школы, в частности, способностью к продуцированию знания, выделяющего данную школу среди других сообществ.

Таким образом, спрос на результаты научной деятельности в усло-

виях smart-общества исключает трактовку научной школы как само-достаточной, замкнутой системы. Научная школа призвана отдавать внешнему миру свою продукцию. Другое дело, что здесь может иметь место не передача непосредственных результатов интеллектуальной деятельности (новых знаний), а продажа прав на их использование или материальных объектов, созданных с их применением.

В современной литературе дается различная классификация и типология научных школ. Пишут об экспериментальных и теоретических научных школах, о многоуровневых и одноуровневых, о школах узкого и широкого профиля [5], о научно-педагогических, научно-образовательных, исследовательских и других школах [6]. Но практически не вызывают разногласий утверждения о том, что научная школа – это коллективный поиск, взаимоподдержка и взаимовыручка, уважительное отношение к иной точке зрения, умение радоваться успехам других и умение учиться у других, щедро делиться идеями с другими, обладание инновационным чутьем и пониманием необходимости готовить себе достойную смену из числа молодежи. Школа – это когда в одной связке профессор и студент, доцент и аспирант и все учатся друг у друга, руководствуясь принципами высокой морали и нравственности. Иными словами научная школа – это мир особых взаимоотношений. В него могут попадать случайные люди, которые приходят сюда из карьеристских или каких-либо меркантильных соображений, но не они определяют микроклимат коллектива и долго задержаться в таком коллективе у них, как правило, не получается. Причем это касается любого типа научных школ, поскольку их фундаментальные критерии в основном совпадают, особенно в этическом и культурно-образовательном плане. К общим критериям научных школ, как уже было отмечено в предыдущих публикациях, мы относим:

- наличие лидера – ученого, организатора, педагога, чаще всего инициатора создания школы;
- разработку инновационных научных направлений, вызывающих общественный интерес и востребованность результатов;
- функционирование школы в достаточно длительном временном промежутке, позволяющем обеспечить преемственность поколений,

широкое вовлечение в научную работу творческой молодежи, в том числе и студентов;

- общественное и научное признание актуальности разрабатываемой проблематики;

- систематическая работа по подготовке кадров высшей квалификации, а также:

- деятельность аспирантуры и докторантуры;

- наличие специализированного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций;

- системное проведение научных конференций, семинаров, симпозиумов, привлекающих интересы известных ученых;

- наличие специализированного научного издания по исследовательскому направлению школы;

- публикация результатов научных исследований, проводимых в рамках научной школы, в специализированных отечественных и зарубежных журналах, прежде всего, включенных в наукометрические базы данных;

- публикация научных обзоров и ежегодных отчетов, включающих в себя конкретные сведения о приращении научных знаний и их практическом использовании (внедрении в практику) и, что особенно важно, данные о достижениях и научном росте начинающих исследователей (аспирантов, соискателей, магистров, студентов и даже школьников);

- подготовка и издание монографий, учебников и учебных пособий по исследуемым проблемам;

- широкая популяризация полученных научных результатов;

- наличие современной, постоянно обновляемой материально-технической базы и системная поддержка стейкхолдеров.

Однако помимо перечисленных выше обобщенных критериев научных школ, исследователи выделяют и специфические характеристики их различных типов. Так, в градации, данной в свое время М. Г. Ярошевским и принятой впоследствии многими авторами, выделено три типа таких школ: 1. научно-образовательная школа; 2. школа – исследовательский коллектив; 3. школа – как направление, приобре-

тающее при определенных социально-исторических условиях национальный, а иногда даже интернациональный характер [7, с. 102–105].

Первые два типа, по справедливому утверждению Т. Ю. Павельевой, отличаются от третьего тем, что имеют некую институциональную основу, хотя отличие первого от второго типов весьма условно. Если рассматривать каждую научную школу как коллектив людей, то с очевидностью проявится, что их деятельность нацелена не только на научные открытия, но и на трансляцию знаний, что тем самым предполагает и некую образовательную (обучающую) деятельность первоначально в рамках круга единомышленников. В таком смысле любая научная школа может рассматриваться как научно-образовательная. Но это будет широкий подход к трактовке указанного понятия.

Между тем, М. Г. Ярошевский, выделяя научно-образовательную школу отдельно, имел ввиду узкую трактовку понимания последней, а именно: в школах этого типа образовательная деятельность выступает базовым элементом, на котором и в связи с которым, собственно, и развивается исследовательская работа. Именно образовательная деятельность предполагает производство не только идей, как пишет О. Ю. Грезнева, но и людей, без которых невозможно сохранение традиций, передача «Эстафеты знаний», а тем самым и существование науки в качестве социально-исторической системы» [5, с. 44]. Для формирования научно-образовательной школы требуется некая институциональная основа, как правило, в виде, учебного заведения, выступающего ее организационным фундаментом (вуз, кафедра, лаборатория и т.п.).

Но в отличие от традиционных учебных заведений, на базе которых, как правило, создаются научно-образовательные школы, последние возникают не как институты социализации, предназначенные для трансляции культурного опыта, передачи накопленных знаний, а для решения конкретных, более узких и более сложных задач, выходящих за рамки учебных программ. Их цель – развитие научного знания, его последовательная трансляция, внедрение в практику и вхождение в культуру.

Любая научно-образовательная школа должна быть нацелена на

создание нового в науке. Сегодня именно в этом ее основное предназначение. Именно контекст открытия является здесь наиболее важным, определяющим. И, если научная школа ничем науку не обогащает и практикой ее выводы не востребуются, то можно сказать, что она вообще не состоялась. Поэтому изучение опыта становления и развития научно-образовательных школ, системы подготовки ними научно-педагогических кадров имеет исключительно важное значение.

Интересным представляется в этом смысле опыт научно-образовательной школы Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия», возникшей в конце 80-х годов прошлого века и за 30 лет своего существования породившей вокруг себя еще шесть дочерних школ, работающих над изучением общей проблемы развития образовательных систем в условиях трансформации общества, но по различным научным направлениям. Это история образования, философия образования, экономические проблемы развития современного образования, социология образования и т.п. [подробнее см. 2, с. 42–57].

При формировании научно-образовательной школы и ее дальнейшем успешном функционировании определяющую роль опять-таки играет личность ее основателя и научного руководителя. Его цель – создать коллектив единомышленников, увлеченных единой проблематикой, чья научная деятельность строится на разделяемых всеми входящими в данную школу принципах, сформировать научную культуру, включающую в себя нормативно-ценностную и коммуникационную составляющие. Принимаемые участниками группы ценностные установки и нормы такой научной культуры формируют общие базовые модели исследовательского поведения. Общность научной культуры выражается, в частности, в одинаковых представлениях о целях и способах организации исследовательской деятельности, а также о том, что может являться научным результатом; единых суждениях о рациональности и обоснованности. Приобщенность к единой культуре обеспечивает относительную легкость коммуникаций и отношения доверия между участниками группы.

Система коммуникаций обеспечивает формирование общего

языка, общих знаний и общих ожиданий, а также единое понимание стоящих перед группой задач и взаимных обязательств. Интенсивные коммуникации ученых, в том числе межличностное общение, создают основу для взаимного творческого обогащения, усиливают мотивацию поиска и преодоления («заражает бациллой творчества»), формируют питательную среду для развития креативных способностей, помогают преодолению психологических барьеров.

Ученики, прошедшие подготовку в такой школе в полной мере разделяют ее идеи, ценности и принципы, ее нравственные императивы. Главная задача этой школы не только передать знания, умения и навыки, наработанные в ее рамках, но и научить молодое поколение творчески мыслить, привить им – идущим на смену мэтрам, любовь к научному поиску.

Научно-образовательную школу как систему посвящения в науку, усвоения ее концептуального и методического аппарата, а также норм и ценностей научной культуры, существующую на базе образовательного учреждения, часто отождествляют с самим образовательным учреждением. Это не совсем точно. Образовательное учреждение может являться тем местом, где существовала или существует уникальная система подготовки будущих исследований, но первичной, безусловно, является сама система подготовки, воплощенная в конкретных выдающихся личностях (ученых и педагогах).

Исследователи, занимающиеся изучением феномена научно-образовательных школ, отмечают следующие черты, присущие таким школам [4, с. 16, 31–32]:

- развертывание перед слушателями картины достижений мировой науки в выбранной области знания;
- включение в идейно-теоретическую традицию;
- формирование методологических принципов исследования;
- создание у слушателей творческой мотивации – установки на самостоятельную разработку научных проблем;
- воспитание исследовательского стиля мышления.

Украина имеет давние и прочные научные традиции, мировые научные достижения и всемирно признанные научные школы, которые до сих пор, несмотря на целенаправленное их разрушение, пользуются

заслуженной мировой славой. Миру хорошо известны вузовские научные школы Киевского и Львовского университетов, школы ХПИ, ХАИ, фармацевтического, юридического, медицинского и, конечно, Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. Три лауреата Нобелевской премии: Лев Ландау, Илья Мечников и Саймон Кузнец – это подарок Харькова миру. Не много еще найдется на земле городов, которые могли бы похвастаться такими результатами своих научно-образовательных школ.

К сожалению, во многих украинских вузах, если судить по их официальным сайтам в Интернете, под термином «научная школа» чаще подразумевают «научное направление» и только изредка представлены именно научные школы с их историей становления, развития и современного состояния, с их «звездами» и реальными научными достижениями. Это, безусловно, негативное явление, поскольку в нынешних условиях вуз не может считаться полноценным, если в нем не ведутся системные научные исследования, как правило, концентрирующиеся именно в научных школах. Функционирование научных школ – это потребность науки, их значимость состоит в том, что они привязывают науку к реалиям жизни, имеют практический выход и обладают удивительным свойством вдохновлять молодежь, привлекать ее к высокой интеллектуальной деятельности. Но, к сожалению, к началу 80-х годов прошлого столетия они начали утрачивать свои научные позиции. В Украине, и в Харькове в том числе, начался процесс снижения «научного накала», разрушения научных школ и в первую очередь именно научно-образовательных.

Процесс этот к началу 90-х годов стал настолько очевидным и болезненным, что об этом стали говорить и писать, призывая к борьбе с кризисными явлениями в науке [8, с. 4].

Однако ситуация в стране и в мире не способствовала преодолению трудностей. Разрушение научных школ набирало обороты, резко усиливаясь и в 90-е годы и в первой четверти XXI столетия, достигнув к началу 20-х годов стадии фактически полного распада. Это касалось и многочисленных научно-исследовательских институтов и вузовских научных школ.

Причины этого лежали на поверхности, были понятны и поначалу

вполне преодолимы. Так, в 1992 году расходы на научную работу в Украине сразу сократились в восемь раз, что не могло не повлиять разрушительно на состояние научных школ [8, с. 4]. Ученые стали искать выход во внутренней и внешней эмиграции. Достаточно для подтверждения одной цифры: в 90-е годы прошлого столетия Украина ежегодно теряла до семи тысяч научных работников. И дело не только в неуклонном сокращении финансирования науки, дело, прежде всего, в невостребованности результатов труда ученых, снижении престижа науки и научной деятельности [9, с. 10].

Востребование интеллектуального потенциала – важнейший стимул его мобилизации и актуализации. Невостребованный потенциал увядает, теряет перспективу и погибает. Игнорирование этого элементарного положения отчетливо проявилось еще в советское время и, к сожалению, последовательно усугубляясь, сохранилось до наших дней, многократно усиливая эмиграционные настроения интеллектуальной элиты страны. Но если раньше страну покидали маститые ученые, создатели и руководители научных школ, которых на Западе ждали и принимали с распростертыми объятиями, то теперь уезжают студенты и даже школьники, рядовые преподаватели и сотрудники вузов.

Уезжает молодежь среднего уровня подготовленности, разрушается преемственность поколений – среднее звено вымывается, старшее поколение уходит, а молодежь бежит из страны, не всегда отчетливо понимая, чем это чревато и для нее и для страны в целом, не учитывая, что в другом мире они навсегда останутся чужаками, людьми второго сорта. «Наибольшее число среди тех, кто хочет переехать на постоянное место жительства за границу», – пишет академик В. П. Семиноженко, – «составляет молодежь в возрасте 18–35 лет (54%). Иногда у меня складывается впечатление, что делается все, чтобы за границу бежали самые толковые люди и работали бы на экономику других стран. Ведь сегодня главная ценность – это не золото, не промышленные активы, предприятия, оружие, а умные головы. А чтобы их привлечь, есть два варианта: создать хорошие условия в стране – реципиенте или невыносимые в стране – доноре, либо то и другое одновременно.

По опубликованным данным, украинцы уже входят в топ-5 получателей вида на жительство или гражданства в 10 из 28 стран Евросоюза. Одной только Польше удалось за счет украинцев возобновить рост трудоспособного населения в возрасте от 15 до 70 лет. За 2009–2016 годы оно увеличилось почти на миллион (до 30,6 млн чел.). А в Украине за это время, наоборот, снизилось на 6 млн, без учета Крыма и Донбасса.

Это уже даже не тенденция, эмиграция – это реальность, которая охватила наиболее активную часть украинского населения» [10, с. 2].

И усугубление этой ситуации всячески стимулируется в Украине. Подтверждение тому новый Закон Украины «Об образовании», принятый Верховной Радой в сентябре 2017 года и вызвавший негативную реакцию во всем цивилизованном мире, по многим показателям и, в первую очередь, по его разрушительному воздействию на систему образования и вузовские научные школы в том числе.

Любой вуз может быть полноценным только тогда, когда он четко определил свою дорогу, свою судьбу, свое собственное, только ему принадлежащее место в системе образования. А оно определяется, прежде всего, уровнем научной деятельности, авторитетностью научных школ. Теряя свои научные школы, учебное заведение очень рискует потерять себя. Причем, и это очень важно, можно идти за знаменем, можно идти под знаменем, а можно нести знамя вперед. Научная школа тогда полноценна, когда имеет свое собственное знамя и готова нести его вперед. Но такой уровень приходит не сразу и обеспечивается многими факторами в комплексе. Однако если этот уровень сознательно и планомерно на протяжении длительного времени разрушается, то мы рискуем потерять и ученых, и науку, и образование, которые в принципе не очень-то и нужны аграрной стране с дешевой рабочей силой.

И если в новом Законе Украины «Об образовании» планируется сокращение обязательных предметов в общеобразовательной школе с 22 до 9, вместо физики, химии, биологии, географии, астрономии будут создаваться интеграционные курсы «природа и человек», «человек и мир», языки и литературы сольются в единый предмет «словесность», а алгебра и геометрия вернутся в общий курс мате-

матики, в то время как учителей, способных работать по таким универсальным предметам, в стране вообще нет и в обозримом будущем не предвидится, то как иначе можно воспринимать требования Закона, кроме как подрыв образовательной системы Украины?

Еще одно важнейшее обстоятельство, подтверждающее рискованность нынешних правительственных решений для сохранения остатков научной деятельности в стране. Это положение о полной украинизации образования на всех уровнях, начиная от начальной школы. Учитывая, что терминология любого языка составляет около 80% его лексического запаса, говорить о полной украинизации преподавания в школах, вузах, аспирантуре, по меньшей мере, несерьезно. На сегодняшний день, например, отсутствует перевод на украинский язык большинства учебников по техническим и естественнонаучным дисциплинам для вузов. Не переведен, в частности, многотомник «Курса теоретической физики» Л. Д. Ландау, «Общей физики» А. И. Ахиезера и др.

Все сказанное и неслуханное выше при отсутствии даже самой элементарной моральной поддержки все еще существующих и пытающихся восстановить свой научный потенциал научных школ, и при этом процветающих коррупционных схем, позволяющих любому чиновнику получить не только вузовский диплом, но и степень кандидата или доктора наук и даже академика, свидетельствует о том, что Украина рискует навсегда не только утратить свой научный потенциал, но и превратиться в примитивное, деградирующее общество, таящее в себе опасность для окружающих.

Есть ли в современных условиях возможность затормозить процесс распада науки, вырождения, угасания научных школ? Во всех наших предыдущих публикациях мы пытались найти ответ на этот вопрос. И сегодня хотелось бы сформулировать следующий вывод.

Научно-образовательные школы порождаются внешними по отношению к самим школам факторами: спросом на результаты соответствующего вида деятельности, наличием сильной образовательной базы, благоприятной институциональной средой, способствующей развитию конкуренции, грамотной государственной политикой финансирования фундаментальных и прикладных исследований и т.д. Однако

превращение исследовательского коллектива в научную школу, способную не только к продуцированию новых знаний, но и к продуцированию новых исследователей, зависит во многом от личностных качеств ее лидера и типа внутренней культуры от общей ситуации в стране. Поэтому государственное управление наукой – это, прежде всего, создание благоприятных условий для ее развития. Попытка непосредственного «управления научной деятельностью» путем так называемой «концепции ресурсов», ведущей к трансформации сложившихся научных культур и ограничению конкуренции, способны разрушить уже сложившиеся школы без всякой гарантии возникновения новых.

Наличие такого феномена как научно-образовательная школа опровергает распространенную в настоящее время гипотезу о единственно правильном способе организации исследовательской деятельности – временные творческие коллективы, создаваемые и финансируемые на конкурсной основе, «под заказ» в первую очередь бизнеса. Наиболее мощным стимулом развития науки является творческий поиск (исследовательский интерес). Именно инициативные проекты, не имеющие, на первый взгляд, сиюминутной практической целесообразности, должны привлекать сегодня особое вынимание вузовской администрации и государственных органов и не только в плане финансовой или организационной помощи, но, и в первую очередь, в плане моральной поддержки, востребованности результатов, исключения коррупции и объективной оценки труда тех, кто еще готов трудиться на общее благо, во имя людей, во имя своего отечества.

Список литературы

1. Астахова В. И. Научная школа как социальный институт и педагогический феномен // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2001. – Т. 6, [ч. 2]. – С.163–168.
2. Научные школы: проблемы теории и практики : [моногр.] / В.И. Астахова и др. ; под общ. ред. В.И. Астаховой, Е.В. Астаховой ; Нар. укр. акад. – Харьков : Изд-во НУА, 2005. – 331 с.
3. Научная школа [Электронный ресурс] : [слов. ст.] // Википедия : свободная энцикл. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.
4. Научная школа как структурная единица научной деятельности /

Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г., Петров А.Г., Казанкин Р.В., Дмитриева М.Б. – М. : ЦЭМИ РАН, 2011. – 73 с.

5. Грезнева О. Ю. Научные школы : принципы классификации / О. Грезнева // Высш. образование в России. – 2004. – № 5. – С. 421–428.

6. Довбня П. Наукові школи та їх класифікація / П.І. Довбня, І.І. Доброскок // Гуманітар. вісник ДВНЗ «Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет ім. Г. Сковороди»: наук.-теор. зб. – Переяслав-Хмельницький, 2008. – Вип. 16. – С. 57–60.

7. Павельева Т.Ю. Генезис, сущность, отличительные особенности научно-образовательных школ / Павельева Татьяна Юрьевна // Социал.-полит. науки. – 2011. – № 1. – С. 102–105.

8. Астахова В. И. Академические научные школы в зоне риска: проблемы и пути их решения / Астахова В. И. // Новый Коллегиум. – 2018. – № 2. – С. 3–6.

9. КП в Украине. – 2018. – № 160/44. – С. 10.

10. Семиноженко В. П. Молодые активные граждане не видят своего места в нашей стране // Время. – 2017. – 26 октября (№118). – С. 2.

References

1. Astakhova, V. I. (2001). Nauchnaya shkola kak sotsial'nyy institut i pedagogicheskiy fenomen [The Scientific school as a social institution and pedagogical phenomenon]. *Vcheni zapiski Kharkivs'kogo humanitarnogo nstitutu «Narodna ukrains'ka akademniya»*. Kharkiv, 6(2), pp.163–168.

2. Astakhovoy, V. I., Astakhovoy, Ye. V. (ed.). (2005). *Nauchnyye shkoly: problemy teorii i praktiki [Scientific schools: problems of theory and practice]*. Khar'kov: Izd-vo NUA, 331 p.

3. Nauchnaya shkola [The Scientific school]. (n.d.). In: *Vikipediya: svobodnaya entsykl.* [online]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki> [Accessed 11 Oct. 2018].

4. Ustyuzhanina, Ye. V., Yevsyukov, S. G., Petrov, A. G., Kazankin, R. V., Dmitriyeva, M. B. (2011). *Nauchnaya shkola kak strukturnaya yedinita nauchnoy deyatel'nosti [The Scientific school as a structural unit of scientific activity]*. Moskva: TSEMI RAN, 73 p.

5. Grezneva, O. YU. (2004). Nauchnyye shkoly : printsipy klassifikatsii [The Scientific schools: principles of classification]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* , 5, pp. 421–428.

6. Dovbnya, P. (2008). Naukovi shkoly ta yikh klasyfikatsiya [Scientific schools and their classification] *Gumanitar. visnik DVNZ «Pereyaslav-Khmel'nits'kiy*

derzhavniy pedagogichniy universitet im. G. Skovorodi». Pereyaslav-Khmel'nits'kiy, 16, pp. 57–60.

7. Pavel'eva, T. Yu. (2011). Genezis, sushchnost', otlichitel'nyye osobennosti nauchno-obrazovatel'nykh shkol [Genesis, essence, distinctive features of scientific and educational schools]. *Sotsyal.-polyt. nauky*, 1, pp. 102–105.

8. Astakhova, V. I. (2018). Akademicheskiye nauchnyye shkoly v zone riska: problemy i puti ikh resheniya [Academic Scientific Schools in the Risk Zone: Problems and Ways of Their Decisions]. *New Collegium*, 2, pp. 3–6.

9. *KP v Ukraine [The Komsomol truth in Ukraine]*. (2018), 160/44, p.10

10. Seminozhenko, V. P. (2017). Molodyye aktivnyye grazhdane ne vidyat svoego mesta v nashey strane [Young active citizens do not see their place in our country]. *Vremya*, 118, p. 2.

УДК 378:004

<http://doi.org/10.5281/zenodo.3707796>*Е. В. Астахова*

**АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ОПЛОТ
ИННОВАЦИОННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА
К ЦИФРОВОЙ ЭПОХЕ:
СОВОКУПНЫЕ РИСКИ**

Статья посвящена анализу проблем трансформации кадрового корпуса современной высшей школы и тем изменениям, которые с ним происходили за последние 25 лет.

В основе – материалы, опубликованные в ежегодном издании «Вчені записки ХГУ «НУА». Именно они позволяют увидеть как менялся сам университетский преподаватель и какие риски для него возникали в течение четверти века.

Статьи автора в упомянутом издании дают представление – и это нашло отражение в предлагаемом исследовании – о глобальных, региональных и локальных подвижках, о серьезном влиянии экономической и политической конъюнктуры, о необходимости учета принципиально разного генезиса профессорской гильдии в отечественных и западноевропейских университетах.

Сделан вывод о том, что совокупные риски, перекраивающие достаточно основательно важнейший субъект образовательного процесса, коим является университетский преподаватель, по мере перехода к цифровой эпохе объективно будут только возрастать. И эта проблема не носит характера частного явления, присущего, например, только отечественному университету. Она – общая для всех мировых образовательных систем, хотя и проявляется, конечно, по-разному.

Автор акцентирует внимание на том, что не только образовательные системы (и, в первую очередь, их верхний эшелон – высшая школа), но отдельные регионы и даже университеты переживают период очень высокой диверсификации, скорости которой тоже постоянно возрастают. Это значит, что при анализе совокупных рисков есть необходимость учета особенностей и вариативности подходов к поиску ответов на вызовы не только отдельных систем, стран, регионов, но даже конкретных университетов.

Конечно, такие подходы не означают, что поиск общих маркеров нецелесообразен. Но стремление очертить общие тенденции и тренды не должно исключать учета тех особенностей, на которые обращено внимание в статье: резкий рост диверсификационных процессов, делающий необходимым анализ на глобальном уровне.

Выделяются риски, проявившиеся лишь в последние годы и связанные с наступлением т.н. цифровой эпохи, ускорившей и усложнившей и без того динамичные процессы в мире университета. Речь идет, в первую очередь, о риске существенных сокращений преподавателей и утраты ими университетской идентичности, характерной для высшей школы еще совсем недавно. А, во-вторых, о постоянном усложнении и изменении университетских «правил игры», что создает достаточно серьезное непонимание, неприятие и сопротивление со стороны университетского преподавателя.

Ключевые слова: университет, преподаватель, трансформация, риски, диверсификация, сокращения, непонимание, цифровизация, академическое управление, рейтингомания, экспонентальность развития.

Астахова К. В. Академічний оплот інноваційного університету в умовах переходу до цифрової епохи: сукупні ризики

Стаття присвячена аналізу проблем трансформації кадрового корпусу сучасної вищої школи і тим змінам, які з ним відбувалися за останні 25 років.

В основі – матеріали, опубліковані в щорічному виданні «Вчені записки ХГУ «НУА». Саме вони дозволяють побачити як мінявся сам університетський викладач і які ризики для нього виникали протягом чверті століття.

Статті автора в згаданому виданні дають уявлення – і це знайшло віддзеркалення в запропонованому дослідженні – про глобальні, регіональні і локальні переміщення, про серйозний вплив економічної і політичної кон'юнктури, про необхідність обліку принципово різного генезису професорської гільдії у вітчизняних і західноєвропейських університетах.

Зроблений висновок про те, що сукупні ризики, що перекроюють достатньо ґрунтовно найважливіший суб'єкт освітнього процесу, яким є університетський викладач, у міру переходу до цифрової епохи об'єктивно тільки зростатимуть. І ця проблема не носить характеру приватного явища, властивого, наприклад, тільки вітчизняному університету. Вона – загальна для всіх світових освітніх систем, хоч і виявляється, звичайно, по-різному.

Автор акцентує увагу на тому, що не тільки освітні системи (і, в першу

чергу, їх верхній ешелон – вища школа), але окремі регіони і навіть університети переживають період дуже високої диверсифікації, швидкості якої теж постійно зростають. Це означає, що при аналізі сукупних ризиків є необхідність обліку особливостей і варіативності підходів до пошуку відповідей на виклики не тільки окремих систем, країн, регіонів, але навіть конкретних університетів.

Звичайно, такі підходи не означають, що пошук загальних маркерів недоцільний. Але прагнення обкреслити загальні тенденції і тренди не повинно виключати обліку тих особливостей, на які обернено увагу в статті: різке зростання диверсифікаційних процесів, аналіз, що робить необхідним, на глобальному рівні.

Виділяються ризики, що виявилися лише останніми роками і пов'язані з настанням т.зв. цифрової епохи, що прискорила і ускладнила і без того динамічні процеси в світі університету. Йдеться, в першу чергу, про ризик істотних скорочень викладачів і втрати ними університетської ідентичності, характерної для вищої школи ще зовсім недавно.

А, по-друге, про постійне ускладнення і зміну університетських «правил гри», що створює достатньо серйозне нерозуміння, неприйняття і опір з боку університетського викладача.

Ключові слова: університет, викладач, трансформація, ризики, диверсифікація, скорочення, нерозуміння, цифровізація, академічне управління, рейтингomanія, експонентальність розвитку.

Astakhova Kateryna. The Academic Stronghold of the Innovative University under the Transition to the Digital Era: Cumulative Risks

The article analysis the issues of the transformation of the academic staff of modern higher education and the changes that it has undergone over the past 25 years.

The article draws on the materials published in the annual publication “Research Bulletin of Kharkiv University of Humanities “People’s Ukrainian Academy” that allow tracking the changes in the university teacher and the risks they have been facing over a quarter of a century.

The author’s articles in the above edition give an insight into the global, regional, and local developments; the dramatic impact of economic and political conditions; the need to take into account the fundamentally different conditions of the academic staff genesis in domestic and Western European universities. The above is clearly evidenced in the article.

The author arrives at the conclusion that the aggregate risks dramatically reshaping the university teacher as the key actor of the educational process are

objectively bound to increase with the transition to the digital era. The above challenge is far from being a speciality facing the domestic university alone; it's a challenge shared by the educational systems worldwide, although manifested in a variety of ways.

The author places a particular focus on the fact that both educational systems – with the higher school above all – and certain regions as well as universities are going through a period of high-scale diversification characterized by a continually increasing rate. Given the above, the analysis of aggregate risks is to cover the peculiarities and the variety of approaches to meeting the challenges facing not only individual systems, countries, or regions, but certain universities as well.

It stands to reason that such approaches do not mean that the search for common markers is impractical. However, the desire to outline general tendencies and trends should not rule out the consideration of the features pinpointed in the article – a sharp increase in diversification processes promoting a global-scale analysis.

The author draws attention to the risks that have emerged only in the recent years and are associated with the advent of the so-called digital era that has further accelerated and complicated the already dynamic processes in the university world. First of all, it refers to the risk of academic staff being made significantly redundant and losing their university identity inherent to higher education until recently. The next issue is the ongoing sophistication and change of the “rules of the game” for universities, which creates a grave misunderstanding, rejection and resistance on the part of the university teacher.

Key words: university, teacher, transformation, risks, diversification, redundancy, misunderstanding, digitalization, academic management, ranking mania, exponential development.

Достаточно редко возникает возможность, да и необходимость, разобраться в трансформации той или иной проблемы образовательного поля на протяжении длительного временного отрезка. А для современной жизни с ее предельно высокими скоростями период в четверть века представляется огромным. Особенно если измерять его не в годах – месяцах – неделях, а в изменениях, которые произошли.

Мир образования на рубеже веков изменился до неузнаваемости. Историки знают, что стык веков обычно более динамичен и насыщен событиями, нежели сами вековые отрезки. Так произошло и в конце XX – начале XXI веков: геополитические, социально-экономические,

технологические изменения кардинально ускорили привычный мир. Произошел, по меткому определению Иммануила Валлерстайна «Конец знакомого мира» [1], когда изменилось абсолютно все. Неизменными остались – и стали величиной постоянной – только сами изменения.

Этот тектонический период кардинально повлиял на все составляющие, казалось бы, такого традиционно-неизменного, образовательного поля. Цели, методы, средства, методологии, привычные центры мира образования, условия и источники финансирования, масштабы и объемы учебных программ и курсов, организационно-управленческие подходы, структура, роль, социальные функции и т. д., и т. п. Другие пришли студенты, другими стали выпускники, другие сложились формы взаимодействия внутри образовательных институтов и во вне. Конечно, совершенно другие характеристики преподавательского корпуса...

«Для университетов всего мира наступила тревожная эпоха. По мере того, как в последней четверти XX века перед ними возникали все новые и новые трудности, высшее образование утратило всякую устойчивость, которой оно некогда обладало. Поскольку запросы будут вряд ли снижаться, возвращение к некоему устойчивому состоянию вряд ли возможно» [2, с. 11].

Если с таких позиций рассматривать процессы, происходящие с профессорско-преподавательским составом университетов, то следует однозначно признать: профессор стал иным. И работает он в ином контексте. Конечно, «Ученые записки ХГУ «НУА» достаточно скромный источник аналитики для глобальных выводов о трансформациях высшего образования в целом и его кадровой составляющей в частности. Однако думается, все же есть основания анализировать публикации именно этого издания.

В самом кратком изложении эти основания, представляется, могут выглядеть так:

во-первых, издание без перерывов выходит на протяжении двадцатипятилетнего периода;

во-вторых, оно посвящено исключительно образовательной проблематике;

в-третьих, сборник принадлежит Харьковскому гуманитарному университету «Народная украинская академия», который:

- основан в самом начале активного периода реформ отечественного образования – в 1991 г., что позволило анализировать и описывать происходящие процессы в режиме реального времени;

- является инновационным научно-учебным комплексом, реализующим на практике модель непрерывного гуманитарного образования и включающим в себя структуры дошкольного, общеобразовательного и университетского секторов. Отсюда более широкий и менее традиционный подход к изучению образования как целостной системы;

- по своей организационно-правовой форме принадлежит к числу так называемых внебюджетных учебных заведений, которые отличались высокой динамикой развития, гибкостью и установкой на самоорганизацию и экспериментирование;

- на протяжении почти тридцати лет функционирует в среде Харьковского образовательного сообщества – признанного лидера системы образования Украины, СНГ, Восточной Европы;

- определил ключевым направлением своих научных интересов изучение образования в самых разных его аспектах и в течение двадцати пяти лет проводил социально-педагогический эксперимент по становлению модели Lifelong learning, получивший поддержку и признание в Украине и основательно «прописанный» в научной литературе.

Так или иначе, но на протяжении всего периода издания «Ученые записки» на их страницах публиковались статьи, посвященные состоянию, развитию и трансформации кадрового состава высшей школы. Первая статья из этого ряда увидела свет в 1996 г. [3, с. 66–71] и была посвящена, что естественно, вопросам подготовки преподавательских кадров для системы частного образования. Ключевыми акцентами публикации были утверждения о том, что частному сектору необходимы преподаватели, отличающиеся по основным своим характеристикам от традиционной отечественной модели и готовить их новые учебные заведения должны сами, опираясь при этом на традиции отечественных университетов.

Время показало, что определенных результатов в этом направлении университеты внебюджетного финансирования сумели достичь. Но системными такие отличия не стали. А к концу первых двух десятилетий нового века кадровая политика университетов приватной формы собственности и вовсе нивелировала особенности подготовки кадров «для себя». Причин тому множество. Но факт остается фактом. Расчет внебюджетного сектора на создание преподавательской когорты из числа собственных выпускников в полном объеме не оправдался. Академическая карьера в этот период утратила свою привлекательность.

В последующих томах «Ученых записок» изложение результатов исследования продолжилось. Всего опубликовано порядка двадцати статей, предмет исследования которых, используемая аргументация, статистические выкладки и фактаж в совокупности создают довольно любопытную картину, в которой четко прослеживается постепенный уход от акцентности на особенностях кадровой политики и кадровой работы в приватном образовательном секторе и ее смещение в сторону изучения проблем и аспектов, имеющих общие корни. В их числе: влияние глобализации, активное внедрение Болонского процесса, постоянный рост и диверсификация образовательных рисков, существенное изменение и расширение социальных функций высшего образования (и, соответственно, функций университетского преподавателя) [4].

Примерно с 2004–2005 года предметность исследований смещается по оси «предкризисность-кризис-системный кризис». Опубликованы статьи, связанные с переходностью процессов, влиянием посттравматического синдрома, вызванного сложными политическими коллизиями, формированием социокультурного межпоколенческого разрыва, ошутимо перекраивающего взаимоотношения основных субъектов образовательного процесса [5]. С 2015 г. (том 21) появляется проблематика, продиктованная наступлением эпохи цифровизации и связанными с этим тектоническими изменениями, протекающими не в привычном эволюционном ключе, а по экспоненте [6].

Интересно отметить, что аналогичная тематика, связанная с изу-

чением развития университетского кадрового потенциала, встречается и в других периодических изданиях, в монографической литературе, в квалификационных работах кандидатского и докторского уровней, в проблематике научных конференций. Постепенно происходит становление историографии этой научной проблемы, в исследовании которой заметен вклад «Ученых записок ХГУ «НУА», других публикаций Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» по «кадровому вопросу».

В качестве ремарки, представляется, необходимо отметить, что формирование историографической составляющей происходило крайне медленно. Подавляющее большинство отечественных публикаций носили несистемный характер, отличались некой дробностью и объяснимой по тем временам методологической разбросанностью, отсутствием валидной методологической базы.

Не хватает пока достаточных оснований для выводов, но на уровне гипотезы можно предположить, что именно к 2010–2019 годам историографию вопроса, методологию, характер, структуру публикаций по проблемам образования в целом и кадровому корпусу в частности, начинают оказывать влияние политические процессы.

В середине первого десятилетия XXI века ощутим «европейский след» в специальной литературе. После подписания Украиной в 2005 г. известной Болонской декларации, призванной стимулировать интеграцию европейских образовательных систем и, в конечном итоге, рынков труда, активный Болонский процесс, введение кредитно-модульной системы ECTS (European Community Course Credit Transfer System) – системы, призванной унифицировать способы измерения и сравнения учебных достижений и перевода из одного учебного заведения в другое, все эти новации сразу же подтолкнули специалистов к изучению публикаций европейских коллег и анализу адаптации Болонских договоренностей в отечественной высшей школе.

Примерно через десять лет, когда ориентиром для образовательных реформ становится северо-американская модель, вал публикаций, связанных с европейским опытом сокращается и в обиход активно входит переводная американская литература. Именно переводная,

ибо практика работы исследователей с англоязычной специальной литературой приживается достаточно медленно и значительная часть ученых «переключает» свое внимание на монографии и публицистику известных специалистов в области университетского образования США [7].

В этот же период сокращается использование российских источников и к 2019/20 учебному году они в историографической традиции изучения отечественного преподавательского корпуса высшей школы встречаются только эпизодически.

Хотя ситуация с разработкой проблематики кадрового потенциала университетского сектора образования сложилась в Российской Федерации иная. Силами НИУ «Высшая школа экономики (г. Москва), располагающей специальными исследовательскими структурами, занятыми изучением проблем высшего образования, сформировался авторитетный научный центр, регулярно издающий и собственные статьи, монографии, и переводную литературу [12]. В совокупности издания этого научного центра составляют значимый пласт современной историографической традиции.

Такие «разрывы» в знакомстве с исследованиями зарубежных коллег ощутили замедлили процесс становления историографии проблемы и сохраняют в ней определенные лакуны, ликвидация которых, представляется, займет еще достаточно много времени.

Среди авторов, публикующихся в Украине, определенный интерес представляют работы Е. Бойко [8], Е. Гришновой [9], И. Жовтой [10], А. Литвинюка [11].

Есть основания надеяться, что научная школа по изучению института образования, сложившаяся в Харьковском гуманитарном университете «Народная украинская академия» под руководством известного организатора и ученого, доктора исторических наук, профессора В. И. Астаховой, тоже вносит свой вклад в разработку проблем кадрового потенциала высшей школы. Ее научные конференции [66], многочисленные монографии и, конечно же, ежегодные «Ученые записки» дополняют общую историографическую картину и позволяют иметь на базе ХГУ «НУА» своеобразную экспертную площадку, создающую условия для обмена научными идеями, новыми

концептуальними подходами и результатами исследований.

Конечно, изучение образования превратилось в современных условиях в невероятно активную сферу, отследить в которой все публикации в формате реального времени – задача неразрешимая. Но, тем не менее, если опереться на «Ученые записки ХГУ «НУА», в плане анализа формирования историографии вопроса, то увидеть определенные тенденции и, говоря современным языком, маркеры, вполне возможно [см. подробнее – 13].

Иными словами «Ученые записки» за двадцать пять лет своего существования превратились не только в авторитетное университетское издание, вносящее определенный вклад в изучение образовательной проблематики, но и в своеобразный источник историографической информации, что в условиях сиюминутности и фрагментарности паутины, как ведущего ресурса информации, представляет определенную ценность.

Вихреобразные изменения трансформировали образовательное поле до неузнаваемости. Исчезла традиционная «башня из слоновой кости», которой ранее представлялся университетский сегмент образования, соответственно, сложились совершенно иные модели поведения внутренних и внешних стейкхолдеров, схемы взаимоотношений между ними. Университетский профессор стал иным.

Пытаясь проследить, опираясь на предыдущие статьи автора в сборнике «Ученые записки ХГУ «НУА», наиболее рельефные и знаковые изменения предмета исследования, представляется необходимым еще и еще раз вернуться к истории вопроса и напомнить: генезис явления имеет ощутимые отличия. Это не попытка за столбить «инаковость» и все проблемы и особенности объяснять исключительно с точки зрения принципа историзма. Скорее акцентуация внимания на необходимости учета этих особенностей. Подробнее исторический экскурс дан в статье «Формирование кадрового потенциала высшей школы: к истории вопроса» [14, с. 96–116].

В контексте современных процессов, протекающих в преподавательской среде и с преподавательской средой, нельзя не учитывать: иной генезис, а, следовательно, и реакция на происходящее иная. Впервые (в доступной автору литературе) внимание к этому аспекту

истории отечественного преподавательского корпуса было привлечено известным российским историком образования проф. Е. А. Вишленковой в коллективной монографии «Русские профессора. Университетская корпоративность или профессиональная солидарность» [15, с. 19].

В знакомых нам исторических реалиях университетская идея пробивала себе дорогу «сверху вниз». Первоначально это была классическая административно-бюрократическая модель, которая только с течением времени получила опору в виде общественной потребности. Этим, во многом, объясняется разная система взаимоотношений власти и профессорского сообщества... профессора отчетливо понимали, что без финансовых, административных и идеологических инвестиций правительства университет... существовать не может» [15, с. 21–22].

Ни в коей мере не возводя в абсолют процитированное, все же, думается, стоит учитывать историю вопроса, ибо и в дальнейшем она не отличалась ни эволюционностью, ни преемственностью: процессы шли по-разному.

Не удивительно, что реакция на изменения, вызовы и риски, «свалившиеся» в рассматриваемый период на университетского преподавателя, оказалась отличная. «Встряска» университетской преподавательской корпорации 1990-х годов и первых десятилетий XXI века, конечно же, ее ослабили и подорвали. Массовизация университетского сектора, ускоренное «перелицевание» отраслевых институтов в университеты, уходы кадровой преподавательской когорты из вузов, длительное недофинансирование с его далеко идущими последствиями [см. подробнее Я. Кузьминов – 16], развал единой советской высшей школы и создание новых национальных образовательных систем – все это и многое другое сделало профессорско-преподавательский корпус иным и количественно, и качественно.

Одно из наиболее явственно проступивших последствий этих изменений (но, конечно, далеко не единственное) – разрушение академического этоса и формирование поведенческих моделей, которые ранее в мире университета были и невозможны, и недопустимы.

Эти проблемы тоже находили свое отражение в предыдущих сборниках «Ученых записок ХГУ «НУА» [17]. Там же отмечалось, что изменения академической культуры на стыке веков – явление не уникальное и не только наше [18], но именно у нас они оказались самыми разрушительными. Академические моральные устои и рамки на столько «расширились», что практически перестали оказывать сколько-нибудь заметное влияние на поведенческие модели ключевых субъектов образовательного пространства.

Можно по-разному оценивать состояние кадрового корпуса высшей школы, но одно бесспорно – справиться с теми вызовами и рисками, которые генерируют новые политические и социально-экономические условия, будет непросто.

Однако следует учитывать: поиски ответов на постоянно возрастающие и усложняющиеся вызовы, осознавая остроту рисков для традиционного мира университета, ищут все образовательные системы.

Некоей пикантности добавляет то обстоятельство, что не только разные образовательные системы по-разному же формулируют адекватные ответы. В последнее десятилетие рельефно проступило переплетение глобального и локального: отличия на уровне регионов и отдельных университетов очень и очень заметны. Унификация ушла в прошлое. Диверсификация моделей и решений не позволяет даже их ответственно классифицировать.

Конечно, сказанное никак не свидетельствует о невозможности поиска общих черт, подходов и трендов/маркеров. Искать сегодня ответы в одиночку и принимать сегментированные решения – это путь в никуда.

Инновационная среда требует осмысления и инновационных же решений. Да, предыдущий опыт и использование чьих-то, пусть даже самых передовых, кейс-стади подходов, практически не работают. Но изучение лучших практик и поиск, в опоре на них, точек роста, представляется разумной траекторией движения.

Даже элементарное перечисление рисков, которым подвергается сегодня традиционный университет, заняло бы достаточно много времени и места. Тем более, что число таких рисков возрастает в гео-

метрической прогрессии. Но кадровые риски, представляется, занимали бы в любом рейтинге первую позицию. Ведь кроме всего прочего, университетский преподаватель впервые оказался в ситуации, когда он и учит, и учится одновременно. При этом привычная для него роль «истины в последней инстанции» ушла в прошлое.

В широко известном исследовании Бертон Р. Кларка «Создание предпринимательских университетов» выделено пять общих черт инновационных университетов, среди которых – создание, развитие и стимулирование «академического оплота» (определение автора) [19] без поддержки и включенности которого никакие образовательные реформы невозможны.

Профессорско-преподавательский корпус современного университета подвержен сегодня серьезной «рисковой» перегрузке. Риски не только изменились, но и переплелись, взаимно дополняя друг друга.

Среди наиболее емких (и новых) групп рисков, безусловно, стоит выделить две. Это, во-первых, риски связанные с тотальной рейтингоманией, которая влияет на деятельность университетского преподавателя и университета в целом достаточно серьезно. И, конечно же, наступление т. н. цифровой эпохи, динамично перекраивающей образовательные процессы.

Авторитетный специалист в области организации и управления высшей школой проф. М. Юдкевич отмечает, что прежняя организация кадровой работы в вузах срабатывать уже не может. Ее нивелируют и вынуждают постоянно видоизменять многие университетские новации. В их числе – тотальная увлеченность образовательного сообщества и общества в целом, рейтингами, которые требуют кардинального изменения подходов и критериев оценки труда преподавателя. В первую очередь в части его научно-исследовательской деятельности, т. к. рейтинговые правила учитывают сегодня лишь те научные результаты, которые опубликованы исключительно в высокоиндексируемых изданиях.

Постоянно меняющиеся условия протекания образовательной деятельности и ее организации ставят под угрозу возможность сохранения стабильного кадрового потенциала, особенно его ядра, того самого академического оплота, который являет собой основу универ-

ситетского этоса и способен инициировать новации.

Наступает ментальный предел, когда люди перестают разбираться в правилах, которые, казалось бы, должны регулировать ... процессы. Как следствие – появляются мифы и ложные толкования университетских правил и порядков, что усиливает недовольство и ускоряет центробежные процессы [20].

Невосприятие университетских правил и норм, настороженность по отношению к перманентным изменениям формируют напряжение в преподавательской среде, снижают лояльность. Непонимание (и неприятие) внутрисистемных процессов и требований не позволяет преподавателю осознанно включаться в реализацию новаций, в генерирование и осуществление прорывных решений и технологий. Возникает игнорирование изменений и своеобразный их саботаж.

Риск игнорирования и отторжения усиливается еще из-за постоянного стресса, в котором находится значительная часть преподавательского корпуса. Стресса, провоцируемого целым комплексом причин, в первую очередь, неготовностью к ежедневным изменениям, которые стали нормой. Подавляющее большинство преподавателей высшей школы начинало свою профессиональную деятельность в принципиально иных условиях. Отсюда – тяга к стабильности и предсказуемости, которые ушли и из образования, и из жизни. Для студентов хаотичности происходящего и утрата привычной повседневности – норма, не вызывающая напряжения. Для преподавателя – напротив, адаптация к ежедневным тектоническим подвижкам, непониманию и неуспеванию – источник депрессивных настроений и реакций.

Как результат – формирование еще одного крайне болезненного межпоколенческого отличия, порождающего и усиливающего социокультурный разрыв (см. подробнее в «Ученых записках ХГУ «НУА», тт. 20, 21–21].

Практически на наших глазах, в течение буквально десяти-двенадцати лет, происходит процесс утраты привычных связей «университет-преподаватель». Диверсификация университетов ощутимо подтолкнула аналогичные тенденции и внутри преподавательской гильдии [23, с. 167]. Если раньше зависимость преподавателя от университета

была более явной и осязаемой, то в отечественной практике «смена зависимостей» происходит очень динамично. Чем дальше, тем больше университеты становятся зависимы от качественных характеристик, социальной активности, профессиональных контактов и международного признания своих преподавателей. «Охота за головами» при этом приобретает характер очень острый, порой конфликтный.

Переход к цифровой эпохе с ее экспонентальной динамикой изменений только осложняет эти процессы. Более того, тенденции, порождаемые внедрением массовых открытых онлайн курсов, высоким уровнем академической мобильности и активной интернационализацией образования могут спровоцировать существенные сокращения численности университетских преподавателей. И речь идет не о конкретных странах или университетах. Упомянутый риск, судя по всему, имеет характерные черты всеобщего.

«Вполне возможно ускорение движения преподавательского состава к внеинститутским формам контактов и связей: этот процесс начался с профессионализации академических дисциплин в конце XIX века, когда преподаватели стали считать себя не столько членами сообщества конкретного колледжа или университета, сколько, скорее, разбросанными по разным географическим территориям, профессионалами» [23, с. 167–168].

Аналогичная тревога, кстати, прочитывается и в монографии уже упоминавшейся Е. А. Вишленковой, которая анализирует внутренние процессы современного университетского сообщества [24, с. 19].

Усиление тенденций, направленных на развитие внеуниверситетских контактов в совокупности с реальной угрозой серьезных сокращений создает интересный, хотя и опасный, комплексный риск дальнейшего размывания, университетского преподавательского сообщества. Особенно в тех образовательных системах где сильна регионализация и неоднородность образовательных институций. При этом механизмы перетекания, перемещения высоко профессиональных кадров пока не очень отработаны.

У. Боуэн отмечает: академическое управление требует быстрой и системной трансформации. Если этого не произойдет, то самые

востребованные профессионалы просто «сойдут с корабля» и перейдут в свободное плавание, используя свой статус онлайн знаменитостей, успешно функционирующих в режиме набирающего сил фриланса. Интересно, кстати, ремарка автора относительно полного игнорирования этого риска как самим профессиональным сообществом, так и управленческими структурами [23, с. 169].

Уильям Г. Боуэн анализирует риски для североамериканских университетов. Однако при всех существенных отличиях наших образовательных систем, думается, упомянутый им риск нельзя игнорировать.

Природа «свободного плавания» и динамичных перемещений из университета в университет, безусловно, у нас разная. Однако риски многократного совместительства и частой смены университетов, представляется, это сегодня осязаемая угроза качеству образовательного процесса в отечественной высшей школе. Организация и график учебного процесса не позволяют пока преподавателю официально переходить на фриланс или безболезненно выполнять свои функции в 2–3-х (а иногда и более) учебных заведениях. Результат – «по Боуэну» – уход из системы, отрыв от университета, перемещение в статус «онлайн звезды» или сетевого гуру, что с реальным профессионализмом, зачастую, имеет мало общего.

В сложившихся условиях, представляется, нельзя уповать на простые решения. При постоянном усложнении жизни простые решения губительны. Важно искать и апробировать модели управления университетом, которые бы позволяли сохранять и развивать академическое общество, делать академическую карьеру привлекательной. При всех трансформациях непреходящая ценность диалога и живого интеллектуального общения ничем пока заменена быть не может.

Новые технологии лишь средства, не цель. Их применение дополняет, а не заменяет. Поиск адекватных ответов на новые риски, конечно же, сложен, утомителен, ресурсозатратен. Но мир университета, уже в который раз вынужден «изобретать себя». Академический оплот, как сердцевина любого инновационного университета, похорошему, тоже «обречен» на «изобретение себя» снова и снова.

Важно только при этом не потерять ориентиры. Главным из которых, представляется, остается человек.

Список литературы

1. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / И. Валлерстайн; [пер. с англ. под ред. В. И. Иноземцева]. – М. : Логос, 2004. – 368 с.
2. Кларк Б. Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации : научн. изд. / Бертон Р. Кларк; пер. с англ. Артема Смирнова; [Гос. ун-т – Высш. шк. экономики]. – М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2011. – 238 с. – (Теория и практика образования).
3. Астахова Е. В. Подготовка преподавательских кадров в системе частного образования: первое приближение к проблеме // Учен. зап. Харьк. гуманитар. ин-та «Нар. укр. акад.». – 1996. – Т. 2. – С. 66–71.
4. Астахова Е. В. Интеллигенция в кризисном социуме: (к истории вопроса) / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ін-ту «Нар. укр. акад.». – 1998. – Т. 4. – С. 17–31.
5. Астахова Е. В. Кадровая политика частной высшей школы: стратегия и тактика / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ін-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 1999. – Т. 5. – С. 7–26.
6. Астахова Е. В. Социальные функции высшего образования: эволюционные процессы на рубеже веков / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ін-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2000. – Т. 6. – С. 24–40.
7. Астахова Е. В. Интеллигенция на рубеже столетий: к вопросу о перспективах / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2001. – Т. 6-П. Громадянськість інтелігенції: шляхи формування у кризовому суспільстві. – С. 13–14.
8. Астахова Е. В. Кадровый потенциал высшей школы Украины: тенденции рубежа XX-XXI веков / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ін-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2001. – Т. 7. – С. 81–100. – Библиогр.: с. 100 (20 назв.).
9. Астахова К. В. Організаційна-виховна робота в приватному ВНЗ / К. В. Астахова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2002. – Т. 8, кн. 1. – С. 64–75.
10. Астахова Е. В. Формирование кадрового потенциала высшей школы: к истории вопроса / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – 2003. – Т. 9. – С. 96–116. – Библиогр.: с. 116 (8 назв.).
11. Астахова Е. В. Кадровый потенциал высшей школы: историография

проблеми / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2004. – Т. 10. – С. 38–60. – Бібліогр.: с. 53–59 (73 назв.).

12. Астахова Е. В. Болонский процесс : варианты подходов / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2005. – Т. 11. – С. 44–53. – Бібліогр.: с. 53 (8 назв.).

13. Астахова К. В. Служіння Вітчизні та обов'язку: нариси про життя і діяльність ректорів харківських ВНЗ (1805 – 2004 рр.) / К. В. Астахова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2005. – Т. 11. – С. 675–677.

14. Астахова Е. В. Глобализация. Образование. Вызовы времени. Поиск оптимального сочетания / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2006. – Т. 12. – С. 27–39. – Бібліогр.: с. 38–39 (6 назв.).

15. Астахова Е. В. Приватная высшая школа Украины на пути инноваций / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2006. – Т. 12. – С. 745–746.

16. Астахова Е. В. Кредитно–модульная система и учебная нагрузка преподавателя: корреляция взаимоотношений / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2007. – Т. 13, кн. 1: Актуальні проблеми освіти. – С. 61–69. – Бібліогр.: с. 67–68.

17. Астахова Е. В. XIV Международная студенческая конференция «Система образования Украины в условиях глобализации: состояние и прогнозы» [21 апр. 2007 г., ХГУ «НУА»] / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2007. – Т. 13, кн. 1: Актуальні проблеми освіти. – С. 264–265.

18. Астахова Е. В. Преподавательский корпус высшей школы Украины: готовность к работе в принципиально новых условиях / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2008. – Т. 14. – С. 21–29. – Бібліогр.: с. 27–28 (16 назв.).

19. Астахова Е. В. Роль студенческого союза в организации научно–исследовательской работы университета : [из опыта ХГУ «НУА»] / Е. В. Астахова, О. А. Гонца // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2008. – Т. 14. – С. 70–76.

20. Астахова Е. В. Ученые записки магистров НУА / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харк. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2010. – Т. 16. – С. 467.

21. Астахова Е. В. Университетский преподаватель в условиях перехода в life-long learning: точка бифуркации пройдена / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2012. – Т. 18, кн. 1 : Освіта: традиції та інновації в умовах соціальних змін. – С. 9–15. – Бібліогр.: с. 15 (9 назв.).

22. Астахова Е. В. Новый формат научного форума (Международная научно–практическая Интернет–конференция «Украинско–американские контакты в сфере высшего образования: опыт и перспективы развития») / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2012. – Т. 18, кн. 1 : Освіта: традиції та інновації в умовах соціальних змін. – С. 353–355.

23. Астахова Е. В. Университетская идея в контексте развития глобальной истории / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2012. – Т. 18, кн. 1 : Освіта: традиції та інновації в умовах соціальних змін. – С. 382–386.

24. Астахова Е. В. Высшее образование Украины в зеркале аналитики : (рец. на мониторинг. исслед. междунар. благотворит. фонда «Міжнар. Фонд дослідж. освіт. політики» – «Входження національної системи вищої освіти в європейський простір вищої освіти і наукового дослідження». Київ, 2012) / Е.В. Астахова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2014. – Т. 20. – С. 515–518.

25. Астахова Е. В. Высшая школа Украины в рамках посттравматического синдрома: проблема восстановления социального доверия / Е. В. Астахова / // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2015. – Т. 21. – С. 9–16. – Бібліогр.: с. 16 (6 назв.).

26. Астахова Е. В. Модель непрерывного образования: подходы и особенности ХГУ «НУА» (ретроспективный анализ) / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2016. – Т. 22. – С. 7–28.

27. Астахова Е. В. Кадровый потенциал современных образовательных систем: состояние и перспективы / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2016. – Т. 22. – С. 509–511.

28. Астахова Е. В. Вклад НУА в развитие образовательных процессов в Украине: наработки первого двадцатипятилетия / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2017. – Т. 23. – С. 11–25.

29. Астахова Е. В. Партнерство ради будущего : [рец. на кн.] Партнерство ради будущего : моногр. / под общ. ред. д-ра ист. наук., проф. Е. В. Астаховой ; Нар. укр. акад. – Харьков, 2016. – 236 с. / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2017. – Т. 23. – С. 533–536.

30. Астахова Е. В. Образовательные риски: опыт функционирования НУА / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [редкол.: К. В. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків, 2018. – Т. 24. – С. 9–21.

31. Астахова Е. В. Концептуальные основы развития народной украинской академии в условиях неопределенности / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харків.

гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [редкол.: К. В. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків, 2019. – Т. 25. – С. 9–19.

32. Астахова Е. В. Смарт-образование в смарт-обществе: возможные пути адаптации. XVII международная научно-практическая конференция (14 февраля 2019 г.) / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [редкол.: К. В. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків, 2019. – Т. 25. – С. 383–385.

33. Астахова Е. В. Вот это – Харьков! : [рец. на кн.] Академическая среда второй половины XX века: харьковский контекст : моногр. / Нар. укр. акад. ; под общ. ред. Е. В. Астаховой. – Харьков : Изд-во НУА, 2018. – 302. / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [редкол.: К. В. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2019. – Т. 25. – С. 406–408.

34. Альтбах Ф. Глобальные перспективы высшего образования : научн. изд. / Ф. Альтбах. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2016. – 548 с.

35. Бок Д. Университеты в условиях рынка : коммерциализация высш. образования / Дерек Бок ; пер. с англ. Сергея Карпа ; [Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики»]. – М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2012. – 223 с.

36. Академический инбридинг и мобильность в высшем образовании : глобальные перспективы / под ред. М.М. Юдкевич, Ф.Дж. Альтбаха ; под науч. ред. М.М. Юдкевич ; отв. ред. Н.М. Халатянц ; Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики». – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2016. – 328 с.

37. Бойко С. Підготовка кадрів в Україні: сучасний стан та напрямки вдосконалення фінансового забезпечення вищих навчальних закладів / С. Бойко // Фондовий ринок. – 2000. – № 17. – С. 28–20.

38. Грیشнова О. А. Людський капітал: формування в системі освіти і професійної підготовки / О. А. Грیشнова. – Київ : Знання, 2001. – 254 с.

39. Жовта І. Якість науково-педагогічних кадрів вищої школи України / Ірина Жовта // Вища шк. – 2003. – № 4/5. – С. 22–30.

40. Литвинюк О. І. Наукові кадри: конкурентоспроможна якість, а не процес і форма / О. І. Литвинюк // Бюлетень ВАК України. – 2004. – № 2. – С. 4–9.

41. Кузьминов Я. Наши университеты / Кузьминов Я. // Высш. образование сегодня. – 2007. – № 10. – С. 9–15.

42. Любимов Л. Л. Угасание образовательного этоса / Л. Л. Любимов // Вопр. образования. – 2009. – № 1. – С. 199–200.

43. Массовое высшее образование. Триумф БРИК? / М. Карной, П. Лоялка, М. Добрякова и др. ; пер. с англ. : М. Добрякова, Л. Пирожкова ;

[Гос. ун-т – Высш. шк. економіки]. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2014. – 526 с.

44. Астахова Е. В. Кадровый потенциал высшей школы: историография проблемы / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.» – Харків, 2004. – Т. 10. – С. 38–60. – Бібліогр.: с. 53–59 (73 назв.).

45. Астахова Е. В. Формирование кадрового потенциала высшей школы: к истории вопроса / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.» – 2003. – Т. 9. – С. 96–116. – Бібліогр.: с. 116 (8 назв.).

46. Вишленкова Е. А. Русские профессора : университетская корпоративность или профессиональная солидарность / Е. А. Вишленкова, Р. Х. Галиуллина, К. А. Ильина ; Ин-т гуманит. ист.-теорет. исслед. им. А. В. Полетаева, НИУ высш. шк. економіки. – Москва : Нов. лит. обозрение, 2012. – 648, [1] с. : портр. – (История науки).

47. Кузьминов Я. Наши университеты / Кузьминов Я. // Высш. образование сегодня. – 2007. – N 10. – С. 9–15.

48. Астахова Е. В. Преподавательский корпус высшей школы Украины: готовность к работе в принципиально новых условиях / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.» – Харків, 2008. – Т. 14. – С. 21–29. – Бібліогр.: с. 27–28 (16 назв.).

49. Астахова Е. В. Роль студенческого союза в организации научно-исследовательской работы университета : [из опыта ХГУ «НУА»] / Е. В. Астахова, О. А. Гонца // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.» – Харків, 2008. – Т. 14. – С. 70–76.

50. Астахова Е. В. Университетский преподаватель в условиях перехода общества к инновационной экономике: векторы изменений / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харк. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» – Харків, 2010. – Т. 16. – С. 22–31. – Бібліогр.: с. 30–31 (17 назв.).

51. Астахова Е. В. Ученые записки магистров НУА / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харк. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» – Харків, 2010. – Т. 16. – С. 467.

52. Астахова Е. В. Университетский преподаватель в условиях перехода в life-long learning: точка бифуркации пройдена / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.» – Харків, 2012. – Т. 18, кн. 1 : Освіта: традиції та інновації в умовах соціальних змін. – С. 9–15. – Бібліогр.: с. 15 (9 назв.).

53. Астахова Е. В. Новый формат научного форума (Международная научно-практическая Интернет-конференция «Украинско-американские контакты в сфере высшего образования: опыт и перспективы развития») / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.» – Харків, 2012. – Т. 18, кн. 1 : Освіта: традиції та інновації в умовах соціальних змін. – С. 353–355.

54. Астахова Е. В. Университетская идея в контексте развития глобальной истории / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2012. – Т. 18, кн. 1 : Освіта: традиції та інновації в умовах соціальних змін. – С. 382–386.

55. Астахова Е. В. Образовательные риски: опыт функционирования НУА / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». / [редкол.: К. В. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2018. – Т. 24. – С. 9–21

56. Леонтьева Э. Неформальные отношения в сфере высшего образования (из опыта международных исследований коррупции) / Э. Леонтьева // Высш. образование в России. – 2008. – № 3. – С. 99–107. – Библиогр.: с. 107 (12 назв.).

57. Николаев С. Уязвимые сферы деятельности вуза в свете антикоррупционной политики государства / Николаев С. // Экономика образования. – 2011. – № 1. – С. 33–38.

58. Федоренко Л. П. «Теневые» отклонения в вузе: грани проблемы / Л. П. Федоренко // Социологические исследования. – 2005. – № 10. – С. 62–63.

59. Хайнеман Р. С. Образование и коррупция / Стефан Р. Хайнеман // Высш. образование сегодня. – 2006. – № 5. – С. 32–37.

60. Кларк Б. Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации : научн. изд. / Бертон Р. Кларк ; пер. с англ. Артема Смирнова ; [Гос. ун-т – Высш. шк. экономики]. – М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2011. – 238 с. – (Теория и практика образования)

61. Юдкевич М. М. Рейтинговая лихорадка: как университетской кадровой политике устоять против рейтингового вируса? [Электронный ресурс] : доклад на II Всерос. конф. «Кадровые резервы университетов» 13 ноябр. 2016 г. // YouTube : [видеохостинг]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/playlist?list=PLAMkBgBTBRmgIO63WBXhhP_Fc4H3U1r3O.

62. Астахова Е. В. Высшее образование Украины в зеркале аналитики : (реп. на мониторинг. исслед. междунар. благотворит. фонда «Міжнар. Фонд дослідж. освіт. політики») – «Входження національної системи вищої освіти в європейський простір вищої освіти і наукового дослідження». Київ, 2012) / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2014. – Т. 20. – С. 515–518.

63. Астахова Е. В. Высшая школа Украины в рамках посттравматического синдрома: проблема восстановления социального доверия / Е. В. Астахова / Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2015. – Т. 21. – С. 9–16. – Библиогр.: с. 16 (6 назв.).

64. Боуэн У. Высшее образование в цифровую эпоху : научное издание / Уильям Г. Боуэн. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2018. – 222 с.

65. Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов : [моногр.] / Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики», Ин-т гуманитар. ист.-теорет. исслед. им. А.В. Полетаева ; под общ. ред. Е. А. Вишленковой, И. М. Савельевой. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2013. – 386 с.

66. Материалы ежегодных Международных научно-практических конференций [по проблемам образования в Харьковском гуманитарном университете «Народная украинская академия»] : [Электронный ресурс] // Электронный архив ХГУ «НУА». – Харьков : Изд-во НУА. – Режим доступа: <http://dspace.nua.kharkov.ua/jspui/handle/123456789/22>.

References

1. Vallerstaysn, I. (2004). *Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka* [The end of the familiar world: Sociology of the 21st century]. Moskva: Logos, 368 p.

2. Klark, B. R. (2011). *Sozdaniye predprinimatel'skikh universitetov: organizatsionnyye napravleniya transformatsii* [The creation of the enterprising universities: organizational trends in transformation: scientific study]. Moskva: Izdat. dom Vyssh. shk. ekonomiki, 238 p.

3. Astakhova, E. V. (1996). Training of teachers in the system of private education: the first approximation to the problem [Training of the educational personnel in the system of private education: the first approach to the problem]. *Uchen. zap. Kharkiv. humanitarian. inst. «Nar. Ukrainian Acad.»*, vol. 2, pp. 66–71.

4. Astakhova, E. V. (1998). The intelligentsia in crisis society: (on the history of the issue) [The intellectuals in the society in crisis: (to the history of the problem)]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho institutu «Narodna ukrayinska akademiya»*. Kharkiv, vol. 4, pp. 17–31.

5. Astakhova, E. V. (1999). Kadrovaya polityka pryvatnoy vysshey shkoly: startehyya y taktyka [Personnel policy of the private high school: strategy and tactics]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho institutu «Narodna ukrayinska akademiya»*. Kharkiv, vol. 5, pp. 7–26.

6. Astakhova, E. V. (2000). Sotsyal'nye funktsyy vyssheho obrazovannya: йvoluyutsyonnye protsessy na rubezhe vekov [Social functions of higher education: evolutionary processes at the turn of the centuries]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho institutu «Narodna ukrayinska akademiya»*. Kharkiv, vol. 6, pp. 24–40.

7. Astakhova, E. V. (2001). Yntel'lyhentsyya na rubezhe stoletyy: k voprosu o perspektyvakh [The intellectuals at the turn of the centuries: to the question about perspectives]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 6-II, pp. 13–14.

8. Astakhova, E. V. (2001). Kadrovyy potentsyal vysshey shkoly Ukrainy: tendentsyy rubezha XX-XXI vekov [Personnel potential of Ukrainian high schools: tendencies of the turn of the 20th – 21st centuries]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 7, pp. 81–100.

9. Astakhova, E.V. (2002). Orhanizatsiyna-vykhovna robota v pryvatnomu VNZ [Organizational and educational work in the private institute of higher education]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 8, b.1, pp. 64–75.

10. Astakhova, E. V. (2003). Formirovaniye kadrovogo potentsiala vysshey shkoly: k istorii voprosa [The formation of the personnel potential of the high school: to the history of the problem]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 9, pp. 96–116.

11. Astakhova, E. V. (2004). Kadrovyy potentsial vysshey shkoly: istoriografiya problemy [Personnel potential of the high school: historiography of the problem]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 10, pp. 38–60.

12. Astakhova, E. V. (2005). Bolonskiy protsess : varianty podkhodov [Bologna process : the variants of the approaches]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 11, pp. 44–53.

13. Astakhova, E. V. (2005). Sluzhinnya Vitchyzni ta obov'язku: narysy pro zhyttya i diyal'nist' rektoriv kharkivs'kykh VNZ (1805 –2004) [The service to the Motherland and duty: sketches about the life and activity of Kharkiv institutes of higher education principals' (1805–2004)]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 11, pp. 675–677.

14. Astakhova, E. V. (2006). Globalizatsiya. Obrazovaniye. Vyzovy vremeni. Poisk optimal'nogo sochetaniya [Globalization. Education. Time challenges. The search of the optimal combination]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 12, pp. 27–39.

15. Astakhova, E. V. (2006). Privatnaya vysshaya shkola Ukrainy na puti innovatsiy [Ukrainian private high school on its way to innovations]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol.12, pp. 745–746.

16. Astakhova, E. V. (2007). Kreditno-modul'naya sistema i uchebnaya nagruzka prepodavatelya: korrelyatsiya vzaimootnosheniy [The credit-unit system and the

teacher's teaching load: correlation of the relationships]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 13, b. 1, pp. 61–69.

17. Astakhova, E. V. (2007). XHV Mezhdunarodnaya studencheskaya konferentsiya «Sistema obrazovaniya Ukrainy v usloviyakh globalizatsii: sostoyaniye i prognozy» [XIV International student conference «Ukrainian system of education in the conditions of the globalization process: its condition and predictions»]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 13, b. 1, pp. 264–265.

18. Astakhova, E. V. (2008). Prepodavatel'skiy korpus vysshey shkoly Ukrainy: gotovnost' k rabote v printsipial'no novykh usloviyakh [The teaching staff of Ukrainian high school: readiness to work in generally new conditions]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 14, pp. 21–29.

19. Astakhova, E. V., Gontsa, O. A. (2008). Rol' studencheskogo soyuza v organizatsii nauchno-issledovatel'skoy raboty universiteta : [iz opyta KHGU «NUA»] [The role of the students union in the organization of the academic research work of the university: [from the experience of Kharkiv University of Humanities «People's Ukrainian Academy»]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 14, pp. 70–76.

20. Astakhova, E. V. (2010). Uchenyye zapiski magistriv NUA [Master students' scientific notes in People's Ukrainian Academy]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 16, p. 467.

21. Astakhova, E. V. (2012). Universitetskiy prepodavatel' v usloviyakh perekhoda v life-long learning: tochka bifurkatsii pryodena [The university teacher in the conditions of the transference to life-long learning: the point of bifurcations is overcome]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 18, b. 1, pp. 9–15.

22. Astakhova, E. V. (2012). Novyy format nauchnogo foruma (Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya Internet-konferentsiya «Ukrainsko-amerikanskiye kontakty v sfere vysshego obrazovniya: opyt i perspektivy razvitiya») [The new format of the scientific forum (International scientific – practical Internet conference «Ukrainian – American contacts in the field of higher education: experience and perspectives of the development»)]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 18, b. 1, pp. 353–355.

23. Astakhova, E. V. (2012). Universitetskaya ideya v kontekste razvitiya global'noy istorii [The idea of University in the context of the development of the global history]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 18, b. 1, pp. 382–386.

24. Astakhova, E. V. (2014). Vysshee obrazovanye Ukrainy v zerkale analytyky [Ukrainian higher education from the perspective of analytics]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 20, b. 1, pp. 515–518.

25. Astakhova, E. V. (2015). Vysshaya shkola Ukrainy v ramkakh posttravmaticheskogo sindroma: problema vosstanovleniya sotsial'nogo doveryiya [Ukrainian high school in the boundaries of posttraumatic syndrome: the problem of the revival of the society's trust]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 21, pp. 9–16.

26. Astakhova, E. V. (2016). Model' nepreryvnogo obrazovaniya: podkhody i osobennosti KHGU «NUA» (retrospektivnyy analiz) [The model of life-long learning: the approaches and peculiarities of Kharkiv University of Humanities «People's Ukrainian Academy» (retrospective analysis)]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 22, pp. 7–28.

27. Astakhova, E. V. (2016). Kadrovyy potentsial sovremennykh obrazovatel'nykh sistem: sostoyaniye i perspektivy [Personnel potential of modern educational systems: conditions and perspectives]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 22, pp. 509–511.

28. Astakhova, E. V. (2017). Vklad NUA v razvitiye obrazovatel'nykh protsessov v Ukraine: narabotki pervogo dvadtsatipyatiletiya [The contribute of People's Ukrainian Academy to the development of educational processes in Ukraine: exploratory works of the first twenty-five years]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 23, pp. 11–25.

29. Astakhova, E. V. (2017). Partnerstvo radi budushchego [The partnership for the future]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 23, pp. 533–536.

30. Astakhova, E. V. (2018). Obrazovatel'nyye riski: opyt funktsionirovaniya NUA [Educational risks: the experience of People's Ukrainian Academy's functioning]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 24, pp. 9–21

31. Astakhova, E. V. (2019). Kontseptual'nyye osnovy razvitiya narodnoy ukrainskoy akademii v usloviyakh neopredelennosti [Conceptual basis of the development of People's Ukrainian Academy in the conditions of uncertainty]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 25, pp 9–19.

32. Astakhova, E. V. (2019). Smart-obrazovaniye v smart-obshchestve: vozmozhnyye puti adaptatsii. [Smart-education in the smart-society: the possible ways of adaptation]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 25, pp. 383–385.

33. Astakhova, E. V. (2019). Vot eto – Khar'kov! [This is Kharkiv!]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 25, pp 406–408.

34. Al'tbakh, F. (2016). *Global'nyye perspektivy vysshogo obrazovaniya* [Global perspectives of higher education: scientific study]. Moskva: Izd. dom Vyssh. shk. ekonomiki, 548 p.

35. Bok, D. (2012). *Universitety v usloviyakh rynka : komertsializatsiya vyssh. obrazovaniya* [The universities in the condition of the market: commercialization of higher education]. Moskva: Izd. dom Vyssh. shk. ekonomiki, 223 p.

36. Yudkevich, M.M., Al'tbakh, F.Dzh (ed). (2016). *Akademicheskyy inbriding i mobil'nost' v vysshem obrazovanii : global'nyye perspektivy* [Academic inbreeding and mobility in higher education: global perspectives]. Moskva: Izd. dom Vyssh. shk. ekonomiki, 328 p.

37. Boyko, YE. (2000). Pidhotovka kadriv v Ukraini: suchasnyy stan ta napryamky vdoskonalennya finansovoho zabezpechennya vyshchyykh navchal'nykh zakladiv [Training of the personnel in Ukraine: modern conditions and tendencies for improvements of the financial security of higher educational establishments]. *Fondovyy rynek*, 17, pp. 28–20.

38. Hrishnova, O. A. (2001). *Lyuds'ky kapital: formuvannya v systemi osvity i profesynoyi pidhotovky* [People capital: formation in the system of education and professional training]. Kyiv: Znannya, 254 p.

39. Zhovta, I. (2003). Yakist' naukovo-pedahohichnykh kadriv vyshchoyi shkoly Ukrainy [The quality of academic pedagogical personnel in Ukrainian high school]. *Vyshcha shkola*, 4/5, pp. 22–30.

40. Lytvynyuk, O. I. (2004). Naukovi kadry: konkurentospromozhna yakist' , a ne protses i forma [Academic personnel: competitive quality, not the process and form]. *Byuleten' VAK Ukrainy*, 2, pp. 4–9.

41. Kuz' mynov, YA. (2007). Nashy unyversytety [Our universities]. *Vyssh. obrazovanye sehodnya*, 10, pp. 9–15.

42. Lyubymov, L. L. (2009). Uhasanye obrazovatel'noho йтosa [The fading of educational ethos]. *Vopr. obrazovannya*, 1, pp. 199–200.

43. Karnoy, M., Loyalka, P., Dobryakova, M. (2014). *Massovoye vyssheye obrazovaniye. Triumf BRIK?* [Wide-scale higher education. Triumph BRICK?]. Moskva : Izd. dom VSHE, 526 p.

44. Astakhova, E. V. (2004). Kadrovyy potentsial vysshey shkoly: istoriografiya problemy [Personnel potential of high school: historiography of the problem]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 10, pp. 38–60.

45. Astakhova, E. V. (2003). Formirovaniye kadrovogo potentsiala vysshey shkoly: k istorii voprosa [Formation of personnel potential of high school: to the history of the problem]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 9, pp. 96–116.

46. Vishlenkova, Ye. A., Galiullina, R. KH., Il'ina, K. A. (2012). *Russkiye professora : universitetskaya korporativnost' ili professional'naya solidarnost'* [Russian professors: university corporations or professional solidarity]. Moskva: Nov. lit. obozreniye, 648 p.

47. Kuz'minov, YA. (2007). Nashi universitety [Our universities]. *Vyssh. obrazovaniye segodnya*, 10, pp. 9–15.

48. Astakhova, E. V. (2008). Prepodavatel'skiy korpus vysshey shkoly Ukrainy: gotovnost' k rabote v printsipial'no novykh usloviyakh [The teaching staff of Ukrainian high school: readiness to work in generally new conditions]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 14, pp. 21–29.

49. Astakhova, E. V., Gontsa, O. A. (2008). Rol' studencheskogo soyuza v organizatsii nauchno-issledovatel'skoy raboty universiteta [The role of the students union in the organization of the academic research work of the university]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 14, pp. 70–76.

50. Astakhova, E. V. (2010). Universitetskiy преподаvatel' v usloviyakh perekhoda obshchestva k innovatsionnoy ekonomike: vektory izmeneniy [The university teacher in the conditions of the society's transference to innovative economics: vectors of changes]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 16, pp. 22–31.

51. Astakhova, E. V. (2010). Uchenye zapysky mahystrov NUA [Master students' scientific notes in People's Ukrainian Academy]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 16, pp. 467.

52. Astakhova, E. V. (2012). Unyversytet-skyy prepodavatel₇ v uslovyakh perekhoda v life-long learning: tochka byfurkatsyyi proydena [The university teacher in the conditions of the transference to life-long learning: the point of bifurcations is overcome]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 18, b. 1, pp. 9–15.

53. Astakhova, E. V. (2012). Novyy format nauchnoho foruma (Mezhdunarodnaya nauchno-praktycheskaya Ynternet-konferentsyya «Ukraynsko-amerykanskye kontakty v sfere vyssheho obrazovaniya: opyt y perspektyvy razvytyiya») [The new format of the scientific forum (International scientific –practical Internet conference «Ukrainian – American contacts in the field of higher education: experience and perspectives of development»)]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 18, b. 1, pp. 353–355.

54. Astakhova, E. V. (2012). Unyversytet-skaya ydeya v kontekste razvytyiya hlobal'noy ystoriyy [The idea of University in the context of the development of the global history]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 18, b. 1, pp. 382–386.

55. Astakhova, E. V. (2018). Obrazovatel'nye rysky: opyt funktsyonyrovaniya NUA [Educational risks: the experience of People's Ukrainian Academy's functioning]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 24, pp. 9–21.

56. Leont'eva, I. (2008). Neformal'nye otnosheniya v sfere vyssheho obrazovaniya (yz opyta mezhdunarodnykh yssledovaniy korruptsyy) [Informal relationships in the field of higher education (from the experience of international corruption researches)]. *Vyssh. obrazovaniye v Rossyy*, 3. pp. 99–107.

57. Nikolayev, S. (2011). Uyazvimyye sfery deyatelnosti vuza v svete antikorrupsionnoy politiki gosudarstva [Vulnerable fields in the higher educational institutes activity relating to the governmental anticorruption policy]. *Ekonomika obrazovaniya*, 1, pp. 33–38. 58.

58. Fedorenko, L. P. (2005). «Tenevyeye» otkloneniya v vuze: grani problemy [«Shadow» digression in the higher educational institutes: the borders of the problem]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 10, pp. 62–63. 59.

59. Khayneman, R. S. (2006). Obrazovaniye i korruptsiya [Education and corruption]. *Vyssh. obrazovaniye segodnya*, 5, pp. 32–37.

60. Klark, B. R. (2011). *Sozdaniye predprinimatel'skikh universitetov: organizatsionnyye napravleniya transformatsii* [The creation of the enterprising universities: organizational trends in transformation: scientific study]. Moskva: Izdat. dom Vyssh. shk. ekonomiki, 238 p.

61. Yudkevich, M. M. (2016). Reytingovaya likhoradka: kak universitetskoy kadrovoy politike ustoyat' protiv reytingovogo virusa? [Ratings fever: how should university personnel policy resist ratings virus?]. In: *YouTube*. [online]. Available at: https://www.youtube.com/playlist?list=PLAMkBgBTBRmgIO63WBXhhP_Fc4H3U1r3O.

62. Astakhova, E. V. (2014). Vysshee obrazovanye Ukrainy v zerkale analytyky [Ukrainian higher education in the perspective of analytics]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 20, pp. 515–518.

63. Astakhova, E. V. (2015). Vysshaya shkola Ukrainy v ramkakh posttravmatycheskoho syndroma: problema vosstanovlenyya sotsyal'noho doveryya [Ukrainian high school in the boundaries of posttraumatic syndrome: the problem of the revival of the society's trust]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, Kharkiv, vol. 21, pp. 9–16.

64. Bouen, U. (2018). *Vyssheye obrazovaniye v tsifrovuyu epokhu* [Higher Education in the digital epoch: scientific study]. Moskva: Izd. dom Vyssh. shk. ekonomiki, 222 p.

65. Vishlenkovoy, Ye. A., Savel'yevoy, I. M. (ed). (2013) *Sosloviye russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov* [The category of Russian professors. The creators of statuses and meanings]. Moskva: Izd. dom Vyssh. shk. ekonomiki, 386 p.

66. Materialy yezhegodnykh Mezhdunarodnykh nauchno-prakticheskikh konferentsiy [po problemam obrazovaniya v Khar'kovskom gumanitarnom universitete «Narodnaya ukrainskaya akademiya»] [The materials of annual international scientific-practical conferences [concerning the problems of education in Kharkiv University of Humanities «People's Ukrainian Academy»]. In: *Elektronnyy arkhiv KHGU «NUA»*. [online]. Available at: <http://dspace.nua.kharkov.ua/jspui/handle/123456789/22>.

УДК 378:001.891

<http://doi.org/10.5281/zenodo.3707898>*Т. М. Тимошенкова*

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗЕ

В статье анализируется роль научных исследований в учебном процессе высшей школы. Научные исследования рассматриваются как необходимая составляющая профессиональной подготовки специалиста XXI века.

На примере факультета «Референт-переводчик» Народной украинской академии показано, как теоретические курсы и научные исследования в сочетании с практическими дисциплинами дают возможность студентам наряду с выработкой устойчивых умений и навыков чисто языкового характера приобрести обширный запас разнообразной информации, создающий фоновые знания, без которых невозможен адекватный перевод.

Комплексная деятельность всех субъектов научных исследований призвана сформулировать целый ряд деятельностных и личностных компетенций. Как фактор первостепенной важности следует рассматривать сформированность постоянной потребности к приобретению новых знаний, умений, навыков, к выработке новых компетенций, т. е. готовности учиться на протяжении всей жизни, без чего невозможна ни полноценная жизнедеятельность отдельной человеческой личности в информационную эпоху, ни наращивание интеллектуального потенциала общества в целом.

Ключевые слова: научные исследования; профессиональная подготовка; научная школа в высшем учебном заведении; практические знания, умения, навыки; запас информации в области фоновых знаний.

Тимошенкова Т. М. Наукові дослідження як невід’ємна складова навчального процесу в ВНЗ

В статті надається аналіз ролі наукових досліджень в навчальному процесі у вищій школі. Наукові дослідження розглядаються як необхідна складова професійної підготовки фахівця ХХІ століття.

На прикладі факультету «Референт-перекладач» Народної української

академії показано, як теоретичні курси та наукові дослідження у сполученні з практичними дисциплінами надають можливість студентам поряд з виробленням стійких вмінь та навичок суто мовного характеру придбати великий запас різноманітної інформації, що створює фонові знання, без яких неможливий адекватний переклад.

Комплексна діяльність усіх суб'єктів наукових досліджень має на меті формування цілої низки діяльнісних та особистісних компетенцій.

Як фактор першорядної важливості слід розглядати сформованість постійної потреби у надбанні нових знань, вмінь, навичок, у виробленні нових компетенцій, тобто готовності вчитися протягом всього життя, без чого неможлива ані повноцінна життєдіяльність окремої людської особистості, ані нарощування інтелектуального потенціалу суспільства в цілому в інформаційну епоху.

Ключові слова: наукові дослідження; наукова школа у вищому навчальному закладі; професійна підготовка; практичні знання, вміння, навички; запас інформації в галузі фонових знань.

Tymoshenkova Tamara. Scientific Research as an Integral Part of a Higher School Education Process

The article analyses the part of scientific research in the higher school education. Scientific research is regarded as an imperative component of a XXI century specialist professional training.

The department of translators and interpreters is cited as an example to show how theoretical courses and scientific research in a combination with practical disciplines make it possible for students, alongside acquiring stable abilities and skills of merely linguistic character, to gain a great amount of various information, ensuring the background knowledge essential for an adequate translation.

Coordinated activities of all subjects of scientific research are meant to develop a whole lot of professional and personal competences. Of paramount importance is developing a constant need for acquiring new knowledge, abilities, skills, for developing new competences, that is willingness for a life-long learning. This is the only way of realizing both a person's fool-blooded life's work as well as accumulating the society intellectual potential under the conditions of the informational epoch.

Key words: scientific research; professional training; scientific school at the higher education institution; practical knowledge, abilities, skills; stock of information ensuring background knowledge.

Научные исследования – необходимое условие эффективной организации учебного процесса в вузе и качественной профессиональной подготовки специалистов, отвечающих вызовам времени.

Научные исследования и учебный процесс в высшей школе имеют двусторонние причинно-следственные связи. С одной стороны, научные исследования обеспечивают непрерывное повышение квалификации преподавательского состава. С другой стороны, опыт преподавания в вузе дает результаты, которые служат основанием для разного рода практических и теоретических выводов и обобщений.

Научная школа как направление в науке, связанное единством взглядов, общностью или преемственностью принципов и методов систематизации знаний на основе анализа фактов, полученных опытным путем, в условиях высшего учебного заведения имеет ряд особенностей.

Именно научные школы определяют лицо вуза, его имидж, его социальную значимость и авторитет.

Харьковский национальный университет обязан своими научными традициями ученым, возглавлявшим в разное время научные школы: физиков – В. И. Хоткевич; математиков – А. В. Погорелов; экономистов – Е. Г. Либерман; лингвистов – Б. И. Роговская, Б. С. Хаймович, а также многим другим.

Становление лингвистической школы Киевского национального университета неразрывно связано с именами Н. Н. Раевской и Ю. А. Жлуктенко. Киевский лингвистический университет по всей справедливости всегда считался научной школой Г. Г. Почепцова [1, с. 179].

В Народной украинской академии стратегическое направление научных исследований задает научная школа «Формирование интеллектуального потенциала общества в условиях современных социальных трансформаций». Основатель и лидер школы – В. И. Астахова, доктор исторических наук, профессор, академик АНВШ Украины.

В рамках основного направления ведут исследования научные школы социологической, экономической, филологической отраслей знаний. В 1995 году на факультете РП основана научная школа «Языковая семантика как отражение концептуальной и языковой

картини мира» (основатель и лидер школы – Т. М. Тимошенко).

В задачи научных исследований школы входил системный анализ языковой семантики на всех уровнях языковой иерархии: слово – словосочетание – предложение – текст; совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа – носителя окружающей действительности, воплощенных в номенклатуре номинативных, функциональных, образных средств и дискурсивных механизмов, приемы построения текстов различных жанров, их интерпретация, способы их адекватной передачи средствами другого языка.

В 2017 году проблематика научной школы была значительно расширена за счет включения новых направлений исследования. Области анализа школы «Лингвистические исследования как теоретический фундамент подготовки специалиста, отвечающего современным мировым требованиям и стандартам» включают проблемы:

- функциональной, когнио- и прагмалингвистики;
- дискурсологии;
- лингводидактики;
- транслятологии;
- культурологии;
- межкультурной коммуникации.

В русле научной школы выполняются и защищаются диссертации, результаты исследований публикуются в открытой печати, докладываются и обсуждаются на научных конференциях разного уровня – региональных, всеукраинских, международных.

Вузовская научная школа как неперемное условие включает не только ученых, уже зарекомендовавших себя серьезными исследованиями, но и новичков, еще только делающих первые робкие шаги по пути, на котором, по меткому выражению Карла Маркса, «нет широкой столбовой дороги».

Поэтому научная школа в вузе носит, прежде всего, пропагандистский, обучающий характер. Ее цель – не только научные исследования проблем, представляющих чисто академический интерес. Она непосредственно связана с подготовкой специалистов определенного профиля. Отсюда – сочетание проблем теоретического и прикладного характера [2].

Фундамент теоретической подготовки референта-переводчика закладывается базовыми профессионально ориентированными курсами общего языкознания (разделы: «Введение в языкознание» и «Основы теории языковой коммуникации»), в задачи которого входит формирование у студентов необходимой лингвистической суммы сведений о языке и его функционировании в процессе, коммуникации, а также курсами сравнительной типологии (курсы сравнительной лексикологии, грамматики, стилистики английского и украинского языков).

Целью дисциплин сравнительной типологии является приобретение студентами знаний:

- о словарном составе английского и украинского языков (происхождение, типология, способы словообразования, динамика);
- о фундаментальных понятиях грамматики в контексте языковой структуры, универсальных грамматических категориях и явлениях, специфических для языков аналитического и флективного типа;
- об универсальных положениях и категориях стилистики, средствах языковой выразительности и стилистических приемах, характерных для каждого из языков, о специфике функциональных стилей в английском и украинском языке.

Формирование базы теоретических сведений и выработка навыков практического анализа текстов на иностранном и родном языке с точки зрения их лексического состава, грамматической организации, стилистической оформленности – неременное условие адекватного перевода.

И базовые и последующие специализированные теоретические курсы помимо сугубо практической значимости (выработка умений корректного анализа и сохранения в переводе как всей полноты содержания, так и особенностей формы оригинала) призваны заложить основы выполнения студентами самостоятельных научных исследований.

Под руководством преподавателей факультета лучшие студенты (начиная с младших курсов) готовят доклады на ежегодные студенческие конференции ХГУ «НУА», представляют работы на региональные и всеукраинские конкурсы студенческих научных исследований, участвуют в работе студенческих научных кружков.

Обязательной составляющей профессиональной подготовки магистров является написание дипломной работы и ее презентация на защите; выступление с докладом на студенческой научной конференции; опубликование тезисов доклада в «Материалах конференции» и статьи в «Сборнике трудов молодых ученых ХГУ «НУА».

Но есть учащиеся, которые начинают свои научные исследования гораздо раньше, еще до поступления в вуз.

Малая академия наук ставит своей целью развитие познавательной деятельности и творческих способностей школьников, проявляющих склонность к углубленному изучению научных дисциплин вне школьной программы, к экспериментальной и научно-исследовательской работе [3, с.104].

В ХГУ «НУА» организация и руководство научно-исследовательской деятельностью школьников осуществляется совместными усилиями преподавателей высшей и средней школы.

Вузовские преподаватели руководят исследованиями школьников в области теоретической лингвистики, лингвострановедения, литературоведения, теории и практики перевода. Школьные учителя организуют и контролируют подготовку учащихся к тестовым заданиям, проверяющим уровень сформированности иноязычных компетенций.

Комплексная деятельность всех субъектов научных исследований (как на уровне школы, так и вуза) призвана сформировать целый ряд деятельностных и личностных компетенций.

В качестве результата мы видим привитие постоянной потребности к приобретению новых знаний, умений, навыков, к выработке новых компетенций, способности менять либо совмещать формы, виды, области деятельности, т.е. готовности учиться на протяжении всей жизни, без чего невозможна ни полноценная жизнедеятельность отдельной человеческой личности в информационную эпоху, ни наращивание интеллектуального потенциала общества в целом.

Список литературы

1. Тимошенко Т. М. Научная школа в условиях вуза / Т. М. Тимошенко // Вчені зап. ХГУ «НУА». – 2001. – Т. 6, [ч.] 2. – С. 179–180.
2. Тимошенко Т. М. Теоретические дисциплины и научные исследования

в общей и профессиональной подготовке референта-переводчика / Т. М. Тимошенко // Когнітивно-прагматичні дослідження професійних дискурсів : матеріали V Всеукр. конф., 19.03.2016. – Харків : ХНУ ім. В. Н. Каразіна. 2016. – С. 103–105.

3. Суховеєва Н. М. Мала академія наук як інститут соціальної підтримки обдарованої особистості / Н. М. Суховеєва // Вісник Чернігівського нац. пед. ун-ту. – 2012. – Т. 2. – С. 104.

References

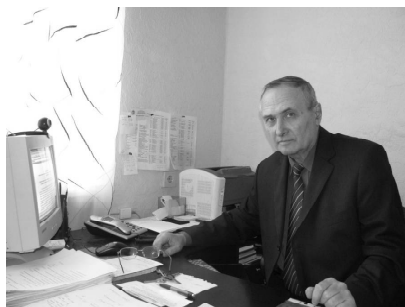
1. Tymoshenkova, T. M. (2001). Nauchnaya shkola v usloviyakh vuza [Scientific school under the conditions of a higher education institution]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, T. 6-II, pp. 179–180.

2. Tymoshenkova, T. M. (2016). Teoreticheskiye distsipliny i nauchnyye issledovaniya v obshchey i professional'noy podgotovke referenta-perevodchika [Theoretical disciplines and scientific research in the general and professional training of a translator and interpreter]. In: *Kognitivno-pragmatychni doslidzhennya profesiynykh dyskursiv*. Kharkiv, pp. 103–105.

3. Sukhoveyeva, N. M. (2012). Mala akademiya nauk yak instytut sotsialnoyi pidtrymky obdarovanoyi osobystosti [Junior Academy of sciences as an institution of social support of a gifted personality]. *Visnyk Chernihivskoho nats. ped. un-tu*, T. 2, p. 104.

*В. П. Козыренко,
С. И. Козыренко*

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Одним из основных инновационных направлений в системе высшего образования является широкое внедрение информационно-коммуникационных технологий. Концепция развития цифровой экономики и общества на 2018–2020 годы предусматривает ключевые политики, первоочередные сферы, инициативы и проекты цифровизации Украины на ближайшие три года. Одно из основных направлений Концепции – цифровизация образовательных процессов.

В статье рассматриваются основные риски цифровой трансформации учебного заведения и пути решения проблем. К основным рискам отнесены: уровень информационной безопасности, избыточность в наполнении информационными средствами, высокие затраты на развитие и эксплуатацию, недостаточный уровень цифровой компетенции субъектов образовательной деятельности. Приведен анализ рисков и возможные пути решения проблем. Показана ответственность решений, связанных с развитием сети учебного заведения.

Особенность нынешнего состояния обучения состоит в том, что прогресс собственно средств информационных технологий (аппаратных и программных) происходит гораздо интенсивнее, чем педагогических технологий этого направления. Это несоответствие может быть устранено за счет адекватной подготовки преподавателей и студентов к обучению в условиях цифровой трансформации. В статье рассмотрены требования к цифровой компетенции преподавателей. Отмечено возрастание требований по уровню профессиональной подготовки сотрудников информационно-технических подразделений и служб.

Отмечено – задачи цифровой трансформации выходят за рамки информационных подразделений и должны рассматриваться в рамках всех направлений деятельности учебного заведения с продуманной расстановкой приоритетов.

Ключевые слова: цифровая трансформация, риски цифровизации, цифровая компетенция.

Козиренко В. П., Козиренко С. І. Інформаційне забезпечення навчального закладу в умовах цифрової трансформації

Одним із головних інноваційних напрямків у сфері вищої освіти є широке впровадження інформаційно-комунікаційних технологій.

Концепція розвитку цифрової економіки і суспільства на 2018–2020 роки містить ключові пріоритети, ініціативи і проекти «цифри» на найближчі три роки. Одним з основних напрямків є оцифровування навчальних процесів. У статті розглянуті основні ризики цифрової трансформації навчального закладу та шляхи вирішення проблем. Основні ризики включають: рівень інформаційної безпеки, надмірності в наповненні інформаційних середовищ, висока вартість розвитку та обслуговування, відсутність належної цифрової компетенції осіб педагогічної діяльності. Наведено аналіз ризиків і можливих рішень проблем. Показана відповідальність за рішення, що відносяться до розвитку мережі навчального закладу.

Особливістю поточного стану навчання є те, що прогрес розвитку устаткування та програмного забезпечення виконується набагато інтенсивніше, ніж відповідні педагогічні технології. Ця невідповідність може бути усунена через належну підготовку викладачів і студентів до навчання в умовах цифрової трансформації. У статті описуються вимоги до цифрової компетенції викладачів. Спостерігається збільшення вимог до рівня навчання персоналу інформаційних підрозділів.

Відзначено завдання цифрової трансформації виходять за межі інформаційних підрозділів та повинні бути розглянуті в рамках діяльності навчального закладу з визначенням пріоритетів.

Ключові слова: цифрова трансформація, ризики цифровизації, цифрова компетентність.

Kozyrenko Victor, Kozyrenko Svitlana. Information Support of Educational Institution in the Digital Transformation

One of the basic innovative directions in higher education is broad introduction of information and communication technologies. The concept of development of digital economy and society in 2018–2020 determines key policy, priority areas, initiatives and projects of digitalization in Ukraine for the next three years. One of the main tracks on the way to digital society is digitalization of educational processes.

Major risks digital transformation of an educational institution brings are discussed in the article and the ways to solve problems are outlined. The main risks include: the level of information security, redundancy of information media, high maintenance and development costs, lack of digital competence of teaching staff. Analysis of risks and possible solutions to problems is carried out. The paper highlights the responsibility of decisions related to development of the educational establishments' network.

The feature of the current state of education is that progress in information technology (hardware and software) is much faster than in pedagogical technologies. This discrepancy can be eliminated through adequate training of teachers and students to learn in digital transformation. The article describes the requirements to teachers' digital competence. The increase in training requirements to IT department staff and services is addressed.

It is claimed that digital transformation tasks go beyond the scope of Information Technology departments and should be considered within the framework of the whole educational institution activity as a priority.

Key words: digital transformation, risks of digitalisation, digital competence.

Одними из основных инновационных направлений в системе высшего образования является широкое внедрение во все формы обучения информационно-коммуникационных технологий, а также методов и средств удаленного обучения [1].

Методически обоснованное и целесообразное применение информационных средств должно происходить с учетом и при наличии в учебном заведении основных условий успешной интеграции информационных технологий в учебно-воспитательный процесс [2], а именно:

- Достаточный уровень программно-технического обеспечения учебно-воспитательного процесса учебного заведения.
- Наличие информационной образовательной среды, которая представляет собой единую систему, включающую компьютерные и сетевые средства, системное и профессиональное программное обеспечение, электронные обучающие и методические ресурсы, Интернет и другие компоненты.

В статье рассматриваются особенности информационного обеспечения учебно-воспитательного процесса, связанные с рисками

цифровизации и возросшими требованиями к уровню цифровой компетенции преподавателей.

Основные причины повышения значимости информационной среды для обеспечения учебно-воспитательного процесса:

1. Обострение конкурентной борьбы на рынке образовательных услуг. Показатели состояния информационного окружения вуза входят в рейтинговые оценки.

2. Информационные технологии наиболее прибыльная отрасль, основанная на постоянном обновлении цифровых решений, устройств, программ.

3. Проявление агрессивности в развитии информационных технологий, направленной на повышение затрат, связанных как с развитием, так и эксплуатацией имеющейся в учебном заведении среды.

4. Активное развитие информационной среды учебного заведения неизбежно приводит к осязаемому росту эксплуатационных затрат при не всегда заметном росте эффективности их применения в учебном процессе и производственной деятельности (нелинейная зависимость).

5. Конкурентные преимущества, полученные на основе информационных технологий, краткосрочны, успешные решения неизбежно копируются и внедряются конкурентами.

При развитии информационной среды необходимо учитывать следующие факторы:

1. Технологические тенденции, процессы глобализации.

2. Реформы образования и изменения в законодательной базе.

3. Необходимость сокращения затрат на развитие информационной среды.

4. Активное внедрение баз данных в управление учебным заведением на всех образовательных уровнях и по всем направлениям деятельности – учебно-воспитательный процесс, организационная и финансовая деятельность. Процесс управленческой деятельности контролируется от вступительной кампании до формирования выпускных документов.

Информационная среда должна постоянно развиваться в соответствии с потребностями учебно-воспитательного процесса и развитием

самих інформаційних технологій. Сегодня інформаційна среда учебного заведення из средства предоставления доступа к информации превратилась в обязательную часть, без которой невозможно обеспечить как эффективное управление, так и качественное обучение.

В январе 2018 года правительство Украины утвердило Концепцию развития цифровой экономики и общества на 2018–2020 годы, а также план мероприятий по ее реализации. Концепция предусматривает ключевые политики, первоочередные сферы, инициативы и проекты цифровизации Украины на ближайшие три года. Одно из основных направлений Концепции – цифровизация образовательных процессов и стимулирование цифровых трансформаций в системе образования с дальнейшим развитием цифровых компетенций для обеспечения готовности к использованию цифровых возможностей.

Цифровизация в образовании подразумевает:

- создание цифровых образовательных платформ, основанных на интерактивных и мультимедийных технологиях с обеспечением общего доступа учебных заведений к таким ресурсам;
- создание и развитие научно-исследовательских STEM-центров;
- полное обеспечение широкополосным Интернет всех участников учебного процесса;
- развитие дистанционных и он-лайн технологий обучения с максимально возможным наполнением мультимедийной цифровой информацией.

На сегодняшний день система образования идет по трем основным направлениям: цифровизация учебного процесса, цифровой образовательный контент, цифровизация управления образованием. Одним из актуальных направлений цифровизации учебного процесса в условиях цифровой трансформации становится Smart-образование.

Smart-образование представляет объединение учебных заведений и преподавательского состава для осуществления совместной образовательной деятельности с использованием современных цифровых ресурсов и технологий. Ключевым технологическим моментом в реализации Smart-образования становится перенос образовательного процесса в цифровую среду. Как следствие – необходимость комплексной модернизации всех образовательных процессов, методов и технологий.

Риски цифровизации учебно-воспитательного процесса.

Масштабность и исключительно высокий уровень технологических решений в условиях цифровой трансформации, взрывной рост объемов информации, используемых в учебном процессе и производственной деятельности, неизбежно приводят к появлению достаточно значимых и ощутимых рисков, требующих принятия ответственных решений. К рискам цифровой трансформации следует отнести, прежде всего:

1. Уровень информационной безопасности. Цифровая трансформация информационной среды учебного заведения существенно обостряет вопросы, связанные с физической и информационной безопасностью [3].

2. Избыточность в наполнении информационными средствами и низкая эффективность при высоких затратах.

3. Недостаточная эффективность использования информационных ресурсов при высоких затратах на развитие и эксплуатацию, в значительной степени связанные с цифровой компетенцией субъектов образовательной деятельности и недостаточным уровнем мотивации преподавателей [4].

4. Отсутствие тесной взаимосвязи между задачами цифровой трансформации и общей стратегией развития учебного заведения.

Снижение информационной безопасности – естественный процесс, связанный со следующими факторами:

1. Развитие вредоносных технологий взлома защищенных ресурсов и уничтожения данных опережает средства и технологии защиты информации, которые доступны учебным заведениям.

2. Постоянное увеличение вывода во внешние базы данных информации о персональных данных, управленческой и финансовой деятельности учебного заведения. Увеличение объемов предоставляемой информации в цифровой форме, преимущественно с возможностью удаленного доступа.

3. Ограниченность при финансировании технологий защиты информации учебного заведения.

Одним из основных элементов обеспечения информационной безопасности является состояние и развитие сетевой инфраструктуры

учебного заведення. Облачные решения и мобильные технологии, развитие Интернет вещей, состояние самого Интернет предъявляют к сети учебного заведения гораздо более высокие требования, чем те, которые в них заложены в настоящее время. Сетевые решения должны в первую очередь обнаруживать и нейтрализовать внешние угрозы. Развертывание готовой к цифровой трансформации сети может стать наиболее важным шагом к решению задач цифровизации учебного заведения.

Цифровая компетенция и мотивация преподавателей.

Недостаточная мотивация преподавателей в развитии методики электронного обучения - одна из причин проседания в отношении применения информационных технологий в учебном процессе и решении задач цифровой трансформации. К сожалению, использование инновационных методов на основе этих технологий не всегда облегчает и оптимизирует учебную деятельность, а иногда перегружает и осложняет ее, приводя к разочарованиям и неудачам.

Особенность нынешнего состояния обучения состоит в том, что прогресс собственно средств информационных технологий (аппаратных и программных) происходит гораздо интенсивнее, чем педагогических технологий этого направления. Это несоответствие может быть устранено за счет адекватной подготовки преподавателей и студентов к обучению в условиях цифровой трансформации. Более того, такой подход к решению существующего несоответствия позволяет выполнить переход от стихийного формирования цифровой культуры личности к ее целенаправленному развитию. Ситуация осложняется и активным перемещением субъектов обучения в мобильные технологии, которые пока остаются за пределами информационной среды учебного заведения.

Существенным фактором, влияющим на эффективность инноваций, остается цифровая компетенция преподавателей [5; 6]. Цифровая компетенция должна стать одной из ведущих компетенций, обеспечивающих применение инновационных форм организации образовательного процесса и активных методов обучения, а также современных цифровых учебно-методических материалов в условиях цифровой трансформации учебной среды. Именно перед преподавателями

ставится задача создания инновационной информационно-методической системы обеспечения учебно-воспитательного процесса. Решение этой задачи требует от преподавателей широкого кругозора и умения ориентироваться в современных цифровых потоках, мотивации и готовности к выбору эффективных информационно-педагогических средств, владения программными средствами как системного, так и проблемно-учебного назначения, способности найти место цифровых технологий в методической среде преподаваемого предмета.

В любом случае для образовательной области определяющими становятся категории не технологические, а педагогические.

Основными задачами развития информационной среды учебного заведения в условиях цифровой трансформации становятся создание надежной и эффективной инфраструктуры, улучшение управляемости комплексом информационных ресурсов.

Список литературы

1. Глобализация и конвергенция образования: технологический аспект / под общ. ред. Ю. Б. Рубина. – М. : Маркет ДС Корпорейшн, 2004. – 540 с.
2. Козыренко В. П. Информационно-техническое обеспечение учебно-воспитательной и научной работы в системе непрерывного образования / [В. П. Козыренко] // Непрерывное образование как принцип функционирования современных образовательных систем : (первый опыт становления и развития в Украине) : моногр. / Нар. укр. акад. ; под общ. ред. В. И. Астаховой. – Харьков, 2011. – Разд. 2.2. – С. 130–139.
3. Барашев К. С. Информационная безопасность высшего учебного заведения / Барашев К. С., Козыренко В. П. // Экспертные оценки элементов учебного процесса : программа и материалы XVII межвуз. науч.-практ. конф., 27 нояб. 2015 г. / Нар. укр. акад., каф. информ. технологий и математики. – Харьков, 2015. – С. 13–15.
4. Козыренко С. И. Формирование информационной компетенции субъектов обучения / С. И. Козыренко, В. П. Козыренко // Стратегия качества в промышленности и образовании : материалы XII Междунар. конф., 30 мая–2 июня 2016 г., Варна, Болгария / Нац. агенство по аккредитации Украины [и др.]. – Дніпропетровськ; Варна, 2016. – С. 372–374.
5. Козыренко В. П. Развитие информационно-коммуникационных компетенций как фактор формирования интегративной образовательной среды / В. П. Козыренко, О. В. Дьячкова // Вісн. Нац. техн. ун-ту «Харків.

політехн. ін.-т». Серія: Нові рішення в сучас. технологіях. – Харків, 2012. – № 68. – С. 147–151.

6. Козыренко В. П. Информационные образовательные технологии в условиях социальных трансформаций [Текст] / В.П. Козыренко // Вчені записки Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія»: [зб. наук. пр. / редкол.: В.І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2015 – Т. 22. 25-річчю Академії присвячується.– С. 241–248. – Електрон. аналог друк. вид.: режим доступу: <http://dspace.nua.kharkov.ua/jspui/handle/123456789/1292>.

References

1. Rubin, Yu. B. (ed.). (2004). *Globalizaciya i konvergenciya obrazovaniya: tekhnologicheskij aspekt* [Globalization and convergence of education: technological aspect]. Moscow, Market DC Corp. Publ., 540 p.

2. Kozyrenko, V. P. (2011). Informacionno-technicheskoye obespecheniye uchebno-vospitatelnoy i nauchnoy raboty v sisteme neprerivnoy obrazovaniya [Information and technical support of educational and scientific work in the system of continuous education]. In: *Neprerivnoye obrazovaniye kak princip funkcinirovaniya sovremennykh obrazovatelnykh system*. Kharkiv, vol. 2.2, pp. 130–139.

3. Barashev, K. S., Kozyrenko, V. P. (2015). Informacionnaya bezopnost vyshchego uchebnogo zavedeniya [Information security of higher education institutions]. In: *Ekspertnyye ocenki elementov uchebnogo uchebnogo processa*. Khrarkiv, pp. 13–15.

4. Kozyrenko, S. I., Kozyrenko, V. P. (2016). Formirovaniye informacionnoy kompetencii sub'yektov obucheniya [Formation of information competence of subjects of training]. In: *Strategiya kachestva v promishlennosti i obrazovanii*. Dnipropetrovsk, Varna, pp. 372–374.

5. Kozyrenko, V. P., Dyachkova, O. V. (2012). Razvitiye informacionno-kommunikatsionnykh kompetencyi kak faktor formirovaniya integrativnoy obrazovatelnoy sredy [Development of information and communication competencies as a factor in the formation of an integrative educational environment]. *New Solutions in Modern Technologies*, 68, pp. 147–151.

6. Kozyrenko, V. P. (2015). Ynformatsyonnye obrazovatelnye tekhnolohyy v uslovyyakh sotsyalnykh transformatsyy [VP Information Educational Technologies in the Conditions of Social Transformations]. *Vcheni zapysky Kharkivs'koho humanitarnoho universytetu «Narodna ukrayinska akademiya»*, [online]. Kharkiv, vol. 22. Available at: <http://www.proquest.com/products-services/ProQuest-Research-Library.html> [Accessed 8 Apr. 2015].

УДК 37.041:37.015.311(477)

<http://doi.org/10.5281/zenodo.3707825>*В. О. Лозовой*

ПРОБЛЕМИ САМОРОЗВИТКУ ОСОБИСТОСТІ В УКРАЇНСЬКОМУ ОСВІТНЬОМУ ПРОСТОРИ

У статті висвітлюються проблеми організації та управління процесами саморозвитку особистості майбутнього фахівця в освітній системі України. Надається аналіз наукових пошуків та здобутків явища усвідомленого саморозвитку особистості, його основних форм протягом кінця ХІХст. – початку ХХІ ст., у тому числі наукові розвідки, подані в «Учених записках» Харківського гуманітарного інституту «Народна українська академія». Привертається увага до необхідності керування процесами самоосвітньої діяльності студентів і взагалі їх саморозвитком у навчальних закладах України шляхом переходу педагогічних колективів від традиційної педагогіки до педагогіки партнерства.

Ключові слова: освіта, саморозвиток (самоосвіта, самовиховання, самовдосконалення) особистості, індивідуальність, педагогіка партнерства, професійна компетентність, світоглядні орієнтири.

Лозовой В. А. Проблемы саморазвития личности в украинском образовательном пространстве

В статье освещаются проблемы организации и управления процессами саморазвития личности будущего специалиста в образовательной системе Украины. Подается анализ научных поисков и достигнутых результатов явления осознанного саморазвития личности и его основных форм на протяжении конца ХІХ в. – начала ХХІ в., в том числе научных достижений, опубликованных в «Учёных записках» Харьковского гуманитарного института «Народная украинская академия». Привлекается внимание к необходимости руководства процессами самообразовательной деятельности студентов и непосредственно их саморазвитием в учебных заведениях Украины путём перехода педагогических коллективов от традиционной педагогике к педагогике партнерства.

Ключевые слова: образование, саморазвитие (самообразование, самовоспитание, самосовершенствование) личности, индивидуальность, педагогика партнерства, профессиональная компетентность, мировоззренческие ориентиры.

Lozovoy Victor. Issues of Personality Self-Development in Ukrainian Educational Environment

The article highlights the problems of organization and management of the processes of self-development of the personality of a future specialist in the educational system of Ukraine. An analysis of scientific research and the results of the phenomenon of conscious self-development of the personality and its main forms achieved during the end of the 19th century are presented. – the beginning of the XXI century., including scientific achievements, published in the “Scientific Notes” of the Kharkov Humanitarian Institute “People’s Ukrainian Academy”. Attention is drawn to the need to guide the processes of students’ self-education activities and their direct self-development in educational institutions of Ukraine by shifting the teaching staff from traditional pedagogy to partnership pedagogy.

Key words: education, self-development (self-education, self-education, self-improvement) personality, individuality, partnership pedagogy, professional competence, ideological guidelines.

Цивілізаційний розвиток III тисячоліття висуває в епіцентр свого подальшого розгортання людину. Людина сприймається соціумом як унікальна біосоціодуховна істота, від якої залежить ефективний розвиток суспільства. Інформаційна цивілізація вимагає надзвичайної мобільності людини. Сучасник за своє життя може суттєво модифікувати соціальні ролі та функції, середовище життєдіяльності. Його біографічний проект може постійно корегуватись, а то й змінюватись. Отже, сучасність все більше вимагає від людини здатності та здібності постійної роботи над собою з метою швидкої соціальної адаптації до середовища, яке швидко змінюється під впливом її діяльності. В умовах незалежної України, коли людина за Конституцією України визнається найвищою соціальною цінністю суспільства, вона має постійно підійматись як соціодуховна істота у своєму соціальному й духовному розвитку.

Ще в давні часи людина була здатна до саморозвитку, але тривалий час цей процес відбувався інтуїтивно. Людина виробляла необхідні якості, навички для виконання певних функцій і задоволення власних потреб. В умовах цивілізаційного розвитку цей процес поступово набрав усвідомленого характеру, а освітня система допомагала організувати і керувати в певній мірі цим явищем шляхом надання необхідних

знань та педагогічним керівництвом індивідуальним розвитком особистості. Як писав у свій час Олександр Македонський, «Батьки дали мені життя, людиною зробив мене мій вчитель – Арістотель». Керуючись силою розуму, його можливостями, продовжував цю думку В. О. Кудін, природа надала людині самій обирати, ким вона стане, які вроджені від природи властивості та якості вона стане розвивати й стверджувати, формуючи неповторність своєї індивідуальності [4, с. 97].

Саморозвиток особистості розглядається науковцями як складний системний процес, що має стихійну й усвідомлену форми. Неусвідомлені прояви саморозвитку особистості реалізуються шляхом наслідування, імітації, гри, стихійної адаптації, коли індивід не ставить за мету змінити себе власними зусиллями. Усвідомлений саморозвиток здійснюється за допомогою вольових проявів особистості для досягнення бажаної мети. Це реалізується через самовиховання, самоосвіту, самостворення й самовдосконалення.

Найбільш дослідженими є такі форми усвідомленого саморозвитку як самовиховання і самовдосконалення. Художня думка XIX ст. Підкреслює й обґрунтовує духовно-ціннісну природу цих явищ, а в XX ст. фіксується увага на функціонально-інструментальному боці самовиховання, самовдосконалення [7, с. 113–114]. Наукові пошуки й аналіз цих явищ починаються з кінця XIX–початку XX ст. і здебільшого мають випадковий характер, а з 60-х рр. XX ст. активність наукового обґрунтування й осмислення процесів самоосвіти, самовиховання, самовдосконалення постійно зростала. Спочатку це були піонерські психолого-педагогічні пошуки, а наприкінці XX ст. почали розроблятися філософські, етичні, культурологічні та соціологічні аспекти усвідомлених форм саморозвитку особистості. У процесі становлення постіндустріальної (інформаційної) цивілізації та людиноцентричної світоглядної парадигми інтерес до проблем саморозвитку особистості зростає. Так, тільки за 2000–2006 роки було опубліковано більше 320 наукових праць [10, с. 9]. На початок XXI ст. найбільших зусиль доклали науковці загальнонаукового, загальнофілософського та психолого-педагогічного напрямів. Активізувалися філософсько-культурологічні та філософсько-соціологічні наукові пошуки. Якщо в межах психолого-педагогічного аналізу усвідомлені форми само-

розвитку особистості розглядалися як цілеспрямована діяльність з метою зміни особистості у відповідності до певного ідеалу, то філософсько-етичний аналіз надав можливість визначити самовиховання як практично-діяльне самовідношення особистості. Дослідники, що здійснювали філософсько-соціологічний аналіз, обґрунтовували діяльнісно-забезпечувальну природу самовиховної активності людини. У результаті культурологічного аналізу була обґрунтована духовно-ціннісна природа й спрямованість усвідомленого саморозвитку особистості [5, с. 12–14; 8, с. 149].

Отже, науковцями обґрунтовано діяльно-забезпечувальну та духовно-ціннісну природу саморозвитку особистості, форми його прояву (неусвідомлені – стихійні, спонтанні та усвідомлені: найбільш прості – соціальна адаптація, саморегуляція та більш складні – самовиховання, самовдосконалення). Саморозвиток особистості розуміється як індивідуальна активність, що спрямована на розвиток, розгортання у собі того, що не успадковується, на вироблення особистісних якостей, навичок, що мають відбиток власних зусиль, напрацювань. Це реалізація біографічного проекту щодо розвитку соціального й професійного потенціалу та спрямованості світоглядних орієнтирів особистості як індивідуальності. Саморозвиток особистості зароджується у вихованні й поступово переростає у самовиховання, самовдосконалення. Життєвий досвід видатних людей свідчить, як вони завдяки постійній роботі над собою ставали індивідуальностями і служили своїй Батьківщині, людству. Серія книг прожиття знаменитих людей ілюструє таку їх активну роботу над собою задля індивідуального саморозвитку і служіння своєму народу. Людина по-справжньому живе тоді, на думку великих людей, коли вона, працюючи, постійно вчиться й вдосконалюється. Одна із важливіших засад людського існування – здатність до постійного саморозвитку.

Самовиховання, самовдосконалення є засобом досягнення самоцінності особистості й залежать від її світогляду. Вони залишаються одними з найбільш важливих, але недостатньо використовуваних резервів в активізації людського фактору в українському суспільстві. Бар'єрами на шляху самовиховної активності сучасника є обмежені можливості соціально-творчої діяльності, відчуження людини від

власності та влади, споживацтво, невисокий рівень змісту праці на робочих місцях, занижені темпи оновлення устаткування та впровадження прогресивних технологій, суперечність між зростанням рівня освіти і незабезпеченістю молоді працею у відповідності з отриманою освітою, зрівняльна оплата кваліфікованої, малокваліфікованої і некваліфікованої праці, інтелектуальна і психічна деградація в окремих соціально-професійних групах, егоїзм, індивідуалізм, авторитарна педагогіка, волонтаризм управлінців тощо. Оптимізацією саморозвитку особистості міг би стати цілеспрямований вплив суб'єктів управління соціальними процесами на умови життя людей з метою їх гуманізації, стимулювання їх творчого саморозвитку та духовного піднесення.

Складовою самовиховання, самовдосконалення особистості є її самоосвіта як засіб продовження освіти, збагачення й систематизації знань. Зокрема, професійна самоосвіта є шлях до професійної ерудиції, компетентності. Історичний досвід свідчить, що самоосвіта особистості була й залишається основним засобом продовження освіти, поповнення й оновлення, збагачення й систематизації знань, розвитку системного мислення, збагачення інтелектуальної культури особистості. Самоосвіта є найбільш ефективним засобом формування світоглядних орієнтирів, професійної компетентності й загальної культури будь-якого спеціаліста. За допомогою самоосвіти компенсуються вади, що накопичились в попередньому розвитку індивіда, долаються обмеженість, однобічність, які пов'язані з вузькопрофільною підготовкою фахівців. Самоосвіта особистості є процесом її свідомої участі в розширенні й розвитку власних мисленнєвих здібностей та кругозору.

Самоосвіта особистості розглядається як система оновлення, розширення й поглиблення раніше отриманих знань, вдосконалення практичних навичок, вмінь їх отримувати з метою досягнення високого рівня професійної інформованості й загальної культури. Самоосвіта, як правило, здійснюється за індивідуально розробленою програмою, ініціюється, спрямовується, регулюється і контролюється самою особистістю. Самоосвіта студента пов'язана з навчальним процесом закладу вищої освіти і є важливим, природним його доповненням, але може бути й автономним, яке виходить за його межі. За матеріалами

соціологічних досліджень 90-х років серед студентів, які послідовно займалися самовихованням, самоосвітою більше тих, хто досяг значних успіхів у вивченні гуманітарних і спеціальних дисциплін, успішно сполучали навчання з продуктивною громадською діяльністю, активно й раціонально використовували вільний час, ставали неформальними лідерами в колективі [Див. 6, с. 40]. Але соціологічні дослідження, що проводились в середині 90-х років ХХ ст., в навчальних закладах Харківщини, виявили орієнтації студентів на досягнення матеріальних благ, кар'єри, взагалі домінування прагматизму і раціоналізму в ставленні до життя [11, с. 15]. Прийоми, методики, взагалі досвід самоосвіти, що засвоюється й накопичується в процесі навчання в загальноосвітній школі, розвивається й систематизується в умовах вищої школи. Самоосвіта стає необхідним компонентом технології сучасної освіти, саморозвитку й виконує низку функцій: загальноосвітньої і професійної підготовки особистості як здійснення індивідуального задуму; всебічного загальнокультурного розвитку особистості, задоволення моральних, інтелектуальних, естетико-художніх та інших духовних потреб, із яких складається особистісний потенціал; компенсаційну, тобто забезпечує вирівнювання недоотриманих з різних причин базових знань чи їх фрагментів; терапевтичну; оптимальної організації вільного часу, дозвілля; амортизаційну, адаптаційну та інші [Див. 9, с. 64–66].

В останній час у своїй більшості студенти орієнтуються на пасивно-розважальні та розважально-пізнавальні види діяльності, а незначна частина – на діяльно-піднесені. Це є свідченням, що самотійна робота, самоосвіта як у професійній, так і в гуманітарній (соціально-гуманітарній), світоглядній підготовці у багатьох студентів не має систематичного, напруженого характеру. Значна частина студентів навіть на випускних курсах не володіють методикою самоосвіти, не можуть оптимально й ефективно організувати й здійснювати свою пізнавальну діяльність. Сучасна система виховання й освіти в Україні, як зазначає В. О. Кудін, в результаті некритичного, непродуманого запозичення далеко не кращих із закордонних «новацій» «Болонського процесу», призвела до культивування індивідуалізму, кар'єризму, гонитви за прибутком та багатством за будь-яку

ціну, неповажному ставленню до інтересів інших, справжніх цінностей культури [4, с. 94]. Рівень самоосвіти студентів є одним із показників рівня організації й ефективності навчального процесу в закладах вищої освіти. Переорієнтація студентів з пасивних форм навчального процесу, отримання й засвоєння знань на активні, на творчу самоосвіту є одним із завдань реформи вищої школи. Самоосвіту необхідно не заохочувати й стимулювати, а цілеспрямовано організовувати для ефективного засвоєння змісту навчальних дисциплін.

Сучасна загальноосвітня, професійна і вища школа повинні забезпечити не тільки засвоєння програмних завдань, але й навчити своїх випускників умінням і навичкам самостійного пізнання й аналізу новітнього. На даному етапі функціонування освітньої системи України самоосвіта, самовиховання, саморозвиток взагалі є не тільки проблемою психолого-педагогічною, соціально-педагогічною, а, скоріш за все, соціальною. Опрацювання низки теоретичних проблем саморозвитку особистості відстає від потреб практики. Очікують глибокого дослідження соціальна й особистісна детермінація, закономірності становлення та функціонування самовиховання, самовдосконалення, керівництво цими процесами в навчальних закладах. Поза увагою науковців залишаються проблеми саморозвитку в різних соціально-демографічних та соціально-професійних групах сучасного українського суспільства. У процесі виховання важливо виявлення факторів, що активізують самовиховну діяльність людини, а також довести до свідомості кожної людини, особливо молоді, про велике значення самовиховання, самовдосконалення у становленні і розвитку особистості, а потім й індивідуальності. Освіта, як зазначає В. О. Кудін, базується на трьох важливих витоках: 1) засвоєння отриманих нами знань від інших або від засобів масової інформації; 2) всебічних тренувань у процесі навчання, осмислене виконання різного роду навчальних завдань, факультативних занять; 3) постійна самоосвіта в різних напрямках, що відкривають зміст природи людини [4, с. 137].

Якщо ігнорувати такі пропозиції, то студент, а потім і фахівець, буде здебільшого жити й реалізовувати природні інстинкти, а не соціальні цінності. Оскільки на необробленому ґрунті розростається бур'ян. Як писав М. Г. Чернишевський ще у 1856 р. у статті про

Пушкіна О. С.: «Образованным человеком называется тот, кто приобрёл много знаний и, кроме того, привык быстро и верно соображать, что хорошо и что дурно, что справедливо и что несправедливо или, как выражаются одним словом, привык «мыслить» и, наконец, у кого понятия и чувства получили благородное и возвышенное направление, т.е. приобрели сильную любовь ко всему доброму и прекрасному. Все эти три качества – обширные знания, привычка мыслить и благородство чувств – необходимы для того, чтобы человек был образованным в полном смысле слова. У кого мало познаний, тот невежда; у кого ум не привык мыслить, тот груб и тупоумен; у кого нет благородных чувств, тот человек дурной» [12, с. 199–200]. Адже інтелект, не занурений в моральність, здатний знищити не тільки навколо себе, а й самого себе. Як кажуть у народі, «Інтелект то є, та совісті нема»!

У закладах вищої освіти скорочується соціально-гуманітарна складова навчальних планів на користь збільшення годин на професійно орієнтовані навчальні дисципліни. Викладачі вищих навчальних закладів Харківщини звертають увагу на «зведення до мінімуму кількості та обсягу фундаментальних гуманітарних дисциплін, які мають світоглядне значення (філософії, етики, естетики, релігієзнавства тощо) у навчальних планах вищих навчальних закладів, віднесення деяких з них до складу вибіркового дисциплін, або взагалі відмова від їхнього викладання апіорі позбавляє майбутніх фахівців можливості торкнутися загальнолюдських норм та принципів суспільного життя, опанувати духовні здобутки людства» [1, с.108–109]. Отже, сучасна вища школа, як далі зазначають Л. В. Анучина і В. Г. Грицаненко, готуючи фахівців, «віддаляється від процесу становлення людини творчої, людини, яка: усвідомлює сутність навколишнього світу, здатна ідентифікувати себе по відношенню до нього, здатна розумно й адекватно формувати програму самореалізації у ньому, розробляти особистісний проєкт саморозгортання; здатна творчо і продуктивно реалізувати власну життєву програму завдяки оптимістичній філософсько-світоглядній і етично-естетичній настанові, волі та вітальній енергії, а також завдяки своїм спеціальним знанням та вмінням» [1, с. 106].

Сучасному українському суспільству важливо формувати нову

особистість з панівною духовно-моральнісною орієнтацією. Духовно-моральнісне виховання особистості, і зокрема фахівця, пов'язане з системною організацією всіх соціальних інститутів і передусім освіти. Але важливо включення самої особистості в активний процес саморозвитку, тобто самовиховання і самовдосконалення. Хоча, як відомо, ринкове суспільство вимагає формування «людини-функції» й стурбоване формуванням особливих професійних компетенцій, оскільки економцентризм орієнтує на отримання максимального прибутку, задоволення нескінченних матеріальних потреб.

Як зазначав В. С. Бакіров, здійснюється радикальна зміна парадигми вищої освіти. Замість гуманістичної спрямованості, що трактувалась як право людини збагачувати себе видатними досягненнями людства й ставити їх на службу соціальному прогресу, справедливості, моральним цінностям, ми бачимо, що постає все більш парадигма економічна, яка трактує вищу освіту як сферу інвестицій, що приносить додатковий прибуток, фінансові дивіденди тощо [2]. Масовізація, комерціалізація, комп'ютеризація освіти, бурхливий розвиток технологій дистанційної освіти знижують мотивацію студентів до навчання. У суспільстві активізуються процеси бездуховності, соціальних хвороб, особливо таких, як алкоголізм, наркоманія, шахрайство, агресивність та інших форм саморуїнації особистості, що шкодить соціальному здоров'ю суспільства.

Інформаційна (постіндустріальна) цивілізація з людиномірним підходом передбачає індивідуалізацію освітнього процесу та його безперервності, тобто освіту через все життя та необхідність формування нового наукового світобачення – ноосферного світогляду, екологічного імперативу, особистої відповідальності за збереження всіх форм життя. Йдеться про орієнтацію системи освіти на розвиток індивідуальних здібностей і можливостей, створення умов для творчості й самореалізації особистості, формування у неї аналітичних, комунікативних здібностей та різних інтелектуальних вмінь, оскільки освітня система формує основи подальшого життя і діяльності людини. Американські та європейські науковці обстоюють ідею особистісно орієнтованої освіти гуманістичного типу, звернену до людини і наповнену людськими сенсами, що забезпечує саморозвиток особистості,

розгортання її індивідуальності, повноцінне задоволення її освітніх, духовних, життєвих запитів і потреб. Це передбачає перехід від традиційної, авторитарної педагогіки до педагогіки партнерства.

Традиційна педагогіка базувалася на управлінні, впливові, формуванні особистості. У ній ігнорується саморозвиток особистості. Людина (дитина) сприймається як об'єкт педагогічних впливів. Досвід видатних українських педагогів А. С. Макаренка, В. О. Сухомлинського, а пізніше – І. А. Зязюна базувалася на ідеях людиноцентризму, «філософії серця» та «сродної праці» (за Г. С. Сковородою), неперервності саморозвитку та ін. Вони впроваджували педагогіку партнерства. В її основі міститься любов до студентів і до своєї професії, здатність до морального резонансу, справедливість в оцінці знань і вчинків вихованців. І. А. Зязюн, автор теорії педагогічної майстерності та педагогіки добра, писав: «Я завжди вважав і вважаю, що ректор – педагог № 1» ... «Студенти повинні в ньому бачити найкращого лектора, найкращого науковця, найкращого організатора, найбойовитішого захисника їхніх інтересів і ... найгіршого диктатора. Усе це, поєднане в одній людині, уможливило педагогічний авторитет» [3, с. 106]. Завдання суб'єктів педагогічної діяльності – формувати з кожного студента творчу особистість, індивідуальність майбутнього професіонала з гуманістичним світоглядом на основі диференційованого й індивідуального підходів. І. А. Зязюн завжди спрямовував свою педагогічну діяльність «на ставлення до студентів у такий спосіб, щоб знайти у кожного з них неповторний творчий початок і його підтримати, спрямувавши на саморозвиток» [3, с. 56]. Вчити, як він писав, ненав'язливо, нетенденційно, мимовільно (своїми Поведінкою, Статусом, Знаннями, Людяністю, Свободою, Любов'ю, Щастям, Талантом) [3, с. 74]. Освіта в Україні повинна орієнтуватись не на потреби господарчі, а на потреби людей, враховуючи і господарчі [3, с. 304].

Перехід від авторитарної педагогіки, педагогіки запам'ятовування до педагогіки партнерства передбачає реконструювання досвіду керівництва процесом самонавчання, самоосвіти студентства, взагалі саморозвитку, що порозгублювався. Оволодіння культурою інтелектуальної праці й вироблення індивідуального стилю інтелектуальної діяльності також можливо за допомогою звернення студентів до

досвіду життя і діяльності відомих, знаменитих людей різних епох (часів), входження у їх творчу лабораторію.

Список літератури

1. Анучина Л. В. Деякі погляди на сучасну вищу школу України / Анучина Л. В., Грицаненко В. Г. // Історія державотворчих процесів в Україні та зарубіжних країнах (до 100-річчя утворення Української Народної Республіки) : зб. наук. ст. та тез повідом. міжнар. наук. конф. (м. Харків, 23 листопада 2017 р.). – Харків: Право, 2017. – С. 105–110.

2. Бакиров В. С. Об академическом капитализме и пролетариях умственного труда [Электронный ресурс] // STATUS QUO. – 2016. – Режим доступа: http://www.sq.eom.ua/rus/news/tek.sty/25.02.2016/bakirovobakademicheskompkarpitalizme_i_proletariyah_umstvennogo_truda/.

3. Зязюн І. А. Педагогіка добра: ідеали і реалії : наук.-метод. посібн. – Київ: МАУП, 2000. – 312 с.

4. Кудин В. А. Энергия оптимизма (Педагогика оптимизма). – Киев : Изд-во «Золотые ворота», 2015. – 264 с.

5. Лозовой В. А. Самовоспитание личности : философско-социологический анализ. – Харьков: Основа, 1991. – 208 с.

6. Лозовой В. А. Самообразование студента: проблемы и опыт // Учен. зап. Харьк. гуманитар. ин-та «Нар. укр. акад.». – 1995. – Вып. 1. – С. 36–43.

7. Лозовой В. А. Самосовершенствование личности: философско-художественное осмысление идеи и процесса в украинском духовном пространстве / Лозовой В. А., Тертычная В. Ф. // Учен. зап. Харьк. гуманитар. ин-та «Нар. укр. акад.». – 1996. – Т. 2. – С. 109–114.

8. Лозовой В. А. Особенности культурологического анализа личностного саморазвития / Лозовой В. А., Тертычная В. Ф. // Учен. зап. Харьк. гуманитар. ин-та «Нар. укр. акад.». – 1997. – Т. 3. – С. 144–150.

9. Лозовой В. А. Самообразование личности как необходимость и ценность / Лозовой В. А., Бурлука Е. В. // Вчені зап. Харків. гуманітар. ін.-ту «Нар. укр. акад.». – 2001. – Т. 4. – С. 61–66.

10. Лозовой В. А. Человек: проблемы саморазвития : список рекомендаций, лит.-ры и словарь осн. терминов / Лозовой В. А., Ерахторина О. М. – Харьков : Константа, 2007. – 100 с.

11. Пішуліна О. М. Зміни орієнтації поведінки особистості в умовах трансформації культури : автореф. дис. ... канд. соціол. наук. – Харків, 1996. – 21 с.

12. Чернышевский Н. Г. Александр Сергеевич Пушкин. Его жизнь и сочинения // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 10 тт. – С.-Петербург, 1906. – Т. 10, ч. 2. – С. 198–226.

References

1. Anuchyna, L. V., Hrytsanenko, V. H. (2017). Deyaki pohlyady na suchasnu vyshchus hkolu Ukrainy [Some views on the modern high school of Ukraine]. In: *Zbyrka naukovykh statey ta tezpyvidom*. Harkov: Pravo, pp. 105–110.
2. Bakirov, V. S. (2016). Ob akademicheskome kapitalizme I proletariyakh umstvennogo truda [On Academic Capitalism and the Proletarians of Intellectual Labor]. In: *STATUS QUO* [online]. Available at: <http://www.sq.com.ua/rus/news/tek.sty/25.02.2016/>
3. Zyazyun, I. A. (2000). *Pedahohika dobra: ideally i realiyi [Pedagogy of good: ideals and realities]*. Kyiv: MAUP, 312 p.
4. Kudin, V. A. (2015). *Energiya optimizma [Energy of optimism]*. Kiev: Izd-vo Zolotyie vorota, 264 p.
5. Lozovoy, V. A. (1991). *Samovospitaniy elichnosti: filosofsko-sotsiologicheskyy analiz [Self-education of the personality: philosophical and sociological analysis]*. Harkov: Osnova, 208 p.
6. Lozovoy, V. A. (1995). Samoobrazovaniye studenta: problem I opyt [Student self-education: problems and experience]. *Ucheni zapiski KhGU «NUA»*, v.1, pp. 36–43.
7. Lozovoy, V. A., Tertychnaya, V. F. (1996). Samosovershenstvovaniye lichnosti: filosofsko-khudozhestvennoye osmysleniye ideii protsessa v ukrainskom dukhovnom prostranstve [Personal self-perfection: philosophical and artistic comprehension of the idea and process in the Ukrainian spiritual space]. *Ucheni zapiski KhGU «NUA»*, V. 2, pp. 109–114.
8. Lozovoy, V. A., Tertychnaya, V. F. (1997). Osobennosti kul'turologicheskogo analiza lichnostnogo samorazvitiya [Features of the culturological analysis of personal self-development]. *Ucheni zapiski KhGU «NUA»*, v. 3, pp. 144–150.
9. Lozovoy, V. A., Burluka, Ye. V. (2001). Samoobrazovaniye lichnosti kak neobkhodimost' I tsennost' [Self-education of the personality as a necessity and value]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, v. 4, pp 61–66.
10. Lozovoy, V. A., Yerakhtorina, O. M. (2007). *Chelovek: problem samorazvitiya [Man: Problems of Self-Development]*. Harkov: Konstanta, 100 p.
11. Pishchulina, O. M. (1996). *Zminy oriyentatsiyi povedinky osobystosti v umovakh transformatsiyi kultury [Changes in the orientation of personality behavior in the conditions of culture transformation]*. Kand. sotsiol. nauk. Harkov, 21 p.
12. Chernyshevskiy, N. G. (1906). Aleksandr Sergeyeovich Pushkin. Yego zhizn' i sochineniya [Alexander Pushkin. His life and writings]. In: Chernyshevskiy, N.G. *Poln. sobr. soch. v 10 tt.*. Sankt-Peterburg, v. 10, 2, pp. 198–226.

УДК 316.74:37.015.311

<http://doi.org/10.5281/zenodo.3707827>**Т. В. Зверко****СТУДЕНТ У ПОЛІ ОСВІТНІХ
МОЖЛИВОСТЕЙ**

В статті представлений узагальнений досвід авторки та науковців Народної української академії у дослідженні впливу освіти, в тому числі закладу вищої освіти на формування та розвиток особистості студента.

На основі аналізу матеріалів соціологічних досліджень, проведених за участі авторки, та висновків власних наукових розробок визначені характеристики студента як суб'єкта, що навчається та на певному рівні використовує свій діяльнісний потенціал у формуванні громадянського суспільства. Розкрито роль студентського самоврядування в розвитку особистості студента як агента соціальних перетворень. Визначені особливості практик дозвілля студентської молоді та їх тенденції. Обґрунтовано, що студентство потенційно володіє тими характеристиками, які надають йому можливості ефективно конструювати не тільки індивідуальні освітні траєкторії, але й кар'єрні позиції.

Ключові слова: студент, розвиток особистості студента, освітні практики, громадянська позиція, соціальна активність, практики дозвілля, кар'єрні позиції.

Зверко Т. В. Студент в поле образовательных возможностей

В статье представлен обобщенный опыт автора и ученых Народной украинской академии в исследовании влияния образования, в том числе учреждения высшего образования на формирование и развитие личности студента.

На основе анализа материалов социологических исследований, проведенных при участии автора, и выводов собственных научных разработок определены характеристики студента как субъекта, который обучается и на определенном уровне использует свой деятельностный потенциал в формировании гражданского общества. Раскрыта роль студенческого самоуправления в развитии личности студента как агента социальных изменений. Определены особенности досуговых практик студенческой молодежи и их тенденции. Обосновано, что студенчество потенциально владеет теми характеристиками, которые дают ему возможность эффективно конструи-

ровать не только индивидуальные образовательные траектории, но и карьерные позиции.

Ключевые слова: студент, образование, развитие личности студента, гражданская позиция, социальная активность, досуговые практики, карьерные позиции.

Zverko Tamara. Students within the area of educational opportunities

The article deals with the combined experience of the author and scientists of the Peoples Ukrainian Academy in the research of educational influence, including that of a higher educational establishment, on students personality formation and development.

Based on the analysis of sociological research materials, conducted with the authors participation, and also based on conclusions of own scientific developments, the characteristics of students as studying subjects who use their activity potential on some level while developing a civil society, – have been determined. The role of student self-governance in the development of a students personality as an agent of social changes has been disclosed. Peculiarities of student youths leisure practices and their trends have been determined. Studentship has been explained to potentially own such kinds of characteristics, which provide an opportunity to construct effectively not just individual educational trajectories, but also career positions.

Key words: student, education, student personality development, citizenship, social activity, leisure activities, career positions.

Нова глобалізована архітектура освіти конструюється в площині злиття академічних моделей, їх міксування, що, безперечно, зумовлює появу нових конфігурацій, які впливають на сучасний освітній контекст, його зміст та траєкторії розвитку у вищій школі. Ці конфігурації вибудовують відповідні форми освітнього поля студентів як результату багатьох взаємодій, з її специфічними нормами та цінностями, що часто локалізуються на рівні, який не піддається впливу. І цілком логічно постають питання: у яких напрямках змінюється за характером академічна діяльність студента; як відбувається взаємовплив «старої» та «нової» орієнтацій і яке місце в цьому посідає особистість студента, що наділена атрибутивним набором знань і вмінь; як відбувається «входження» зовнішнього, соціального у внутрішнє, присвоєння культури тим, хто навчається, «референтація» освітнього простору.

В ракурсі соціологічної інтерпретації можливостей освіти для розвитку студентів, представленої у наших статтях за останнє десятиріччя, означена проблема заслуговує на узагальнюючий аналіз. Це дозволить визначити та осмислити ті особливості освітнього поля, які конструюють навчальні траєкторії, впливають на ступінь соціальної активності студента.

Одночасно слід зауважити, що особливий інтерес для такого аналізу являють дослідницькі розвідки Народної української академії¹, які стали основою для виміру тих реперних точок освітнього, соціального та особистісного полів, у яких розвивається студент як особистість, конструє своє професійне майбутнє.

Звернімося до блоку питань, який пов'язаний з вивченням студента як суб'єкта, що навчається [1, с. 361–377]. Як виявилось, для значної частини українських студентів освіта – це безперервний процес індивідуального самовдосконалення (43,1%), що свідчить про зміну уявлень студентів про освіту (від фіксованого до його реальних динамічних аспектів). Очевидно, акценти зміщуються від соціально значущого образу освіти до особистісно значущого.

Для сьогоднішніх студентів процес навчання виступає єдністю професіоналізованих (61,0%), світоглядно-освітніх (52,2%), когнітивних (51,1%) цілей, а також розвитку соціальних мереж і накопичення соціального капіталу (49,7%). Стало очевидним, що очікування від навчання конструюються студентами в площині того, що ЗВО дасть їм високий рівень загальнотеоретичної підготовки (середній бал 3,2 за 4-х бальною шкалою), навички спілкування (3,2), високий рівень спеціальної підготовки (3,1), практичні навички й уміння (3,1) та ін.

¹ Соціологічні дослідження, що проведені Лабораторією проблем вищої школи Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія»: «Студент XXI ст.: соціальний портрет на тлі суспільних трансформацій» (2006-2009 р.) – (n = 2775); «Якість професійної підготовки випускників харківських ВНЗ в оцінках роботодавців» (2011 р.) – (n = 105); «Впровадження ідеї безперервної освіти: освітні практики» (2013 р.), (n = 105); «Проблеми професійного вибору й зайнятості молоді на регіональному ринку праці» (2014 р.) – (n = 950); «Розвиток громадянського суспільства» (2014 р.) – (n = 1119); «Вивчення кар'єрно-професійних орієнтацій випускників ХГУ «НУА» та роль вузу в їхньому формуванні» (2015 р.) – (n = 312).

Позитивним убачається включення видів діяльності, навичок, якостей, які можуть впливати на конструювання освітньої траєкторії.

Слід зауважити, що сучасний освітній контекст потребує динамічності та різновекторності цих траєкторій, у тому числі як на рівні формальної, так і неформальної освіти.

Важливою характеристикою студентства, на нашу думку, виступає рівень реалізації його діяльнісного потенціалу в процесі становлення громадянського суспільства, що було розглянуто нами в статті «Громадянська позиція молоді: досвід Народної української академії у дослідженні проблеми» [2]. Обґрунтовано, що студентська молодь потенційно володіє тими характеристиками (соціальна активність, динамізм, конструктивність, інноваційність мислення, розвинуте почуття відповідальності, самостійність у прийнятті рішень тощо), які надають їй можливості ефективно впливати на темпи й напрямки соціально-політичних процесів. Особливо виокремлені проблеми щодо прояву з боку молоді громадянської самосвідомості та поведінки. Це дозволило акцентувати увагу на нових аспектах у вивченні питання про формування громадянських позицій молоді, актуалізуючи необхідність розвитку виховного потенціалу громадських молодіжних об'єднань, активного включення молоді в різні сфери суспільної життєдіяльності, зростання ролі ЗВО як центрів підготовки спеціалістів з активною громадянською позицією [2, с. 105].

Ще один блок питань, пов'язаних із соціальною активністю студентства, розглядом його як суб'єкта та об'єкта соціальних відносин, посідає особливе місце в зоні нашої уваги. На основі вивчення проблемно-ціннісної орієнтації студентського самоврядування [3] ми дійшли висновку, що студенти в молодіжних організаціях набувають соціально та професійно важливі навички: прийняття самостійних рішень, проектування власної діяльності, позитивної самореалізації.

Як свідчать освітні практики, майже 30% студентів беруть участь в організації факультетських та університетських заходів, до 20% – в роботі клубів за інтересами, стільки ж – в роботі органів студентського самоврядування [3, с. 92]. Очевидно, що студентське самоврядування визнається студентами важливим елементом розвитку лідерської поведінки. Проте на практиці самоврядування на рівні вищу

часто бюрократизується, а студенти виконують роль пасивного наглядача. Тож завдання ЗВО – включення у соціально значущу, формуючу та розвивальну діяльність кожного студента, що допоможе йому проявитися як особистість.

З нашої точки зору, в характеристиках сучасного студента не можна було обминути розгляд практик дозвілля, які є достатньо значущими для розвитку внутрішнього світу особистості, її творчої спрямованості.

Нами виявлено, що дозвілля студентів стало різноманітним, еkleктичним – як за цілями, так і за змістом. Дослідження проблеми за допомогою емпіричних даних показало посилення тенденції «одомашнювання» дозвілля (одноманітність, монотонність, відхід від активних форм дозвілля, розважальна спрямованість) [4, с. 103], і слід додати, явне зміщення інтересів у бік занурення у цифровий контент. Отже, практики дозвілля студентської молоді детермінуються, як ми відзначили [4, с. 106], по-перше, потребами, інтересами, вміннями самої людини, по-друге, характером соціокультурного середовища, в тому числі вишу. Цим практикам притаманні певні протиріччя: одні мають позитивну спрямованість і ведуть до культурного збагачення через культурно-освітній простір навчального закладу, інші – мають негативний потенціал, збіднюють дозвілля.

Одночасно розглянуті нами зони отримання освіти, включення у суспільно-політичну та дозвіллеву практики студентів мають безпосередній зв'язок з професійною самореалізацією, кар'єрними планами. Тому цілком логічно, що в площину нашого аналізу вплетене дослідження кар'єрного капіталу випускників Народної української академії [5], яке допомогло визначити конструкти побудови професійного сценарію не тільки випускників, але й студентів у процесі професійної соціалізації у ЗВО, врегулювати інноваційні механізми самореалізації і самопроєктування.

Важливим моментом для наших узагальнень стало виокремлення пріоритетних для конструювання кар'єри позицій. Серед значущих для кар'єрного капіталу елементів названі: впевненість у собі (82,5%), самореалізація (71,5%), гарна освіта з наступною престижною кар'єрою (71%), упевненість у майбутньому (64,7%), вдосконалення

себе як особистості й розвиток своїх здібностей (63,5%) [5, с. 110]. Ці дані свідчать про високий рівень зацікавленості в самовдосконаленні для підвищення професійних навичок.

Звернімо увагу на те, що домінантними професійними та особистісними якостями, які формуються в освітньому полі, визначені навички самоорганізації, самопрезентації; уміння здійснювати пошук, аналізувати й узагальнювати інформацію; цифрова компетентність; комунікабельність; практичні навички зі спеціальності; здатність і готовність учитися; спрямованість на результат; зацікавленість у роботі, що, на нашу думку, демонструє знання і розуміння змісту високоефективної роботи.

Проведений аналіз наукових напрацювань автора щодо освітніх можливостей розвитку студента дозволяє характеризувати їх у ракурсі різновекторних змінних, які впливають на процес формування й розвитку сучасного студента. Переформатування соціального, освітнього полів призводить до зміни особистісного поля. Це виявляється в навчальній, соціально значущій, професійній, дозвіллевій діяльності, в соціальній творчості. І в цих напрямках розгортається (або гальмується) проактивна позиція значної частини сучасних студентів. Інше питання, чи всі вони вписуються в нові параметри соціального простору, в нові парадигми освіти.

Як показує досвід досліджень розглянутої нами проблематики, використання їх може бути орієнтиром для подальших наукових розвідок та мати практичну значущість щодо діагностування впливів освітнього поля на конструювання індивідуальної траєкторії студента, адже сучасний освітній процес соціально значущий, як ніколи; необмежений у часі та просторі; технологічно різноманітний.

Список літератури

1. Студент XXI века: социальный портрет на фоне общественных трансформаций : монография / Нар. укр. акад.; под общ. ред. В. И. Астаховой. – Харьков : Изд-во НУА, 2010. – 408 с.
2. Зверко Т. В., Овакимян О.С. Гражданская позиция молодежи: опыт Народной украинской академии в исследовании проблемы / Т. В. Зверко, О. С. Овакимян // Ученые записки НУА. – Харьков: Изд-во НУА, 2016. – Т. 22. – С. 94–106.

3. Зверко Т. В. Проблемно-ценностная ориентация студенческого самоуправления / Т. В. Зверко // Вчені записки Харк. гуманіт.ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків : Вид-во НУА, 2009. – Т. 15. – С. 87–95.

4. Зверко Т. В. Досуговые практики молодежи в контексте теории практик / Т. В. Зверко // Вчені записки Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків : Вид-во НУА, 2011. – Т. 17. – С. 279–284.

5. Зверко Т. В., Топчий Т. В. Карьерный капитал выпускника вуза: сильные стороны и направления развития / Т. В. Зверко, Т. В. Топчий // Вчені записки Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2017. – Т. 23. – С. 106–112.

References

1. Student XXI veka: sotsial'nyy portret na fone obshchestvennykh transformatsiy: monografiya [Student of the XXI century: a social portrait on the background of social transformations: monograph] / Nar. ukr. akad.; pod obshch. red. V. I. Astakhovoy. – Khar'kov : Izd-vo NUA, 2010. – 408 p.

2. Zverko T. V., Ovakimyan O. S. Grazhdanskaya pozitsiya molodezhi: opyt Narodnoy ukrainskoy akademii v issledovanii problemy [The civic position of youth: the experience of the People's Ukrainian Academy in the study of the problem] / T. V. Zverko, O. S. Ovakimyan // Uchenyye zapiski NUA [Scientific notes of the PUA]. – Khar'kov : Izd-vo NUA, 2016. – Vol. 22. – pp. 94–106.

3. Zverko T. V. Problemno-tsennostnaya oriyentatsiya studencheskogo samoupravleniya [Problem-value orientation of student self-government] / T. V. Zverko // Uchenyye zapiski Khar'k. gumanit.un-ta «Nar. ukr. akad.» [Scientists notes Khark. humanities.un-tu «Nar. ukr. acad. »]. – Khar'kov : Izd-vo NUA, 2009. – Vol. 15. – pp. 87–95.

4. Zverko T. V. Dosugovyye praktiki molodezhi v kontekste teorii praktik [Leisure practices of youth in the context of practice theory] / T. V. Zverko // Uchenyye zapiski Khar'k. gumanit. un-ta «Nar. ukr. akad.» [Scientists notes Khark. humanities.un-tu «Nar. ukr. acad. »]. – Khar'kov : Izd-vo NUA, 2011. – Vol. 17. – pp. 279–284.

5. Zverko T. V. Kar'yernyy kapital vypusknika vuza: sil'nyye storony i napravleniya razvitiya [Career capital of the graduate of the university: strengths and directions of development] / T. Zverko, T. Topchiy // Uchenyye zapiski Khar'kovskogo gumanitarnogo universiteta «Narodnaya ukrainskaya akademiya» [Scientists notes of Kharkiv Humanities University “People's Ukrainian Academy”] / [redkol.: V. I. Astakhova (glav. Red.) I dr .]. – Khar'kov: Izd-vo NUA, 2017. – Vol. 23. – pp. 106–112.

И. С. Нечитайло

**МИКРО-МАКРО СВЯЗИ
ОБЩЕСТВА
И ОБРАЗОВАНИЯ:
ДИНАМИКА
И РЕЗУЛЬТАТЫ
НАУЧНОГО ПОИСКА**

В статье представлены результаты самоанализа отдельных научных статей автора, посвященных проблемам образования, опубликованных в сборнике «Ученые записки ХГУ «НУА»» в течение последних десяти лет. На основе анализа своих статей автор делает вывод о «колебаниях» научного поиска от макро- к микроуровню социального взаимодействия в образовании и наоборот. Такие колебания в полной мере отражают общее видение автором системных взаимосвязей общества и образования. Это видение со временем приобрело очертания авторской концепции взаимодействия общества и образования, получившей название «системно-кодовая».

Ключевые слова: система образования, микро-, мезо-, макроуровень социального взаимодействия, скрытая учебная программа, дискурс, код.

Нечитайло І. С. Мікро-макро зв'язки суспільства та освіти: динаміка і результати наукового пошуку

У статті представлені результати самоаналізу окремих наукових статей автора, присвячених проблемам освіти, опублікованих у збірнику «Вчені записки ХГУ«НУА»» протягом останніх десяти років. На основі аналізу своїх статей автор робить висновок про «коливання» наукового пошуку від макро- до мікрорівня соціальної взаємодії в освіті й навпаки. Такі «коливання» повною мірою відображають загальне бачення автором системних взаємозв'язків суспільства і освіти. Це бачення з часом набуло обрисів авторської концепції взаємодії суспільства та освіти, що отримала назву «системно-кодова».

Ключові слова: система освіти, мікро-, мезо-, макрорівень соціальної взаємодії, прихована навчальна програма, дискурс, код.

Nechitailo Iryna. Micro-macro Communications of Society and Education: Dynamics and Results of Scientific Search

This article presents the results of self-analysis of individual scientific articles of the author, devoted to the problems of education, published in the collection “Research Bulletin of Kharkiv University of Humanities “Peoples Ukrainian Academy”” over the past ten years. Based on the analysis of his articles, the author concludes about the “fluctuations” of her scientific research interests from the macro- to the micro-level of society-education interaction. Such “fluctuations” fully reflect the author’s general vision of the system of interconnections between society and education. Over time, this vision acquired the shape of the author’s conception of society-education interaction, which was called as “system-code”.

Key words: educational system, micro-, meso-, macro-level of social interaction, hidden curriculum, discourse, code.

Современное общество – система в высокой степени динамичная. Изменяются все его сферы без исключения. Опыт последнего десятилетия показывает, что в нашей стране наиболее активные изменения происходят в образовании. На фоне хаотичности и стохастичности, которые обязательно проявляются в высокодинамичных системах, имеет место также институциональная регуляция и целенаправленность процессов изменений. Речь идет о реформах. Современные реформы в системе отечественного образования весьма интенсивны и кардинальны. Безусловно, пока слишком рано делать какие-либо выводы относительно эффективности этих реформ, поскольку, во-первых, процесс реформирования все еще продолжается и находится в активной стадии, а во-вторых, – по причине значительной пролонгации во времени результатов этого процесса. Впрочем, чтобы эти результаты оправдывали прогнозы и ожидания, процесс реформирования должен иметь научную основу, опираться на научные данные и выводы, что позволит избежать многих негативных последствий.

Социология образования обладает всеми необходимыми теоретико-методологическими и эмпирическими средствами и инструментами для того, чтобы служить такой основой. Об этом свидетельствует весьма широкий спектр исследовательских направлений и интересов ученых, работающих в данной отрасли. В частности,

вопросам реформирования и модернизации образования посвящены труды В. Астаховой, А. Антипьева, Ю. Борцова, Л. Герасиной, Г. Зборовского, А. Навроцкого, В. Онищука, Е. Подольской, Л. Сокурянской, А. Сурмавы, Ю. Чернецкого и др. Большое внимание уделяется проблемам совершенствования образовательного процесса, эффективности социальных функций образования, вопросам воспитания как неотъемлемой составляющей образовательного процесса. Этим проблемам и вопросам посвящены работы В. Астаховой, Е. Астаховой, В. Бакирова, Л. Беловой, Е. Диковой-Фаворской, Е. Михайлевой, Е. Подольской, И. Шеремет, С. Щудло и др. Вопросам качества образования посвящены научные статьи В. Алексеенко, Л. Беловой, В. Викторова, А. Зубко, В. Кременя, В. Кальнея, В. Наводонова, А. Одерия, В. Онищука С. Плаксия, А. Субетто, С. Щудло и др. Отдельный пласт социологических трудов касается больших социальных групп, включенных в образование, о которых писали такие ученые, как: В. Астахова, В. Арбенина, М. Гончаренко, М. Горшков, В. Даниленко, Б. Пономаренко, В. Правоторов, Л. Сокурянская, Т. Старченко, Н. Черныш, М. Титма, В. Шубкин, Е. Якуба и др. Глубокий анализ системы социальных связей на уровне «социальная структура-образование-личность» проделан В. Добреньковым, В. Нечаевым, М. Руткевичем, М. Титмой. Такие исследователи, как Д. Костантиновський, С. Оксамитная, В. Харчев и другие исследуют процессы социальной селекции и воспроизводства неравенства в образовании. В контексте проблематики управления образованием активно обсуждаются, в том числе и социологами, вопросы организации, проектирования и конструирования образовательного пространства. Образовательное пространство в макромасштабе, например, в контексте Болонского процесса и глобализации, рассматривается в работах В. Дудиной, Е. Евстигнеева, Н. Касярум, В. Сапогова, В. Сенашеенко и др. В рамках проблематики академической мобильности и качества образования понятие образовательного пространства используется В. Астаховой, Е. Астаховой, К. Красиковым, Е. Михайлевой и др. В. Бутенко, Е. Зеер, И. Шендрик в своих научных трудах поднимают вопрос организации субъективного, личностного образовательного пространства. К числу совре-

менных ученых, которые исследовали проблематику взаимодействия общества и образования, общества и личности (посредством образования), следует отнести Н. Аитова, Б. Бернстайна, И. Бестужева-Ладу, П. Бурдые, А. Донцова, И. Кона, В. Лисовского, Д. Костантиновського, В. Нечаева, А. Салливан, С. Шаронову, А. Шкаратана и др.

В целом, обзор научных работ и публикаций позволяет сделать вывод, что социология образования выступает одной из самых развитых отраслей социологического знания, особенностью которой является довольно широкая внутренняя разветвленность. На наш взгляд, эта особенность становится главным недостатком современной социологии образования, препятствует формированию целостного научного видения процессов, происходящих в обществе и образовании. Формирование такого видения является необходимым условием социальной отдачи социологии образования, то есть ее способности быть полезной для решения практических проблем и противоречий образования. Усиление такой способности требует целостного теоретического осмысления логики взаимных изменений общества и образования, на основе раскрытия многоуровневости и взаимообусловленности связей, существующих между ними. Работа по поиску, выведению и концептуализации этих связей велась нами в течение последних десяти лет, что нашло отражение в публикуемых нами научных трудах, в том числе и тех, которые вошли в сборники «Ученые записки ХГУ «НУА»».

Следовательно, *цель* данной статьи состоит в выявлении общих тенденций, демонстрирующих динамику и особенности взаимодействия общества и образования на протяжении последних десяти лет.

В нашей статье, опубликованной в 2008 году, подчеркивается, что образование является важнейшим социальным лифтом; если этот лифт «не работает», нарушаются законы социальной справедливости. В идеале, именно образование призвано открывать перспективы вертикальной социальной мобильности, достижения индивидами и/или группами более высоких социальных позиций. Более высокая квалификация, как и большая ответственность перед обществом, предполагает более высокую оплату труда и более высокий социальный престиж. Следовательно, ресурс образования открывает доступ

к социально-значимым ресурсам иного рода, таким как высокий материальный уровень, власть и т. п. Однако, как подчеркивается в статье, при формальном равенстве гражданского права на получение образования, в современном обществе все же имеет место реальное неравенство доступа к обладанию этим ресурсом (преимущественно это касается высшего и последипломного образования). Это неравенство заложено в социальном происхождении человека, его экономическом и, возможно, классовом положении. Другими словами, является причиной ограниченного доступа к иным социально значимым ресурсам, недостаточных объемов экономического, социального и других видов капиталов. И все-таки, статью мы завершаем на «оптимистической ноте» подчеркивая, что в современном обществе знания, умения, профессиональные навыки и способности человека имеют высокую ценность, а все эти качества непосредственно связаны с уровнем образования и образованностью человека. С одной стороны, распределение культурного капитала между различными социальными группами в обществе далеко не равномерно. С другой стороны – образованию свойственна ориентация на способности и дарования, на развитие которых направлен весь педагогический процесс [14, с. 170].

Как видим, в описанной выше статье мы постепенно перешли от «макроуровневых» представлений о социально-групповой дифференциации и ее факторах, к «микроуровневым» рассуждениям о том, что положение индивида в обществе зависит от его личностных характеристик, развитие которых является одной из важнейших задач образования.

Данная идея нашла продолжение в следующей статье, опубликованной в очередном выпуске «Ученых записок ХГУ «НУА»» (Том 15, 2009 г.) [11, с. 155]. Только в этой статье наблюдается обратная логика – восхождение от микроуровня к макроуровню анализа взаимосвязи общества и образования. И вновь мы пишем о том, что современный социум, для которого характерны движение к информатизации и глобализации, требует не просто грамотного специалиста, профессионала в той или иной области деятельности, но также развития высокоинтеллектуальной личности, с широким

объемом знаний, творческим подходом к делу, умением быстро адаптироваться к новым условиям. В такой ситуации выработка активной жизненной позиции молодого специалиста – одна из основных задач всей системы образования и воспитания. Отмечается, что острую актуальность приобретает проблема целенаправленного регулирования процесса профессионального самоопределения личности, формирования ее трудовой активности (как одной из форм активности социальной) посредством образования. Предлагается перечень методов формирования и развития трудовой активности личности в системе высшего образования. Делается вывод о том, что, если высшие учебные заведения будут прилагать максимум усилий, чтобы выпускать не просто специалистов в определенной сфере трудовой деятельности, но и социально активных личностей, и общий «вес» таких личностей в социуме будет ощутим, то темпы развития общества в положительном ключе значительно возрастут. В целом как видим, в данной статье осуществляется балансировка не просто между микро- и макроуровнями взаимодействия общества и образования, но и проявляется мезоуровень, связанный с ролью учебного заведения как определенной социализирующей среды.

Эта мысль находит продолжение с следующей нашей статье, опубликованной в «Ученых записках ХГУ «НУА» в 2011 г. Она посвящена раскрытию роли учебного заведения в формировании определенных мировоззренческих позиций и жизненных стратегий студентов. В ней подчеркивается, что особого внимания в этой связи заслуживают вопросы, связанные с изучением роли учебных программ (куррикулумов) в процессе проектирования индивидуальных и групповых жизненных стратегий. Жизненная стратегия представляется как своеобразная форма активного сознания. Отмечается, что исходным пунктом в проектировании жизненной стратегии являются, объективные условия жизни индивида, формирующие у него определенные потребности, ценности, детерминирующие интересы и цели. Различные учебные заведения в силу специфики своей образовательной среды и образовательно-воспитательной деятельности оказывают влияние на жизненные ориентиры, самосознание и мировосприятие индивида [1, с. 492]. Официальная

программа влияет посредством определенного набора дисциплин, скрытая – посредством культивирования определенных экспертных культур, соответствующих разным специальностям [5, с. 100]. Попадая под влияние этих программ, студенты разных факультетов видят по-разному свое будущее, проектируют разные жизненные стратегии, имеют разные притязания по достижению тех или иных социально-статусных позиций. Такие рассуждения мы подтверждаем результатами своего исследования, проведенного в 2007–2008 гг. с целью выявления влияния разных учебных программ на процесс формирования индивидуальных и групповых жизненных стратегий. Нами было проанализировано 200 автобиографий студентов 4-х харьковских вузов¹. Результаты осуществленного нами анализа автобиографий, свидетельствуют о том, что студенты, обучающиеся в разных вузах, по разным специальностям по-разному оценивают свои социально-профессиональные перспективы. На старте исследования мы предполагали, что такие отличия будут обнаружены, и причина кроется именно в специфике официальных и скрытых учебных программ, соответствующих разным направлениям подготовки [12, с. 130]. Существенные отличия жизненных стратегий студентов, действительно, были обнаружены, однако не было обнаружено убедительных доказательств того, что связаны они с учебными программами. Нужно сказать, что указанное выше иссле-

¹ В исследовании принимали участие студенты Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия», Национального фармацевтического университета, Харьковского государственного технического университета сельского хозяйства, Харьковского экономико-правового университета. Выборка была случайной среди студентов I–VI курсов, стационарной и заочной форм обучения. Главным условием выборки была обязательная дифференциация респондентов по профилю специальности (технический, гуманитарный, экономический, естественнонаучный), по форме обучения (стационарная, заочная) и по экономическим основам (бюджетная или контрактная). Желательными (но не обязательными) условиями было разделение респондентов по факультетам в рамках того или иного вуза, а также по годам обучения (1-й, 2-й, 3-й и т.д. курсы). Все условия выборки были соблюдены. Тексты автобиографий обрабатывались с помощью метода контент-анализа.

дование составило эмпирическую основу нашей кандидатской диссертации, которая была успешно защищена. Однако его результаты поставили больше вопросов, чем дали ответов. В частности, оно не позволило вскрыть те латентные факторы, которые существуют незаметно для всех или отдельных участников образовательного процесса, однако оказывают весьма мощное воздействие на формирование определенных стереотипов, диспозиций, ценностных ориентаций у обучающихся. Такие результаты проведенного нами исследования способствовали развитию нашего интереса к неявной педагогике и скрытой учебной программе, который получил реализацию в дальнейшей научной работе над докторской диссертацией.

Мы были уверены, что получение наиболее полной картины социальной реальности либо отдельного ее аспекта не предоставляется возможным только лишь при помощи количественной методологии. В то же время, наш личный исследовательский опыт, показывал, что объективность и научность данных, собранных при помощи качественных методов нередко ставились под сомнение. Возможно, именно это обстоятельство породило и инициативу написания нашей следующей статьи, имеющей, скорее, форму научного эссе, о роли и сочетании фантазий и знаний в научно-исследовательской работе социолога [13, с. 15]. В итоге мы обозначаем свою приверженность идее о двуединстве социальной реальности: общество и объективная реальность – продукт человеческий, и в то же время, человек – социальный продукт. Двойственная сущность социальной реальности, ее объект-субъектность, во всей своей полноте раскрывается в понятии «габитуса», введенном в научный оборот П. Бурдьё. С одной стороны, габитус – это внутренние схемы восприятия, оценивания и классификации, свойственные индивиду, с другой – это интериоризованные социальные отношения, усвоенные в процессе социализации. Габитус обеспечивает воспроизводство и постоянную изменчивость мира в практиках индивида [3]. Наше общее отношение к обозначенной проблеме мы отражаем высказыванием М. Горького, которое было выбрано в качестве эпиграфа к указанной статье: «Нет фантазии, которую воля и разум людей не могли бы превратить в действительность...». Эта цитата,

на наш взгляд, раскрывает механизм воспроизводства социальной реальности, обладающей как субъективными (оценочными), так и объективными (материализованными) характеристиками и показателями. В этой связи, мы поддерживаем мнение известного ученого Т. Дридзе относительно того, что такой механизм держится на коммуникации как совокупности «человеко-средовых» интеракций [4, с. 8]. Учитывая тот факт, что универсальным средством коммуникации считается язык, мы завершаем свои рассуждения о сочетании фантазий и знаний в социологических исследованиях, опираясь на выводы Дж. Серля относительно существенной роли языка в создании и воспроизводстве социальной реальности (как институциональной действительности). Ученый пишет о том, что любые институциональные факты требуют язык, т. к. он частично конструирует эти факты. И именно язык, а точнее – дискурс, становится предметом нашей следующей статьи, опубликованной в очередном выпуске «Ученых записок ХГУ «НУА»» на тему: «Педагогический дискурс как объект социологического исследования: цели, методы, перспективы» [10, с. 110]. В статье подчеркивается, что посредством дискурса осуществляется моделирование социальной реальности для индивида в сознании индивида, осуществляется ее реконструкция, что находит выражение в индивидуальных практиках, в конечном итоге, имея реальные социальные последствия. Это касается и педагогического дискурса, как важнейшей опосредующей структуры трансформации «внешнего» во «внутреннее», становления «социального Я». В этой статье предлагается авторское видение методов исследования педагогического дискурса (как предмета социологического анализа). Подчеркивается, что чисто количественные методы в данном случае не сработают. Здесь исследовательские методы должны быть связаны с анализом текстов. Следовательно, в статье приводится перечень таких методов, которые, возможно, и не являются абсолютно новыми в исследовании дискурса, но предлагаются в авторской интерпретации и в совокупности могут составить целостную методiku исследования образовательного дискурса. В частности, речь идет о *методе индиректного дискурс-анализа* (от англ. indirect – косвенный, опосредованный) –

осуществление непрямого анализа образовательного дискурса через «посредников» (в лице студентов), как анализ чужой речи, переданной в повествовании третьего лица. Второй метод, предлагаемый нами – это метод «экспериментальной лекции». Мы акцентируем внимание на том, что лекционный материал может содержать целую цепочку скрытых смыслов. Следовательно, для того, чтобы определить совершает ли лекция как дискурсивное событие работу по закреплению определенных идей и предубеждений, необходимо проанализировать, как именно ее текст конструируется самим автором (педагогом, преподавателем) и как интерпретируется студентами. Анализ микро-эффектов педагогического дискурса предполагает исследование проникновения его элементов в разговорный репертуар студентов. Такой анализ мы предлагаем осуществить при помощи *автобиографического метода*. Суть применения данного метода заключается в установлении связи между смыслообразованием, включающим формирование идентичности (вербальные и визуальные образы) и дискурсивным горизонтом, откуда черпаются смыслы (образовательный, педагогический и др. дискурсы). Изучение автобиографий, которые также являются дискурсивным текстом, позволит проследить, с какими социальными группами и образами идентифицирует себя студент, как в деталях его речи воспроизводится идеология той социальной группы, с которой он себя идентифицирует. В заключение указанной статьи мы подчеркиваем, что наш исследовательский интерес к педагогическому дискурсу обусловлен темой докторской диссертации, связанной с социологическим изучением скрытых учебных программ в образовании, которые, на наш взгляд, наряду с официальными (базовыми) учебными программами, имеют место в каждом учебном заведении. Следует отметить, что описанные выше методы, действительно, составили основу эмпирической части нашей докторской диссертации. Алгоритмы применения этих методов, а также результаты исследований, проведенных с их помощью, детально описаны в нашей монографии, результирующей работу над докторским исследованием, увидевшей свет в 2015 году [6, с. 301].

Продолжение нашего научного поиска в области «неявных реалий»

образования нашло отражение в нашей следующей статье, опубликованной в очередном номере «Ученых записок ХГУ «НУА»» в соавторстве с экспертами и практиками в сфере дошкольного и дополнительного образования О. Григорец и Е. Табуровой [15, с. 160]. В статье анализируются такие функции образования как воспроизводство культуры и социальной структуры. Поддерживая представителей современной западной социологической мысли, авторы считают, что классическое отделение этих функции друг от друга не позволяет увидеть всей полноты тех социальных связей, которые приводят к социальному расслоению. Без внимания остаются истинно значимые связи – влияние символических отношений на воспроизводство «силовых» отношений, что приводит к необходимости поиска подходов, раскрывающих специфику этих связей. В качестве одного из таких подходов предлагается рассматривать когнитивный подход. Ссылаясь на Б. Бернштейна [2, с. 28], авторы статьи приходят к выводу, что эвристическим потенциалом обладает понятие «код» (языковой, когнитивный). Исследование таких «кодов неравенства» в образовании может вывести на конкретные рекомендации относительно того, что и как именно нужно менять в образовании для того, чтобы оно служило социальным «лифтом», а не возводило социальные барьеры.

Очевидно, что содержание трех статей, о которых шла речь выше, привязано скорее к микро- и мезоуровню взаимодействия участников образовательного процесса, поскольку в них речь идет о влиянии образовательной среды, образовательного дискурса и статуса педагога на формирование определенных личностных качеств и характеристик обучающихся. В очередной нашей статье, опубликованной в «Ученых записках ХГУ «НУА»», внимание вновь переключается на макроуровень социологического анализа взаимодействия «индивид-образование-общество». Она посвящена рассмотрению роли образования как показателя и фактора развития человеческого потенциала общества, движущей силы социальных изменений. Раскрывая эту роль, мы опираемся на теорию социетальной трансформации Т. Заславской, как обладающей мощной объяснительной силой в отношении событий и процессов, происходящих в большинстве

постсоветских стран, в том числе и в Украине. Мы подчеркиваем, что в основе разработки и принятия государственных решений в области образования должен лежать принцип равенства возможностей, который задекларирован, однако на практике не реализуется в полной мере. Практическая реализация данного принципа могла бы способствовать развитию и более полному раскрытию человеческого потенциала общества. В заключение мы акцентируем внимание на необходимости проведения социологических исследований, результаты которых могли бы послужить «снятию» проблемы элитарности образования [9, с. 60].

Идея наращивания и развития человеческого потенциала средствами образования получает развитие в следующей нашей статье, посвященной анализу механизмов конструирования социальной и исторической памяти средствами образования. В ней раскрывается социологическая точка зрения на феномен социальной памяти. Историческая память рассматривается как наиболее яркая форма проявления социальной памяти, анализируется процесс трансляции исторического знания. Подчеркивается роль образования как «транслятора» этого знания, роль неявной педагогики и скрытой учебной программы в трансляции определенных значений и смыслов (в том числе и исторических). Проводится разграничение понятий «формирование» и «конструирование» личности. Именно второе понятие, на наш взгляд, в большей степени отражает современные социальные тенденции, как и тенденции современной науки. Употребление термина «формирование» по отношению к личности лишает саму личность субъектности, то есть возможности участвовать в процессе своего собственного становления. Приводятся примеры из опыта ХГУ «НУА», раскрывающие механизм конструирования социальной и исторической памяти средствами образования. В заключении делается вывод о том, что какими бы продуманными не были учебные программы и разнообразными методы обучения, образование как процесс трансляции не только знаний, но и культуры (ценностей и смыслов), обеспечивающий конструирование социальной и исторической памяти, приводится в движение действиями педагогов (учителей, преподавателей). Любое образовательное событие

(лекция, практическое и/или семинарское занятие, тренинг и т. п.) не является самоцелью. В качестве основной цели каждого из них является передача определенных смыслов, что происходит в процессе коммуникации обучающего и обучающихся. Обучающий выступает главным модератором этого процесса, направляя его к достижению поставленной цели. В связи с этим мы отмечаем, что более глубокого исследования требуют те образовательные практики (усвоенные и практикуемые педагогические приемы, техники и т. п.), которые используются современными учителями и преподавателями с целью передачи ученикам и студентам тех или иных социальных и исторических смыслов [8, с. 116].

Данный вывод опять спускает нас на микроуровень социального взаимодействия – к научной рефлексии роли педагога (учителя, преподавателя) как мощного субъекта и агента социальных изменений. Главное, чтобы сам педагог в полной мере понимал и осознавал такую роль, а также компетентно владел теми современными технологиями, без которых эта роль не представляется реализуемой в полной мере. В связи с этим, очередная наша статья, опубликованная в 23 выпуске «Ученых записок ХГУ «НУА»», посвящена социологическому осмыслению инжиниринга образовательного пространства учебного заведения как эффективной образовательной технологии. В статье предлагается развернутая трактовка данной технологии. При этом мы определяем инжиниринг, во-первых, как технологию, авангардную («передовую», работающую на опережение и долгосрочную перспективу), а во-вторых, – социальную (применяемую для проектирования коммуникативных воздействий, изменяющих сознание людей). Исходя из представлений об образовательном пространстве как имеющем сложную структуру и организацию, мы обозначаем, что инжиниринг образовательного пространства учебного заведения включает в себя проектирование и структурирование (1) образовательной среды, (2) учебных программ и (3) образовательного дискурса, а также (4) рефрейминг как субтехнологию по развитию кодов. В статье дается развернутое описание каждой из указанных составляющих [7, с. 95].

В целом, самоанализ научных статей, публикуемых в «Ученых записках ХГУ «НУА»» в течение последних 10 лет, показывает

колебания нашего научного поиска от макро- к микроуровню социального взаимодействия в образовании и наоборот. Такие колебания в полной мере отражают наше общее видение системных взаимосвязей общества и образования. Это видение со временем приобрело очертания авторской концепции, получившей название «системно-кодовая». Ее суть как раз и состоит в выведении микро-макро связей. На основе микро-макросинтеза она раскрывает и объясняет относительно устойчивые связи, благодаря которым обеспечивается функционирование образования в условиях неравновесности и высокой динамики современного социума. Таким образом, согласно разработанной нами концептуальной схеме, раскрывающей основные принципы обозначенной концепции, предельными уровнями взаимодействия общества и образования являются: с одной стороны, макроуровневое взаимодействие общества и образования как коммуникационных социальных систем, а с другой – микровзаимодействие на уровне когнитивных и языковых кодов как мельчайших элементов любой социальной системы. Следовательно, изменения в образовании и изменения в обществе (как возможные следствия изменений в образовании), рассматриваются как берущие начало на уровне кодов. Другими словами, данная схема является результатом социологической концептуализации взаимодействия общества и образования на основе микро-макросинтеза. Микроуровень представлен межличностными взаимодействиями участников образовательного процесса. Взаимодействие на макроуровне представлено посредством раскрытия взаимообусловленности процессов, происходящих в обществе и образовании как социальных системах. Интеграция этих двух уровней осуществляется посредством раскрытия сущности образования как специфической социальной практики, то есть рутинизированных действий, взаимодействий и типов поведения участников образовательного процесса (мезоуровень). Именно мезоуровень является важнейшим связующим звеном, от которого зависят функциональность образования как системы и результаты образовательного процесса. Образовательная практика, представляющая этот уровень, рассматривается нами как состоящая из следующих элементов: 1) форм телесной

активности (как телесных практик, техник тела (по М. Моссу), конструирующихся авторитетом и демонстрирующих как принадлежность к статусу, так и статусную дистанцию между обучающими и обучающимися); 2) форм ментальной активности (как когнитивных практик, когнитивных стилей участников образовательного процесса); 3) вещей и способов их применения (как элементов материальной составляющей образовательной среды учебного заведения и практик их использования); 4) фонового знания в форме «знания-как» (know-how) и мотивационного знания (неявного знания, встроенного в контекст образовательного процесса), которые транслируются средствами неявной педагогики; 5) состояния эмоций (как производных от этоса – нематериальной составляющей образовательной среды учебного заведения). Качественные характеристики этих элементов и особенности взаимосвязи между ними определяют специфику образования как особой социальной практики, которая, по сути, является социализационной практикой, порождающей специфические габитусы, которые выступают связующим звеном между объективными структурами общества и структурами восприятия и поведения людей. Изменения, происходящие на уровне образования как специфической социальной практики, приводят к изменению характеристик габитусов, порождаемых этой практикой.

Разработанная нами и описанная выше концептуальная схема является методологическим конструктом, образующим своеобразный «мостик» для перехода от социологической теории, во-первых, к исследовательской, а во-вторых, к образовательной практике. В тексте нашей докторской диссертации [16] представлены результаты верификации ее отдельных положений и эмпирической проверки ключевых гипотез, а по результатам проверки этих гипотез конкретизированы предложения по разработке эффективных в современных условиях образовательных технологий, в частности такой из них, как инжиниринг образовательного пространства учебного заведения.

Список литературы

1. Астахова В. И. Болонский процесс – объективная необходимость развития высшего образования в Украине / В. И. Астахова // Методологія,

теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: зб. наук. пр. / Харків. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. – Харків, 2004. – С. 491–494.

2. Бернстайн Б. Класс, коды и контроль: структура педагогического дискурса / Б. Бернстайн. – М. : Просвещение, 2008. – 272 с.

3. Бурдые П. Структура, габитус, практика / П. Бурдые ; [пер. Шматко Н.А.] // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Вып. 2. Режим доступа: <http://www.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html>.

4. Дридзе Т. М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики / Т. М. Дридзе // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоцио-психологической парадигмах (в 2-х кн). – М., 2000. – Кн. 1. – С. 5–42.

5. Дудина В. И. Экспертные культуры и скрытая учебная программа в высшем образовании / В. И. Дудина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. VIII, № 2. – С. 93–109.

6. Нечитайло И. С. Изменение общества через изменение образования: иллюзия или реальность? : Монография / И. С. Нечитайло. – Харьков, Изд-во «НУА», 2015. – 526 с.

7. Нечитайло И. С. Инжиниринг образовательного пространства учебного заведения как авангардная технология / И. С. Нечитайло // Вчені записки ХГУ «НУА». – Харків, 2018. – Т. 24. – С. 84–97.

8. Нечитайло И. С. Конструирование социальной и исторической памяти средствами образования (на примере ХГУ «НУА») / И. С. Нечитайло // Вчені записки ХГУ «НУА». – Харків, 2016. – Т. 22. – С. 106–117.

9. Нечитайло И. С. Образование как показатель и фактор развития человеческого потенциала (сквозь призму теории социетальной трансформации Т. И. Заславской) / И. С. Нечитайло // Вчені записки ХГУ «НУА». – Харків, 2015. – Т. 21. – С. 59–69.

10. Нечитайло И. С. Педагогический дискурс как объект социологического исследования: цели, методы, перспективы / И. С. Нечитайло // Вчені записки ХГУ «НУА». – Харків, 2013. – Т. 19. – С. 106–114.

11. Нечитайло И. С. Проблема формирования трудовой активности личности посредством института образования / И. С. Нечитайло // Вчені записки ХГУ «НУА». – Харків, 2009. – Т. 15. – С. 150–157.

12. Нечитайло И. С. Роль вуза в формировании жизненных стратегий студентов / И. С. Нечитайло // Вчені записки ХГУ «НУА». – Харків, 2011. – Т. 17. – С. 125–131.

13. Нечитайло И. С. Социальная реальность: фантазии и знания / И. С. Нечитайло // Вчені записки ХГУ «НУА». – Харків, 2012. – Т. 18. – С. 11–20.

14. Нечитайло И. С. Структурно-деятельностная перспектива социологического изучения студенчества / И. С. Нечитайло // Вчені записки ХГУ «НУА». – Харків, 2008. – Т. 14. – С. 166–176.

15. Нечитайло И. С. Эвристический потенциал когнитивного подхода к анализу взаимосвязи образования с процессами воспроизводства социального неравенства / Нечитайло И. С., Григорец О. Н. Табурова Е. Н. // Вчені записки ХГУ «НУА». – Харків, 2014. – Т. 20. – С. 153–163.

16. Нечитайло И. С. Системно-кодova концепція взаємодії суспільства та освіти : автореф. на здобуття ст. д-ра соціол. н. / И. С. Нечитайло. – Харків : Вид-во «НУА», 2018. – 40 с.

References

1. Astakhova, V. (2004) The Bologna process is an objective necessity for the development of higher education in Ukraine. *Metodologiya, teoriya ta praktika socziologichnogo analizu suchasnogo suspil'stva: zb. nauk. pr.* Harkiv : Kharkiv. nacz. un-t im. V. N. Karazina, pp. 491–494.

2. Bernstajn, B. (2008) *Class, codes and control: structure of pedagogical discourse.* Moscow : Prosveshhenie, 272 s.

3. Burd'e, P. (1998) Structure, habit, practice. *Zhurnal socziologii i soczial'noj antropologii*, [online], № 2. Available at: <http://www.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html>.

4. Dridze, T. (2000) Dve novye paradigmy' dlya soczial'nogo poznaniya i soczial'noj praktiki. *Soczial'naya kommunikaciya i soczial'noe upravlenie v ekoantropocentricheskoj i semiosocziop-sikhologicheskoj paradigmatkh.* Moscow, Book.1, pp. 5–42.

5. Dudina, V. (2005) Ekspertnye kultury i skrytaya uchebnaya programma v vysshem obrazovanii. *Zhurnal socziologii i soczial'noj antropologii*, Vol. 8, № 2, pp. 93–109.

6. Nechitailo, I. (2015) *Izmenenie obshhestva cherez izmenenie obrazovaniya: illyuziya ili real'nost'?* : Monografiya. Kharkiv : Izd-vo NUA, 2015, 526 p.

7. Nechitailo, I. (2018) Inzhiniring obrazovatel'nogo prostranstva uchebnogo zavedeniya kak avangardnaya tekhnologiya. *Vcheni zapiski NUA.* Kharkiv : Izd-vo NUA, Vol. 24, pp. 84–97.

8. Nechitailo, I. (2016) Konstruirovaniye soczial'noj i istoricheskoy pamyati sredstvami obrazovaniya (na primere NUA) *Vcheni zapiski NUA.* Kharkiv : Izd-vo NUA, Vol. 22. – pp. 106–117.

9. Nechitailo, I. (2015) Obrazovanie kak pokazatel' i faktor razvitiya chelovecheskogo potentsiala (skvoz' prizmu teorii socziatal'noj transformaczii

T. I. Zaslavskoj). *Vcheni zapiski NUA*. Kharkiv : Izd-vo NUA, Vol. 21, pp. 59–69.

10. Nechitailo, I. (2013) Pedagogicheskij diskurs kak ob'ekt socziologicheskogo issledovaniya: czeli, metody, perspektivy. *Vcheni zapiski NUA*. Kharkiv : Izd-vo NUA, Vol. 19, pp. 106–114.

11. Nechitailo, I. (2009) Problema formirovaniya trudovoj aktivnosti lichnosti posredstvom instituta obrazovaniya. *Vcheni zapiski NUA*. Kharkiv : Izd-vo NUA, Vol. 15, pp. 150–157.

12. Nechitailo, I. (2001) Rol' vuza v formirovanii zhiznennykh strategij studentov. *Vcheni zapiski NUA*. Kharkiv : Izd-vo NUA, Vol. 17, pp. 125–131.

13. Nechitailo, I. (2012) Soczial'naya real'nost': fantazii i znaniya. *Vcheni zapiski NUA*. Kharkiv : Izd-vo NUA, Vol.18, pp. 11–20.

14. Nechitailo, I. (2008) Strukturno-deyatel'nostnaya perspektiva socziologicheskogo izucheniya studenchestva. *Vcheni zapiski NUA*. Kharkiv : Izd-vo NUA, Vol. 14, pp. 166–176.

15. Nechitailo, I. (2014) Evristicheskij potenczial kognitivnogo podkhoda k analizu vzaimosvyazi obrazovaniya s processami vosproizvodstva soczial'nogo neravenstva. *Vcheni zapiski NUA*. Kharkiv : Izd-vo NUA, Vol. 20, pp. 153–163.

16. Nechitailo, I. (2018) *Sistemno-kodova koncepcziya vzayemodiyi suspil'stva ta osviti : avtoref. na zdobuttya st. d-ra socziol. n.* Kharkiv : Vid-vo NUA, 40 p.

С. Б. Данилевич

ИНФОРМАЦИОННО-КОМПЬЮТЕРНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В Народной украинской академии над формированием и совершенствованием оригинальной модели непрерывного образования начали работать с самого её основания.

Данная работа содержит обзор статей, опубликованных в сборнике научных трудов Учение записки ХГУ «НУА» за 25 лет, в которых описываются основные информационно-компьютерные инструменты, позволяющие эффективно внедрять разработанные концепции непрерывного образования.

Ключевые слова: непрерывное образование, информационные технологии, компьютерное тестирование, Teachlab, TestMaster, дистанционное образование, MOODLE, онтологии, Интернет, Data Mining, Deductor, облачные технологии.

Данилевич С. Б. Інформаційно-комп'ютерний інструментарій безперервної освіти

У Народній українській академії над формуванням і вдосконаленням оригінальної моделі безперервної освіти почали працювати з самого її заснування.

Дана робота містить огляд статей, опублікованих у збірнику наукових праць Вчені записки ХГУ «НУА» за 25 років, в яких описуються основні інструменти, що дозволяють ефективно впроваджувати розроблені концепції безперервної освіти.

Ключові слова: неперервна освіта, інформаційні технології, комп'ютерне тестування, Teachlab, TestMaster, дистанційне навчання, MOODLE, онтології, Інтернет, Data Mining, Deductor, хмарні технології.

Danylevych Sergii. Information and Computer Tools of Continuous Education

In the People's Ukrainian Academy on the formation and improvement of the original model of continuous education began to work from its foundation.

This paper contains a review of articles published in the collection of scientific papers of Kharkiv University of Humanities "People's Ukrainian Academy" for 25 years, which describes the main information and computer tools to effectively implement the developed concepts of continuing education.

Key words: continuing education, lifelong learning, computer testing Teachlab TestMaster, distance education, MOODLE, ontologies, Internet, Data Mining, Deductor, cloud technologies.

Непрерывное образование – главный системообразующий принцип, составляющий основу развития всех элементов образовательной системы [1]. Формирование оригинальной модели непрерывного образования – главный смысл создания Народной украинской академии (НУА) и теоретической и практической деятельности всего коллектива на протяжении всей истории ее существования [2].

Компьютерно-информационные технологии (КИТ) предоставили возможность эффективно реализовывать, разрабатываемую в НУА модель непрерывного образования, что нашло отражение в публикациях Ученых записок Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия».

Целью данной статьи является обзор статей Ученых записок, в которых описывается информационно-компьютерный инструментарий, используемый в НУА в целях совершенствования модели непрерывного обучения.

Анализ показывает, что КИТ достаточно активно используется в учебно-воспитательной работе НУА, а различные аспекты этой работы отражены в статьях, имеют обусловленное практическое значение. Так, продолжить образование взрослому, перед которым стоит необходимость освоить до определенного уровня иностранный язык, поможет, описанный в Ученых записках инструментарий на примере изучения испанского языка [7]. В ХГУ «НУА» в компьютерных аудиториях используются следующие инструменты: электронные словари; авторские тестовые программы Глаголица-1, Глаголица-2, Эпистола, разработанные преподавателями кафедры испанского отделения; справочная литература, предоставляемая испаноязычными поисковыми системами Интернет и др.

Реализации личностно-ориентированного подхода при изучении

иностранным языку с использованием Интернет-ресурсов посвящена статья [8]. В ней рассмотрены ресурсы Интернет, которые используются при обучении, как вспомогательное техническое средство. Рассмотрен также базовый набор услуг: электронная почта, телеконференции, видеоконференции, доступ к справочным каталогам, поисковым системам и т.п. Ресурс BBC World Service (<http://www.bbc.co.uk/worldservice>) позволяет не только читать, но и слушать новости в режиме LEARNING ENGLISH. ABC News (<http://www.abcnews.go.com/index.html>) сопровождает публикации видеосопровождением. CNN World News (<http://cnn.com/WORLD>) предлагает информацию на нескольких языках. The New York Times предлагает учебную версию газеты с поурочными разработками.

Особое внимание в Учебных записках уделяется вопросу Интернета. В статье [15] рассмотрена коммуникативная функция международной сети Интернет в современном глобальном обществе и коммуникативная активность молодежи в использовании сети. Также предоставлены некоторые данные относительно целей использования Интернета молодежью.

Интернет пространство на сегодняшний день является очень мощной платформой для самообразования для переводчика, ведь в условиях глобализации не существует практических никаких границ и препятствий. переводчик может работать не только в стране, в которой он живет, но и сотрудничать в иностранными компаниями [20].

Непрерывное образование предполагает постоянный, объективный, надежный контроль и самоконтроль полученных знаний. Компьютерное тестирование знаний и умений (в комплексе с другими видами контроля) является достаточно эффективным инструментом оценки качества обучения. В ХГУ «НУА» в 2002 г. был внедрен программный комплекс Teachlab TestMaster, обладающий широким спектром возможностей. В 2003/4 уч. г. компьютерное тестирование в этой среде применялось на государственных экзаменах и достаточно успешно использовалось в Специализированной экономико-правовой школе НУА (доцент В.В. Астахов, учитель Г.В. Бровка). Анализ эффективности компьютерного тестирования, определение основных проблем приведен в [3].

Опыт, накопленный в течении трех лет использования пакета Teachlab TestMaster на английском отделении факультета «Референт-переводчик» по дисциплинам «Деловая корреспонденция. Контрактное право», «Английский язык. Аспекты: «Грамматика», «Устная практика», «Аналитическое чтение», доказал эффективность адаптивных тестирующих программ (АТП) как средства контроля, так и обучения [6]. Доказано что, на этапе предъявления учебной информации АТП позволяет обучаемым варьировать учебную информацию в процессе ее восприятия. На этапе усвоения учебного материала обучаемый становится субъектом обучения, который осознанно участвует в процессе учебы и самостоятельно принимает соответствующие решения. На этапе самоконтроля тестирование позволяет систематизировать знания.

Одной из форм непрерывного образования является дистанционное образование. Для ее осуществления с ноября 2004 г. в учебный процесс академии включена модульная объектно-ориентированная учебная система MOODLE, которая включает в себя все необходимые элементы управления, систему тестирования. Опыту применения этой системы посвящена работа [6]. Этой же теме посвящена статья [13]. В ней рассматриваются возможности дистанционного образования в формировании компетенций конкурентоспособного специалиста и описаны эффективные практики внедрения дистанционного образования в процесс непрерывного обучения.

Методические рекомендации, основанные на опыте как зарубежных, так и отечественных ведущих университетов при организации дистанционного обучения, формированию иноязычной компетенции, даны в статьях [10; 11].

Сделан вывод о том, что виртуальные институты стали важной составляющей концепции «образование в течение жизни» и фактором развития национального богатства страны в работе [18].

При использовании информационных обучающих систем актуальной становится проблема качественного представления знаний. В Ученых записках эта тема рассмотрена, в частности, в работе [4]. Здесь рассмотрены средства представления знаний для автоматизированной обработки информации в интеллектуальных системах.

Проведен анализ современного состояния интеллектуальных систем, предложена классификация видов знаний, модель представления знаний.

Разработка онтологий представляется, как перспективный способ представления знаний. В работе [5] проанализировано понятие «онтология», способы её построения, характеристики, типы классификации, языки описания. Техники визуализации заняли прочное место в образовательном процессе. Статья [16] посвящена проблеме визуализации учебного контента в пределах преподавания дисциплины «Практика перевода». Авторы предлагают уточненное понятие визуализации как педагогической технологии и распределение понятия «не зрительной» информации на собственное не зрительную и информацию, которая не является зрительной с темпоральной точки зрения. В статье акцентировано внимание на функциях визуализации учебного контента при учебе аспектного перевода (мотивационная, обобщающая, информативная, и тому подобное). Статья [17] посвящена проблеме включения визуализации учебного контента как вида учебной деятельности в систему упражнений, направленных на формирование навыков и умений письменного перевода. Показано, что в рамках профессионально-ориентированного обучения переводу визуализация учебного контента может выступать как средство получения и расширения профессионально-ориентированных фоновых знаний обучаемых, формирования soft skills (эрудированность обучаемых) и формирования навыков и умений письменного перевода. Необходимым условием является включение данного вида учебной деятельности в систему упражнений для обучения конкретному виду перевода.

Непрерывное образование предполагает подготовку, переподготовку, постоянное совершенствование специалистов, способных самостоятельно приобретать новые знания, собирать факты, анализировать их, устанавливать закономерности, применять полученный опыт для решения возникших проблем. Средства интеллектуального анализа данных, таких как «Data Mining», «Deep Learning» и «Text Mining», позволяют обнаружить в данных ранее неизвестные, нетривиальные, практически полезные и доступные интерпретации знания, необходимых для принятия решений в различных сферах человеческой деятельности. В статье [12] рассмотрены вопросы применения методов

и алгоритмов Data Mining для анализа данных образовательной статистики на конкретных примерах, иллюстрирующих работу некоторых алгоритмов Data Mining. В работе использовалась технологическая платформа Deductor Studio Academic 5.2, предназначенная для образовательных целей и позволяющая создавать законченные аналитические решения. Использовались воплощенные в программе идеи искусственного интеллекта «Кластеризация», «Дерево решений» и др.

В статье [14] рассмотрена концептуальная основа кластеризации экономики, определено понятие кластера, освещены типы кластеров, проанализированы выгоды, которые получает экономика от наличия кластеров, и факторы, влияющие на эффективность кластеров. Автором проведено эмпирическое исследование с помощью программы «Статистика+» определения влияния уровня кластеризации экономики на уровень развития страны.

Облачные технологии пополнили арсенал педагогических инструментов непрерывного образования, т.к. они способны помочь специалисту, который сегодня должен обрабатывать все большие объемы профессиональной информации (зачастую иноязычной). В статье [19] подробно рассмотрены основные возможности и опыт применения облачных ресурсов в учебно-воспитательном процессе НУА.

На основании данного обзора можно сделать вывод, что в сборнике научных трудов Учение записки ХГУ «НУА» нашел отражение наиболее эффективный и актуальный компьютерно-информационный инструментарий, способствующий дальнейшему развитию модели непрерывного обучения.

Список литературы

1. Астахова В. И. Непрерывное образование – стратегическое направление развития современных образовательных систем / В. И. Астахова // Проблеми модернізації освіти України в контексті Болонського процесу : матеріали Першої Всеукр. наук.-практ. конф., Київ, 20–21 лют. 2004 р. / Європ. ун-т та ін. – Київ., 2004. – С. 147–150.

2. Астахова В. И. Непрерывное образование как универсальный механизм выживания человека и общества в современную эпоху: некоторые вопросы теории и практики становления // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2013.

– Т. 19. – С. 120–125.

3. Козыренко В. П. Компьютерное тестирование на государственных экзаменах // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2005. – Т. 11. – С. 130–134.

4. Панченко Д. И. Системы и способы представления знаний для автоматизированной обработки информации // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2005. – Т. 11. – С. 170–178.

5. Панченко Д. И. Применение онтологий для решения проблем интеллектуальной обработки знаний // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2006. – Т. 12. – С. 545–553.

6. Козыренко В.П. Применение дистанционной среды и элементов дистанционных курсов для методического обеспечения самостоятельной работы учащихся / Козыренко В. П., Кирвас В. А. // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2006. – Т. 12. – С. 181–186.

7. Яриз Е. М. Использование современных информационных технологий в преподавании иностранных языков // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2007. – Т. 14. – С. 153–157.

8. Мухортова И. В. Использование Интернет-ресурсов в процессе обучения иностранному языку // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2009. – Т. 15. – С. 130–135.

9. Ильченко В. В. Использование адаптивных тестирующих программ в формировании переводческой компетенции / Ильченко В. В., Карпенко Е. В. // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2010. – Т. 16. – С. 97–107.

10. Яриз Е. М. Проблемы организации эффективного дистанционного обучения иностранному языку на базе компьютерных технологий // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2010. – Т. 16. – С. 173–176.

11. Яриз Е. М. Использование интернет-ресурсов в формировании иноязычной компетенции студентов // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2011. – Т. 17. – С. 209–213.

12. Данилевич С. Б. Использование информационных технологий Data Mining для анализа образовательных процессов в вузе // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків: Вид-во НУА, 2011. – Т. 17. – С. 225–234.
13. Кожурина Т. А. Возможности дистанционного образования в повышении конкурентоспособности специалиста // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2011. – Т. 17. – С. 158–165.
14. Столетняя С. И. Кластеризация как инновационный механизм обеспечения конкурентоспособности национальной экономики // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2012. – Т. 18. – С. 171–181.
15. Мудрак М. Ю. Интернет и сетевые сообщества как атрибут коммуникативной активности // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2012. – Т. 18. – С. 77–81.
16. Ильченко В. В. Роль визуализации учебного контента в профессиональной подготовке переводчика / Ильченко В. В., Карпенко Е. В. // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2013. – Т. 19. – С. 181–187.
17. Ильченко В. В. Визуализация учебного контента как средство формирования навыков и умений письменного перевода // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2014. – Т. 20. – С. 407–413.
18. Тимохова Г. Б. Анализ развития виртуальных институтов образования // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2016. – Т. 22. – С. 329–338.
19. Козыренко В. П. Облачные ресурсы в учебно-воспитательном процессе НУА // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [редкол.: К. В. Астахова, д-р іст. наук (голов. редактор) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2017. – Т. 23. – С. 155–161.
20. Сигилет К. В. Образование и самообразование переводчика в контексте глобального Интернет пространства // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [редкол.: К. В. Астахова, д-р іст. наук (голов. редактор) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2018. – Т. 24. – С. 385–388.

References

1. Astakhova, V. I. (2004). Nepreryvnoye obrazovaniye – strategicheskoye napravleniye razvitiya sovremennykh obrazovatel'nykh sistem [Continuous

education is a strategic direction for the development of modern educational systems]. In: *Problemi modernizatsii osvity Ukraini v konteksti Bolons'kogo protsesu*. Kyiv, pp. 147–150.

2. Astakhova, V.I., Astakhova, Ye.V. (2013). Nepreryvnoye obrazovaniye kak universal'nyy mekhanizm vyzhivaniya cheloveka i obshchestva v sovremennuyu epokhu: nekotoryye voprosy teorii i praktiki stanovleniya [Continuing education as a universal mechanism for the survival of man and society in the modern era: some questions of the theory and practice of formation]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, vol. 19, 580 p., pp. 120–125.

3. Kozyrenko, V.P., Kirvas, V.A. (2005). Komp'yuternoye testirovaniye na gosudarstvennykh ekzamenakh [Computer testing in state exams]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, vol. 11, pp.130–134.

4. Panchenko, D.I. (2005). Sistemy i sposoby predstavleniya znaniy dlya avtomatizirovannoy obrabotki informatsii [Systems and methods of knowledge representation for automate dinformation processing]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, vol 11, pp. 170–178.

5. Panchenko, D. I. (2006). Primeneniye ontologiy dly resheniya problem intellektual'noy obrabotki znaniy [Application of ontologies for solving problems of intellectual processing of knowledge]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, vol. 12, pp. 545–553.

6. Kozyrenko, V. P., Kirvas, V. A. (2006). Primeneniye distantsionnoy sredy i elementov distantsionnykh kursov dlya metodicheskogo obespecheniya samostoyatel'noy raboty uchashchikhsya [The use of distance environment and elements of distance courses for methodological support of independent work of students]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, vol. 12, pp. 181–186.

7. Yariz, Ye.M. (2007). Ispol'zovaniye sovremennykh informatsionnykh tekhnologiy v prepodavanii inostrannykh yazykov [The use of modern information technology in the teaching of foreign languages]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, vol. 14, pp. 153–157.

8. Mukhortova, I.V. (2009). Ispol'zovaniye Internet-resursov v protsesse obucheniya inostrannomu yazyku [The use of Internet resources in the process of learning a foreign language]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, vol. 15, pp. 130–135.

9. Il'chenko, V. V., Karpenko, Ye. V. (2010). Ispol'zovaniye adaptivnykh testiruyushchikh programm v formirovanii perevodcheskoy kompetentsii [The use of adaptive testing programs in the formation of translation competence]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, vol. 16, pp. 97–107.

10. Yariz, Ye. M. (2010). Problemy organizatsii effektivnogo distantsionnogo obucheniya inostrannomu yazyku na baze komp'yuternykh tekhnologiy [Problems of organizing effective distance learning of a foreign language based on computer

technology]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, vol. 16, pp. 173–176.

11. Yariz, Ye. M. (2011). Ispol'zovaniye internet-resursov v formirovani inoyazychnoy kompetentsii studentov [The use of Internet resources in the formation of students' foreign language competence]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, vol. 17, pp. 209–213.

12. Danilevich, S. B. (2011). Ispol'zovaniye informatsionnykh tekhnologiy Data Mining dlya analiza obrazovatel'nykh protsessov v vuze [Use of Information Mining Data Mining Technologies for Analysis of Educational Processes at a University]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, vol. 17, pp. 225–234.

13. Kozhurina, T. A. (2011). Vozmozhnosti distantsionnogo obrazovaniya v povyshenii konkurentosposobnosti spetsialista [Opportunities for distance education in improving the competitiveness of a specialist]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, vol. 17, pp. 158–165.

14. Stoletnyaya, S. I. (2012). Klasterizatsiya kak innovatsionnyy mekhanizm obespecheniya konkurentosposobnosti natsional'noy ekonomiki [Clustering as an innovative mechanism to ensure the competitiveness of the national economy]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, vol. 18, pp. 171–181.

15. Mudrak, M. YU. (2012). Internet i setevyye soobshchestva kak atribut kommunikativnoy aktivnosti [Internet and network communities as an attribute of communicative activity]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, vol. 18, pp. 77–81.

16. Il'chenko, V. V., Karpenko, Ye. V. (2013). Rol' vizualizatsii uchebnogo kontenta v professional'noy podgotovke perevodchika [The role of visualization of educational content in the professional training of a translator]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, vol. 19, pp. 181–187.

17. Il'chenko, V. V., Karpenko, Ye. V. (2014). Vizualizatsiya uchebnogo kontenta kak sredstvo formirovaniya navykov i umeniy pis'mennogo perevoda [Visualization of educational content as a means of forming the skills and abilities of translation]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, vol. 20, pp. 407–413.

18. Timokhova, G. B. (2016). Analiz razvitiya virtual'nykh institutov obrazovaniya [Analysis of the development of virtual educational institutions]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, vol. 22, pp. 329–338.

19. Kozyrenko, V. P. (2017). Oblachnyye resursy v uchebno-vospitatel'nom protsesse NUA [Cloud resources in the educational process of the PUA]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, vol. 23, pp. 155–161.

20. Sigilet, K. V. (2018). Obrazovaniye i samoobrazovaniye perevodchika v kontekste global'nogo Internet prostranstva [Education and self-education of a translator in the context of the global Internet space]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, vol. 24, pp. 385–388.

**Приватна освіта в Україні:
досвід становлення**

УДК 378

<http://doi.org/10.5281/zenodo.3707858>**В. В. Астахов****О ГОСУДАРСТВЕННОМ ПОДХОДЕ
К «НЕГОСУДАРСТВЕННОМУ»
ОБРАЗОВАНИЮ:
ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ**

В статье на основе материалов, опубликованных ранее в Ученых записках НУА [1] и других научных изданиях [2], по проблемам правового регулирования деятельности частных высших учебных заведений в Украине, представлен обобщенный анализ ситуации, сложившейся в действующем образовательном законодательстве на рубеже двадцатого и двадцать первого столетий. Сделана попытка систематизировать причины углубляющегося кризиса системы образования, её высшей школы в целом и приватной, в частности, и определить возможные пути улучшения ситуации в правовом поле высшего образования. Одним из возможных решений, накопившихся за последнее десятилетие многочисленных организационно-правовых проблем в сфере образования, может стать упорядочение правовой регламентации как функционирования самой системы, так и ее взаимоотношений со стейкхолдерами. При этом одним из главных средств концептуального обновления системы образовательного законодательства Украины является его скорейшая систематизация, которая должна привести к созданию единого систематизированного акта – Кодекса Украины об образовании.

Ключевые слова: правовой статус вуза; частный вуз; образовательное законодательство; участники образовательных отношений; государственное регулирование образования; систематизация законодательства об образовании; нормативно-правовое регулирование образования; Кодекс об образовании.

Астахов В. В. Про державний підхід до «недержавної» освіти: двадцять п'ять років потому

У статті на підставі матеріалів, опублікованих раніше у Вчених записках НУА [1] та інших наукових виданнях [2], з проблем правового регулювання діяльності приватних вищих навчальних закладів в Україні, зроблено узагальнюючий аналіз ситуації, що склалася в чинному освітньому законодавстві на рубежі двадцятото і двадцять першого століть. Зроблено

спробу систематизувати причини поглиблення кризи системи освіти, її вищої школи в цілому і приватній, в особистості, і визначити можливі шляхи поліпшення ситуації в правовому полі вищої освіти. Одним з можливих рішень, що накопичилися за останнє десятиріччя численних організаційно-правових проблем в сфері освіти, може стати впорядкування правової регламентації як функціонування самої системи, так і її взаємин з стейкхолдерами. При цьому одним з головних засобів концептуального оновлення системи освітнього законодавства України є його швидка систематизація, яка повинна привести до створення єдиного систематизованого акту – Кодексу України про освіту.

Ключові слова: правовий статус внз; приватний внз; освітнє законодавство; учасники освітніх відносин; державне регулювання освіти; систематизація законодавства про освіту; нормативно-правове регулювання освіти; Кодекс про освіту.

Astakhov Victor. Government Approach To Non-Government Education: 25 Years On

The article gives a general analysis of the current situation in legislation regulating the education sphere, the analysis is made on the basis of works concerning legal regulations of private education institutions, which were published in the Academic Bulletin of Kharkiv University of Humanities “People’s Ukrainian Academy” and some other scientific resources. The article makes an attempt to systematize causes of the deepening crisis in the education system of Ukraine, in Higher Education in general and in private education, in particular. The author also attempts to suggest ways to better the situation in legal regulation of the sphere of Higher Education. Among the ways suggested to deal with stockpiled in education organizational and legal problems – ordering and normalization of legal regulation of both the system operation and its interaction with stakeholders.

The author highlights that the main method of ultimate renewal of educational legislation system is its systematization, which presupposes development of a single integrated act – Ukrainian Code of Education.

Key words: legal status of education institution, legislation in education, stakeholders of education institutions, systematization of educational institutions, normative legal regulation in education, Code of Education.

Инновационный путь развития общества ставит перед государством задачу приоритетной поддержки образования, так как именно образование способно улучшать качество человеческого капитала –

неисчерпаемого интеллектуального и духовного ресурса. Однако, проблема правового обеспечения деятельности учебных заведений остается достаточно острой, несмотря на более, чем четвертьвековой опыт реформ системы образования в независимой Украине.

Наличие указанных тенденций в процессе реформирования образовательной отрасли в целом и действующего образовательного законодательства, в частности, можно попытаться объяснить тем, что в течение первых двух десятилетий независимости Украина постоянно повторяла одну и ту же системную ошибку, заключающуюся в попытках решить проблемы образования в стране с рыночной экономикой нерыночными методами. Результат был ожидаемый: движения вперед почти отсутствовало, реформы буксовали, проблемы накапливались и все это несмотря на огромную законотворческую деятельность и наличие большого массива нормативных актов образовательного законодательства.

Но к середине десятых годов XXI столетия в стране были наконец приняты такие основополагающие нормативно-правовые акты, как законы Украины «О высшем образовании» (2014 г.) [3] и «Об образовании» (2018 г.) [4], которые стали существенным шагом вперед в деле реформирования украинской образовательной отрасли.

Так, Закон Украины «О высшем образовании», несмотря на его принятие раньше базового законодательного акта – закона «Об образовании», стал значительным событием в деле реформирования законодательства, регулирующего деятельность высшей школы. К основным изменениям, введенным законом, можно отнести: закрепление европейской системы образовательно-квалификационных уровней и степеней высшего образования, расширение автономии вузов, деятельность которых базируется на принципах автономии и самоуправления, в том числе и в финансовой сфере.

Также вузы получили право выдавать собственные документы о высшем образовании, а также право выдавать совместные дипломы, в том числе с иностранными вузами. Положительным является законодательное закрепление процедуры проведения внешнего независимого оценивания, а также создание Единой государственной электронной базы по вопросам образования и Национального агентства по

качеству высшего образования, в состав которого должны войти представители всех вузов, независимо от формы собственности.

Кроме того, на основании указанного закона был принят ряд новых подзаконных актов, отменяющих многие устаревшие нормы. Например, приказом министра образования и науки № 1310 (z1485-14) от 13.11.2014 года было отменено «Положение об организации учебного процесса в высших учебных заведениях» [5], пункт 3.12.2.3 которого закреплял правило об отчислении студентов из вуза, получивших в сессию более двух неудовлетворительных оценок. Правильность данной нормы в 90-х да и, пожалуй, в нулевых годах не вызывала никаких сомнений. Однако, по нашему убеждению, даже тогда это правило должно было касаться не всех студентов, а только обучающихся за счет бюджетных средств: не хочешь/можешь учиться – уступи свое место более достойному или мотивированному. Поэтому в сложившихся условиях, когда подавляющее большинство студентов страны стало обучаться за свой собственный счет, причем не только в частных вузах, стало очевидно, что указанное правило устарело.

Также отменено Положение «О порядке создания, реорганизации и ликвидации учебно-воспитательных заведений» [6], пункт 2 которого содержал дискриминационное требование к уставному фонду вуза, «размер которого (включая стоимость имущества и собственных средств) должен быть не меньше расчетной стоимости обучения слушателей, количество которых обусловлено объемом приема». В данном случае законодатель произвел долгожданную и очень необходимую корреляцию норм образовательного законодательства с гражданским, на что неоднократно указывали цивилисты.

Ведь как известно, понятие уставного фонда в гражданском праве тождественно понятию «уставный капитал», который представляет собой зафиксированную учредительными документами и оцененную в деньгах сумму всех вкладов, которые учредители решили объединить при создании юридического лица. Другими словами, уставный капитал состоит из соответствующей материальной базы, необходимой хозяйственному обществу для организации, т. е. начала своей деятельности. Однако расчеты показывают, что, выполняя указанную норму для лицензированных объемов приема студентов,

частные вузы для своего создания должны были иметь «на старте» колоссальные суммы т.н. «уставного фонда», которых зачастую у них просто не могло быть.

При этом логика создателей в 1994 году упомянутого Положения понятна. В ее основе лежали благие намерения, целью которых было желание исключить возможные имущественные потери для потенциальных потребителей образовательных услуг – студентов – в случае ликвидации вуза. Другими словами – гарантировать не наступление этих потерь за счет средств его уставного фонда. В то же время, исходя из признаков вуза, как юридического лица, такой признак, как самостоятельная имущественная ответственность означает, что участники (учредители) юридического лица не отвечают по его обязательствам, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам первых. То есть, каждое юридическое лицо самостоятельно несет ответственность по своим обязательствам. А необходимой предпосылкой такой ответственности является наличие у юридического лица (в нашем случае – вуза) обособленного имущества, которое при необходимости может служить объектом притязаний кредиторов. Существующие исключения из этого правила для некоторых юридических лиц, в том числе для государственных вузов, не колеблют общего правила, поскольку ответственность государства в данном случае является лишь субсидиарной, т.е. дополнительной к ответственности самого вуза.

Поэтому критика указанной нормы была обусловлена тем, что недопустимо проведение аналогии между гарантией прав обучающихся и ответственностью вуза, поскольку гарантия – это способ обеспечения обязательства, а не инструмент ответственности, которой последнюю искусственно подменять нельзя. Гарант, возмещающая кредитору основного обязательства чужой долг, только исполняет свою обязанность по договору гарантии. Юридическое же значение уставного фонда в хозяйственных обществах и его деление на доли заключается в том, что это наделяет участников правом заявлять притязания обществу при ущемлении их имущественных интересов.

По своему основному предназначению уставный фонд призван отображать не наличие имущества или средств общества, а источник

их формирования. При этом размер уставного фонда, показывает обязанность общества перед его участниками и эти обязанности, имея бессрочный характер, прекращаются только в случае ликвидации общества или выхода участника из него.

Отсюда, отмена указанной нормы, прежде всего, может служить основанием для уравнивания правового статуса государственных и частных вузов, поскольку, согласно гражданскому законодательству данное требование имеет отношение только к «частникам», т.к. государственные (бюджетные) вузы, как учреждения, так называемый «уставный фонд» иметь не должны.

Все вышесказанное по поводу уставного фонда можно считать одним из шагов по устранению недоверия именно к частным вузам, которые в большинстве своем не в состоянии иметь в собственности такого количества имущества. Поэтому упомянутый новый закон «О высшем образовании» закрепил норму о необходимости включения в устав вуза сведений о размере его основных средств или уставного фонда, объем которого сформирован учредителями [7], т.е. без указания на конкретную сумму. Такой дуализм в отражении объема имущества в уставе обусловлен, видимо, закреплением в той же 27 статье закона статуса вуза, в соответствии с которым последний, как субъекта хозяйствования, может функционировать как бюджетное учреждение, а также в статусе неприбыльного или прибыльного юридического лица.

Указанное деление вузов в зависимости от их статуса подтверждает правильность наших выводов, отраженных еще в начале нулевых годов [8], в которых мы утверждали, что, основываясь на многоуровневом представлении об отношениях собственности в вузах, все организационные формы их функционирования можно представить следующим образом.

1. Государственное образовательное учреждение без права заниматься внебюджетной деятельностью и финансируемое исключительно из бюджета государства или административно-территориальной единицы.

2. Государственное образовательное учреждение, имеющее право заниматься внебюджетной деятельностью и финансируемое как из

бюджета, так и за счет средств получателей образовательных услуг.

3. Некоммерческая образовательная организация, имеющая собственное имущество, экономический интерес в отведенной ей сфере образования (предоставление платных образовательных услуг) и все возможности для автономного хозяйствования.

4. Коммерческая образовательная организация, основной целью которой является получение прибыли от оказания платных образовательных услуг.

5. Университетский комплекс – университет (единое юридическое лицо), состоящий из различных образовательных, научных, инновационных и иных структурных подразделений, в частности реализующий образовательные программы по различным направлениям и образовательно-квалификационным уровням.

6. Университетский комплекс – объединение учреждений и организаций различных форм собственности, сохраняющих свою самостоятельность (ассоциация, союз) с правами юридического лица или без такового.

Безусловно, для реализации права на общедоступное и бесплатное образование, а также с целью реализации функций государства, которое, представляя нерыночный сектор экономики, может позволить себе оплатить подготовку наиболее необходимых для него специалистов, наиболее соответствует статус вуза, как государственного образовательного учреждения, финансируемого исключительно из бюджета, обеспечивающего профессорско-преподавательский состав и научных работников вуза высокой зарплатой, достойной их статуса, и создающего все необходимые материально-технические условия для образовательной и научной деятельности. Такой вуз, вероятно, должен быть изолирован от рыночного сектора образования, поскольку в нем общественное благо создается исключительно на основе государственной собственности, которая передана государством вузу в управление для реализации общественно важных функций. Примером таких вузов могут служить военные учебные заведения, а также вузы, в которых осуществляется подготовка необходимых государству технических и/или иных не престижных, но нужных специалистов и т.п.

Во всех других случаях (например, подготовка специалистов для частного бизнеса, сферы обслуживания и т.п.) государство должно лишь частично оплачивать обучение граждан в вузах, перекладывая плату за подготовку специалистов на плечи работодателей и частных лиц. Тем более, если сопоставить второй и третий варианты указанных выше организационных структур вузов, легко заметить их близость в вопросах осуществления платной образовательной деятельности. А потребности, имеющие характер смешанного и частного блага, способен удовлетворить вуз со статусом некоммерческой (неприбыльной) или коммерческой (прибыльной) организации. Именно эта идея и заложена в 27-ой статье закона «О высшем образовании», регламентирующей различный правовой статус вузов.

При этом следует заметить, что проблема здесь гораздо глубже, поскольку разграничение коммерческих и некоммерческих организаций является слабым местом современного гражданского законодательства. Это обусловлено тем, что в сегодняшней Украине большинство некоммерческих (неприбыльных) организаций, не исключая и финансируемых собственником учреждений, просто вынуждены заниматься предоставлением платных услуг, чтобы свести концы с концами. Поэтому законодатель должен был обеспечить такой правовой режим их деятельности, при котором неизбежное и необходимое ведение коммерции не превратится в самоцель. Это было сделано путем запрета распределять полученную прибыль между участниками юридического лица, что является самым действенным способом отсечения некоммерческих организаций от профессионального бизнеса.

Тем не менее, по нашему мнению, подобное деление вузов в зависимости от их статуса, в перспективе все больше будет иметь отрицательный характер. Не имея возможности в рамках настоящей статьи полностью раскрыть это утверждение, отметим лишь, что миссия вуза «производить» общественное благо конфликтует с фактически предоставленным ему правом производить частное благо и свободно конкурировать на рынке платных образовательных услуг. Главные потенциальные опасности, которые несет для образования процесс глобализации, являются не очень осязаемыми, но крайне

важными по своим стратегическим последствиям, поскольку очевидно, что чисто рыночное отношение к образованию не принесет ему пользы, сделает предметом купли-продажи, а не общественным благом, основой развития собственной национальной культуры. Ведь рыночные ценности в условиях ограниченного государственного финансирования способны изменить миссию учебных заведений и усилить расслоение общества [9].

Кроме этого необходимо отметить, что многолетняя борьба частных вузов за равенство правового статуса всех высших учебных заведений, независимо от формы собственности, привела к закреплению в новом законе «О высшем образовании» пусть больше декларативного, но очень важного правила: Высшие учебные заведения государственной, коммунальной и частной собственности имеют равные права при проведении образовательной, научной и иных видов деятельности (п. 4, ст. 27).

Декларативность указанной нормы обусловлена теми же причинами, по которым частные учебные заведения долгие годы не могли воспользоваться своими правами, которые были закреплены в абзаце 4 части 5 статьи 61 старого закона Украины «Об образовании» [10], которая гласила: «Денежные средства, полученные учебным заведением как оплата за обучение, подготовку, переподготовку, повышение квалификации кадров или за предоставление дополнительных образовательных услуг, не облагаются налогом и не могут быть изъяты в доход государства или местных бюджетов. Указанные денежные средства находятся в распоряжении учебного заведения при условии, если они направляются на уставную деятельность учебного заведения». Однако указанную норму не признавали органы налоговой службы применительно к частным вузам на том основании, что она отсутствовала в налоговом законодательстве, мотивируя это тем, что льготы по налогообложению не могут устанавливаться или изменяться иными законами Украины, нежели законами о налогообложении (действующая на тот момент норма, закрепленная ч. 3 статьи 1 Закона Украины «О системе налогообложения»). К сожалению, до настоящего времени требования о внесении изменений в налоговое законодательство на основании принятых новых образовательных законов не выполнены.

Таким образом, несмотря на широкий спектр положительных решений, закрепленных в законах «Об образовании» и «О высшем образовании», остаются проблемные нормы, не просто нуждающиеся в коррекции, но и вызвавшие в обществе острые споры. Не имея возможности рассмотреть все новеллы представленных нормативных актов, обратим внимание на наиболее резонансные нормы закона Украины «Об образовании», регламентирующие требования по использованию государственного языка в образовательной сфере и которые вызвали большой резонанс как в самой Украине, так и за ее пределами [11].

Если отбросить политическую составляющую, то указанные нормы, причем существенно усиленные принятым законом «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» от 25.04.2019 г. [12], при всей строгости за нарушение последнего, имеют существенные юридические коллизии с уже действующим законодательством.

Так, следует согласиться с утверждениями, что указанный языковой закон не может иметь юридической силы, поскольку русский язык имеет региональный статус на всей территории Украины с 15 мая 2003 года, когда Верховной Радой был принят Закон «О ратификации Европейской хартии региональных языков» №802-IV, пункт 2 которого определил перечень региональных языков Украины.

Поэтому региональный статус русского языка уже давно закреплен в законе и распространяется на всю территорию страны, поскольку в случае расхождения норм международного договора (т.е. Хартии) и национального закона действуют нормы международного договора согласно статье 9 Конституции Украины, статье 17 Закона о международных договорах Украины и статье 27 Венской конвенции о праве международных договоров¹³. Отсюда языковые нормы закона «Об образовании» и соответственно закона «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» могут быть оспорены в суде, как не имеющие юридической силы в той части, в которой они противоречат Хартии. Таким образом, гипотетически указанные нормы о запрете русского языка в образовании, а также общественной и социальной жизни могут быть признаны судом недействительными.

Рассмотренные выше примеры убедительно раскрывают ещё одну острую проблему, которая заключается в том, что сложившийся за годы независимости массив нормативно-правовых актов образовательного законодательства благодаря своему объёму создает существенные трудности в правовой работе органов исполнительной власти и образовательных учреждений и инициирует условия для юридических коллизий и необоснованных решений, сказывающихся на судьбах конкретных людей. Критический объём этого массива практически выходит из-под контроля как субъектов законодательной деятельности, так и всех участников образовательного процесса в целом. Причем правовые нормы, регулирующие те или иные отдельные комплексы отношений, связанных или вытекающих из деятельности в сфере образования, содержатся помимо профильных нормативных актов в законах и других подзаконных источниках, регулирующих административные, бюджетные, налоговые, трудовые и другие отношения.

Кроме этого многие образовательные нормы до сих пор закрепляют преференции для государственных вузов, создавая неравные конкурентные условия на рынке образовательных услуг для своих коллег – вузов, основанных на частной форме собственности. Очевидно в этой ситуации как никогда возрастает актуальность работы не только по совершенствованию, но и по упорядочению образовательного законодательства путем его систематизации. При этом следует согласиться с А.Н. Козыриным, который справедливо указывает, что для этого можно использовать не только кодификацию, но и все основные виды систематизации – учет, инкорпорацию и консолидацию [14].

Конечно, Министерство образования и науки Украины, как главный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, ведет учет нормативных правовых актов, регулирующих отношения в данной отрасли. Хотя, безусловно, значение данной функции министерства в условиях проведения образовательной реформы возрастает, поскольку именно на него должна быть возложена задача по поддержанию в надлежащем состоянии всего

нормативно-правового массива в этой сфере государственного управления. При этом учетом нормативных актов в сфере образования могут заниматься и другие государственные учреждения, участвуя тем самым в работе по систематизации законодательства совместно с МОНУ, например, Министерство юстиции Украины.

Задача учета нормативных правовых актов в сфере образования состоит не только в сборе и «инвентаризации» самих нормативно-правовых актов, но и в постоянной поддержке их в состоянии т.н. «действующего нормативно-правового акта», который бы учитывал все вносимые в него изменения и дополнения. Эту функцию сегодня выполняют информационно-правовые и справочно-правовые системы «Лига-Закон», «Рада», «Форум» и др., позволяющие оперативно получить подборку не только действующих актов по образованию, но и их отмененных редакций.

Другой формой систематизации законодательства об образовании может стать консолидация – объединение совокупности мелких актов, изданных по одному или нескольким вопросам в один укрупненный акт. До настоящего времени эта форма систематизации в отношении актов образовательного законодательства Украины практически не применялась. Хотя нормативные акты, частично использующие элементы консолидации, т.е. систематизирующие акты законодательства по каким-то конкретным вопросам все же используются, например, «Условия приема на обучение для получения образовательного квалификационного уровня младшего специалиста в 2019 году» [15]. Малая востребованность на практике консолидации актов законодательства идет вразрез с потребностью приведения в единое целое многочисленных правовых норм об образовании, разбросанных по ряду нормативных актов, прежде всего касающихся предоставления различного рода льгот участникам образовательных правоотношений.

Систематизация образовательного законодательства может проводиться также в форме инкорпорации. Последняя предполагает лишь внешнюю обработку нормативных правовых актов без какого-либо изменения их содержания. Систематизированные таким образом нормативно-правовые акты объединяются в различного рода сборники, в которых они могут располагаться по хронологическому

принципу (т.е. по времени издания акта) или по предмету правового регулирования (например, акты могут группироваться в зависимости от уровня образовательной системы, к которой они относятся, или от сферы регулируемых отношений – экономика образования, управление образованием и т.д.).

В случае официальной инкорпорации инкорпорированные акты объединяются в сборники, впоследствии утверждаемые органами, издавшими акты. Эта форма систематизации также не получила должного распространения в нашей стране. В случае неофициальной инкорпорации соответствующие сборники создаются и издаются заинтересованными лицами по своей инициативе и без санкции компетентных государственных органов. Неофициальная инкорпорация получила большее развитие, нежели официальная. В качестве примера можно привести сборники, издаваемые Европейским университетом (г. Киев).

Но наиболее сложной формой систематизации законодательства является кодификация, при которой происходит внутренняя переработка нормативного материала и создается новый нормативно-правовой акт.

Необходимость проведения кодификации законодательства об образовании обусловлена практически теми же причинами, которые привели к формированию хозяйственного и экологического права, обеспечили принятие Таможенного, Земельного, Воздушного, Лесного, Водного Кодексов и даже вызвавшего множество споров Избирательного Кодекса [16], принятого 11 июля 2019 года и сочетающего в себе всего лишь пять документов – законы о выборах президента, народных депутатов, местные выборы, о ЦИК и о государственном реестре избирателей [17] и который должен вступить в силу с 1.12.2023 года. Если же обратиться к толкованию терминов «кодификация», «кодекс», также можно однозначно убедиться в целесообразности и своевременности работы по совершенствованию образовательного законодательства: объем материала, нуждающегося в кодификации, и уровень решаемых проблем требуют разработки акта, который по объему и масштабу может быть только кодексом.

Как известно, кодификация как способ систематизации есть упорядочение юридических норм в процессе правотворческой деятельности, издание на этой основе единого, юридически и логически цельного кодифицированного акта (основ, кодекса, устава, положения и др.). Главная функция и важнейшая особенность кодификации – изменение содержания правового регулирования, придание ему комплексного системного характера. С этой точки зрения кодификация является высшей формой систематизации, которая обеспечивает коренную переработку действующего законодательства в той или иной сфере регулируемых им отношений и придающая ему на этой основе новое качество. Тем самым обеспечивается максимально возможная полнота регулируемых данным кодифицированным актом общественных отношений. Поэтому можно говорить, что кодификация в этом смысле является и высшей формой правотворчества, она всегда преследует установление новых норм, отвечающих в наибольшей мере потребностям общественной практики, устраняющих пробелы и дефекты в правовом регулировании и обладающих качеством оптимальных регуляторов в данных условиях. В результате кодификации, принимается сводный кодификационный акт [18].

В последние годы в Украине развернулась дискуссия о выборе формы систематизации законодательства об образовании. При этом проблемы, вызванные несистематизированным характером этой отрасли законодательства, давно уже стали очевидны для многих. При этом следует сказать, что работа по подготовке Кодекса РФ об образовании была приостановлена, хотя велась с 2003 года на основе разработанной еще в конце 90-х годов прошлого столетия Концепции Кодекса, но возобновлена с 2017 года [19]. Кодекс об образовании Республики Беларусь принят Палатой представителей Национального собрания 13.01.2011 года [20]. В Молдавии Кодекс об образовании принят парламентом республики 17 июля 2014 года [21]. Поэтому неслучайно в отечественной правовой науке не только стали звучать призывы к проведению этой масштабной и такой необходимой работы, но и начали предприниматься робкие шаги в ее направлении [22]. Причём обсуждаемую проблематику нельзя считать совершенно

новой. Еще в 1922 году, к примеру, был принят Кодекс народного просвещения Украины, «весьма систематично разработанный» [23]. В 1985 году Г.А. Дорохова отмечала, что нормы различных отраслей права, попадая в систему образования, как бы утрачивают права гражданства, тем самым формируя новую отрасль законодательства – образовательную [24, с. 19].

В то же время, несмотря на то, что положительный момент в движении по пути разработки и принятия Кодекса Украины об образовании, казалось бы, очевиден, существует ряд моментов, которые могут рассматриваться в качестве препятствий для быстрой разработки и принятия указанного законодательного акта.

Если отбросить политические баталии, перманентно сотрясающие украинское общество, то к основным препятствиям принятия Кодекса Украины об образовании можно отнести следующие. Во-первых, есть определенные трудности, связанные с недостаточным количеством специалистов в области именно образовательного нормотворчества и их целенаправленной подготовки. Во-вторых, практически отсутствуют отечественные системные исследования проблем нормотворчества в сфере образования. В-третьих, имеется немало противников кодификации образовательного законодательства со стороны представителей различных отраслей правовой науки. Все это дает основания полагать, что в этих условиях чрезвычайно трудно в короткий промежуток времени создать универсальной и в то же время качественной комплексный кодифицированный законодательный акт.

Представленные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что система образования в Украине нуждается в упорядоченной правовой регламентации как функционирования самой системы, так и ее взаимоотношений со стейкхолдерами. А проводимая в Украине реформа системы образования, а также существенные изменения, вносимые в иные, «смежные» отрасли законодательства, предопределяют активное развитие образовательного права. Поэтому накопившиеся за последнее десятилетие многочисленные организационно-правовые проблемы в сфере образования настоятельно требуют самого скорейшего разрешения. При этом одним из главных средств концептуального обновления системы образовательного законо-

дательства Украины является его скорейшая кодификация, которая должна привести к созданию единого систематизированного акта – Кодекса Украины об образовании.

Список литературы

1. Астахов В.В. Еще раз о государственном подходе к «негосударственному» образованию / В.В. Астахов // Вчені зап. Харк. гуманіт. ін-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 1998. – Т. 4. – С. 204–216., Астахов В. В. К вопросу о противоречиях становления правовых основ частного образования в Украине / В.В. Астахов // Вчені зап. Харк. гуманіт. ін-ту «Нар. укр. акад.». – 2002. – Т. 8. – С. 80–95., Астахов В.В. Совершенствование образовательного законодательства: украинские реалии в контексте перманентных преобразований / В.В. Астахов // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2009. – Т. 15. – С. 31–39., Астахов В.В. К вопросу об образовательном праве Украины / В.В. Астахов // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2011. – Т. 17. – С. 99–119., Астахов В. В. Правовое регулирование процессов модернизации образовательной системы Украины: проблемы и перспективы / В. В. Астахов // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2017. – Т. 23. – С. 47–62.

2. Астахов В. В. Правовой статус негосударственных высших учебных заведений / В.В. Астахов // Предпринимательство, хоз-во, право. – 1998. – № 10. – С. 29–33., Астахов В.В. Правові основи діяльності навчальних закладів недержавної форми власності / Віктор Астахов // Приватна вища школа України на шляху інновацій : моногр. / Акад. пед. наук України, Ін-т вищ. освіти, Харк. гуманіт. ун-т «Нар. укр. акад.». – Харків, 2005. – Підрозд. 5.1. – С. 222–244., Astakhov V. The Legal Basis for Life-Long Education in Ukraine as Exemplified by the Ukrainian People's Academy / V. V. Astakhov // Continuous education through the lens of time : monography / Pushkin Leningrad State University, res. inst. soc., ec., ped., probl., of cont. educ. ; sci. ed. N. A. Lobanov, V. N. Skvortsov. – SPb. ; Kharkiv, 2014. – P. 148–155. – Англ., Астахов В. Образовательное законодательство Украины: проблемы и перспективы : [моногр.] / Виктор Астахов. – [Saarbrücken] : Lap Lambert Academic Publishing, [2014]. – 89 с.,

3. Про вищу освіту [Електронний ресурс] : Закон України від 01.07.2014 р. № 1556-VII : дата оновлення 01.01.2018 // Законодавство України : [сайт]. – Режим доступу: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1556-18>.

4. Про освіту [Електронний ресурс] : Закон України від 05.09.2017 р. № 2145-VIII // Законодавство України : [сайт]. – Режим доступу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2145-19>.

5. Про затвердження Положення про організацію навчального процесу у вищих навчальних закладах [Електронний ресурс] : Наказ Міністерства освіти і науки N 1310 (з1485-14) від 13.11.2014 // Законодавство України : [сайт]. – Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0173-93>.

6. Положення про порядок створення, реорганізації і ліквідації навчально-виховних закладів [Електронний ресурс] : Постанова Кабінету Міністрів України від 5.04.1994 р. № 228 : втратила чинність на підставі Постанови КМ № 147 (147-2016-п) від 02.03.2016 // Законодавство України : [сайт]. – Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/228-94-%D0%BF>.

7. Про вищу освіту [Електронний ресурс] : Закон України від 01.07.2014 р. № 1556-VII : дата оновлення 01.01.2018 // Законодавство України : [сайт]. – п/п 4, п. 7, ст. 27. – Режим доступу: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1556-18>.

8. Астахов В.В. К вопросу об организационно-правовой форме частного вуза / В.В. Астахов // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – 2003. – Т. 9. – С. 73–85.

9. Астахов В.В. Конкуренция в сфере предоставления образовательных услуг в условиях глобализации образовательного пространства: проблемы совершенствования законодательства / В.В. Астахов // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – 2008. – Т. 14. – С. 29–44.

10. Астахов В.В. Конкуренция вузов в неконкурентной правовой среде / В.В. Астахов // Вчені зап. Харк. гуманіт. ін-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2005. – Т. 11. – С. 54–76.

11. Студенникова Г. Тотальная украинизация, 12-летка, сокращение школ и учителей. Что означает принятая Радой реформа образования [Электронный ресурс] / Галина Студенникова // Страна.ua. – 2017. – 06 сент. – Режим доступа: <https://strana.ua/articles/91169-kakie-izmenenija-ozhidajut-ukrainskie-shkoly-posle-prinjatija-radoj-reformy-obrazovanija.html>; Закон о языке: кто и где должен говорить на украинском [Электронный ресурс] // Телеканал новостей «24». – 2018. – 16.07. – Режим доступа: https://24tv.ua/ru/rada_podderzhala_zakonoproekt_o_jazyke_kto_i_gde_dolzhen_govorit_na_ukrainskom_n1042295

12. Про забезпечення функціонування української мови як державної [Електронний ресурс] : текст Закону України № 2704-VIII від 25.04.2019 // Голос України. – 2019. – 16 травня. – Режим доступу: <http://www.golos.com.ua/article/317062>.

13. Астахов В.В. К вопросу о применении Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств и использовании русского языка: правовой аспект / В.В. Астахов // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Х., 2007. – Т. 13, кн. 1: Актуальні проблеми освіти. – С. 209–220.

14. Козырин А. Н. Современные контуры образовательного права [Электронный ресурс] // CenterBereg : юридический портал. – Режим досупа: <http://center-bereg.ru/13010.html>.

15. Про затвердження Умов прийому на навчання для здобуття освітньо-кваліфікаційного рівня молодшого спеціаліста в 2019 році : Наказ МОНУ № 1082 від 10.10.2018 р. // Законодавство України : [сайт]. – Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z1231-18>.

16. Проект Выборчого кодексу України [Електронний ресурс] : картка законопроекту : зареєстрований 3112-1 від 02.10.2015 // Верховна Рада України : офіційний веб-портал. – 1994–2019. – Режим доступу: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=56671.

17. Бобрицкий Д. Тема дня. Рада приняла избирательный кодекс: что это значит [Электронный ресурс] / Дмитрий Бобрицкий // Liga.net : [информ. агентство]. – Режим доступа: <https://www.liga.net/politics/articles/tema-dnya-rada-prinyala-izbiratelnyu-kodeks-chto-eto-znachit>.

18. Ягофаров Д. А. Теоретические и практические аспекты кодификации образовательного законодательства [Текст] / Д. А. Ягофаров, Н. Н. Хридина, Е. А. Васильченко // Образовательное нормотворчество и проблемы кодификации российского законодательства об образовании : моногр. – Екатеринбург, 2006. – Электрон. аналог печатн. изд.: режим доступа: <http://www.lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo/knigi/normotvorchestvo/32.php>.

19. Бекетов О. И. Кодекс РФ об образовании как основа административно-правового регулирования образовательной деятельности [Электронный ресурс] / Бекетов О. И., Соловей Ю. П., Куликова Т. Б.; ФГБНУ «Федеральный центр образовательного законодательства» // Ежегодник рос. образовательного законодательства. – Том 12, 2017 (№18). – Режим доступа: http://www.lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo/analitika/detail.php?ELEMENT_ID=7257.

20. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : Закон от № 243-З от 13.01.2011 года // Kodeksy-by.com : [сайт]. – 2012–2019. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/kodeks_ob_obrazovanii_rb.htm.

21. Кодекс Республики Молдова об образовании [Электронный ресурс] : Закон от № 152 от 17 июля 2014 г. // Законодательство стран СНГ : база данных. – Режим доступа – http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=70660.

22. Проблемы законодательного обеспечения образовательной деятельности : [материалы круглого стола ХНУ им.В. Н. Каразина 10.10.2009]. – Харьков, 2009.

23. Дурденевский В. Н. Лекции по праву социальной культуры [Электронный ресурс] // Научное наследие России : электронная биб-ка. – М.-Л., 1929. – С.12. – Режим доступа: <http://books.e-heritage.ru/book/10079412>.

24. Дорохова Г. А. Законодательство о народном образовании. Теоретические проблемы совершенствования. – М., 1985. – 155 с.

References

1. Astakhov, V.V. (1998). Yeshche raz o gosudarstvennom podkhode k «negosudarstvennomu» obrazovaniyu». *Vcheni zap. Khark. gumanit. in-tu «Nar. ukr. akad.»*. Kharkiv, vol. 4, pp. 204–216., Astakhov, V.V. (2002). K voprosu o protivorechiyakh stanovleniya pravovykh osnov privatnogo obrazovaniya v Ukraine. *Vcheni zap. Khark. gumanit. in-tu «Nar. ukr. akad.»*. Vol. 8, pp. 80–95., Astakhov, V.V. (2009). Sovershenstvovaniye obrazovatel'nogo zakonodatel'stva: ukrainskiye realii v kontekste permanentnykh preobrazovaniy. *Vchenn zap. Khark. gumannt. un-tu «Nar. ukr. akad.»*. Kharkiv, vol. 15, pp. 31–39., Astakhov, V.V. (2011). K voprosu ob obrazovatel'nom prave Ukrainy. *Vchenn zap. Khark. gumannt. un-tu «Nar. ukr. akad.»*. Kharkiv, vol. 17, pp. 99–119., Astakhov, V. V. (2017). Pravovoye regulirovaniye protsessov modernizatsii obrazovatel'noy sistemy Ukrainy: problemy i perspektivy. *Vchenn zap. Kharkiv. gumanntar. un-tu «Nar. ukr. akad.»*. Kharkiv, vol. 23, pp. 47–62.

2. Astakhov, V.V. (1998). Pravovoy status nehosudarstvennykh vysshnykh uchebnykh zavedenyy. *Predprynymatel'stvo, khoz-vo, pravo*, 10, pp. 29–33., Astakhov, V.V., (2005). Pravovi osnovy diyal'nosti navchal'nykh zakladiv nederzhavnoyi formy vlasnosti. In: *Pryvatna vyshcha shkola Ukrayiny na shlyakhu innovatsiy*. Kharkiv, pp. 222–244., Astakhov, V. (2014). The Legal Basis for Life-Long Education in Ukraine as Exemplified by the Ukrainian People's Academy. In: *Continuous education through the lens of tim*. SPb. ; Kharkiv, pp. 148–155. Astakhov, V. (2014). *Obrazovatel'noe zakonodatel'stvo Ukrayiny*. Saarbrucken : Lap Lambert Academic Publishing, 89 p.

3. Verkhovna Rada of Ukraine, (2014). *Pro vyshchu osvitu. Zakonodavstvo Ukrayiny* [online]. Available at: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1556-18>.

4. Verkhovna Rada of Ukraine, (2017). *Pro osvitu. Zakonodavstvo Ukrayiny* [online]. Available at: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2145-19>. 5.

5. Minosvity Ukrayiny ,(1993). *Pro zatverdzhennya Polozhennya pro orhanizatsiyu navchal'noho protsesu u vyshchykh navchal'nykh zakladakh*. Zakonodavstvo Ukrayiny [online]. Available at: zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0173-93.

6. Kabinet Ministriv Ukrayiny, (1994). *Polozhennya pro poryadok stvorennya, reorhanizatsiyi i likvidatsiyi navchal'no-vykhovnykh zakladiv*. Zakonodavstvo Ukrayiny [online]. Available at: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/228-94-%D0%BE>.

7. Verkhovna Rada of Ukraine, (2014). *Pro vyshchu osvitu. Zakonodavstvo Ukrainy* [online]. Available at: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1556-18>.

8. Astakhov, V.V. (2003). K voprosu ob organizatsionno-pravovoy forme privatnogo vuza. *Vcheni zap. Khark. gumanit. un-tu «Nar. ukr. akad.»*. Kharkiv, vol. 9, pp. 73–85.

9. Astakhov, V. (2008). Konkurentsia v sfere predostavleniya obrazovatel'nykh uslug v usloviyakh globalizatsii obrazovatel'nogo prostranstva: problemi sovershenstvovaniya zakonodatel'stva. *Vcheni zap. Khark. gumanit. un-tu «Nar. ukr. akad.»*. Kharkiv, vol. 14, pp. 29–44.

10. Astakhov, V. (2005). Konkurentsia vuzov v nekonkurentnoy pravovoy srede. *Vcheni zap. Khark. gumanit. in-tu «Nar. ukr. akad.»*. – Kharkiv, vol. 11, pp. 54–76.

11. Studennikova, G. (2017). Total'naya ukrainizatsiya, 12-letka, sokrashcheniye shkol i uchiteley. Chto oznachayet prinyataya Radoy reforma obrazovaniya. In : *Strana.ua*, [online]. Available at: <https://strana.ua/articles/91169-kakie-izmeneniya-ozhidajut-ukrainskie-shkoly-posle-prinjatiya-radoj-reformy-obrazovaniya.html>.; Mazur, E. (2019). Zakon o yazyke: kto i gde dolzhen govorit' na ukrainskom. In: *Kanal 24*, [online]. Available at: <https://24tv.ua/ru/rada-podderzhala-zakonoproekt-o-yazyke-kto-i-gde-dolzhen-govorit-na-ukrainskom-n1042295>.

12. Pro zabezpechennya funktsionuvannya ukraïnskoyi movy yak derzhavnoyi (2019). *Golos Ukraini*, [online]. Available at: <http://www.golos.com.ua/article/317062>.

13. Astakhov, V.V. (2007). K voprosu o pryimenenyy Evropeyskoy khartyi rehyonalnykh yazykov yly yazykov men' shynstv y yspol' zovany rusckoho yazyka: pravovoy aspect. *Vcheni zap. Khark. humanit. un-tu «Nar. ukr. akad.»*. Kharkiv, vol. 13, 1, pp. 209–220.

14. Kozyryn, A. N. Sovremennye kontury obrazovatel'noho prava. In: *CenterBereg*, [online]. Available at: <http://center-bereg.ru/l3010.html>.

15. Verkhovna Rada of Ukraine, (2019). *Pro zatverdzhennya Umov pryiyomu na navchannya dlya zdobuttya osvith o-kvalifikatsiynoho rivnya molodshoho spetsialista v 2019*. Zakonodavstvo Ukrainy [online]. Available at: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z1231-18>.

16. Verkhovna Rada of Ukraine, (2015). *Proekt Vyborchoho kodeksu Ukrainy*. Zakonodavstvo Ukrainy [online]. Available at: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=56671.

17. Bobrytsky, D. (2019). Tema dnya. Rada prynala yzbyratel'nyy kodeks: chto eto znachyt. In: *Liha.net*. [online]. Available at: <https://www.liha.net/politics/articles/tema-dnya-rada-prynala-izbiratelnyy-kodeks-chto-eto-znachit>.

18. Yagofarov, D. A. Khridina, N.N., Vasil'chenko, Ye.A. (2009). Teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty kodifikatsii obrazovatel'nogo zakonodatel'stva. In: *Obrazovatel'noye normotvorchestvo i problemy kodifikatsii rossiyskogo zakonodatel'stva ob obrazovanii*, [online]. monogr. Yekaterinburg. Available at: <http://www.lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo/knigi/normotvorchestvo/32.php>.

19. Beketov, O. I., Solovey, YU. P., Kulikova, T. B. (2017). Kodeks RF ob obrazovanii kak osnova administrativno-pravovogo regulirovaniya obrazovatel'noy deyatel'nosti. In: *Yezhegodnik ross. obrazovatel'nogo zakonodatel'stva*, [online]. vol. 12. Available at: http://www.lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo/analitika/detail.php?ELEMENT_ID=7257.

20. Kodeks Respubliki Belarus' ob obrazovanii, (2011). In: *Kodeksy-by.com*, [online]. Available at: https://kodeksy-by.com/kodeks_ob_obrazovanii_rb.htm.

21. Zakonodatel'stvo stran SNG, (2014). *Kodeks Respubliki Moldova ob obrazovanii*, [online]. Available at: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=70660.

22. *Problemy zakonodatel'nogo obespecheniya obrazovatel'noy deyatel'nosti*, (2009). Khar'kov: KHNU im.V. N. Karazina.

23. Durdenevskiy, V. N. (1929). Lektsii po pravu sotsial'noy kul'tury. In: *Nauchnoye naslediyе Rossii*, [online] Available at: <http://books.e-heritage.ru/book/10079412>.

24. Dorokhova, G. A. (1985). *Zakonodatel'stvo o narodnom obrazovanii. Teoreticheskiye problemy sovershenstvovaniya*. Moskva, 155 p.

УДК 316.74:378

<http://doi.org/10.5281/zenodo.3707861>*Н. Г. Чибисова***КУЛЬТУРНО-
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА
ПРИВАТНОГО УЧЕБНОГО
ЗАВЕДЕНИЯ
КАК ФАКТОР
ФОРМИРОВАНИЯ
ЛИЧНОСТИ**

В статье Чибисовой Н.Г. поднимается вопрос об изучении такого явления как «культурно-образовательная среда Народной украинской академии». С начала нового столетия автор исследовал понятие «культурно-образовательная среда»: изучал его трактовку у ученых, представляющих разные методологические подходы и предметные поля исследования, начиная с к. XIX в. до сегодняшнего дня.; предложил свое понимание данного явления, его структурных элементов. Авторские наработки легли в основу Концепции развития культурно-образовательной среды Народной украинской академии, а также были использованы в дальнейшей теоретической и практической работе учебного заведения.

Усилиями всех субъектов деятельности Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» была создана уникальная культурно-образовательная среда, которая активно влияла и влияет на становление и развитие личности школьника и студента – личности высоконравственной, готовой жить и трудиться в формирующемся smart-обществе.

Ключевые слова: культурно-образовательная среда, учебное заведение, воспитание, воспитательная работа, личность учащегося.

Чибісова Н. Г. Культурно-освітнє середовище приватного навчального закладу як чинник формування особистості

У статті Чибісової Н.Г. піднімається питання про вивчення такого явища як «культурно-освітнє середовище Народної української академії». З початку нового століття автор досліджував поняття «культурно-освітнє середовище»: вивчає його трактування у вчених, що представляють різні методологічні підходи та предметні поля дослідження, починаючи з к. XIX ст. до теперішнього дня: запропонував своє розуміння цього явища, його структурних елементів. Авторські напрацювання лягли в основу Концепції розвитку культурно-

освітнього середовища Народної української академії, а також були використані в подальшій теоретичній і практичній роботі навчального закладу. Зусиллями всіх суб'єктів діяльності Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» було створене унікальне культурно-освітнє середовище, яке активно впливало і впливає на становлення і розвиток особистості школяра і студента – особистості високоморальної, готової жити і працювати в smart-суспільстві, що формується.

Ключові слова: культурно-освітнє середовище, навчальний заклад, виховання, виховна робота, особистість учня.

Chybysova Nataliia. Cultural and Educational Environment of an Educational Institution as a Factor of Personality Formation

The article N. Chybysova the question is raised about the study of such a phenomenon as the «cultural and educational environment of the «People's Ukrainian Academy». From the beginning of the new century, the author explored the concept of «cultural and educational environment»: he studied its interpretation from scientists representing different methodological approaches and subject fields of research, starting from the nineteenth century to the present; she offered her understanding of this phenomenon, its structural elements. Copyright developments formed the basis Concepts of the development of cultural and educational environment of the «People's Ukrainian Academy», and were also used in further theoretical and practical work of the educational institution.

Through the efforts of all subjects of the Kharkiv Humanitarian University «People's Ukrainian Academy» a unique cultural and educational environment was created, which actively influenced and influenced the formation and development of the student's and student's personality, a highly moral personality, ready to live and work in the emerging smart society.

Key words: cultural and educational environment, educational institution, education, educational work, student's personality.

С первых дней становления Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» воспитательная работа выступала важнейшим элементом образовательного процесса. В первое десятилетие она строилась в соответствии с концепцией развития академии до 2010 г. и Концепцией воспитательной работы. В 2004 году в основу воспитательной деятельности НУА была положена Концепция воспитательной работы в условиях функционирования системы непрерывного образования. В 2014 году Концепция была преобразована

в соответствии с изменившимися условиями и задачами развития академии. В 2019 г. принята новая концепция развития НУА до 2035 года, в которой воспитательная работа по-прежнему занимает важнейшее место. За годы становления и развития учебного заведения понятие «воспитание» трансформировалось, наполняясь новым содержанием. Так, уже в Концепции воспитательной работы в условиях функционирования системы непрерывного образования понятие «воспитание» было представлено, как органическая часть образовательной системы, как процесс управления развитием индивида через создание благоприятной культурно-образовательной среды; наполнение ее разнообразными формами и методами, позволяющими максимально реализовать способности и дарования каждой личности. В этой связи возникла потребность осмыслить и реализовать на практике такое явление, как «культурно-образовательная среда».

На протяжении последних двадцати лет автор посвятил данной проблеме свыше десяти статей, несколько разделов в коллективных монографиях. Автором были изданы две монографии, в которой рассматривалось данное явление [2; 7].

Цель воспитания в НУА – это выработка целостного подхода к воспитательной работе, формирование такой культурно-образовательной среды, которая была бы инструментом личностного развития каждого субъекта учебно-воспитательного процесса и способствовала бы формированию потребности в постоянном самосовершенствовании. Важнейшими задачами воспитания в академии были и остаются на будущее: формирование культурной, интеллигентной и образованной личности, способной внести свой вклад в духовное развитие и становление общества.

На протяжении всех лет существования академии субъектами воспитания являлись: школьники, студенты, родители, учащиеся школы раннего развития, слушатели групп «50+», а также профессорско-преподавательский коллектив и сотрудники.

Особое значение в воспитании обучающихся в академии на протяжении этих лет отводилось культурно-образовательной среде. Именно культурно-образовательная среда выступала одним из достижений учебного заведения с непрерывной системой образо-

вания. Так, как наличие единой, целостной культурно-образовательной среды в учебном заведении позволяет личности развивать свои способности, удовлетворять потребности и постоянно самосовершенствоваться на протяжении всего процесса обучения.

Культурно-образовательная среда учебного заведения оказывает значительное влияние на становление и развитие личности индивида, на формирование его капитала. Автором было всесторонне изучено данное явление, которое активно стало внедряться в научную литературу с конца 90-х годов XX в. В связи с исследованием культурно-образовательной среды автором были проанализированы труды П. Бурдые, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, О. Конта, Т. Парсонса, П. Сорокина; обращено внимание на то, что в современной западной социологии пространственный анализ развивали А. Лефлер, Э. Соджа, Р. Аллен и др. Было отмечено, что большой вклад в развитие данного явления внесли С. Барзилов, В. Виноградский, Л. Ионин, Ю. Качанов, А. Филиппов; уделяли внимание изучению социального пространства, социальной среды и украинские исследователи: М. Шаповал, А. Стогний, М. Чурилов, Ю. Яковенко, Л. Малес и др.

Вопросами становления и развития культурно-образовательной среды и ее роли в развитии личности занимались ученые, представляющие различные отрасли гуманитарного знания: социологи, педагоги, психологи, философы, культурологи и, несмотря на разные подходы, которые они применяли к изучению данного явления, исследователи были единогласны в одном: культурно-образовательная среда учебного заведения может быть представлена как действенный фактор формирования личности.

Изучение данного явления позволило автору определить его как такую социальную среду, которая наполнена определенным культурным содержанием; качество которого может быть определено в результате анализа культурных универсалий. Другими словами, культурно-образовательная среда понимается как социальная среда, базирующаяся на определенных нормах и ценностях культуры.

Культурно-образовательная среда учебного заведения была представлена как такой пространственный континуум, в котором преломляются знания и культурный опыт человечества, последний осущест-

вляется благодаря взаимодействию, общению и сотворчеству. Культурно-образовательная среда учебного заведения выступает неким конструктом, который характеризует культурно-образовательное пространство учебного заведения с качественной стороны и раскрывает его организацию.

Изучение культурно-образовательной среды учебного заведения в условиях формирования smart-общества, позволяет определить ее как культурно-образовательную среду, которая опирается на нормы и ценности данного общества, последние будут преломляться во всех элементах среды: в учебных планах, программах, учебной литературе, в деятельности преподавателей в учебном и внеучебном процессах.

Важно обращать внимание на содержательную сторону среды. Содержательный потенциал культурно-образовательной среды в современных условиях кардинально отличается от ценностного потенциала культурно-образовательной среды учебного заведения прошлых десятилетий. Меняется потенциал современной культуры, другим становится и образование. Так, в smart-обществе ценностное наполнение культуры будет другим, изменится и содержательное наполнение элементов культуры: норм, правил, ценностей. Сегодня индивид все активнее включается в виртуальные связи и взаимодействия, что и является знаковым показателем нового smart-общества, для которого взаимодействия и обмен опытом выступают сущностной основой. «Владеть smart-технологиями способны особо подготовленные люди, являющиеся носителями smart сознания, с присущими им smart компетенциями, позволяющими успешно решать, поставленные задачи» [1, с. 32–45]. Изменения в технологиях ведут и к социальным изменениям. Так, например, использование гаджетов, привело к установлению новых социальных контактов (электронные письма, СМС, социальные сети и мн. др.). Но для использования новых цифровых технологий в социальной и профессиональной сфере необходимы определенные знания, компетенции [6]. Smart-общество нуждается в развитой личности, много знающей, много умеющей, творческой.

Человек в smart-обществе призван владеть глубокой нравственной культурой, предполагающей наличие у него развитого чувства ответст-

венности за свою деятельность, деятельность других людей [6, с. 243]. В следствии этого, необходимо еще в юном возрасте сформировать у него прочные нравственные основы, выработать у индивида общечеловеческие правила общежития, стойкие ценностные ориентации [4, с. 159–185], которые важно продолжить развивать и в учебном заведении.

Культурно-образовательная среда учебного заведения призвана помочь молодому человеку стать членом социума, включиться в разнообразные сообщества, освоить многообразные социальные сети, их ценности и успешно действовать в социокультурной среде мирового пространства.

Таким образом, исследуя культурно-образовательную среду на протяжении двух десятилетий, автор приходит к выводу, что в ней отражаются мировые глобальные процессы, преломляются ценности и нормы региональной среды и, в то же время, высшее учебное заведение может корректировать и вносить изменения в содержательный потенциал своей среды: акцентировать внимание на определенных нравственных нормах, пропагандировать значимые для него ценности (например, для Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» важными ценностями выступают: образование, культура, интеллигентность, а также чувство гражданственности, патриотизма, ответственности, ценности семьи и др.). Необходимо, чтобы учебное заведение исходило из целостного представления о развитии личности учащегося, а не формировало однобокого, узконаправленного специалиста. Отдельные теоретические положения о культурно-образовательной среде учебного заведения вошли в Концепцию развития среды Народной украинской академии и были реализованы на практике.

В ряде работ, посвященных изучению культурно-образовательной среде, автор формулирует обоснованный во многих своих публикациях вывод о том, что ценности учебного заведения, и ценности индивида могут, как совпадать, так и не совпадать. И если при окончании вуза ценностные системы учащихся и учебного заведения совпадают, то это свидетельствует о стабильности данной культурно-образовательной среды [7], о ее позитивном влиянии на формирование личности. Из

культурно-образовательной среды учебного заведения учащийся выбирает ценности, которые ему наиболее близки, которые отвечает его интересам, потребностям, жизненному опыту. И в этом процессе ему могут оказать большую помощь преподаватели, кураторы, однокурсники и др. Формирующееся smart-общество лишает молодых людей возможности использовать готовые решения, последние могут появиться, только в процессе созидания, творческой деятельности. Включение в содержание культурно-образовательной среды учебного заведения фактора относительности, неопределенности, подвижности готовит человека к пониманию необходимости преодоления постоянно возникающих трудностей, выбору и принятию более ответственных решений.

Культурно-образовательная среда учебного заведения помогает индивиду, с одной стороны, погрузиться в прошлое, почувствовать связь с предыдущими поколениями, всем человечеством, а с другой – позволяет двигаться вперед, в будущее. В этом процессе и происходит развитие личности.

В Народной украинской академии базовым принципом является принцип непрерывности, предусматривающий всестороннее развитие личности во всех структурных подразделениях: Детской школе раннего развития, Специализированной экономико-правовой школе, гуманитарном университете. Учебно-воспитательный процесс, организованный на основе данного принципа позволяют культурно-образовательной среде НУА выступать фактором, оказывающим влияние на индивида с его ранних лет до глубокой старости.

За тридцать лет существования Народной украинской академии накоплен большой опыт в становлении и развитии культурно-образовательной среды, который реализуется в учебно-воспитательном процессе преподавателями университета и учителями школы, институтом тьюторов, кураторов, классных руководителей; он преломляется в работе служб Человека, музея истории академии, Центра научно-гуманитарной информации, общественных организаций и советов и др. подразделений.

Исследуя культурно-образовательную среду учебного заведения, автор пришел к выводу, что в академии создана уникальная культурно-образовательная среда, наполненная высоким нравственным содер-

жанием, которой соответствует микроклимат доброжелательности, взаимопомощи, ответственности. В создании культурно-образовательной среды академии принимали участие все члены коллектива. Среда постоянно меняется, совершенствуется, развивается; она пронизана духом творчества и эксперимента, что позволяет субъектам воспитания соответствовать времени и самосовершенствоваться.

Таким образом, за годы существования академии не только изучен вопрос о таком явлении, как «культурно-образовательная среда», но и теоретические разработки были внедрены в практической деятельности. В Народной украинской академии создана уникальная культурно-образовательная среда, которая активно влияет на формирование и становление личности обучающегося – личности высоко-нравственной, готовой жить и трудиться в smart-обществе.

Список литературы

1. Комлева Н.В. Профессиональная компетентность личности в условиях smart-общества / Н.В. Комлева // Открытое образование. – 2017. – №1. – Т.21. – С. 27–33.
2. Чибисова Н.Г. Вищий навчальний заклад як середовище формування цінностей студентської молоді в соціокультурних умовах : моногр. / Н. Г. Чибисова ; Нар. укр. акад. – Хірків : Вид-во НУА, 2004. – 256 с.
3. Чибисова Н.Г. Культурно-образовательная среда вуза и ее роль в становлении ценностей современного студента // О простом и сложном профессионально : спец. вып. Учен. зап. Харьк. гуманитар. ун-та Нар. укр. акад.» – Харьков : Изд-во НУА, 2011. – С. 81–86.
4. Чибисова Н. Г. Культурно-образовательная среда как главный фактор воспитания / Чибисова Н. Г. // Дорогу осилит идущий... : моногр. / Нар. укр. акад. ; под общ. ред. Е. В. Астаховой. – Харьков, 2015. – Разд. 1.6. – С. 159–185.
5. Чибисова Н. Г. Культурно-образовательная среда современного университета как условие формирования личности будущего специалиста / Н. Г. Чибисова // Класичний університет у контексті викликів епохи : матеріали укр.-пол. міжнар. наук. конф., м. Київ, 22–23 верес. 2016 р. / Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка, Нац. рада науки та вищої освіти Польщі [та ін.]. – Київ, 2016. – С. 306–307.
6. Чибисова Н.Г. Гуманитарная составляющая университета в условиях smart-общества // Smart-образование в smart-обществе: возможные пути адаптации : материалы XVII ежегод. Междунар. науч.-практ. конф., Харьков

14 февр. 2019 г. / М-во образования и науки Украины, Ин-т высшего образования НАПН Украины, Харьк. гуманитар. ун-т «Нар. укр. акад.» [и др.; редкол. : Е.В. Астахова (глав. ред.) и др.]. – Харьков : Изд-во НУА, 2019. – 272 с. – (Интеллектуальный потенциал общества в условиях перманентных социальных изменений: пути охранения и развития).

7. Чибисова Н. Культурно-образовательная среда вуза как условие формирования социального капитала студенческой молодежи // Молодежь и культура : [моногр.] / Наталья Чибисова. – [Saarbrücken] : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. – С. 21–38.

References

1. Komleva, N. V. (2017). Professional'naya kompetentnost' lichnosti v usloviyakh smart-obshchestva [Professional competence of the individual in a smart society]. *Otkrytoye obrazvaniye*, 1, 21, pp. 27–33.

2. Chibisova, N. G. (2004). *Vishchiy navchal'niy zaklad yak seredovishche formuvannya tsinnostey students'koi molodi v sotsiokul'turnikh umovakh [Vishchy schooling foundation yak means the middle of the form of the values of students in social and cultural minds]*. Harkov: Vid-vo NUA, 256 p.

3. Chibisova, N. G. (2011). Kul'turno-obrazovatel'naya sreda vuza i yeye rol' v stanovlenii tsennostey sroemennogo studenta [Cultural and educational environment of the university and its role in the formation of the values of the modern student]. *Spets. vyp. Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, Harkov, pp. 81–86.

4. Chibisova, N. G. (2015). Kul'turno-obrazovatel'naya sreda kak glavnyy faktor vospitaniya [Cultural and educational environment as the main factor of education]. In: *Dorogu osilit ydushchyy*. NUA, Harkov, 1.6, pp. 159–185.

5. Chybysova, N. H. (2016). Kulturno-obrazovatel'naya sreda sroemennoho unyversy-teta kak uslovye formirovaniya lychnosty budushcheho spetsyalysta [Cultural and educational environment of the modern university as a condition for the formation of the future specialist's personality]. In: *Klasychnyy universytet u konteksti vyklykiv epokhy*. Kiev, pp. 306–307.

6. Chibisova, N. G. (2019). Humanitarian component of the university in the conditions smart-obshchestva [The humanitarian component of the university in a smart society]. In: *Smart-obrazovaniye v smart – obshchestve: vozmozhnyye puti adaptatsii*. Harkov, 272 p.

7. Chibisova, N. (2014). Kul'turno-obrazovatel'naya sreda vuza kak usloviye formirovaniya sotsial'nogo kapitala studencheskoy molodezhi [Cultural and educational environment of the university as a condition for the formation of social capital of students]. In: *Molodezh' i kul'tura*. Saarbrücken LAP LAMBERT Academic Publishing, pp. 21–38.

УДК 378.091

<http://doi.org/10.5281/zenodo.3707867>*О. А. Иванова***САЙЕНТИФИКАЦИЯ
ОБРАЗОВАНИЯ
КАК БАЗОВОЕ УСЛОВИЕ
ПОДГОТОВКИ
СОВРЕМЕННОГО
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО
СПЕЦИАЛИСТА**

В статье выделены факторы, влияющие на формирование конкурентоспособного специалиста в системе непрерывного образования. На основе опубликованных ранее в Ученых записках ХГУ «НУА» и других научных изданиях материалов по проблемам подготовки востребованного на рынке труда специалиста выделена необходимость взаимодействия науки и образования, интеграции учебных заведений и современных бизнес-структур. Охарактеризованы условия подготовки конкурентоспособного современного специалиста в инновационном учебном заведении высшего образования. Представлен обобщенный анализ направлений взаимодействия между бизнесом и университетом. Сделана попытка доказать необходимость сайентификации образования как базового условия подготовки современного специалиста. Отмечены направления реализации сайентификации в учебном процессе, представлены примеры повышения эффективности формирования знаний, умений и навыков обучающихся в системе непрерывного образования при условии сайентификации образования. Уделено внимание роли научно-исследовательской работы всех участников образовательного процесса как способа повышения конкурентоспособности выпускника учебного заведения. Предложено применение системного подхода как основного принципа учета взаимодействия учебных заведений высшего образования со стейкхолдерми.

Ключевые слова: интеграция, непрерывное образование, научно-исследовательская работа, сайентификация, бизнес-структуры, учебные заведения высшего образования, учебный процесс.

Иванова О.А. Сайентифікація освіти як базова умова підготовки сучасного конкурентоспроможного фахівця

У статті виділені чинники, що впливають на формування конкурентоспро-

можного фахівця в системі безперервної освіти. На основі опублікованих раніше у Вчених записках ХГУ «НУА» та інших наукових виданнях матеріалів з проблем підготовки затребуваного на ринку праці фахівця відмічена необхідність взаємодії науки і освіти, інтеграції навчальних закладів та сучасних бізнес-структур. Охарактеризовані умови підготовки конкурентоспроможного сучасного фахівця в інноваційному навчальному закладі вищої освіти. Представлений узагальнений аналіз напрямків взаємодії між бізнесом та університетом. Зроблено спробу довести необхідність сайентифікації освіти як базової умови підготовки сучасного фахівця. Відзначено напрямки реалізації сайентифікації в навчальному процесі, представлені приклади підвищення ефективності формування знань, умінь і навичок учнів в системі безперервної освіти за умови сайентифікації освіти. Приділено увагу ролі науково-дослідної роботи всіх учасників освітнього процесу як способу підвищення конкурентоспроможності випускника навчального закладу. Запропоновано застосування системного підходу як основного принципу урахування взаємодії навчальних закладів вищої освіти зі стейкхолдерами.

Ключові слова: інтеграція, безперервна освіта, науково-дослідна робота, сайентифікація, бізнес-структури, навчальні заклади вищої освіти, навчальний процес.

Ivanova Olga. Education Scientification as Prerequisite for a Modern Competitive Specialist Training

The article highlights the factors influencing the formation of a competitive specialist under the Lifelong Learning (LL) system. Drawing on the materials on the challenges of the on-fire specialist training previously published in the RESEARCH BULLETIN of Kharkiv University of Humanities «People's Ukrainian Academy» and other scientific publications, the need for cooperation between science and education, the integration of educational institutions and modern business structures has been highlighted. The conditions of a competitive modern specialist training in an innovative higher educational institution have been characterized. A generalized analysis of areas for interaction between business and the university has been presented. An attempt has been made to prove the necessity of education scientification as prerequisite for a modern specialist training. The lines of scientification implementation in the educational process have been featured; the examples of effectivization of the LL students' knowledge and skill formation under education scientification have been presented. Attention has been paid to the role of research work of all the educational process participants as way to improve the graduate's competitiveness. The application

of the system approach as keystone to interaction between higher educational institutions and stakeholders has been suggested.

Key words: integration, Lifelong Learning, research work, scientification, business structures, higher educational institutions, educational process.

В современных условиях именно образование становится инструментом адаптации человека к требованиям постоянно меняющегося общества. Современный этап развития человечества определяется процессами глобализации, быстрой сменой технологий, перестройкой коммуникационных и психологических основ общения и взаимодействия. Меняются экономические, политические, социально-культурные и религиозные основы существования общества. Современное образование направляется на самосовершенствование, самостоятельную работу человека над повышением собственных компетенций, творческого потенциала и конкурентоспособности.

Дискуссия вокруг инновационного развития национальной экономики ведется в Украине уже более десяти лет [2, с. 4]. При этом главными общественными институтами инновационного процесса в Украине виделись научные институты, высокотехнологичный бизнес и органы государственного управления. Университеты же в нем как серьезные участники и партнеры не воспринимались. Считалось, что для классического образования неестественно тесное взаимодействие с высокотехнологичным производством, и далеко не каждому студенту, который приобретает базовое образование, потребуются предпринимательские знания и компетенция [2].

В условиях рыночной экономики государство может предложить только правила инновационного развития в системе образования, политически и ресурсно стимулировать важные проекты и программы. Остальные виды взаимодействия между участниками инновационного процесса должны осуществляться самостоятельно на основе их взаимных интересов.

Необходимость реформирования системы образования стала осознаваться в цивилизованном мире еще в 60-е годы двадцатого века [1, с. 9], где одной из стратегических задач модернизации образования выделялась необходимость развития системы непрерыв-

ного образования с учетом сайентификации, интеграции науки, образования, бизнеса и вузов. Данной проблеме некоего взаимодействия через призму формирования конкурентоспособного выпускника, а следовательно и конкурентоспособного заведения высшего образования, уделялось внимание в работах различных ученых и практиков, однако все эти исследования скорее были призваны применяться к решению проблемы дифференциальными методами, без учета системного подхода, который позволит учесть многофакторность данного процесса с учетом запросов каждого из участников данного процесса, то особо характерно в системе непрерывного образования.

На основе проведенного исследования можно утверждать, что в Украине наблюдается тенденция к интеграции вузов исследовательского типа с другими участниками инновационного процесса путем установления направлений сотрудничества, это касается и частного образования. Так в статьях, представленных в ряде научных изданий [8–11], а также непосредственно в научном сборнике «Ученые записки ХГУ «НУА»» [3–5] были выделены такие взаимовыгодные направления, отмечены формы их реализации, а также выявлено как такого рода взаимодействие влияет на формирование современных компетенций конкурентоспособного выпускника.

Непрерывное образование как ведущая тенденция современной образовательной системы предполагает решение проблемы преемственности не только между школой и вузом, но и, учитывая задачу повышения профессиональной подготовки студентов, – между вузом и будущей производственной деятельностью студентов. Непрерывное образование в Украине реализуется через координацию образовательной деятельности на различных уровнях и подготовку к возможному переходу к более высоким образовательным ступеням, формирование потребности и способности к самообразованию, оптимизацию системы переподготовки кадров, создание интегрированных учебных планов и программ, связь между учебными заведениями среднего, профессионально-технического, высшего и последиplomного образования, бизнес-структурами [7]. Цель и задачи непрерывного образования определяют базовые принципы построения и развития его системы, которые обеспечивают опережающий характер содержания

обучения в соответствии с требованиями общества, ориентацией на развитие личности, индивидуализацией учебного процесса, гуманизацией и демократизацией образования. Разрабатывая концептуальные основы эксперимента по становлению нового образовательного модуля непрерывного образования, в Народной украинской академии (НУА) ориентиром было выделено, что высшая школа как фундамент всей образовательной системы для того, чтобы выжить в условиях крупных цивилизационных потрясений и обеспечить свое дальнейшее развитие, должна не только быстро реагировать на изменения на рынке труда, но и сама активно влиять на этот рынок, то есть создавать новое знание и готовить специалистов с новыми качествами [7]. Как и любая организация, высшая школа несет определенную социальную ответственность перед обществом и теми социальными системами, которые ее окружают, а также перед собственными сотрудниками и студентами, абитуриентами и выпускниками-специалистами. Все это подтверждает целесообразность взаимодействия учебных заведений с бизнес структурами.

Сайентификация учебного процесса это специфическая методика обучения, ориентированная на достижение дидактических целей, это также способ организации учебно-познавательной деятельности учащихся с заранее определенными: задачами; уровнями познавательной активности; учебными действиями и ожидаемыми результатами [6, с. 20]. В качестве центральных дидактических целей сайентификации выступает задача формирования научного мышления и повышения компетентности.

При эффективной реализации сайентификации учебного процесса у учащихся формируется такие элементы творческой деятельности, как самостоятельный перенос знаний и умений в новую ситуацию, видение задачи в знакомой ситуации, выявление новой функции и структуры объекта, самостоятельное комбинирование из известных способов деятельности нового, альтернативный подход к поиску решения проблемы. Указанная процедура творческой деятельности проявляется при решении задач, предполагающих поиск нестандартного способа решения [10].

Особенным моментом организации научно-исследовательской

работы в НУА выступает то, что в ней принимают участие все субъекты образовательного поля, сформированного его непрерывностью. И поэтому, наряду с преподавателями, одной из ключевых категорий субъектов научно-исследовательской работы (НИР) выступают учителя. Организация их научных исследований ложится на плечи интегрированных кафедр, в состав которых учителя входят [2]. Очевидно, что преподавательский и учительский интерес в науке чаще всего связан с развитием профессионализма в сфере своих научных интересов, возможностями повышения квалификации посредством решения научно-исследовательских задач. Кроме преподавательского корпуса, в НИР экспериментального комплекса НУА вовлечены школьники и студенты. Как показывает практика, организация научно-исследовательской работы с этими категориями требует сочетания системности и дифференциации, ведь их потребности, личностные особенности, профессиональные интересы могут принципиально отличаться. Под исследовательской деятельностью учащихся понимается их деятельность, связанная с решением творческой, исследовательской задачи с заранее неизвестным решением и предполагающая наличие основных этапов, характерных для исследования в научной сфере [8]. Поэтому выполнение исследовательских работ учащимися связывается с обладанием и развитием следующих основных компетенций: умение работать с рекомендованной литературой, критически осмысливать материал, четко и ясно излагать свои мысли. Соответственно, задача преподавателя – найти оптимальные формы обучения указанным навыкам и компетенциям, а кафедры – системно организовать научно-исследовательскую работу школьников, интегрируя их в различные ее формы. Такой подход позволяет реализовывать принцип непрерывности и комплексности в организации НИР, поддерживать мотивацию школьников на достижения в развитии собственной личности будущего профессионала. Студентам НИР дает возможность сформировать такие компетенции, которые готовят их к жизни в современном обществе: критическое мышление, анализ, аргументирование, решение проблем, принятие решений, управление проектами, планирование, координация, администрирование, сотрудничество [2]. Формирование

этих сложных компетенций требует длительного времени; следовательно, оно должно начинаться со школьного образования. Именно поэтому категория школьников становится активно интегрированной в научно-исследовательские практики НУА как экспериментального комплекса. Благодаря сквозным научно-исследовательским проектам и соответствующим формам работы в них, школьники в НУА имеют возможность намного раньше формировать те или иные базовые компетенции для будущей жизни. Следует иметь в виду, что формы НИР варьируются в зависимости от видов и направлений исследовательской работы. Так, к основным формам учебно-научной работы студентов относятся лекции, семинарские, лабораторные и практические работы, подготовка рефератов, докладов, курсовых и квалификационных работ. Одной из массовых форм НИР студентов, выполняемой сверх учебного времени является участие в международных, всеукраинских, межвузовских, внутривузовских студенческих научных и научно-практических конференциях, круглых столах и семинарах. Прогрессивной формой организации научно-исследовательской работы студентов являются научные проблемные группы, в которых студенты привлекаются к разработке проблемы, над которой работает научный руководитель группы. Перспективным направлением организации учебно-исследовательской работы является создание в высших учебных заведениях учебно-научных лабораторий, в которых ведутся научные исследования и одновременно организуется научно-исследовательская работа студентов [7, с. 65]. Кроме традиционных исследовательских функций сегодня они призваны решать задачи обеспечения когнитивной мобильности в образовательных сетях исследовательского типа, принимать участие в определении стратегических направлений развития образования, формировать необходимые компетенции через научно-исследовательскую социализацию и др. Несмотря на то, что сфера деятельности образовательных учреждений такого типа, их значение и место в национальной инновационной сети недостаточно изучены [11], выводы по этому поводу можно сделать следующие: университет в системе непрерывной подготовки по своей сути является инновационным учебно-научным заведением, которое осуществляет инновационную

деятельность. Основными видами деятельности инновационного университета является научная и образовательная деятельность на основе инновационных технологий и принципов управления. Научная деятельность университета является ведущей деятельностью и ориентирована на получение новых знаний, образовательная – на использование знаний в учебном процессе для подготовки специалистов, а инновационная – на коммерциализацию знаний. Образовательная деятельность инновационного университета основывается на нетрадиционных технологических и педагогических решениях, использовании идей и принципов новых наукоемких образовательных технологий, которые обеспечивают многократное повышение эффективности и качества педагогического труда. Научная деятельность в инновационном университете осуществляется в рамках проведения фундаментальных и прикладных исследований, в качестве заказчиков и потребителей результатов которых выступают участники и исполнители следующих этапов единственного инновационного процесса университета через эффективно действующую технологию трансфера научных результатов. Все это требует реализации принципа сайентификации в обучении, интеграции образования и бизнес-процессов. Только грамотное взаимодействие стейкхолдеров, реализация системного подхода в этом направлении смогут способствовать формированию таких качеств выпускника, которые будут позиционировать его как конкурентоспособного специалиста на рынке труда.

Список литературы

1. Вузовская кафедра. Особенности функционирования в условиях модернизации образования : моногр. / Нар. укр. акад. ; под общ. ред. Е. В. Астаховой. – Харьков : Изд-во НУА, 2015. – 180 с.
2. Гриневич Л. План демонополізації освіти і науки [Електронний ресурс] / Л. Гриневич // Освітня політика : портал громадських експертів. – Режим доступу: <http://education-ua.org/ua/articles/218-plan-demonopolizatsiji-osviti-inauki>.
3. Иванова О. А. Организация научно-исследовательской работы в системе непрерывного образования / О. А. Иванова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2018. – Т. 24. – С. 340–346.
4. Иванова О. А. Интеграция вузов и бизнеса при подготовке студента-

економіста / О. А. Иванова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2016. – Т. 22. – С. 258–265.

5. Иванова О. А. Анализ подходов к оценке конкурентоспособности высших учебных заведений / О. А. Иванова, Д. А. Пожидаев // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2019. – Т. 25. – С. 36–45.

6. Луговий В. І. Вища освіта через дослідження: концептуальні засади здійснення й оцінювання / В. І. Луговий, Ж. В. Таланова // Педагогіка вищої школи: методологія, теорія, технології. – 2012. – Т. 1., № 3. – С. 16–28.

7. Непрерывное образование как принцип функционирования современных образовательных систем (первый опыт становления и развития в Украине) : моногр. / Нар. укр. акад. ; под. общ. ред. В. И. Астаховой. – Харьков : Изд-во НУА, 2011. – 216 с.

8. Похолков Н. П. Миссия инновационного (предпринимательского) университета / Н. П. Похлоков, Б. Л. Агранович // Инженерное образование – 2004. – №2 – С. 6–11.

9. Степко М. Світові тенденції розвитку систем вищої освіти та проблеми забезпечення якості й ефективності вищої освіти в Україні / М. Степко // Вищ. шк. – 2013. – № 7. – С. 13–22.

10. Суліма Є. Інноваційні виклики сучасності й динаміка модернізації національної освіти / Є. Суліма // Вища шк. – 2013. – № 7. – С. 7–12.

11. Товканець С. А. Науково-технічне співробітництво як тенденція в розвитку вищої економічної освіти в європейських країнах / С. А. Товканець, Г. В. Товканець // Наук. вісн. Мукачівського держ. ун-ту. Серія Економіка. – 2014. – № 1 (1). – С. 29–34.

References

1. Astakhovoy, Ye. V. (ed.). (2015). *Vuzovskaya kafedra. Osobennosti funktsionirovaniya v usloviyakh modernizatsii obrazovaniya* [The University department. The Features of functioning in the conditions of modernization of education]. Khar'kov: Izd-vo NUA, 180 p.

2. Hrynevych, L. (2014). Plan demonopolizatsiyi osvity i nauky [The program for the demonopolization of education and science]. *Osvitnya polityka*, [online]. Available at: <http://education-ua.org/ua/articles/218-plan-demonopolizatsiji-osviti-inauki>.

3. Ivanova, O. A. (2018). Organizatsiya nauchno-issledovatel'skoy raboty v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya [The Organization of the scientific research in the system of lifelong education]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, V. 24, pp. 340–346.

4. Ivanova, O. A. (2016). Integratsiya vuzov i biznesa pri podgotovke studenta-ekonomista [Integration of universities and business in the preparation of a student-economist]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, V. 22, pp. 258–265.
5. Ivanova, O. A., Pozhidayev, D. A. (2019). Analiz podkhodov k otsenke konkurentosposobnosti vysshikh uchebnykh zavedeniy [The controlling to appraisal the competitiveness of higher education institutions]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, V. 25, pp. 36–45.
6. Luhovyy, V. I., Talanova, ZH. V. (2012). Vyshcha osvita cherez doslidzhennya: kontseptualni zasady zdiysnennya y otsynyuvannya [The Higher education by researching: conceptual foundations of implementation and evaluation]. *Pedahohika vyshchoyi shkoly: metodolohiya, teoriya, tekhnolohiyi*, V. 1, 3, pp. 16–28.
7. Astakhova, V. I. (2011). *Nepreryvnoye obrazovaniye kak printsip funktsionirovaniya sovremennykh obrazovatel'nykh sistem (pervyy opyt stanovleniya i razvitiya v Ukraine)* [The lifelong education as a principle of functioning of modern educational systems (the first experience of the formation and headway in Ukraine)]. Khar'kov : Izd-vo NUA, 216 p.
8. Pokholkov, N. P., Agranovich, B. L. (2004). Missiya innovatsionnogo (predprinimatel'skogo) universiteta [Mission of an innovative (entrepreneurial) university]. *Inzhenernoye obrazovaniye*, 2, pp. 6–11.
9. Stepko, M. (2013). Svitovi tendentsiyi rozvytku system vyshchoyi osvity ta problemy zabezpechennya yakosti y efektyvnosti vyshchoyi osvity v Ukrayini [The Global tendencies of development of higher education systems and problems of quality assurance and efficiency of higher education in Ukraine]. *Vyshch. shk.*, 7, pp. 13–22.
10. Sulima, YE. (2013). Innovatsiyni vyklyky suchasnosti y dynamika modernizatsiyi natsionalnoyi osvity [Innovative challenges of the modern age and the dynamics of modernization of national education]. *Vyshcha shk.*, 7, pp. 7–12.
11. Tovkanets, S. A., Tovkanets, H. V. (2014). Naukovo-tekhniche spivrobitnytstvo yak tendentsiya v rozvytku vyshchoyi ekonomichnoyi osvity v yevropeyskykh krayinakh [Scientific and technical cooperation as a tendency in the development of higher economic education in European countries]. *Nauk. visn. Mukachivskoho derzh. un-tu*, 1 (1), pp. 29–34.

УДК 378:930(477)

<http://doi.org/10.5281/zenodo.3707872>*Д. В. Подлесний*

РАЗВИТИЕ ПРИВАТНОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В НАЧАЛЕ XX ст.: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Целью статьи является анализ исторического опыта функционирования и развития частной высшей школы Украины в начале XX ст. В статье анализируется историография проблемы, выделяются основные этапы становления системы негосударственных высших учебных заведений в период начала XX ст., раскрываются социальные функции частного высшего образования в данный период. Особое внимание уделяется вопросам инновационного потенциала негосударственной высшей школы. Реализация задач данного исследования позволила сделать вывод о том, что по состоянию на начало XX в. частная высшая школа преследовала научно-просветительские, а не коммерческие, цели и выполняла целый ряд важнейших социальных функций. Кроме подготовки специалистов по наиболее востребованным направлениям, частные и общественные высшие школы играли важную роль в обеспечении всеобщего права на высшее образование. При этом по состоянию на начало XX в. негосударственный сектор высшего образования играл ведущую роль во внедрении образовательных инноваций. В качестве основных форм инновационной деятельности частной высшей школы выступали: внедрение новых направлений подготовки, реализации совместного обучения мужчин и женщин, апробации принципов непрерывного образования, создания учебных заведений, призванных удовлетворить национально-культурные потребности различных этнических групп.

Ключевые слова: исторический опыт, частная высшая школа, непрерывное образование.

Подлесний Д. В. Розвиток приватної вищої школи на початку XX століття: історичний досвід

Метою статті є аналіз історичного досвіду функціонування і розвитку приватної вищої школи України на початку XX ст. У статті аналізується історіографія проблеми, виділяються основні етапи становлення системи

недержавних вищих навчальних закладів в період початку ХХ ст., розкриваються соціальні функції приватного вищої освіти в даний період. Особлива увага приділяється питанням інноваційного потенціалу недержавної вищої школи. Реалізація завдань даного дослідження дозволила зробити висновок про те, що станом на початок ХХ ст. приватна вища школа переслідувала науково-просвітницькі, а не комерційні, цілі і виконувала цілий ряд найважливіших соціальних функцій. Крім підготовки фахівців з найбільш затребуваних напрямів, приватні та громадські вищі школи відігравали важливу роль в забезпеченні загального права на вищу освіту. При цьому станом на початок ХХ ст. недержавний сектор вищої освіти відігравав провідну роль у впровадженні освітніх інновацій. В якості основних форм інноваційної діяльності приватної вищої школи виступали: впровадження нових напрямків підготовки, реалізації спільного навчання чоловіків і жінок, апробації принципів безперервної освіти, створення навчальних закладів, покликаних задовольнити національно-культурні потреби різних етнічних груп.

Ключові слова: історичний досвід, приватна вища школа, безперервна освіта.

Podlesniy Dmytro. Development of Private Higher School at the Beginning of the 20th Century: Historical Experience

The purpose of the article is to analyze the historical experience of the functioning and development of the private higher school of Ukraine in the beginning of the XX century. The article analyzes the historiography of the problem, highlights the main stages of the formation of a system of non-state higher education institutions in the early twentieth century, reveals the social functions of private higher education in this period. Special attention is paid to the innovative potential of non-state higher education. The implementation of the objectives of this study led to the conclusion that as of the beginning of the twentieth century private higher school pursued scientific and educational, rather than commercial, functions and performed a number of important social functions. In this period, public and private higher schools were not just an aggregate, but a system of educational institutions, which included both university-type institutions (Yekaterinoslav University, higher women's courses) and specialized institutes. At the same time, the most intensive growth rates of private higher education occurred in 1917-1918, which is associated with the liberalization of all spheres of public life. In addition to training specialists in the most popular areas, private and public higher education institutions played an important role in ensuring the universal right to higher education. The non-state sector of higher

education has played a leading role in the implementation of educational innovations. The main forms of innovation in private higher education were: introducing new directions of training, implementing joint training for men and women, testing the principles of lifelong education, and creating educational institutions designed to meet the national and cultural needs of various ethnic groups.

Key words: historical experience, private higher education, continuing education.

Актуальность проблемы развития приватной высшей школы в начале XX ст. обуславливается сразу несколькими причинами. Во-первых, по мнению ведущих специалистов в области истории образования, в частности, А.Е.Иванова [1] и Ю. С. Воробьевой [2] в данный период негосударственный сектор высшей школы играл важнейшую роль в подготовке квалифицированных специалистов и формировании интеллектуального потенциала общества. Как отмечает А. Е. Иванов, к 1917 г. российская «вольная» высшая школа сформировалась в профессионально дифференцированную, динамичную систему, по темпам роста опередившую государственную высшую школу [1, с. 157]. Во-вторых, всестороннее изучение исторического опыта развития негосударственного сектора высшей школы приобретает важнейшее значение с точки зрения разрешения противоречий относительно роли приватных вузов в функционировании образовательной системы. Ведь, несмотря на то, что ведущие приватные высшие школы современной Украины уже состоялись в качестве полноценных учебно-научных комплексов, которые имеют собственные традиции и серьезные перспективы дальнейшего развития, в отечественном социуме сохраняется неоднозначное отношение к негосударственному образовательному сектору. Наконец, в третьих, проблема трансформаций приватного высшего образования Украины в начале XX ст. до сих пор не нашла исчерпывающего освещения в научной литературе.

Переходя к рассмотрению историографии проблемы, необходимо отметить, что процесс становления приватной высшей школы в конце XIX – начале XX ст. неоднократно становился предметом научных исследований. В общероссийском масштабе анализ основных

тенденций развития негосударственного высшего образования был реализован А. Е. Ивановым [1] и Ю. С. Воробьевой [2]. В то же время, данные авторы ограничивают верхнюю хронологическую черту своих исследований 1917 г., вследствие чего в их поле зрения не попали интереснейшие трансформации частной высшей школы, происходившие в 1917–1918 гг. Деятельность отдельных общественных и частных высших школ, действовавших на территории Украины, освещается в работах К. А. Кобченко [3], Т. Г. Павловой [4], З. П. Петровой [5] и некоторых других авторов. Значительный вклад в разработку интересующей нас проблемы внесли представители научной школы истории по истории образования, которая сформировалась в Народной украинской академии. Исчерпывающая характеристика развития частной высшей школы Украины в дореволюционный период предлагается в диссертационном исследовании Т. А. Удовицкой [6], апробация результатов которого, в том числе, проходила на страницах сборника «Ученые записки ХГУ НУА» [7]. Попытки заполнить лакуны относительно трансформаций частной высшей школы в период революционных событий 1917–1921 гг. были реализованы в статьях Д. В. Подлесного [8; 9].

Целью статьи является анализ исторического опыта становления и деятельности негосударственных высших учебных заведений, расположенных на территории Украины, в начале XX в.

Анализ трудов ученых позволяет утверждать, что в начале XX ст. система частных высших учебных заведений прошла несколько этапов развития. Так, Т. А. Удовицкая выделяет три таких этапа: первый этап (1878–1905 гг.) – от открытия первых Высших женских курсов в Киеве до начала легитимизации вновь высших учебных заведений; второй этап (1906–1911 гг.) – от легитимизации новых вузов к выходу Закона 19 декабря 1911, то есть этап становления, развития и укрепления позиций общественных и частных высших учебных заведений; третий этап (1912–1917 гг.) – от первых выпусков специалистов и получения ими полноценных юридических прав до революционных преобразований 1917 года [6]. При этом следует отметить, что к 1917 г. в Украине функционировало 15 негосударственных вузов, в которых обучалось более 18 тыс. студентов против

9 высших школ государственной формы собственности, студенческий контингент которых составлял около 14 тыс. человек [1, с. 22–158]. Интереснейшим этапом развития приватной высшей школы стал период 1917–1918 гг., когда произошедшая на волне революционных процессов демократизация всех сфер общественной жизни стала дополнительным стимулом для количественного и качественного роста приватной высшей школы. По нашим подсчетам, за менее чем 2 года на территории Украины реально заработало более 10 новых частных высших учебных заведений, среди которых классические университеты в Екатеринославе и Полтаве, политехнический институт в Одессе, консерватория в Харькове.

При этом важнейшая особенность приватной высшей школы начала XX в. состояла в том, что она не конкурировала с государственной, а занимала свою специфическую нишу, ориентируясь либо на освоение новых профилей подготовки (экономика, музыкальное искусство, археология, география и др.), либо на обучение лиц, которым дорога в государственные вузы была закрыта в силу нормативных ограничений, прежде всего, женщин и лиц иудейского вероисповедания. Таким образом, система негосударственных высших учебных заведений дополняла государственную систему высшего образования, компенсируя ее отдельные недостатки.

Достаточно дискуссионным является вопрос относительно соотношения качества образования в государственной и приватной высшей школе. Так, авторы коллективной монографии «Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры» отмечают, что частные вузы ни по академической составляющей учебных планов и программ, ни по качеству подготовки специалистов не могли соперничать с государственными [10]. Данное утверждение представляется достаточно спорным сразу по нескольким причинам. Во-первых, при составлении программ и учебных планов частные вузы могли опираться на соответствующие наработки государственной высшей школы (так, высшие женские курсы, в основном, дублировали учебные планы классических университетов), но при этом не были скованы государственными ограничениями, что давало преподавателям возможность читать новые курсы, которые отражали

новейшие тенденции научного знания (например, в Харьковском женском мединституте программы пересматривались каждые 5 лет) [5, с. 52]. Во-вторых, достаточно солидным был профессорско-преподавательский корпус частной высшей школы. Как отмечает Ю.С.Воробьева, несмотря на то, что оплата труда преподавательского состава была намного ниже, чем в правительственных вузах, а преподаватели и профессора не получали права на пенсии, в общественных высших учебных заведениях был сконцентрирован цвет преподавательской интеллигенции [2]. Последнее объясняется как предоставляемыми частной высшей школой широкими возможностями для научно-педагогического творчества, так и искренним желанием академической элиты включиться в дело обучения лиц, попадающих под государственные образовательные цензы. Так, лекции слушательницам харьковских высших женских курсов и медицинского института читали профессора Харьковского университета, в том числе, такие известные, как Д. И. Багалея, В. П. Бузескул, Н. Ф. Сумцов и др. [11, с. 51]. Также в общественных высших учебных заведениях находили приют либеральные профессора, уволенные из правительственных высших школ по политическим мотивам (А. А. Мануйлов, Н. К. Кольцов, Б. Ф. Вериге и др.) и перспективные молодые преподаватели, впоследствии выросшие в ученых с мировым именем (Е. В. Тарле, В. П. Вушинский, Н. И. Вавилов, А.А.Богомолец) [2].

При этом негосударственные высшие учебные заведения играли значительную роль во внедрении образовательных инноваций. Именно в рамках частной высшей школы было впервые полноценно реализовано совместное обучение мужчин и женщин (коммерческие институты, Новороссийский высший международный институт), осуществлялась подготовка специалистов по экономико-правовым специальностям (коммерческие институты), были созданы первые высшие учебные заведения медицинского профиля (женские мединституты). Исключительно в рамках частной высшей школы осуществлялась подготовка специалистов в области искусствоведения, реализация которой возлагалась на Киевскую, Одесскую и Харьковскую консерватории. В 1917 г. в Киеве были основаны географический

и археологический институты, которые стали первыми вузами соответствующего профиля на территории Украины (а Киевский географический институт – на территории всей бывшей Российской империи). Интереснейшим учебным заведением стал Киевский юридический институт, который был открыт в сентябре 1917 г. по инициативе профессоров Киевского университета В. И. Синайского и М. И. Митилино. Кроме того, что данный институт стал первым профильным юридическим вузом на территории бывшей Российской империи, в его работе нашли отражение идеи непрерывного образования. Кроме общественно-юридического факультета, имевшего официальный статус высшего учебного заведения, в состав института входили общеобразовательные курсы, выпускники которых получали полное среднее образование, а также судебно-нотариальное и торгово-промышленное отделения, дававшие среднее специальное образование по соответствующим профилям подготовки [12].

Также следует отметить, что именно в рамках негосударственной высшей школы были созданы первые учебные заведения, призванные удовлетворить запросы различных этнических групп. Среди них: Екатеринославский еврейский политехнический институт (с 1918 г. – Еврейский научный институт) и Польский университетский коллегийум в Киеве. В октябре 1917 г. был открыто первое высшее учебное заведение, направленный на удовлетворение национально-культурных потребностей украинского народа – Украинский народный университет в Киеве, студенческий контингент которого составил немногим менее 1400 слушателей.

Проведенное исследование позволяет сделать целый ряд выводов. Во-первых, по состоянию на начало XX в. общественные и частные вузы составляли не просто совокупность, а именно систему образовательных учреждений, которая включала в себя как заведения университетского типа (Екатеринославский университет, высшие женские курсы), так и профильные институты, выпускающие специалистов по экономико-правовым, техническим, медицинским, педагогическим и искусствоведческим специальностям. Во-вторых, подавляющее большинство частных вузов преследовало научно-просветительские, а не коммерческие, цели и выполняло целый ряд важнейших

социальных функций. Кроме подготовки специалистов по вышеуказанным направлениям (которые относились к числу наиболее востребованных), частные и общественные высшие школы играли важную роль в обеспечении всеобщего права на высшее образование. Именно за счет создания системы частных высших школ в Российской империи были частично нивелированы гендерный и национально-религиозный цензы на получение высшего образования. В-третьих, по состоянию на начало XX в. негосударственный сектор высшей школы играл ведущую роль во внедрении образовательных инноваций. Таким образом, опыт начала XX ст. позволяет еще раз говорить о высоком потенциале негосударственного сектора высшей школы в контексте модернизации образовательной системы.

Список литературы

1. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века / А. Е. Иванов. – М. : АН СССР, 1991. – 392 с.
2. Воробьева Ю. С. История развития общественного высшего образования в России, 1900–1917 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Воробьева Ю. С. – М., 1995. – 41 с.
3. Кобченко К. А. Вищі жіночі курси в Києві в 1917–1920 роках / Катерина Кобченко // Етнічна історія народів Європи / КНУ імені Тараса Шевченка. – 2002. – Вип. 13. – С. 55–58.
4. Павлова Т. Г. Вищі жіночі курси сільського господарства та лісівництва в Харкові (1917–1919 рр.) / Т. Г. Павлова // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Серія: Історія України. – 2008. – Вип. 11 – С.39–43.
5. Петрова З. П. Женский медицинский институт Харьковского медицинского общества (1910–1920 гг.) / З. П. Петрова // Междунар. мед. журнал. – 2006. – № 4. – С. 139–146.
6. Удовицька Т. А. Громадські і приватні вищі навчальні заклади в Україні (наприкінці XIX – на початку XX ст.) : автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / Удовицька Тетяна Анатоліївна – Харків, 2002. – 18 с.
7. Удовицька Т. А. Основні етапи виникнення і діяльності громадських і приватних вищих навчальних закладів в Україні в кінці XIX – на початку XX століть / Т. А. Удовицька // Вч. зап. Харк. гуманіт. ін-ту «Нар. укр. акад.». – 2000. – Т. 6. – С. 146–153.
8. Подлесный Д. В. Приватное высшее образование в Украине: трансформации периода Революции и Гражданской войны / Д. В. Подлесный //

Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2014. – Т. 20. – С. 56–67.

9. Подлесный Д. В. Инновационная деятельность частной высшей школы: опыт начала XX в. / Д. В. Подлесный // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2016. – Т. 22. – С. 127–135.

10. Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры / под ред. проф. Е. В. Олесеюка. ; авт. колл. Е. В. Олесеюк, В. М. Борисов, В. А. Динес и др. – М. : Федеральный центр образовательного законодательства, 2006. – 243 с.

11. История города Харькова XX столетия / А. Н. Ярмыш, С. И. Посохов, А. И. Эпштейн [и др.]. – Харьков : Фолио : Золотые страницы, 2004. – 686 с.

12. Киевский юридический институт. Потребность в нем, его задачи, организация и обозрение преподавания. – Киев, 1918. – 35 с.

References

1. Ivanov, A. E. (1991). *Visshaia shkola Rossyy v kontse XIX – nachale XX veka [Higher School of Russia at the end of XIX – early XX century]*. Moscow, AN SSSR, 392 p.

2. Vorob'eva, YU. S. (1995). *Istoriya razvitiya obshchestvennogo vysshego obrazovaniya v Rossii, 1900–1917 gg [The history of the development of public higher education in Russia, 1917–1920]*. Dokt. istor. nauk. Moscow, 41 p.

3. Kobchenko, K. A. (2002). Vyshchi zhinochi kursy v Kyievi v 1917–1920 rokakh [Higher women's courses in Kiev in 1917–1920]. *Ethnic History of the Peoples of Europe*, Issue 13, pp. 55–58.

4. Pavlova, T. G. (2008). Vishchi zhinochi kursi sil's'kogo gospodarstva ta lisivnictva v Harkovi (1917–1919 rr.) [Higher women's courses in agriculture and forestry in Kharkiv]. *Visn. Khark. nats. un-tu im. V. N. Karazina. Seriya: Istoriya Ukrayiny*, № 11, pp. 39–43.

5. Petrova, Z. P. (2006). Zhenskij medicinskij institut Harkovskogo medicinskogo obshestva (1910–1920 gg.) [Women's Medical Institute of Kharkiv Medical Society (1910–1920)]. *Mezhdunarodnyy meditsinskij zhurnal*, № 4, pp. 139–146.

6. Udovic'ka, T. A. (2002). *Gromads'ki i privatni vishchi navchal'ni zakladi v Ukraïni (naprikinci XIX na pochatku XX st.) [Public and private higher educational institutions in Ukraine]*. Kand. istor. nauk: 07.00.01. Harkov, 18 p.

7. Udovic'ka, T. A. (2000). Osnovni etapi viniknennya i diyalnosti gromadskih i privatnih vishih navchalnih zakladiv v Ukrayini v kinci XIX - na pochatku XX stolit [The main stages of the emergence and functioning of public and private

higher educational institutions in Ukraine in the late XIX and early XX centuries]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, Harkov, T. 6, pp. 146–153.

8. Podlesnyi, D. V. (2014). Privatnoe vysshee obrazovanie v Ukraine: transformacii perioda Revolyucii i Grazhdanskoj vojny [Private higher education in Ukraine: the transformation of the period of the Revolution and the Civil War]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, Harkov, T. 20, pp. 56–67.

9. Podlesnyi, D. V. (2016). Innovacionnaya deyatel'nost' privatnoj vysshej shkoly: opyt nachala XX v. [Innovative activity of private higher education: experience of the beginning of the 20th century]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, Harkov, T. 22, pp. 56–67.

10. Oleseyuk, E. V., Borysov, V. M., Dynes, V. A. (2006). *Otechestvennyye universitety v dinamike zolotogo veka russkoj kultury [Domestic universities in the dynamics of the golden age of Russian culture]*. Moscow: Federal'nyy tsentr obrazovatel'nogo zakonodatel'stva, 243 p.

11. YArmysh, A. N., Posohov, S. I., EHpshtejn, A. I. (2004). *Istoriya goroda Kharkova XX stoletiya [History of Kharkiv city of the twentieth century]*. Harkov: Folio: Zolotyie stranitsy, 686 p.

12. Yakovleva, S.P. (1918). *Kiyevskiy yuridicheskiy institut. Potrebnost' v nem, yego zadachi, organizatsiya i obozreniye prepodavaniya [Kiev Juridical Institute. Need for him, his tasks, organization and review of teaching]*. Kiev : T-vo Pechatnya. 20 p.

УДК 947.084.8(477) «19/20»

<http://doi.org/10.5281/zenodo.3707876>*Т. А. Удовицька*

ГРОМАДСЬКІ ТА ПРИВАТНІ ВИЩІ НАВЧАЛЬНІ ЗАКЛАДИ В УКРАЇНІ В КІНЦІ ХІХ – ПОЧАТКУ ХХ СТОЛІТЬ: ІСТОРИКО-СОЦІАЛЬНІ МАРКЕРИ ДОСЛІДЖЕННЯ

У статті висвітлюються основні аспекти історії виникнення, становлення і розвитку приватних і громадських вищих навчальних закладів в Україні в кінці ХІХ - початку ХХ століть як частини системи вищої освіти даного періоду. Дається авторське визначення цієї категорії навчальних закладів, розглядаються об'єктивні і суб'єктивні передумови і фактори їх виникнення, наводиться періодизація їх становлення і характеристики періодів їх діяльності. На підставі класифікації навчальних закладів цього типу показано, що вони істотно доповнювали медичну, педагогічну, технічну освіту, яка була представлена в державній вищій школі і сформували новий тип навчальних закладів - комерційні, в яких готували фахівців в області підприємництва і торгівлі, необхідних в умовах формування ринкової системи господарської діяльності. Показано їх тісний зв'язок з державними навчальними закладами в частині використання навчальних планів і програм, викладацьких кадрів. При цьому звертається увага на їх відмінності від державної вищої школи, які віднесені до сфери соціальної, ніж педагогічних інновацій. На підставі цього робиться висновок про важливу роль цих навчальних закладів у вирішенні соціальних проблем в сфері підготовки фахівців з вищою освітою, а саме надання можливості отримувати вищу освіту тим, хто мав певні обмеження, а саме жінкам, представникам єврейської національності, вихідцям з демократичних верств населення. Показана значна роль приватних і громадських вищих навчальних закладів в демократизації, фемінізації, розвитку вищої освіти.

Ключові слова: історія вищої освіти, вища школа, приватні та громадські вищі навчальні заклади, студентство, професорсько-викладацький склад, підготовка фахівців.

Удовицкая Т. А. Общественные и частные высшие учебные заведения в Украине в конце XIX – начале XX веков: историко-социальные маркеры исследования

В статье освещаются основные аспекты истории возникновения, становления и развития частных и общественных высших учебных заведений в Украине в конце XIX – начале XX веков как части системы высшего образования данного периода. Дается авторское определение этой категории учебных заведений, рассматриваются объективные и субъективные предпосылки и факторы их возникновения, приводится периодизация их становления и характеристики периодов их деятельности. На основании классификации учебных заведений этого типа показано, что они существенно дополняли медицинское, педагогическое, техническое образование, которое было представлено в государственной высшей школе и сформировали новый тип учебных заведений – коммерческие, в которых готовили специалистов в области предпринимательства и торговли, необходимых в условиях формирования рыночной системы хозяйственной деятельности. Показана их тесная связь с государственными учебными заведениями в части использования учебных планов и программ, преподавательских кадров. При этом обращается внимание на их отличия от государственной высшей школы, которые отнесены к сфере социальной, нежели педагогических инноваций. На основании этого делается вывод о важной роли этих учебных заведений в разрешении социальных проблем в сфере подготовки специалистов с высшим образованием, а именно предоставления возможности получать высшее образование тем, кто имел определённые ограничения, а именно женщинам, представителям еврейской национальности, выходцам из демократических слоев населения. Показана значительная роль частных и общественных высших учебных заведений в демократизации, феминизации, развитии высшего образования.

Ключевые слова: история высшего образования, высшая школа, частные и общественные высшие учебные заведения, студенчество, профессорско-преподавательский состав, подготовка специалистов.

Udovitska Tetiana. Public and Private Higher Educational Establishments in Ukraine in the late XIXth c. – early XXth c.: Historic and Social Research Markers

The article deals with the main aspects of the history and development of private and public higher educational establishments in Ukraine in the late XIX c. – early XX c., being part of the system of higher education of this period. The

author's definition of this category of educational establishments has been provided, objective and subjective preconditions and factors of their origin have been considered, the periodization of their development as well as characteristics of periods of their activity have been given. Based on the classification of educational establishments of this type, it has been shown that they substantially enlarged medical, pedagogical, technical education, which was provided in state higher education, and they formed a new type of educational establishments, that is commercial educational establishments, where specialists in the business and trade field were trained, which were necessary in conditions of developing a market system of business activities. The close connection of these establishments with those state-owned ones in the part of using curriculums and academic programmes, teaching staff has been shown. The attention is, herewith, paid to their differences from the state higher school, these differences have been referred to as belonging to social sphere rather than that of pedagogical innovations. A reasonable conclusion has been made on the important role of these educational establishments in solving social problems in the sphere of training specialists with higher education, namely in providing opportunities to obtain a higher education for those who had certain limitations for that, for example for women, people of Jewish nationality, descendants of democratic layers of society. A significant role of private and public higher educational establishments has been shown in democratization, feminization, development of higher education.

Key words: history of higher education, higher school, private and public higher educational establishments, studentship, higher-education teaching personnel, specialists' training.

Актуальність теми. Поява на початку 90-х років ХХ ст. в системі вищої освіти України навчальних закладів недержавної форми власності викликала інтерес до їх історії. Сучасні вищі навчальні заклади недержавної форми власності вважаються новими, але історикам добре відомо, що в дореволюційний період вже існували подібні вищі навчальні заклади. Вивчення історії виникнення і діяльності закладів такого типу дозволяє порівняти процеси, що відбувалися у вищій освіті України в дореволюційний період, з тенденціями розвитку освіти на нинішньому етапі.

Мета статті. Проаналізувати основні аспекти процесу виникнення, становлення та розвитку громадських і приватних вищих навчальних закладів як складової частини вищої освіти України

наприкінці ХІХ – на початку ХХ століть, визначити особливості їх діяльності, роль і місце в вирішенні соціальних питань досліджуваного періоду. Дослідницькі завдання:

- визначити об'єктивні та суб'єктивні передумови і причини виникнення й розвитку в Україні громадських і приватних вищих навчальних закладів; показати, що їх поява була однією з тенденцій розвитку системи вищої освіти України в досліджуваній період;
- простежити процес виникнення, становлення і розвитку громадських і приватних вищих навчальних закладів шляхом наведення періодизації їх діяльності;
- показати специфічні функції громадських і приватних вищих навчальних закладів, виділити їх системні характеристики й особливості діяльності;
- визначити роль і місце цих навчальних закладів в суспільній системі України наприкінці ХІХ – на початку ХХ століть.

Історіографія проблеми. Вивчення діяльності громадських і приватних вищих навчальних закладів визначається нерівномірністю, що пояснюється дискретним характером явища. У дореволюційній літературі фрагментарно досліджувалася приватна ініціатива в галузі створення навчальних закладів. Прикладом є праці Г. Фальброка і В. Чарнолуського, які впритул підійшли до визначення функцій приватних навчальних закладів, які, на їх думку, виявляються в тому, що такі навчальні заклади «...стають заміною... там, де державні навчальні заклади погані або там, де їх бракує... і виникають там, де казенні навчальні заклади не задовольняють усіх потреб суспільства в освіті». Крім цього, Г. Фальброк і В. Чарнолуський підкреслюють, що «...приватні училища завжди передували урядовим. Це важливе значення залишиться за ними назавжди. Вони постійно будуть слугувати показником того, в чому має потребу суспільство, каналами, через посередництво яких в урядові навчальні заклади може приходити живий струмінь оновлення» [17, с. 2250–2251].

Головна спадщина, залишена дореволюційною історичною наукою – значна кількість праць, що містять нариси з історії окремих громадських і приватних вищих навчальних закладів. Ці роботи мають довідково-історичний характер, але без аналітичних узагальнень і нау-

кових висновків. Викладений в них насичений і добре структурований фактичний матеріал дозволяє дослідити історію виникнення і діяльності окремих громадських і приватних вищих навчальних закладів наприкінці XIX – на початку XX століття. Прикладом таких робіт є історично-довідкові роботи Д. Марголіна, що мають елементи як джерела, так і наукового історичного дослідження [6; 7]. Д. Марголін склав спеціальний історичний нарис Київських вищих жіночих курсів, в якому викладається цінний фактичний матеріал, що дозволяє простежити історію виникнення і діяльність цього вищого навчального закладу [6].

У радянський час створено чимало праць з історії і діяльності вищих навчальних закладів наприкінці XIX – на початку XX століття. В цих роботах також висвітлені деякі аспекти виникнення та функціонування приватних та громадських вищих навчальних закладів. Так, у дослідженні О. Іванова з історії студентства є спеціальний розділ, присвячений студентству «неурядових» вищих навчальних закладів [2, с. 189–195]. На початку 80-х років з'являється низка робіт того ж автора, в яких висвітлюється історія вищої освіти наприкінці XIX – на початку XX століття. Вперше в цих роботах він відділяє громадські і приватні вищі навчальні заклади як складову систему вищої освіти [3].

З початку 1990-х років розпочався новий етап у розвитку історіографії вищої школи на рубежі XIX – XX століть, а саме велике значення мають роботи з історії становлення і розвитку окремих її напрямків в Україні, що відмічається сучасними історіографами. Це праця Є. Степановича про розвиток вищої спеціальної школи [12], дослідження В. Онопрієнко і Т. Щербаня про становлення вищої технічної освіти [13], робота Д. Коржова про стан вищої освіти України в цілому наприкінці XIX – на початку XX століття [4]. В цих роботах вперше в українській історіографії визначена роль і місце громадських і приватних вишів у розвитку вищої освіти в Україні в досліджуваний період.

Значний внесок у вивчення громадської і приватної ланки системи вищої освіти був зроблений російськими дослідниками Є. Дніпровим і О. Івановим. У розділі «Неурядові вищі навчальні заклади» монографії авторами вперше виділяються основні типи громадських і приват-

них вищих навчальних закладів, робиться висновок про значення цього сектора вищої школи для розвитку системи вищої освіти в цілому. Саме підкреслюється, що «в кінці XIX – на початку XX ст. “вільна” вища школа сформувалася в професійно-диференційовану, динамічну систему, що за темпами розвитку обігнала державну...» [8, с. 137]. На їх думку, вона посилювала найбільш слабку професійну ланку державної вищої школи: педагогічну, медичну, економічну; були більш сприйнятливі до організаційних і методичних інновацій, заповнювали соціальні порожнини в складі учнів державної вищої школи, штучно створені самодержавством. Разом з тим, аналіз робіт Є. Дніпрова і О. Іванова, інших сучасних дослідників історії вищої освіти, дає підстави для висновку про відсутність єдиного підходу до визначення категоріального апарату при громадських і приватних вищих навчальних закладів. Частіше за все по відношенню до таких вишів в історичній літературі зустрічається визначення «неурядові вищі навчальні заклади». Такий підхід до визначення суті громадських і приватних вузів вбачається не зовсім точним. Громадські і приватні вищі навчальні заклади безпосередньо були пов'язані з владою і знаходилися в полі постійної уваги уряду. У сучасній історіографії зустрічається ще одне визначення досліджуваних вузів – «недержавні вищі навчальні заклади» [9]. Такий підхід також викликає заперечення, адже громадські і приватні вузи виникли й існували в рамках держави, здійснювали свою діяльність в інтересах суспільства та вирішували насущні державні завдання: підготовку необхідних фахівців, «пом'якшення» соціальних проблем в суспільстві. При цьому, ці навчальні заклади діяли під контролем державних міністерств і відомств, попечителів навчальних округів, тобто представників державних владних структур. У сучасних роботах з історії вищої освіти використовується ще один термін – «вільна вища школа», який є досить загальним але не зовсім точним, оскільки не відображає сутності досліджуваного явища.

Основою для авторського підходу до категоріального означення явища, що вивчається, були документальні джерела. У період, що досліджується, навчальні заклади, про які йде мова, відповідно до їх Статутів або Положень називалися «громадськими вищими навчальними закладами» або «приватними вищими навчальними закладами».

Тому до категорії «громадські і приватні вищі навчальні заклади», за авторським трактуванням, відносяться вищі навчальні заклади, що виникли в Україні в останній чверті XIX ст. з ініціативи й за активної участі інтелігенції, за фінансової підтримки громадських організацій і приватних осіб, зареєстровані й визнані державними органами, що ставили за мету підготовку фахівців з традиційних і нових спеціальностей, надаючи можливість отримати вищу освіту особам, які мали станові, національні, статеві та інші обмеження в цій сфері [15].

До сучасних монографій, у яких досліджується історія громадських та приватних навчальних закладів, можна віднести роботи І. А. Добрянського [1], Т. Г. Павлової [9], низку фундаментальних досліджень, підготовлених науковцями Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» [10], який є провідним приватним закладом освіти в сучасній Україні. Суттєвим недоліком історіографії громадських і приватних вищих навчальних закладів є відсутність виділення в ході досліджень інноваційної сутності цих вищих навчальних закладів, специфіки їх діяльності, ролі і місця в системі вищої освіти і розвитку українського суспільства.

Виклад основного матеріалу. Вища школа наприкінці XIX – на початку XX століття знаходилася на перехресті багатьох культурно-історичних, соціально-економічних і суспільно-політичних процесів, які не могли не вплинути на її розвиток. Структура вищої школи досліджуваного періоду була складною за кількісними і якісними показниками, що постійно мінялися під впливом об'єктивних чи суб'єктивних факторів. Її основу склали державні навчальні заклади, система яких сформувалася в основному до кінця XIX століття. Але на початку XX ст. темпи розвитку державних вищів сповільнилися. Повноцінному функціонуванню і розвитку системи вищої освіти заважали станові і національні обмеження, дискримінація жінок, охоронні настанови уряду, бюрократизм управління, залишкове фінансування. Тому в останній чверті XIX – на початку XX ст. в імперії сформувався комплекс умов та чинників, що стимулювали появу громадських і приватних вищих навчальних закладів, які частково вирішували ці проблеми. До об'єктивних відносяться:

- гостра соціально-економічна потреба у фахівців, як з традиційних

спеціальностей (лікарі, вчителі), так і з нових, що актуалізувалися змінами в економічній ситуації (інженери, фахівці в галузі комерції і торгівлі);

- відсутність достатніх коштів у держави для підготовки необхідної кількості фахівців, що компенсувалося значними надходженнями від громадських організацій і приватних осіб на розвиток нових вищих навчальних закладів;

- існування розвиненого могутнього державного сектора вищої школи, без наявності якої новостворені вузи не змогли б розвернути свою діяльність.

Суб'єктивні умови виявилися:

- в активізації зусиль громадськості у сфері будівництва вищої школи і, як наслідок цього – багаторічна, часом безвідплатна робота ентузіастів, насамперед з числа інтелігенції, щодо підготовки до відкриття нових вищих навчальних закладів, їх подальшого становлення і розвитку;

- в усвідомленні урядом потреб суспільства у фахівцях вищої кваліфікації, що спричинило певні кроки по легітимізації новостворених громадських і приватних вищих навчальних закладів і поступове визнання *de ure* їх діяльності і прав випускників.

Підсистема громадських і приватних вищих навчальних закладів у структурі вищої освіти України склалася не одразу. Вона пройшла складний, майже півстолітній шлях, в якому виділяються такі етапи [14].

Перший етап (1878–1905 рр.) – від відкриття перших Вищих жіночих курсів у Києві (1878) до початку легітимізації новостворених вузів, а саме затвердження в грудні 1905 р. доповіді міністра народної освіти, що дозволяла відкриття приватних навчальних закладів – етап виникнення нових вищих навчальних закладів. Вони створювалися в основному у вигляді вищих жіночих курсів, які брали на себе розв'язання найважливіших соціальних завдань – надання жінкам можливості отримання вищої освіти, а також ліквідацію станових обмежень при отриманні вищої освіти. У зазначений період географія виникнення громадських і приватних вищих навчальних закладів обмежувалася Києвом і Одесою. Клопотання громадськості про заснування вищих жіночих курсів у Харкові в 1881 році було відхилене.

Другий етап (1906–1911 рр.) – від поновлення прийому слухачів на Вищі жіночі курси у Києві (1906 р.) до виходу Закону 19 грудня 1911 “Об испытании лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительниц средних учебных заведений”. Етап становлення, розвитку і зміцнення позицій громадських і приватних вищих навчальних закладів. Цей етап характеризується діяльністю найбільшої кількості навчальних закладів нового типу, розширення їх географії. Навчальні заклади такого типу з’являються і в Харкові, що зміцнило його позиції як великого вузівського центру. До другого періоду відноситься поява принципово нових і за формою організації, і за змістом навчання так званих комерційних навчальних закладів. Комерційні приватні вузи створювалися, як правило, на кошти приватного капіталу або купецьких товариств, як, наприклад Харківське купецьке товариство, Київське купецьке товариство. В Україні було створено і успішно діяло два комерційних навчальних заклади: Київський (створений в 1908 р.) і Харківський комерційні інститути (відкритий у 1912 р.).

Третій етап (1912–1917 рр.) – від перших випусків спеціалістів і отримання ними юридичних станових прав до революційних перетворень 1917 року – етап активної діяльності громадських і приватних вищих навчальних закладів і визнання прав їх випускників характеризується як період закріплення позицій, повного юридичного визнання громадських і приватних вищих навчальних закладів, їх інтеграції в освітній простір країни, зміцненні статусу випускників, а саме – надання їм повноцінних юридичних прав, що було стійкою тенденцією цього періоду. У цей період громадські і приватні вищі навчальні заклади, що спочатку були створені у вигляді курсів або факультетів, перетворювалися на самостійні інститути. У роки третього періоду чимало громадських і приватних вищих навчальних закладів перетворюються на міцні навчальні заклади, значно укріплюють свої позиції в освітньому просторі і починають відігравати значну роль у суспільстві, особливо випускаючи спеціалістів того профілю, яких не готував жоден державний вищий навчальний заклад. Так, Київський комерційний інститут за підтримки фінансових курсів, насамперед Київського купецького товариства, став одним із найбільших вищих навчальних

закладів України початку ХХ століття. У середньому щорічно в інституті навчалось 4-5 тисяч студентів [12, с. 136]. У рамках цього етапу розширився спектр спеціальностей, за якими велася підготовка фахівців, а саме з'явилися навчальні заклади з новим змістом освітньої діяльності, виникли структури, що готували фахівців у галузі мистецтва. Створені вони були за участю імператорського Російського музичного товариства і його регіональних відділень у Києві та Одесі і були громадськими вищими навчальними закладами. Мова йде насамперед про Київську та Одеську консерваторії.

На третьому етапі ще більше розширюється географія виникнення і діяльності громадських і приватних вищих навчальних закладів. Такі навчальні заклади з'являються в Катеринославі, а саме ще один приватний навчальний заклад – Катеринославський приватний єврейський політехнічний інститут. У складі інституту було три факультети: електромеханічний, інженерний та економічний. У 1916 році на перший курс було зараховано 118 осіб (підрховано авторкою на підставі особових справ студентів), в 1917 бажаючих навчатися було вже 532 (підрховано авторкою на підставі особових справ студентів) [5]. Поява спеціального навчального закладу для осіб єврейської національності була викликана обмеженням прийому євреїв у державні навчальні заклади.

Аналіз етапів виникнення і розвитку громадських і приватних вищих навчальних закладів дозволяє зробити такі висновки:

- формування підсистеми в структурі вищої освіти України мало поступальний характер розвитку. У цьому процесі виділяються такі тенденції: динамічне зростання цих вузів, яке проявилось в збільшенні їх чисельності, розширенні нових напрямів підготовки фахівців; поступове виникнення їх в основних вузівських центрах України – Києві, Харкові, Одесі, Катеринославі; збільшення кількості факультетів і студентів.

- навчальні заклади, що виникали, були досить різноманітні за змістом навчальної діяльності. У структурі громадських і приватних вищих навчальних закладів можна виділити такі групи: педагогічні вищі навчальні заклади, представлені вищими жіночими курсами; медичні вищі навчальні заклади, представлені вищими жіночими

курсами; комерційні інститути; навчальні заклади, що готували фахівців у галузі мистецтва; інженерні вищі навчальні заклади.

- багато вищих навчальних закладів, що виникали, не змогли повною мірою розгорнути свою діяльність з причин недостатньої матеріальної бази, відсутності необхідного професорсько-викладацького складу;

- ті вузи, що були створені за матеріальної підтримки різних громадських організацій, поступово ставали повноцінно функціонуючими навчальними закладами, що здійснювали підготовку фахівців як з традиційних, так і з нових спеціальностей.

Безумовно, навчальні заклади нового типу були тісно пов'язані з державними вищими навчальними закладами протягом усього свого існування. Тісна взаємодія двох складових системи вищої освіти виявилася у наступному:

- громадські і приватні вищі навчальні заклади за своєю організаційною структурою та устроєм були практично повними (з незначними відмінностями) копіями державних: традиційно ділилися на факультети, відділення, мали такі ж управлінські підрозділи (педагогічні ради, ради факультетів, господарські комітети, тощо);

- юридична повноцінність дипломів, що видаються громадськими і приватними навчальними закладами, забезпечувалася за умови визнання їх державою, що вимагало, у свою чергу, орієнтації на навчальні плани і програми державних навчальних закладів відповідного профілю. Як наслідок цього, підготовка за традиційними спеціальностями провадилася у тому ж обсязі і за тими самими програмами, що і в державних вузах;

- більшість громадських і приватних вищих навчальних закладів провадила підготовку фахівців з тих самих спеціальностей, що і державні вузи (вчителі, лікарі). Це дозволяло їх випускникам здавати екзамени в комісіях при державних навчальних закладах (здебільшого в університетах) для отримання державного диплому;

- основою кадрового складу в новостворених навчальних закладах були професура і викладачі державних вищих навчальних закладів: Харківського, Київського, Новоросійського університетів, Катеринославського гірничого інституту, що забезпечувало якісне викладання;

▪ локалізація в традиційних центрах вищої освіти (Києві, Харкові, Одесі, Катеринославі), що значно полегшувало контакти нових вузів з представниками державної влади, які вже мали відпрацьовані механізми взаємодії владних структур і навчальних закладів на місцях.

В цілому у змісті процесу навчання керівництво громадських і приватних вищих навчальних закладів орієнтувалося на навчальні плани і програми державних вузів, у зв'язку з цим можна стверджувати, що студенти навчальних закладів, що досліджуються, отримували той самий обсяг знань, що і в державних вищих навчальних закладах; істотно відрізнялися програми, навчальні плани комерційних вищих навчальних закладів, які мали інноваційний характер, оскільки підготовка фахівців у цих вузах з такого профілю здійснювалася вперше; проблеми становлення громадських і приватних вищих навчальних закладів насамперед були пов'язані з формуванням необхідної матеріальної бази. Тому принципові відмінності громадських і приватних вузів від державних необхідно шукати, передусім, не у відмінностях освітньо-педагогічної діяльності, яка в принципі була ідентичною, а в площині соціального навантаження [16]. Крім традиційної освітньої функції – підготовки фахівців, громадські і приватні вузи виконували і дещо інші соціальні функції. Як вже зазначалося, в них отримували можливість навчатися представники соціальних верств, що мали ті або інші обмеження в правах щодо отримання вищої освіти. Внаслідок цього у громадських і приватних вищих навчальних закладах більш природно і мобільно відбувався процес демократизації і соціальної структуризації контингенту учнів. Ці виші відчували менший тиск регламентуючого бюрократичного впливу у вигляді станових, національних, статево-вікових та інших обмежень.

Громадські і приватні вузи своєю діяльністю пом'якшували урядові кроки, спрямовані на перетворення вищої школи в інструмент остаточного розшарування дипломованих фахівців за ознаками становості: дворяни і діти чиновників отримували ключові пости державного управління, вихідці з непривілейованих станів щонайбільше допускалися до торгово-промислової діяльності. З плином часу вища школа набувала вигляду певної всестановості.

Аналіз змістовної діяльності і структури підготовки фахівців у

досліджуваних вищих навчальних закладах дає підстави зробити висновок, що насамперед ці вищі навчальні заклади проводили підготовку з традиційних спеціальностей, тобто з тих, які були представлені у державному секторі вищої освіти, а саме: педагогів і лікарів. При цьому необхідно відзначити, що держава отримувала фахівців, не витративши на їх підготовку ніяких матеріальних коштів.

Крім того, громадські і приватні навчальні заклади опанували нові напрями підготовки фахівців. Така діяльність новостворених закладів мала інноваційний характер, який виражався не стільки в нових методах навчання, скільки в підготовці фахівців з нових напрямів і спеціальностей, насамперед, у галузі комерції і торгівлі. Нові спеціальності були досить популярними серед молоді, що відбилося на зростанні кількості студентів. Так на 1914 рік чисельність студентів Київського комерційного інституту складала 3470 осіб [11, с. XIII].

Специфічністю відрізнявся і процес створення вузів нового типу. Громадські і приватні вузи виникали, як правило, з ініціативи інтелігенції, насамперед, професорів і викладачів державних вузів. Реалізація цієї ініціативи була б неможлива без участі громадських організацій і приватних осіб, оскільки становлення вищого навчального закладу вимагало не тільки змістовного наповнення навчального процесу, але й організаційно-фінансової підтримки. Так, відкриття Київської і Одеської консерваторій стало можливим завдяки активній участі Імператорського російського музичного товариства; Харківський жіночий медичний інститут був створений зусиллями членів Харківського медичного товариства; Харківські вищі жіночі курси були відкриті при Харківському товаристві взаємодопомоги трудящим жінкам.

Поступова зміна у позитивний сторону ставлення держави до громадських і приватних вищих навчальних закладів сприяла їх динамічному розвитку. Як вже зазначалося, у розвитку системи громадських і приватних вищих навчальних закладів спостерігалася стійка тенденція до зростання. До 1917 р. в Україні діяло 17 громадських і приватних вищих навчальних закладів, що становило 33% (підрховано авторкою на підставі довідкових видань з вищої освіти [7]) від усіх вищих навчальних закладів такого типу на теренах Російської імперії. Однак

порівняння чисельності державних вузів з громадськими і приватним не відображає реальній ситуації в структурі вищої школи України. Громадські і приватні вищі навчальні заклади не були визначними у системі вищої освіти. Державна вища школа панувала нероздільно, переважаючи за кількістю студентів, матеріально-технічним забезпеченням навчального процесу, рівнем розвитку вузівської науки, суспільним визнанням.

Але своєю появою і діяльністю громадські і приватні вищі навчальні заклади вирішували низку соціальних завдань. По-перше, громадські і приватні вузи заповнювали соціальні «порожнини» в державній системі вищої освіти. І дійсно, вона призначалася насамперед для жінок, позбавлених державою можливості отримати вищу освіту іншим шляхом. Відкриті були її двері і для юнаків, що виявилися за стінами державних університетів через відсутність гімназійного атестату зрілості або через процентні норми для «осіб іудейського сповідання». Вступали до таких закладів і відраховані з державної вищої школи за участь у революційних подіях. Таким чином, завдяки громадським і приватним навчальним закладам вища школа ставала все більш доступною. По-друге, громадські і приватні вищі навчальні заклади були більш мобільними і прагнули здійснювати підготовку фахівців з нових напрямів (комерційні, технічні спеціальності), а також доповнювали випуск необхідної кількості фахівців, якого не могла здійснити державна вища школа.

Для більш повного з'ясування ролі і місця громадських і приватних вищих навчальних закладів у структурі вищої освіти України періоду, що вивчається, необхідно визначити їх інноваційну сутність, яка, на думку автора, полягала в зазначеному нижче:

- громадські і приватні вузи (за організаційними формами) являли собою принципово новий тип вищих навчальних закладів;
- їх виникнення і діяльність ліквідували монополію держави на вищу освіту;
- саме в цьому секторі вищої освіти було вперше повною мірою реалізоване спільне навчання чоловіків і жінок;
- у громадських і приватних вузах, а саме в Київському і Харківському комерційних інститутах, велася підготовка за новим напрямом

освіти – економіко-правовим, який до цього не здійснював жоден державний вищий навчальний заклад;

- з'явилися перші самостійні вищі медичні навчальні заклади (у Києві, Харкові, Одесі), до цього медична освіта на Україні була представлена тільки медичними факультетами вузів;
- реалізація специфічних функцій громадських і приватних вищих навчальних закладів сприяла демократизації, фемінізації студентського контингенту, а значить й інтелігенції в цілому.

Таким чином, соціально-економічні умови, що швидко мінялися, приводили до значних оновлень і в системі вищої освіти. Саме в цей період почала свою діяльність більшість нових громадських і приватних вищих навчальних закладів. Цей процес остаточно оформив дві структурні складові вищої освіти: державні вузи і вищі навчальні заклади, створені громадською і приватною ініціативою.

Тенденції розвитку вищої школи на шляху співіснування і діяльності двох секторів у вищій освіті виявлялися дуже виразно. За досить короткий період своєї діяльності більшість громадських і приватних вищих навчальних закладів перетворилася на повноцінні освітні установи з усіма необхідними складовими елементами вузу, що дозволило їм успішно провадити підготовку фахівців як з традиційних спеціальностей, так і з нових напрямків.

Не можна не відзначити суперечливий характер розвитку громадської і приватної вищої школи. З одного боку, її відрізняв більший демократизм в питаннях прийому слухачів, побудови навчального процесу, вибору методів навчання і самонавчання, певна інноваційність у діяльності. З іншого – керівництво новостворених навчальних закладів прагнуло до орієнтації на навчальні програми і плани державних вищих навчальних закладів, «не досягаючи» в іншому випадку до рівня державної вищої освіти, а також використовувала, як правило, потенціал викладацького корпусу державної школи. Дуже короткий виявився історичний вік цих вищих навчальних закладів: 10–12 років існування і діяльності. За цей час не встигла в повному обсязі скластися інфраструктура навчальних закладів, розгорнутися навчально-наукова робота, не сформувався викладацький корпус на власній основі.

Створення громадських і приватних вищих навчальних закладів –

одна з перших у вітчизняній історії спроб інтелігенції самостійно вирішити проблемі кризового стану освіти у досліджуваній період і шляхом розширення сфери діяльності вищих навчальних закладів вирішить соціальні проблеми того часу.

Завдяки появі нового громадського і приватного сектора вищої школи було покінчено з монополією держави на вищу освіту, що відкрило реальний шлях виходу освіти з кризи, зумовленої складністю для державної вищої школи швидко реагувати на динамічні зміни потреб суспільства. Значення цього культурного феномена важко переоцінити. Тому для розв'язання сучасних проблем вищої освіти має всебічне вивчення і творче використання її історичного надбання. Усвідомлення того, що сьогоdnішній стан вищої освіти є підсумком всієї попередньої його історії, дозволяє простежити еволюцію системи протягом всього шляху розвитку. Історико-методологічний аналіз досвіду вітчизняної вищої освіти, співвіднесений із зарубіжним, дає можливість розглянути процес виникнення різних моделей вищої освіти, прогнозувати їх функціонування в перспективі і використати досвід минулого в сучасних умовах. Вивчення досвіду діяльності громадських і приватних вищих навчальних закладів і його впровадження в практичну діяльність сприятиме більш ефективному функціонуванню вузів недержавної форми власності на сучасному етапі.

Список літератури

1. Добрянський І. А. Громадянська та приватна ініціатива в розвитку освіти в Україні (кінець XIX – початок XX століття) / І. А. Добрянський, В. В. Постолатій ; Кіровоград. ін.-т регіонального управління та економіки. – Кіровоград : КРУЕ, 1998. – 143 с.
2. Иванов А. Е. Студенчество России: конец XIX – начало XX веков: социально-историческая судьба / А. Е. Иванов. – М. : Россмэн, 1999. – 414 с.
3. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX веков / АН СССР Ин-т истории СССР. – М., 1991. – 392 с.
4. Коржов Д. Ю. Розвиток системи вищої освіти в Україні (кінець XIX–початок XX ст.) / Д. Ю. Коржов. – Вінниця : [б. в.], 1996. – 26 с.
5. Личные дела студентов Екатеринославского частого политехнического института. – ДАДО, ф. 2065, оп. 1; оп. 2.
6. Марголин Н. Д. Из пришлого Киевских высших женских курсов // Календарь и справочная книга г. Киева. – Киев, 1906. – С. 263–268.

7. Марголин Д. Справочник по высшему образованию : руководство для поступающих во все высшие учебные заведения за границей / Д. Марголин. – Киев : Сотрудник, 1915. – 422 с.
8. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР конца XIX начало XX веков. – М. : Педагогика, 1991. – 446 с.
9. Павлова Т. Г. Негосударственная высшая школа Харькова в начале XX века / Т. Г. Павлова ; Харьков. торгово-экон. ин-т Киевского нац. торгово-экон. ун-та. – Харьков : Сага, 2012. – 408 с.
10. Приватная высшая школа в объективе времени: украинский вариант. – Харьков : Харьк. гуманит. ин-т «Нар. укр. акад.», 2000. – 462 с.
11. Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу Министерства торговли и промышленности на 1912/1913. – Пгт : [б/ изд.], 1914. – 400 с.
12. Степанович Е. П. Высшая специальная школа на Украине конца XIX–начала XX в. / Е. П. Степанович – Київ : Наук. думка, 1991. – 99 с.
13. Оноприенко В. И. Становление высшего технического образования на Украине / В. И. Оноприенко, Т. А. Щербань. – Київ : Наук. думка, 1990. – 137 с.
14. Удовицька Т. А. Основні етапи виникнення і діяльності громадських і приватних вищих навчальних закладів в Україні в кінці XIX – на початку XX століть / Т. А. Удовицька // Вчені зап. Харків. гуманітар. ін-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2000. – Т. 6. – С. 146–153.
15. Удовицька Т. А. До питання про визначення категорії «Громадські та приватні вищі навчальні заклади» при вивченні історії вищої освіти на Україні наприкінці XIX - початку XX ст. / Т. А. Удовицька // Вісник Харківського ун-ту. – 2001. – № 506, ч. 1. – С. 58–60.
16. Удовицька Т. А. До питання про інноваційну сутність діяльності громадських та приватних вищих навчальних закладів наприкінці XIX - на початку XX ст. / Т. А. Удовицька // Вчені зап. Харків. гуманітар. ін-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2002. – Т. 8. – С. 95–102
17. Фальброк Г. Настольная книга по народному образованию / Фальброк Г., Чарнолуцкий В. – СПб. : Тип.-литогр. Б.М. Вольфа, 1904. – 2623 с.

References

1. Dobryanskij, I. A., Postolatij, V. V. (1998). *Gromadyanska ta privatna iniciativa v rozvitkuosviti v Ukraini (kinec XIX – pochatok XX stolittya)*. Kirovograd : KIRUE, 143 p.
2. Ivanov, A.E. (1999). *Studenchestvo Rossii: konec XIX – nachalo XX vekov: Socialno-istoricheskaya sudba*. Moskva: Rossmen, 414 p.

3. Ivanov, A.E. (1991). *Vysshaya shkola Rossii v konce XIX – nachale XX vekov*. Moskva, 392 p.
4. Korzhov, D. Yu. (1996). *Rozvitok sistemi vishoyi osviti v Ukrayini (kinec XIX–pochatok XX st.)*. Vinnicya, 26 p.
5. *Lichnye dela studentov Ekaterinoslavskogo chastnogo politehnicheskogo instituta*. DADO, f. 2065, op. 1; op. 2.
6. Margolin, N. D. (1906). Iz proshlogo Kievskih vysshih zhenskikh kursov. In: *Kalendar i spravochnaya kniga g. Kieva*. Kiyev, pp. 263–268.
7. Margolin, D. (1915). *Spravochnik po vysshemu obrazovaniyu*. Kiyev: Sotrudnik, 422 p.
8. *Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR konca XIX nachalo XX vekov* (1991). Moskva: Pedagogika, 446 p.
9. Pavlova, T. G. (2012). *Negosudarstvennaya vysshaya shkola Harkova v nachale XX veka*. Harkov: Saga, 408 p.
10. *Privatnaya vysshaya shkola v obektive vremeni: ukrainskij variant* (2000). Harkiv: Hark. gumanit. in-t «Nar. ukr. akad.», 462 p.
11. *Statisticheskie svedeniya o sostoyanii uchebnykh zavedenij, podvedomstvennykh uchebnomu otdelu Ministerstva trgovli i promyshlennostina 1912/1913* (1914). Pgt: 400 p.
12. Stepanovich, E.P. (1991). *Vysshaya specialnaya shkola na Ukraine konca XIX – nachala XX v.* Kiyev: Naukovadumka, 99 p.
13. Onoprienko, V.I., Sherban, T. A. (1990). *Stanovlenie vysshego tehniceskogo obrazovaniya na Ukraine*. Kiyev: Nauk. dumka, 137 p.
14. Udovytska, T. A. (2000). Osnovni etapy vynyknennia i diialnosti hromadskykh i pryva-tnykh vyshchykh navchalnykh zakladiv v Ukraini v kintsi XIX – na pochatku XX – stolit. *Vcheni zap. Kharkiv. humanitar. in-tu «Nar. ukr. akad.»*. Kharkiv, V. 6, pp. 146-153.
15. Udovytska T. A. (2001). Do pytannia pro vyznachennia katehorii «Hromadski ta pryvat-ni vyshchi navchalni zaklady» pry vyvchenni istorii vyshchoi osvity na Ukraini na-prykintsi XIX – pochatku XX st. *Visn. Khark. un-tu*, 506, ch. 1. pp. 58–60.
16. Udovytska, T.A. (2002) .Do pytannia pro innovatsiinu sutnist diialnosti hromadskykh ta pryvatnykh vyshchykh navchalnykh zakladiv naprykintsi XIX - na pochatku XX st. *Vcheni zap. Kharkiv. humanitar. in-tu «Nar. ukr. akad.»*. – Kharkiv, V. 8, pp. 95–102.
17. Falbrok, G., Charnoluskij, V. (1904). *Nastolnaya kniga po narodnomu obrazovaniyu*. Sankt-Peterbur: Tip.-litogr. B.M. Volfa, 2623 p.

УДК 316.74:378

<http://doi.org/10.5281/zenodo.3707878>*Ekaterina Bataeva***INSTRUMENTAL
EDUCATIONAL STRATEGIES
AND PRACTICES IN PRIVATE
AND STATE HIGHER
EDUCATION**

The article considers the concept of educational strategies in the context of the theory of instrumentalization of practices of modern students. The concept of “educational strategy” means a choice by a social actor of a certain style of behavior in the educational environment, corresponding to his/her value orientations and life goals, characterized by a certain long-term sustainability. We analyze three types of educational strategies – strategy of “investing in a diploma”, “career success strategy”, and the strategy of self-realization in the professional sphere. The strategy of “investing in a diploma” is the most popular strategy in modern Ukrainian education, which is associated with the life strategy of material well-being. A less common form of educational strategies is the “career success strategy”, a distinctive feature of which is the attitude to learning and higher education not just as an opportunity to get a diploma, but as an important step in making a professional career. In the strategy of self-realization in the professional sphere, the value of self-development within the chosen specialty is emphasized. The factors of instrumentalization of education, such as minimalism in educational requests of students, externalization of their attitudes and modernization of value orientations, are identified. Since externals predominate among modern Ukrainian youth, the most typical for modern students are the instrumental attitude to education. R. Inglehart’s deficit hypothesis was used to explain the instrumentalization of higher education: the fact that students are massively oriented towards instrumental practices of achieving material well-being is a reflection of the social situation of the “deficit of material wealth”.

Key words: educational strategies, higher education, instrumental action, communicative action, student.

***Батаєва К. В.* Інструментальні освітні стратегії і практики в приватній та державній системі вищої освіти**

У статті розглянуто концепцію освітніх стратегій в контексті теорії

інструменталізації практик сучасних студентів. Поняття «освітня стратегія» означає вибір соціальним суб'єктом певного стилю поведінки в сфері освіти, що відповідає його ціннісним орієнтаціям. Проаналізовано три типи освітніх стратегій – стратегія «інвестування в корочку», «стратегія кар'єрного зростання» і «стратегія самореалізації в професійній сфері». Стратегія «інвестування в корочку» є найпопулярнішою в українській системі вищої освіти, яка корелює з життєвою стратегією матеріального благополуччя. Менш поширеною формою освітніх стратегій є «стратегія кар'єрного росту», відмінною рисою якої є ставлення до вищої освіти як до шабля в професійній кар'єрі. У третій освітній стратегії (стратегії самореалізації в професійній сфері) підкреслюється цінність саморозвитку в рамках обраної спеціальності. Виявлені фактори інструменталізації освіти, такі як мінімалізм в освітніх запитах студентів, екстерналізація їх життєвих установок і модернізація ціннісних орієнтацій. Оскільки серед сучасної української молоді переважають екстернали, тому найбільш типовим для сучасних студентів є інструментальне ставлення до освіти. Використано гіпотезу дефіциту Р. Інглхарта для пояснення інструменталізації вищої освіти: у пострадянських країнах, у яких рівень добробуту населення ще недостатньо високий, цілком очікувано стає пріоритетність матеріально-орієнтованих життєвих стратегій. Той факт, що студенти масово орієнтовані на інструментальні практики досягнення матеріального благополуччя є відображенням суспільної ситуації «дефіциту матеріальних благ».

Ключові слова: освітні стратегії, вища освіта, інструментальна дія, комунікативна дія, студент.

***Батаєва Е. В.* Інструментальні освітні стратегії та практики в приватній та державній системі вищої освіти**

В статті розглянуто концепцію освітніх стратегій в контексті теорії інструменталізації практик сучасних студентів. Поняття «освітня стратегія» означає вибір соціальним суб'єктом певного стилю поведінки в сфері освіти, що відповідає його ціннісним орієнтаціям. Проаналізовано три типи освітніх стратегій – стратегія «інвестування в корочку», «стратегія кар'єрного зростання» і «стратегія самореалізації в професійній сфері». Стратегія «інвестування в корочку» є найпопулярнішою в українській системі вищої освіти, яка корелює з життєвою стратегією матеріального благополуччя. Менш поширеною формою освітніх стратегій є «стратегія кар'єрного росту», відмінною рисою якої є ставлення до вищої освіти як до шабля в професійній кар'єрі. У третій освітній стратегії (стратегії самореалізації в професійній сфері) підкреслюється цінність саморозвитку в рамках обраної спеціальності. Виявлені фактори інструменталізації освіти, такі як мінімалізм в освітніх запитах студентів, екстерналізація їх життєвих установок і модернізація ціннісних орієнтацій. Оскільки серед сучасної української молоді переважають екстернали, тому найбільш типовим для сучасних студентів є інструментальне ставлення до освіти. Використано гіпотезу дефіциту Р. Інглхарта для пояснення інструменталізації вищої освіти: у пострадянських країнах, у яких рівень добробуту населення ще недостатньо високий, цілком очікувано стає пріоритетність матеріально-орієнтованих життєвих стратегій. Той факт, що студенти масово орієнтовані на інструментальні практики досягнення матеріального благополуччя є відображенням суспільної ситуації «дефіциту матеріальних благ».

карьеру. В стратегії самореалізації в професійній сфері підкреслюється цінність саморозвитку в рамках вибраної спеціальності. Виявлені фактори інструменталізації сфери освіти, такі як мінімалізм в освітніх запитаннях студентів, екстерналізація їх життєвих установок і модернізація ціннісних орієнтацій. Оскільки серед сучасної української молоді переважають екстернали, тому найбільш типовим для сучасних студентів є інструментальне ставлення до освіти. Використана гіпотеза дефіциту Р. Інглхарта для пояснення інструменталізації вищої освіти: в пострадянських країнах, в яких рівень благополуччя населення ще недостатньо високий, повністю очікуваною стає пріоритетність матеріально-орієнтованих життєвих стратегій. Той факт, що студенти масово орієнтовані на інструментальні практики досягнення матеріального благополуччя є відображенням суспільної ситуації «дефіциту матеріальних благ».

Ключевые слова: освітні стратегії, вища освіта, інструментальне діє, комунікативне діє, студент.

In modern sociology and philosophy, there is a resurgence of interest to the theory of instrumental and communicative action of J. Habermas and M. Horkheimer, in which the situation of instrumentalization of a person's social life was considered and the perspectives of its communicativization were discussed. It can be stated that in the modern higher education, the most typical are instrumental strategies and practices of students that treat education as a "tool" for obtaining future material and career bonuses, while the terminal value of education as a communicative process is set under question. In order to understand *how* to resist instrumentalization of students' educational practices, *what* needs to be done for communicativization of educational process in universities, it is necessary to first identify the main semantic characteristics of the concepts of "educational strategies" and consider their main (and the most typical) forms [6; 7; 8; 9].

The concept of "educational strategy" means a choice by a social actor of a certain style of behavior in the educational environment, corresponding to his/her value orientations and life goals, characterized by a certain long-term sustainability. Educational strategies are formed in the process of socialization of a social actor and are the result of internalization of the most typical positions of his/her social environment at the level of society,

social groups in which he/she functions, as well as at the level of interpersonal interaction with parents, peers, and teachers [1; 2; 3]. It can be said that educational strategies are at the same time a result of both a conscious decision of a person (decision which university and specialty to choose, how hard and systematically (or, conversely, not-intensively) to learn, what educational level should be oriented – bachelor or master) and a unconscious accepting of the most typical attitudes towards higher education in general and to specific universities in particular. If a social actor has already chosen a certain educational strategy, he/she will act at the everyday level accordingly implementing certain educational practices (for example, he/she will regularly and intensively study or, on the contrary, skip classes). Thus, if the concept of “educational strategy” focuses on a perspective vision and analysis of the most typical learning forms of students in a particular society, then the concept of “educational practices” deals with everyday actions of social actors that implement appropriate educational strategies.

K. Fursov identifies eight forms of educational strategies, namely self-actualization strategy in the professional sphere, strategy of avoiding activity, development strategy, expert strategy, self-determination strategy, graduate education strategy, diploma investment strategy and strategy of a professional career. Their choice is determined by “the influence of such factors as university specialization, resources of a family, personal actions during studies” [13, p. 224]. E. Korbut considered three educational strategies – “getting a diploma”, “getting education” and “getting knowledge”. In our study, we analyze three types of educational strategies that relate to three life strategies described by T. Abulkhanova-Slavskaya, Y. Reznik and T. Reznik [10] – these are strategies of life well-being, social success and self-realization.

Let us start with the strategy of “investing in a diploma”, the most popular strategy in modern Ukrainian education, which is associated with the life strategy of material well-being. A student who has chosen this strategy is primarily focused not so much on gaining profound professional knowledge, not so much on self-improvement in a profession, but on acquiring an optimal (better to say, minimal) set of skills that can be invested in the future in his/her “workplace”. The student-investor sees the main

goal of his/her staying at the university in the accumulation of the required number of points needed to get an exam/credit for the studied disciplines, which, in turn, will be necessary in the future to just get a diploma. The content of the educational process itself is less important, he/she has no interest in learning. It will not be a mistake to define educational practices of a student investor as instrumental, since they manifest the attitude to education as a tool for getting a certain set of life benefits in the future, while education itself is regarded as a “subsidiary tool” for obtaining a profitable workplace. A diploma is perceived only as a mean for getting a prestigious social position in the future.

The instrumentalization of educational practices of student investors generates a specific attitude towards different subjects of the educational process – teachers, other students – who are perceived in the context of the value system of “bargains”. Relationships are established and maintained only with those of them who can ensure getting better (and more prestigious) signs of status superiority, whose symbolic, social or economic capital is the highest. As for educational practices of students-investors, they are characterized, on the one hand, by permanent boredom and fatigue, manifested in apathy and lack of interest in topics studied, and on the other hand, periodic energization of learning activities in those situations in which a student can get more points for a certain type of academic work.

If we talk about the student-investor’s psycho-type, then it is quite obvious that he/she is characterized by external attitudes, low achievement motivation and social infantilism, manifested in the unwillingness to take responsibility for the results of his/her own life activity. Social infantilism is characterized by a poorly developed subjectivity (inability to control and design one’s own life, “one day” existence, poor understanding of the fact that the author of one’s own destiny is not someone else, but him/herself), a consumer attitude towards life. A student who has chosen this strategy follows the life attitude of rational interest, relying not on his/her own strength and perseverance, not on cognitive activity, but on support provided by others (parents, sponsors or other subjects of the educational process).

According to the results of sociological research, the educational strategy of “investing in a diploma” is dominant in modern society. This is quite consistent with the thesis of J. Habermas on the instrumentalization

of life in the modern world [14]. For example, in the study “Value orientations and life plans of modern students”, conducted in 2012–2013 by scientists of the N. Karazin Kharkiv National University (3058 Ukrainian students, 628 Russian students, and 300 Belarus students were interviewed), it was found that “the most common type of modern student is a student who is not oriented toward mastering knowledge, but getting a diploma (about 60% of respondents), and who is not motivated to become a highly qualified professional in a chosen field. Such a student is distinguished by unpreparedness to intensive learning activities, the desire to save intellectual strength, academic dishonesty, the desire to transform the educational process into an entertainment program, the perception of an undeserved, including “purchased” grade as a norm, a low level of academic achievement” [11, p. 58]. Students-investors (or “pragmatists” as defined by L. Sokuryanskaya) are advocates of a utilitarian and mercantile attitude to life, a feature of which is the “poetization” of benefit and calculation in all contexts of social existence.

A less common form of educational strategies is the “career success strategy” (correlated with the life strategy of social success), a distinctive feature of which is the attitude to learning and higher education not just as an opportunity to get a diploma, but as an important step in making a professional career. Students-careerists are quite diligent ones, attentive to all educational tasks, showing rather high rates of educational activity. At the same time, they are not characterized by treating the profession as a vocation, as an opportunity for creative formation of their own personality, but only as a tool to achieve prestigious social positions. In contrast to student-investors, students-careerists are interested in getting the profession that they are studying at the university and which they are not going to change after receiving a diploma. Similarly to students-investors, students-careerists are characterized by an instrumental attitude to the education as a tool to get “assets” that do not coincide with the learning process itself.

For educational practices of “careerists”, it is not typical to engage in “here and now” interaction with teachers and other students, which is perceived rather as technology of accumulating symbolic signs of professionalism. Like “investors”, they are more interested in “external

stimulation” through assessments and accumulated points, rather than intrinsic motivation for self-development. We can conclude that in post-Soviet countries the percentage of “careerists” is about 20% (according to the results of the aforementioned study of L. Sokuryanskaya, “the most significant reasons for getting higher education for representatives of this cluster is to become a highly qualified specialist in a chosen field, to secure material well-being in the future, as well as the desire to improve social status and have a more prestigious position in society” [11, p. 58].

In the third educational strategy (the strategy of self-realization in the professional sphere), in contrast to the previous strategies, deconstruction of instrumentalist practices is carried out, which is combined with the communicativization of educational activities. For students who have chosen a strategy of self-realization, the main criterion for the quality of education is the opportunity to enjoy learning and the knowledge, the possibility of self-development and self-improvement within the chosen specialty. At the same time, these students seek to deepen their knowledge not only in their specialties, but also in related scientific fields, aiming at intellectual “self-expansion”, the acquisition of scientific erudition and versatility of knowledge. Students-creators are less interested in external “reinforcements” of educational activity (in reward through points or scholarships). They are much more stimulated by the subjective desire to “be” educated, “become” a high-class specialist, “get joy” from professional activities that indicates their high achievement, internality and social maturity [4; 8]. During classes, students-creators are actively involved in communicative interaction with a teacher and other students, being aimed at achieving truth and developing their own creative and original position on issues discussed. Their intention is not to overshadow other students with their own erudition, but to achieve an understanding of the problem that will be clear and obvious to all participants in the communication process. And in this sense, they realize the practice of reaching agreement, which, according to J. Habermas, is a sign of communicativeness [14, p. 199]. The cluster of student-creators, according to the results of the aforementioned study of L. Sokuryanskaya, accounts for about 20% of modern students in Ukraine, Russia and Belarus.

Hence, we have considered three educational strategies (the strategy

of “investing in a diploma”, the strategy of “career success” and the strategy of self-realization in the professional sphere), the first two of which are instrumental. Let us try to understand the reasons for this situation; why did instrumental educational practices become dominant in the post-Soviet society (as it was shown above, about 80% of students chose instrumental strategies of “investing in a diploma” and “career success”)? We have established three groups of factors that could contribute to such instrumentalization of the educational sphere.

Firstly, it is necessary to mention “technical” reasons that were the consequence of the higher education reform as a result of joining the Bologna process. In this context, the opinion of L. Sokuryanskaya is interesting. She drew parallels between the introduction of the unified state exam (in Ukraine – external independent testing) and the 100-point system for assessing students’ knowledge, on the one hand, and negative changes in the field of educational motivations of students on the other. “The introduction of external independent testing provoked an irresponsible attitude of students to those disciplines in which they are not tested. This led to a narrowing of the students’ outlook and erudition, a decrease in the intellectual potential of the students as future specialists; we are witnessing an increase in the irresponsibility of students; unfortunately, for most modern students not knowledge is important, but the points they receive for the performance of certain tasks” [11, p.58-59]. Such changes in educational practices form the habitus of minimalism in cognitive demands manifested in the orientation towards attaining the minimum of knowledge necessary for obtaining an optimal assessment and, as a result, generating an instrumental attitude towards education as a mean (and not as self-value).

Secondly, it is necessary to point out the presence of a semantic connection between the instrumental attitude to life and externalism, the essence of which is to impose responsibility for one’s own life, for one’s success/failure on people around or organizations, state or fate. The externalists are not inclined to make efforts to change their lives, to expand their self-consciousness and to deepen their understanding of educational or professional topics; they simply “go with the flow”. Since the externalist is alienated from active life, he/she develops an instrumental attitude to the world and to people, preferring to see in everything and everyone only

means which can be used with a large or less success. And, on the contrary, there is a semantic connection between internalism (characterized by an internal locus of control, a high level of life and social achievement and responsibility) and communicative practices aimed at gaining mutual understanding in different life situations [5; 7].

Students who choose the strategy of self-realization in the professional sphere are internalists with the prevailing communicative life attitudes; students who have chosen the strategy of “investing in a diploma” take external positions preferring instrumental life practices. It is possible to hypothesize that just externalists prevail among modern youth, and this is the reason why the most typical for modern students are the instrumental attitude to education. Indirectly, this hypothesis is confirmed by the results of a sociological all-Ukrainian monitoring conducted by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, according to which a significant percentage of Ukrainians (about 50%) believe that their life largely depends on external circumstances, while only 21.4% state that their life activities are more dependent on themselves” [12, p.491]. It can be assumed that among students one can observe similar proportions in the ratio of externalism-internalism.

Third, to explain the dominance of the “investing in a diploma” strategy, it is worth mentioning the deficit hypothesis proposed by R. Inglehart: for low-income societies, where survival values are on the agenda, material values become dominant. If a young man or woman has socialized in a situation of relative poverty, then they will assimilate (consciously or unconsciously) the material values that are typical for such societies. It can be concluded that in post-Soviet countries where the level of well-being of the population is not high enough, the material life-oriented strategies become quite expected. The fact that students are massively focused on instrumental practices of achieving material well-being (and much less often think about the issues of self-realization in their profession) is reflection (or refraction) of the social situation of “material wealth deficit”.

References

1. Астахова, Е. В. Гуманитаризация образования в условиях дегуманизации общества: противоречия, требующие осмысления. *Вчені записки ХГУ “НУА”*, 2011. Т. 17. С. 23–29.

2. Астахова, В. И. Становление новой образовательной парадигмы на рубеже веков. *Вчені записки ХГУ «НУА»*, 2004. Т. 10. С. 9–24.
3. Астахова, В. И. Академическая культура как фундамент формирования современного специалиста. *Вчені записки ХГУ «НУА»*, 2013. Т. 19. С. 21–39.
4. Батаева, Е. Когнитивные и метакогнитивные способности обучающихся в контексте смарт-образования. *Образование и наука (=The Education and Science)*. 2019. № 4(21). С. 36–59.
5. Батаева, Е. Условия коммуникативной солидарности в диверсифицированном обществе. *Гуманітарний часопис*, 2015. № 2. С. 12–18.
6. Bataeva, K. Communicative and instrumental models of educational process in modern philosophy and sociology of education. *Гуманітарний часопис*, 2016. No. 3, pp. 5–11.
7. Батаева, Е. Коммуникативные и инструментальные стратегии в системе высшего образования. *Вчені записки ХГУ «НУА»*, 2015. Т. 21. С. 279–289.
8. Батаева, Е. Актуальные проблемы социальной активности студентов. *Вчені записки ХГУ «НУА»*, 2018. Т.24. С. 57–68.
9. От коммуникативного действия к практикам деконструкции в современном образовании [под общ. ред. Батаевой Е.В.]. Харьков: Изд-во НУА, 2017. 204 с.
10. Резник, Т. 1996. Жизненное ориентирование личности: анализ и консультирование. *Социологические исследования*, № 6. С. 110–118.
11. Сокурская, Л. 2015. Реформування освітньої системи України як чинник трансформації функцій вищої школи. *Трансформація соціальних функцій образования в современном мире: материалы междунар. науч.-практ. конф.*, Харьков, 17–18 февр. Харьков: Изд-во НУА. С. 54–61.
12. *Українське суспільство 1992–2013*. 2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг. К.: Інститут соціології НАН України. 566 с.
13. Фурсов, К. 2006. Образовательные стратегии студентов на этапе выхода на рынок труда. *Статистика и социология образования*, № 2, pp. 222–239.
14. Хабермас, Ю. 2001. *Моральное сознание и коммуникативное действие*. СПб.: Наука. 382 с.

References

1. Astahova, E. V. (2011). Gumanitarizacija obrazovanija v uslovijah degumanizacii obshhestva: protivorechija, trebujushhie osmyslenija [Humanitarianization of education in the context of dehumanization of society: contradictions requiring understanding]. *Vcheni zapiski HGU "NUA"*, T.17. p.23–29.
2. Astahova, V. I. (2004). Stanovlenie novej obrazovatel'noj paradigmy na rubezhe vekov [The emergence of a new educational paradigm at the turn of the

century]. *Vcheni zapiski HGU «NUA»*, T.10. p.9–24.

3. Astahova, V. I. (2013). Akademicheskaja kul'tura kak fundament formirovanija sovremennogo specialista [Academic culture as the foundation for the formation of a modern specialist]. *Vcheni zapiski HGU «NUA»*, T.19. p.21–39.

4. Bataeva, E. (2019). Kognitivnye i metakognitivnye sposobnosti obuchaju-shhihsja v kontekste smart-obrazovanija [Cognitive and metacognitive abilities of students in the context of smart education]. *Obrazovanie i nauka*. № 4(21). p.36–59.

5. Bataeva, E. (2015). Uslovija kommunikativnoj solidarnosti v diversificirovannom obshhestve [The conditions of communicative solidarity in a diversified society]. *Gumanitarnij chasopis*, № 2. p.12–18.

6. Bataeva, K. (2016). Communicative and instrumental models of educational process in modern philosophy and sociology of education. *Humanitarian Journal*, No. 3, pp. 5–11.

7. Bataeva, E. (2015). Kommunikativnye i instrumental'nye strategii v sisteme vysshego obrazovanija [Communicative and instrumental strategies in higher education]. *Vcheni zapiski HGU «NUA»*, T.21. p.279–289.

8. Bataeva, E. (2018). Aktual'nye problemy social'noj aktivnosti studentov [Actual problems of social activity of students]. *Vcheni zapiski HGU «NUA»*, T.24. p.57–68.

9. *Ot komunikativnogo dejstvija k praktikam dekonstrukcii v sovremennom obrazovanii* [From communicative action to deconstruction practices in modern education] [pod obshh. red. Bataevoj E.V.]. Har'kov: izd-vo NUA, 2017, 204 p.

10. Reznik, T. (1996). Zhiznennoe orientirovanie lichnosti: analiz i konsul'tirovanie [Life orientation of the personality: analysis and counseling]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological studies], №6, p.110–118.

11. Sokurjanskaja, L. (2015). Reformuvannja osvith'oї sistemi Ukraїni jak chinnik transformacii funkcij vishhoї shkoli [Reform of the Ukrainian system of Ukraine as a part of the transformation of the functions of the school]. *Transformacija social'nyh funkcij obrazovanija v sovremennom mire: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, Har'kov, 17–18 fevr. Har'kov: Izd-vo NUA, p.54–61.

12. *Ukrains'ke suspil'stvo 1992-2013 [Ukrainian Society 1992-2013]*. (2013). Stan ta dinamika zmin. Sociologichnij monitoring. K.: Institut sociologii NAN Ukraїni. 566 p.

13. Fursov, K. (2006). Obrazovatel'nye strategii studentov na jetape vyhoda na rynek truda [Educational strategies of students at the stage of entering the labor market]. *Statistika i sociologija obrazovanija*, № 2, pp.222–239.

14. Habermas, J. (2001). *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie [Moral Consciousness and Communicative Action]*. SPb. : Nauka. 382 p.

УДК 303.687:304.44 (043)

<http://doi.org/10.5281/zenodo.3707884>*М. В. Бірюкова*

СУЧАСНІ ТЕХНОЛОГІЇ ФОРМУВАННЯ РЕГІОНАЛЬНОГО ОСВІТНЬОГО ПРОСТОРУ

У статті проведено ретроспективний аналіз впровадження соціальних технологій в освітній простір регіону. Виявлено особливості сучасного розвитку освіти в межах глобальних й локальних процесів. Сформульовано, що соціальні технології перманентно ініціюються й впроваджуються в освітній простір. Технології супроводжують нелінійність соціальних процесів, мінімізують ризики й забезпечують функціонування соціальних об'єктів в межах обмеження ресурсів. Досліджено етапи розвитку освіти України відповідно до специфіки впровадження технологій. Визначено, що специфіка сучасного етапу розвитку освіти пов'язана з розгортанням процесів глобалізації, глокальності та аутсорсінгу. Визначено, що сучасний етап розвитку освітнього простору пов'язано зі створенням різноманітних мережевих структур.

Виявлено, що сучасні технології формування регіонального освітнього простору спрямовано на, по-перше, створення великих освітніх комплексів; по-друге, створення укрупнених регіональних професійних коледжів і ліцеїв на основі об'єднання, реорганізації та злиття освітніх установ; по-третє, створення міжміських освітніх комплексів в малих містах і сільських районах з включенням вечірньої школи, навчального центру служби зайнятості, бібліотек, професійних училищ та ін.; по-четверте, створення корпоративних освітніх комплексів у формі освітніх організацій на основі горизонтальної (змістовний компонент навчальної діяльності) і організаційної (спільні структури управління) інтеграції освітніх установ і соціальних партнерів; й наприкінці, збереження, зміцнення і ресурсна підтримка унікальних, видатних і соціально спрямованих навчальних закладів.

Ключові слова: соціальні технології, освітній простір, регіон, мережеві освітні структури.

Бірюкова М. В. Современные технологии формирования регионального образовательного пространства

В статье проведен ретроспективный анализ внедрения социальных технологий в образовательное пространство региона. Выявлены особенности

современного развития образования в пределах глобальных и локальных процессов. Сформулировано, что социальные технологии permanently инициируются и внедряются в образовательное пространство. Технологии сопровождают нелинейность социальных процессов, минимизируют риски и обеспечивают функционирование социальных объектов в пределах ограничения ресурсов. Исследованы этапы развития образования Украины в соответствии со спецификой внедрения технологий. Определено, что специфика современного этапа развития образования связана с развертыванием процессов глобализации, глокальности и аутсорсинга. Определено, что современный этап развития образовательного пространства связано с созданием различных сетевых структур.

Выявлено, что современные технологии формирования регионального образовательного пространства направлены на, во-первых, создание крупных образовательных комплексов; во-вторых, создание укрупненных региональных профессиональных колледжей и лицеев на основе объединения, реорганизации и слияния образовательных учреждений; в-третьих, создание междугородных образовательных комплексов в малых городах и сельских районах с включением вечерней школы, учебного центра службы занятости, библиотек, профессиональных училищ и др.; в-четвертых, создание корпоративных образовательных комплексов в форме образовательных организаций на основе горизонтальной и организационной интеграции образовательных учреждений и социальных партнеров; и наконец, сохранение, укрепление и ресурсная поддержка уникальных учебных заведений.

Ключевые слова: социальные технологии, образовательное пространство, регион, сетевые образовательные структуры.

Biryukova Marina. Modern Technologies of Formation of the Regional Educational Space

The article contains a retrospective analysis of the introduction of social technologies in the educational space of the region. The features of the modern development of education within the global and local processes are revealed. It is stated that social technologies are permanently initiated and introduced into the educational space. Technologies accompany non-linearity of social processes, minimize risks and ensure the functioning of social objects within the limits of resources. The stages of Ukrainian education development are investigated in accordance with specifics of technology implementation. It is determined that the specificity of the modern stage of education development is associated with

deployment of globalization, glocalization and outsourcing. It is determined that the current stage of development of educational space is associated with creation of various network structures.

It has been revealed that modern technologies for the formation of regional educational space are aimed at, firstly, creation of large educational complexes; secondly, creation of integrated regional professional colleges and lyceums on the basis of integration, reorganization and merger of educational institutions; thirdly, creation of inter-city educational complexes in small cities and rural areas, including an evening school, an employment service training center, libraries, vocational schools, etc.; fourth, creation of corporate educational complexes in the form of educational organizations on the basis of horizontal and organizational integration of educational institutions and social partners; and finally, preservation, strengthening and resource support of unique educational institutions.

Key words: social technologies, educational space, region, network educational structures.

Постановка проблеми. Сучасні темпи зміни світу, перманентне реформування всіх складних складових суспільства, в тому числі й освіти як істотного чинника зростання сумарного соціального капіталу країни й цивілізації в цілому утримує високий ступень інтересу до впровадження технологій модернізації не тільки змісту освіти, а й самої системи в певному соціокультурному просторі – регіоні. Іншими словами, ускладнена онтологія сучасного суспільства породжує необхідність модернізації самого інституту освіти та оновлення підходів до дослідження питань функціонування та розвитку освіти, адже рівень виробництва і поширення знань, уміння їх використати є вирішальним джерелом суспільного розвитку країни у сучасному світі.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. В той же час в сучасна соціологія активно здійснює системний моніторинг особливостей розвитку освіти як світової, так і вітчизняної. Ми в своїх роботах, починаючи з кінця 90-х років минулого століття й до сих пір, досліджували ці питання [1–4]. Вивченню освітнього потенціалу та розробці теоретичних моделей регіональної освіти присвячено роботи Дж. Александера, Д. Коулмана, Т. Парсонса, М. Арчер, Дж. Флауда, які надали важливий вплив на становлення і розвиток теоретичних основ інституту освіти, в тому числі на його регіональний аспект. Проблеми функціонування регіональної системи освіти в Україні

отримали розвиток в роботах В. Астахової, В. Городяненко, І. Кононова, П. Куделі. Але й досі залишаються предметом полеміки питання щодо необхідності відокремлення в дослідженнях саме регіонального аспекту модернізації системи освіти, це по-перше, й по-друге це систематизація технологій управління освітою й формалізація їх особливостей.

Мета статті – на основі ретроспективи власних досліджень щодо впровадження соціальних технологій модернізації системи освіти регіону визначити особливості сучасних технологій.

Основні результати дослідження. Перше, що ми спостерігаємо й визначаємо в сучасних технологіях реструктуризації регіональних систем освіти – це їх перманентність. Лавина технологій, яка стрімко впроваджується в різноманітні соціальні структури, що підвищує ступень невизначеності, нелінійності розвитку сучасних соціальних процесів, мінімізує ризики та забезпечує функціонування соціальних об'єктів в межах обмеження ресурсів. Як зазначає З. Бауман, «для наших днів найбільш характерна раптова популярність множини ... Сьогодні ми живемо проектами, а не Проектом» [5, с. 73] й можна продовжити не технологією, а технологіями. В цілому, постмодерн впливає на принципи розробки технологій, в яких все більшою мірою переважають варіативність, регіоналізація і локалізація, прагнення до створення «малих» проектів.

Кожен регіон має особливу конфігурацію і поєднання різноманітних потенціалів свого розвитку, є своєрідним середовищем концентрації певного соціального і людського капіталу і породжених ними технологій взаємодії з внутрішніми і зовнішніми партнерами, що вимагає вибору адекватних соціальних проектів щодо розвитку як регіону, так і його складових, з урахуванням специфіки регіону як останнього етапу переходу до процесу інтенсивного формування соціальних мереж або розвитку регіональних процесів і впровадження різноманітності ініціатив.

З іншого боку, процеси, що сьогодні ж відбуваються в Україні, обумовлюють пошук і застосування соціальних технологій нового проектного характеру щодо формування й модернізації регіонального освітнього простору. Сучасні технології все частіше враховують

питання щодо структурних змін регіонального освітнього простору, здатних його модернізувати відповідно до нового етапу розвитку суспільства, глокальних, що дають можливість враховувати регіональні особливості функціонування об'єктів в період агресивної глобалізації, самоорганізацій, сприяючих розвитку громадянського суспільства, і проектних, дозволяючих реалізовувати випереджаючий розвиток.

Ми вважаємо, що система освіти виступає суб'єктом й об'єктом соціальних трансформацій, за своєю структурою вона насичена соціальними партнерами й підтримує динамічний взаємозв'язок з середовищем, за своєю природою вона націлена на вибудування перспективних цілей.

Історія розвитку системи освіти – це історія розвитку технологій, які застосовувалися для вдосконалення освітніх процесів навчання та виховання, для модернізації діяльності освітніх установ, оптимізації управлінських засад та розробки інноваційних експериментів. В історії розвитку системи освіти сучасної України ми визначили чотири етапи її реформування на основі впровадження різноманітних технологій. Так, 1990–1995 рр. – це етап запуску реформ, 1995–2005 рр. – перехідний етап, 2005–2025 рр. – інноваційно-технологічний (проектно-експериментальний та впроваджувальний) етап освітньої реформи. Сучасний етап начала XXI століття в просуванні проектів розвитку освіти характеризується злитістю, невід'ємністю теорії від практики. В ході реалізації проектного підходу до проблеми розвитку освіти уточнена пріоритетність громадської домінанти в дихотомії державних і громадських стратегій.

Специфіка сучасного етапу розвитку освіти, на наш погляд, пов'язана з розгортанням процесів глобалізації, глокальності та аутсорсінгу. Окрім вказаних не менш значимі наступні тенденції розвитку освіти: фінансова криза; виникнення нових методів організації системи; перманентне реформування освіти; розширення ініціативи, автономії у боротьбі з ієрархічною бюрократичною моделлю суспільства в цілях кращого задоволення потреб особи; академічна мобільність; різке зростання пропонованих додаткових освітніх послуг; адаптація систем освіти до ринкового попиту. Усі ці тенденції в тій чи іншій мірі

торкнулися системи освіти України, її змістовних, організаційних і структурних аспектів.

Освіта України, відбиваючи загальносвітові тенденції розвитку, у кінці ХХ на початку ХХІ століття перебуває під впливом серйозних трансформацій, багато з яких було пов'язано з економічними реформами, що відбувалися в країні. Проте після закінчення більше двох десятиліть років незалежності в Україні назріла необхідність дозволу дисбалансу економічної і соціальної політики в системі освіти, що може послужити трансформаційним поштовхом до виходу України з кризи і поступального розвитку.

Відповідаючи на історичний виклик часу, здійснюється пошук оптимального проекту освіти, в якій вже не домінує дискусія про форми приватної або (і) державної, а розробляються нові соціальні технології розвитку системи, її саморозвитку.

Істотною особливістю сучасних технологій формування регіонального освітнього простору України є прагнення до створення гнучкої, цілеспрямованої, ефективної системи державно-громадського управління на державному, регіональному, міських рівнях і в освітній установі. Це технології забезпечують поступальне звуження державного контролю (центральне управління) з одночасним розширенням основ громадського самоврядування (зростання самостійності навчальних закладів). Це спричиняє за собою розробку відповідних проектів, пошук ефективних способів модернізації управлінської діяльності, переведення її на рівень зменшення контролю, директивного втручання і підвищення науково-методичних, прогностичних, експертних, інформаційних, координаційних функцій.

Також ми спостерігаємо ускладнення структури сучасного регіонального освітнього простору (поява нових закладів освіти, створення освітніх мереж в системі існуючого навчального закладу (курси для людей старшого віку, курси іноземних мов, музикальні й спортивні школи, клуби за інтересами, які залучають не тільки учнів й студентів, а й їх батьків, родичів, знайомих). Такі технології корегують з посиленням її суб'єктності, тобто освітою ініціюється не тільки зміни суспільства, культури поколінь та окремої особистості, а й в рамках освіти виникають потенції щодо саморозвитку та самомодернізації,

в тому числі й структурної. Таким чином, можна зафіксувати, що освіта набуває якостей полісуб'єктності. Тобто, в освіті поширюються дослідницькі, експериментальні та інноваційні практики. З іншого боку, сучасний регіональний освітній простір складається з великої кількості закладів, які усвідомлюючи власну автономність й суб'єктність, готові для розробки власних проєктів.

Сучасна освіта має певні екстраполяції. А саме, розвиток неформальної й безперервної освіти, самоосвіти, актуалізація індивідуалістичного та випереджального характеру освіти, реструктуризація й перехід від репродуктивної освіти до продуктивної. Саме ці екстраполяції дають нам змогу підкреслити людиномірність освіти як об'єкту проєктування, її праксиологічний потенціал, інваріантність в здійсненні як державних стратегій розвитку, так і регіональних і локальних.

Обґрунтовано, що загальні характеристики соціальних проєктів нового етапу розвитку освіти базуються та відображають принципи праксиології та критерії соціального проєктування, заснованого на суб'єктно-праксиологічній концепції. А саме, такими характеристиками стають: фрагментарність – етапність, поступовість, еволюційність застосування практисів управління; контекстність й глокальність – урахування специфіки і власних траєкторій (можливостей) розвитку різних регіонів, ланок системи освіти, освітніх установ, нетотальність застосування тих або інших технологій; соціальне партнерство – суспільний договір, заснований на взаємодії чотирьох ведучих суб'єктів реформи: уряд (освітнє відомство), наука, громадськість, освітнє співтовариство; та зв'язаність впроваджуваних проєктів із загальним ходом вітчизняних економічних і соціальних реформ (ідеологія цих реформ, і передусім – в соціальній сфері, виявляється засадничою для реформування системи освіти).

В цілому, сучасні технології формування регіонального освітнього простору спрямовано на:

- створення великих освітніх комплексів;
- створення укрупнених регіональних професійних коледжів і ліцеїв на основі об'єднання, реорганізації та злиття освітніх установ;
- створення міжміських освітніх комплексів в малих містах і

сільських районах з включенням вечірньої школи, навчального центру служби зайнятості, бібліотек, професійних училищ та ін.;

- створення корпоративних освітніх комплексів у формі освітніх організацій на основі горизонтальної (змістовний компонент навчальної діяльності) і організаційної (спільні структури управління) інтеграції освітніх установ і соціальних партнерів;
- збереження, зміцнення і ресурсна підтримка унікальних, видатних і соціально спрямованих навчальних закладів.

Висновки. Стратегічною метою системи генерації та поширення сучасних технологій формування освітнього простору з урахуванням регіональних особливостей виступає оптимальне поєднання державних і суспільних засад в інтересах особистості, суспільства і держави.

Конструктивні технології самоорганізації та соціального партнерства дають регіону можливість самодобудування та гармонізації складної системи. Система освіти регіону стає активно адаптивною і використовує метод мережевих структур, що спричиняє певну реструктуризацію системи освіти регіону на принципах кластерного підходу.

Досить лише збудити дію внутрішніх партнерів, і, передусім, освіти як системотворного елементу середовища регіону, і система сама побудує необхідну структуру. Треба тільки знати потенційні можливості цього середовища і способи їх стимуляції. Таким має бути пануюча технологія управління функціонуванням і розвитку освіти регіону.

Список літератури

1. Бірюкова М. В. Регіональний ринок освітніх послуг // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2000. – Т. 6. – С. 77–83.
2. Бірюкова М. В. Специфіка формування регіонального освітнього простору: соціологічний підхід // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків : Вид-во НУА, 2003. – Т. 9. – С. 58–64.
3. Бірюкова М. В. Технології функціонування системи профорієнтації в умовах ринку // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків : Вид-во НУА, 2004. – Т. 10. – С. 175–185.
4. Бірюкова М. В. Інноваційний підхід до управління освітою регіону / М. В. Бірюкова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків : Вид-во НУА, 2005. – Т. 11 – С. 135–142.

5. Бауман З. Спор о постмодернизме / З. Бауман // Социол. журн. – 1995. – № 4. – С. 70–75.

6. Donchenok L. A. Smart-obuchenie: osnovnye principy organizacii uchebnogo processa / Donchenok L. A., Nevostruev P. Yu. // Ekonomicheskie nauki. – № 46. – P. 216–218.

References

1. Biryukova, M. V. (2000). Rehionalnyy rynek osvritnikh posluh [The Regional Market for Educational Services]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, Harkov, V. 6, pp. 77–83.

2. Biryukova, M. V. (2003). Spetsyfyka formuvannya rehionalnoho osvritnoho prostoru: sotsiologichnyy pidkhdid [Specificity of the formation of a regional educational space: a sociological approach]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, Harkov, V. 9, pp. 58–64.

3. Biryukova, M. V. (2004). Tekhnolohiyi funktsionuvannya systemy proforiyentatsiyi v umovakh rynku [Technologies of functioning of the system of professional orientation in the market conditions]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, Harkov, V. 10, pp. 175–185.

4. Biryukova, M. V. (2005). Innovatsiyyny pidkhdid do upravlinnya osvitoyu rehionu [Innovative approach to regional education management]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, Harkov, M. 11, pp. 135–142.

5. Bauman, Z. (1995). Spor o postmodernyzme [The controversy about postmodernism]. *Sotsiologicheskyy zhurnal*, 4, pp. 70–75.

6. Donchenok, L.A., Nevostruev, P.Yu. (2008). Smart-obuchenie: osnovnye principy organizacii uchebnogo processa [Smart learning: the basic principles of the educational process]. *Ekonomicheskie nauki*, 46, pp. 216–218.

УДК 37.063:331.548

<http://doi.org/10.5281/zenodo.3707888>*Е. В. Бирченко*

РОЛЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ ВЫПУСКНИКОВ В УСЛОВИЯХ НЕПРЕРЫВНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СФЕРЫ ЗАНЯТОСТИ

В статье рассматриваются проблемы оптимизации профессионального самоопределения выпускников вузов в условиях конкурентного трудоустройства. На его успешность влияет совокупность объективных и субъективных факторов. Интеграция выпускников в сферу занятости определяется состоянием и развитием социальных институтов высшей школы и рынка труда. Состояние неопределенности и постоянных трансформаций рынка труда требуют не только соответствующей рефлексии системы профессиональной подготовки специалистов, но и специальной образовательной деятельности в высшей школе, оптимизирующей первичное трудоустройство выпускников. Показана необходимость создания комплекса механизмов адаптации будущих молодых специалистов к свободному и самостоятельному выбору на конкурентном рынке труда.

На основе опубликованных ранее в Ученых записках НУА и других научных изданиях материалов проанализированы научные и практические подходы, достижения и проблемы Народной украинской академии в организации системы наращивания конкурентного потенциала выпускников и успешной реализации его в первичном трудоустройстве. Охарактеризован опыт функционального многообразия деятельности лаборатории планирования карьеры, действенности «системы сопровождения выпускников», влияния культурно-образовательной среды вуза на формирование профессионально-личностных качеств выпускников, потенциал их субъектной активности, отвечающих запросам инновационной экономики, модернизации украинского социума.

Отмечены проблемы, сдерживающие факторы процесса профессиональной самореализации выпускников вузов.

Ключевые слова: рынок труда, высшая школа, первичное трудоустройство выпускников, профессиональное самоопределение, система сопровождения выпускников

Бірченко О. В. Роль вищої школи в професійному самовизначенні випускників в умовах безперервної трансформації сфери зайнятості

У статті розглядаються проблеми оптимізації професійного самовизначення випускників ВНЗ в умовах конкурентного працевлаштування. На його успішність впливає сукупність об'єктивних і суб'єктивних факторів. Інтеграція випускників в сферу зайнятості визначається станом і розвитком соціальних інститутів вищої школи і ринку праці. Стан невизначеності і постійних трансформацій ринку праці вимагають не тільки відповідної рефлексії системи професійної підготовки фахівців, а й спеціальної освітньої діяльності у вищій школі, що оптимізує первинне працевлаштування випускників. Показано необхідність створення комплексу механізмів адаптації майбутніх молодих фахівців до вільного і самостійного вибору на конкурентному ринку праці.

На основі надрукованих раніше у Вчених записках НУА і інших наукових виданнях матеріалів проаналізовано наукові і практичні підходи, досягнення і проблеми Народної української академії в організації системи посилення конкурентного потенціалу випускників та успішної реалізації його в первинному працевлаштуванні. Охарактеризований досвід функціонального різноманіття діяльності лабораторії планування кар'єри, дієвості «системи супроводу випускників», впливу культурно-освітнього середовища ВНЗ на формування професійно-особистісних якостей випускників, потенціал їх суб'єктної активності, що відповідають запитам інноваційної економіки, модернізації українського соціуму.

Відзначено проблеми, фактори, що стримують процес професійної самореалізації випускників ВНЗ.

Ключові слова: ринок праці, вища школа, первинне працевлаштування випускників, професійне самовизначення, система супроводу випускників

Birchenko Yelena. The Role of Higher School in Graduates' Professional Identity in Conditions of Continuous Transformation of the Employment Sector

The article deals with problems of professional identity optimization among graduates of higher educational establishments in conditions of competitive job placement. The total of objective and subjective factors impacts the successfulness of such an identity. Graduates' integration to the employment sector is defined by the situation and development of social institutions of higher school and labour market. The state of uncertainty and constant transformations of labour market demand both appropriate reflection on the system of specialists' professional training, and special educational activities in higher school, also, which optimizes graduates' primary job placement. The necessity of creating a set of adaptation

mechanisms for future young specialists in order to ensure their free and independent choice at the competitive labour market has been shown.

Based on the materials, published earlier in 'Vcheni Zapysky' of the PUA and other scientific publications, scientific and practical approaches, achievements and problems of People's Ukrainian Academy in organizing a system of growing graduates' competitive potential and its successful implementation in primary job placement have been analyzed. The experience of functional variety of activities of career planning laboratory, of the efficiency of 'graduates' tracking system', of the impact of cultural and educational environment of a higher educational establishment on the development of graduates' professional and personal qualities, the potential of their subjective activity, which correspond to the demands of innovational economics, modernization of Ukrainian social environment, has been characterized.

Problems and constraints of professional identity process among graduates of higher educational establishments have been considered.

Key words: labour market, higher school, graduates' primary job placement, professional identity, graduates' tracking system.

Постановка проблемы. Успешная профессиональная самореализация выпускников высшей школы в послевузовском трудоустройстве является одним из ключевых факторов высокого уровня задействованности человеческого капитала, который становится важным аргументом конкурентоспособности постиндустриального общества.

Человеческий капитал как форма интеллектуальных способностей и практических навыков накапливается в процессе образовательной и практической деятельности. В соответствии с концепцией Г. Беккера и Т. Шульца человеческий капитал – это приобретенные знания, навыки, а инвестиции в него – затраты на получение образования, квалификации, воспитания и т. п. Эти ресурсы и определяют рост благополучия нации и государства, социальную динамику общества.

В данном контексте полноценная интеграция выпускников вузов в профессионально-трудовую сферу является важнейшим источником обновления в системе трудового воспроизводства.

На успешность реализации своего профессионального выбора будущими молодыми специалистами на рынке труда после завершения обучения в вузе влияет сложная совокупность внешних и внутренних регуляторов. Главным объективным фактором, существенным

образом воздействующим на реализацию профессионально-трудовых планов и предпочтений выпускников вузов, являются процессы модернизации украинского общества, взаимовлияния институтов рынка труда и высшего образования и мировоззренческая, поведенческая рефлексия выпускников на них. Кроме этого, их успешное трудоустройство сегодня во многом детерминировано внутренними регуляторами – интересами, потребностями, ценностями данной категории молодежи, ее социальными ресурсами.

В этой связи повышается роль высших учебных заведений в усилении конкурентоспособности выпускников на рынке труда. Сегодня зона ответственности высшей школы включает в себя не только обеспечение качества профессиональной подготовки, формирование компетенций, востребованных сферой занятости, но и создание комплекса механизмов адаптации будущих молодых специалистов к свободе выбора на конкурентном рынке труда, способных осуществлять самостоятельные экономические действия.

Изучение закономерностей развития рынка труда, его взаимодействия с институтом образования, проблем профессиональной самореализации выпускников высших учебных заведений, разработка системы их трудоустройства, интегрированной в систему образовательной деятельности вуза является актуальной комплексной исследовательской задачей.

Цель статьи – обобщенный анализ теоретических и практических наработок в Народной украинской академии в области исследования проблем профессионального самоопределения выпускников вуза в условиях непрерывной трансформации сферы занятости как интегративном критерии качества подготовки специалистов в высшей школе.

Основные результаты исследования.

Материалы исследования дают пищу для размышлений и поиска новых, более эффективных подходов в оптимизации послевузовского профессионального самоопределения выпускников, повышении роли вуза в стимулировании их социальной субъектности, постоянной поддержке их профессиональных компетенций в течение всего активного периода трудовой деятельности на основе непрерывного образования.

Данная проблема может решаться в широком аналитическом поле, т.к. оптимизация послевузовского трудоустройства предполагает изучение комплекса факторов, влияющих на него. Это, прежде всего мониторинг ситуации на рынке труда, положения выпускников вузов на нем и поиск механизмов, направленных на повышение конкурентоспособности молодых специалистов с высшим образованием. Исходя из такого подхода, исследовательская деятельность созданной в НУА лаборатории планирования карьеры, кафедры социологии проводилась по следующим направлениям:

- изучение рынка труда, его профессионально-квалификационной структуры, динамики ее развития;
- анализ статистических данных о первичном трудоустройстве выпускников НУА, выявление его особенностей и дальнейшее отслеживание карьерных стратегий выпускников;
- разработка и реализация системы адаптации к конкурентным условиям трудоустройства, стимулирования их социальной субъектности в ситуации свободного выбора на рынке труда;
- развитие сотрудничества с работодателями, выпускниками как стэйкхолдерами высшего учебного заведения, которые являются стратегическим ресурсом повышения его конкурентного потенциала, престижа и имиджа.

Современный рынок труда предъявляет высокие требования к конкурентоспособности выпускников вузов, интегрирующихся в сферу занятости. Рынок труда развивается относительно автономно и потому его воздействие на начало самостоятельной трудовой жизни молодых специалистов весьма противоречиво и усложняет этот процесс.

Вот почему анализ статистических материалов особенностей первичного трудоустройства и занятости выпускников становится отправной точкой выстраивания оптимизации процесса их профессионального самоопределения после завершения обучения.

Уже в первых публикациях, начиная с середины 90-х гг., «Высшее образование и рынок труда: новые условия и новые запросы», «Молодежь с высшим образованием на рынке труда: общегосударственный и региональный аспекты анализа», «Высшая школа и рынок

труда: новые вызовы взаимодействия» отмечалось, что главным ответом на влияние новых технологий и растущей глобализации стало повышение уровня образования, улучшение профессиональной подготовки рабочей силы, что не могло не сказаться на глубинных изменениях структуры и качества занятости. В отраслевой структуре рабочей силы произошел глобальный сдвиг: из отраслей материального производства – в сферу производства услуг. Постоянно увеличивается доля занятых преимущественно интеллектуальным трудом, а также работников, имеющих высшее образование.

Вместе с тем определялось, что на рынке труда Украины как части трансформирующейся общенациональной экономики формируются свои специфические условия, во многом затрудняющие процессы трудоустройства выпускников высшей школы. К ним были отнесены такие:

1. Нерациональная структура занятости (преобладание сектора традиционных отраслей промышленного производства).

2. Преобладающий рыночный спрос на работников низкого и среднего уровней квалификации.

3. Отсутствие должного развития и повышения профессиональной, территориальной и отраслевой мобильности рабочей силы.

4. Различие потребностей и ожиданий выпускников с высшим образованием и работодателей.

5. Активизация процессов трудовой миграции высокоинтеллектуальной части рабочей силы и достаточно высокий уровень безработицы среди молодежи.

Современный анализ процессов трансформации национального рынка труда выявляет, к сожалению, незначительные позитивные изменения в профессионально-квалификационной структуре занятости. Специалисты, характеризуя рынок труда, квалифицируют его как депрессивный, где продолжают доминировать секторы занятости в обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве, низко технологические рабочие места, повышенный спрос на работников средней квалификации, устойчивая низкая мобильность.

Таким образом, результаты доходности инвестиций в образование являются неоднозначными. Например, молодые люди со средним

общим образованием имели больший шанс получить заработную плату, что соответствует средним значениям в стране, чем молодые специалисты с высшим образованием. Низкая заработная плата является основной причиной стремления молодых специалистов изменить текущую работу, 31,5% из них хотели бы найти новую [5, с. 3].

Больше всего сменивших первую работу было среди самых массовых групп, получивших специальности в экономике и управлении, образовании и педагогике, а также по гуманитарным специальностям.

- По данным Института демографии и социальных исследований им. М. В. Птухи НАН Украины, структура образования по направлениям подготовки остается несбалансированной с текущими и предполагаемыми потребностями рынка труда. В частности, сохраняется тенденция к росту доли молодых специалистов, которые получают подготовку в области общественных наук, бизнеса и права, на фоне сокращения изучения естественных и технических наук.

- Украинская молодежь занята преимущественно в сфере услуг (67,1%), причем чаще это молодые женщины, чем мужчины (81,6 против 57,2%, соответственно). Большинство молодых людей работали по высоким и средним квалификациям: как профессионалы – 22,8%, работники сферы торговли и услуг – 18,4%, специалисты – 14,6% [5, с. 3].

Проблемой остается соответствие квалификации и профессии. Соответствие квалификации и профессии характерны только для 48,9 % занятого населения, что свидетельствует о недостаточной эффективности использования образовательно-профессионального компонента человеческого капитала. Около трети занятых имеют чрезмерную квалификацию, каждый четвертый – недостаточную [4, с. 154].

Самый высокий уровень избыточного образования характерно для молодежи, которая выполняет работу по самым простым профессиям (96,7%). Причем 40,2% молодых людей, занятых по самым простым профессиям, имеет диплом о высшем образовании. Далее по убыванию веса избыточности образования располагаются группы технических служащих (71,8%), специалистов (48,7%) и работников сферы торговли и услуг (32,1%) [4, с.51].

К числу негативных факторов полноценной интеграции выпускников вузов относится также сохраняющийся высокий уровень неформальной занятости, что является реакцией на более высокий уровень безработицы по сравнению со специалистами, имеющими опыт работы. Уровень безработицы является гораздо более высокими у 20–24-летних выпускников, и существенно снижается к 25–29 (и далее) годам, свидетельствуя о наибольших проблемах трудоустройства сразу по окончании дневной формы обучения в вузах.

К позитивным тенденциям можно отнести рост занятости в ИТ-сфере, медицине, фармации, банках и финансовых услугах, что, безусловно, требует соответствующей рефлексии в профессиональной подготовке специалистов.

Исследование динамики занятости, тенденций ее трансформации, а также первичного трудоустройства выпускников вуза (особенности поиска и получения первого рабочего места, степень его соответствия полученной специальности и уровню квалификации, перспективы карьерного роста) в реалиях современного рынка труда – необходимый компонент выстраивания такой образовательной деятельности, которая полностью оправдывала бы инвестиции в человеческий капитал.

Уровень и качество трудоустройства является конечным итогом, критерием результативности образовательной деятельности. Они являются показателем эффективного использования профессионального и личностного потенциала молодого специалиста, поскольку нетрудоустроенный выпускник – это зря потраченные ресурсы и студента, и учебного заведения.

Такой взгляд диктует особую ответственность учебного заведения по подготовке выпускников к трудоустройству, к созданию фундамента для построения их будущей карьеры.

Высшее учебное заведение, определяя свою роль в решении проблем трудоустройства выпускников, имеет все возможности в течение всех лет обучения обеспечить студентам тесный контакт с работодателями, организуя различные виды практики, в культурно-образовательном пространстве вуза создавать условия формирования необходимых личностных качеств и компетенций, научить техно-

логиям успешного трудоустройства и др., то есть максимально оптимизировать процесс реализации своего профессионального выбора после получения высшего образования [1, с. 4].

Народная украинская академия, демонстрируя свой мощный инновационный потенциал, одно из первых высших учебных заведений в Украине стала осваивать новое направление образовательной деятельности, связанное с оптимизацией послевузовского профессионального самоопределения выпускников, обучением их активным стратегиям поиска работы, конкретной помощью в трудоустройстве, тем самым смягчая последствия острой конкуренции на рынке труда для молодых специалистов без опыта работы.

Руководство университета было инициатором создания одного из первых в стране структурного вузовского подразделения – лаборатории планирования карьеры, которое за 23 года своего существования накопило заслуживающий внимания опыт трансформации его из учебно-вспомогательного подразделения в многофункциональную структуру с широкими возможностями научного поиска и анализа.

Многофункциональность лаборатории планирования карьеры, которая сформировалась благодаря постоянному научному поиску, анализу практик и опыта данной деятельности, позволила осуществлять комплексное влияние на цепочку «конкурентоспособность выпускника – успешное трудоустройство». Она включала организацию непрерывной практической подготовки на протяжении всех лет обучения, систему специальной подготовки студентов к трудоустройству, систему сопровождения выпускников.

Деятельность лаборатории планирования карьеры по оптимизации процесса послевузовского трудоустройства выпускников путем усиления их профессионально-личностного потенциала, ее характеристика, достижения и проблемы нашли отражение в аналитических материалах «Вузовские центры карьеры в системе связи карьерный ресурс – успешное трудоустройство выпускников», «Эвристический потенциал функционального многообразия центров карьеры вузов», опубликованных в Ученых записках Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» [2]. Апробацию новый вид обра-

зовательной деятельности прошел также на целом ряде научно-практических конференций в вузах Украины.

Данная деятельность обеспечивает достаточно эффективную послевузовскую занятость. Многолетний мониторинг трудоустройства выпускников НУА отражает реальную ситуацию их послевузовской занятости. И она показывает, что задачу обеспечения выпускников первым рабочим местом вуз выполняет. С учетом текущей конъюнктуры рынка труда трудоустройство выпускников в разные годы колеблется от 66% до 77%. По данным ЛПК, практически у всех первое рабочее место связано со специальностью, полученной в НУА. Около половины рабочих мест выпускников обеспечены НУА благодаря сотрудничеству со многими ведущими предприятиями региона [1, с. 70]. Однако следует констатировать, что при этом сохраняется проблема достаточно низкой мотивации старшекурсников и выпускников к самостоятельным стратегиям поиска работы.

Важным источником новых возможностей комплексного и разнообразного влияния на результативность трудоустройства стало развитие связей с выпускниками. Из контактов с выпускниками вырос целый спектр направлений работы, получивший развитие в лаборатории и вышедший на сферу деятельности многих вузовских структур.

Следует подчеркнуть, что реализация концепции «системы сопровождения выпускников» на протяжении многих лет в Народной украинской академии создает возможности постоянной поддержки конкурентного потенциала выпускников на рынке труда. В тоже время вуз через контакты с выпускниками как с носителями живого опыта интеграции образования с хозяйственной, социальной, духовной практикой общества обогащает их знаниями и опытом содержательную основу образовательного процесса.

Функционирующая с 1997 г. Ассоциация выпускников Народной украинской академии стимулирует системные и самостоятельные начала в контактах с выпускниками. Ее кураторство осуществляет лаборатория планирования карьеры. Ассоциация выпускает «Альманах выпускника», достаточно активно участвует в поддержании традиций НУА, заметно присутствует в учебно-воспитательном процессе (мастер-классы, практические спецкурсы, Бизнес-клуб,

Школа предпринимательства для школьников и др.), оказывает помощь в производственной практике и трудоустройстве студентов, проводит досуговые мероприятия, встречи, собрания.

В настоящее время в работе Ассоциации выпускников появились новые направления работы. Значительно расширилась практика участия выпускников в проектах развития НУА. Участие в осуществлении благотворительных и социальных программ стало механизмом укоренения и воспроизведения ценностей социально ответственного бизнеса у выпускников и включения их в реальные социальные практики.

Как показал опрос, проведенный ЛПК, 58,3% опрошенных выпускников знают о проектах развития НУА, в них принимают участие 45%. То есть более половины опрошенных выпускников находятся вне пространства взаимодействия с НУА, вне возможностей реализации широкого спектра взаимных интересов.

В процессе оптимизации профессионального самоопределения выпускников, безусловно, определяющее значение имеет состояние и развитие института образования, рынка труда, сферы занятости, демографических процессов. Вместе с тем нельзя умалить и возрастающую роль вменяющихся экономических условиях профессионально-личностных качеств, обеспечивающих конкурентоспособность на рынке труда, построение успешной профессиональной карьеры.

Вместе с тем, в условиях непрерывной трансформации сферы занятости важную роль в том, как складываются образовательные и профессиональные траектории, играет субъективный фактор – ценностные ориентации, мотивации, предпочтения молодежи, а также те личные инвестиции, которые она вкладывает в достижение поставленных целей и те личные усилия, которые она предпринимает ради этого.

Культурно-образовательная среда академии открывает неограниченные возможности для формирования социального капитала будущих специалистов, который накапливается в процессе активного социального взаимодействия и создает им социальный, культурный ресурс эффективной профессиональной деятельности. Такие послы

иниціюють «точки росту» культурно-образовальної середовища. В НУА склалися і довели свою ефективність умови для:

- участя в структурах студентського самоуправління, студентських трудових отрядах, факультетських громадянських акціях з метою розвитку самодіяльних початків в особистому і професійному потенціалі;

- отримання додаткового освіти;
- активного включення в систему практик і стажировок;
- ціленаправленого участя в науково-дослідницькій роботі;
- розвитку мотивації досягнення, на кар'єрний ріст.

Іменно культурно-образовальна середовища вуза озброює майбутнього молодого спеціаліста цінностями-ідеалами, які його орієнтують на майбутнє, стимулюють самостійну і ініціативну діяльність, моральну відповідальність за формування якостей, необхідних в своїй майбутній професійній діяльності, оволодіння цінностями професійного суспільства. Виробництво традиційних цінностей академічної культури в культурно-образовальній середовища в той же час повинно бути скорреліровано з вимогами часу, ринковими цінностями. Їх імперативами виступають стимулювання індивідуальної активності і відповідальності, нацеленість на досягнення високих результатів в професійній самореалізації. В них проявляється амбіциозність життєвих планів – і успішна професійна кар'єра, і матеріальна забезпеченість, і суспільний престиж [6, с. 72].

Системне і послідовне включення студентів з 1-го по 6-й курс в різноманітні цільові контакти наукового, інформаційного, трудового, суспільного, організаційно-управлінського характеру створює кумулятивний ефект приращення у них компетентної комунікації, ціннісних значень професії, громадянського участя. В кінцевому результаті сформіровані на основі соціального капіталу особисті і професійні якості – ефективна комунікація, здатність до командної співпраці, соціальна активність, професійна приверженість, лояльність до корпоративним цінностям – стають конкурент-

ними преимуществами выпускников, обеспечивая им карьерный рост [6, с. 74].

Вместе с тем анализ результатов проведенного лабораторией проблем высшей школы ХГУ «НУА» и ЛПК социологического исследования по вопросам профессиональных позиций и ценностей выпускников Народной украинской академии в послевузовском трудоустройстве, проблемам их профессионального становления и карьерного роста выявил проблемные зоны в осмыслении выпускниками приоритетов, критериев актуальности профессионально-личностного потенциала. В связке «вуз–адаптация–профессиональный рост» выпускники обозначили как «сквозные» такие качества: коммуникабельность, работоспособность и ответственность. А вузу необходимо работать над формированием и развитием у своих воспитанников таких качеств, как инициативность и профессионализм [6, с. 71]

Также исследование замеряло самооценку выпускниками своих личностных качеств, и выявило недостаточный уровень развития их социальной субъектности, который соответствовал бы рыночным условиям трудоустройства. Ведь именно специалист с высоким уровнем социальной субъектности будет всегда востребован современным работодателем, так как он быстрее ориентируется в принятии сложных решений и находит новые подходы для качественной реализации поставленной цели [6, с. 70].

Выводы. Таким образом, можно сделать вывод о том, что успешность профессионального самоопределения выпускников зависит как от качества профессиональной подготовки в вузе (ориентация содержания обучения на запросы рынка труда, развивающая культурно-образовательная среда), так и от самого студента (навыки практической работы по специальности; включенность в общественную жизнь; участие в научно-исследовательских проектах, социально-творческих практиках, навыки работы с информационными ресурсами и новейшими компьютерными технологиями; опыт организаторской работы).

В настоящее время у вуза сформировалась достаточно эффективная система механизмов, способная активно влиять на процесс оптимизации профессионального самоопределения выпускников

в послевузовском трудоустройстве, для выстраивания действенных, социальных технологий развития их профессиональной карьеры, в которую включаются все структурные звенья учебного заведения и в целом его культурно-образовательная среда. Данная система в перспективе даст возможность минимизировать такие проблемные зоны профессионального развития выпускников, как слабое развитие практических навыков самостоятельного трудоустройства, планирования и управления стратегиями карьерного роста, непонимание значимости социальной субъектности, главным образом лидерских качеств, в послевузовском профессиональном самоопределении, неготовность к продуктивному исполнению многообразных функций на уровне специальности, часто завышенная самооценка своих профессиональных способностей, несформированность карьерных планов.

Список літератури

1. Бірченко О. В. Оптимізація працевлаштування випускників у зоні актуалізованої відповідальності сучасного ВНЗ / Олена Бірченко // Вища шк. – 2013. – № 9. – С. 68–73.
2. Бирченко Е. В. Вузовские центры карьеры в системе связи «карьерный ресурс – успешное трудоустройство выпускников» // Вчені зап. Харк. гуманіт. унів-ту «Нар. укр. академія» / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2009. – Т. 15. – С. 52–54.
3. Бирченко Е. В. Концепт соціальної відповідальності бізнесу в діяльності приватних вищих навчальних закладів / Е. В. Бирченко // Вчені зап. Харк. гуманіт. унів-ту «Нар. укр. академія» / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2016. – Т. 22. – С. 217–231.
4. Людський розвиток в Україні. Інноваційні види зайнятості та перспективи їх розвитку : (кол. моногр.) / за ред. Е. М. Лібанової ; Ін-т демографії та соціальних досліджень ім. М. В. Птухи НАН України. – Київ, 2016. – 328 с.
5. Молодежь: конструирование трудовой биографии [Электронный ресурс] / [М. К. Горшков и др.] ; отв. редактор М. К. Горшков. – М. : Ин-т социологии ФНИСЦ РАН, 2018. – 148 с. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/publ/inab_1_2018_Gorshkov.pdf.
6. Професійні практики випускників сучасних вузів (на прикладі випускників Народної української академії) / Нар. укр. акад.; [авт. колектив: Е. В. Бирченко, Т. В. Зверко, М. С. Кабанец, Е. Г. Михайлева, О. В. Новикова]; Нар. укр. акад. – Харків : Вид-во НУА, 2017. – 116 с.

7. Перехід на ринок праці молоді України: результати міжнародного дослідження «School-to-work transition surveys» в Україні у 2013 та 2015 роках / Елла Лібанова, Олександр Цимбал, Олег Ярош, Лариса Лісогор ; Міжнар. бюро праці. – Женева : МОП, 2016. – Режим доступу: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/—ed_emp/documents/publication/wcms_536293.pdf.

8. Чередниченко Г. А. Образовательные траектории и профессиональные карьеры (на материалах социологических исследований молодежи) [Электронный ресурс]. – М. : ИС РАН, 2012. – 1 CD ROM (332 с.).

References

1. Birchenko, O. V. (2013). Optymizatsiya pratsevlashtuvannya vypusnykiv u zoni aktualizovanoyi vidpovidalnosti suchasnoho VNZ [Optimization of the pralatum-lashtuvnyavipusniknik in the zone of the actualization of the individual VNZ]. *Vishcha shkola*, 9, pp. 68–73.

2. Birchenko, O. V. (2009). Vuzovskyye tsentry karery v systemesvyazy «karernyy resurs – uspeshnoe trudoustroystvo vypusnykov» [University Career Centsin Communication System «CareerResource – Successful Employment of Graduates»]. *Vchenizapysky Khark. humanit. univ-tu «Nar. ukr. akademiya»*, V. 15, pp. 52–64

3. Birchenko, O. V. (2016). Kontsept sotsyalnoy otvetstvennosti byznesa v deyatel'nosti pryvatnykh vysshnykh uchebnykh zavedenyy [The Concept of Social Responsibility of Business in the Activities of Private Higher Educational Institutions] *Vchenizapysky Khark. humanit. univ-tu «Nar. ukr. akademiya»*, V.22, pp. 217–231.

4. Libanovoyi, E. M. (ed.). (2016). *Lyudskyy rozvytok v Ukrayini. Innovatsiyni vydy zaynyatosti ta perspektyvy yikh rozvytku* [Human development in Ukraine. Innovative types of employment and prospects for the irdevelopment]. Kyiv, 328 p.

5. Gorshkov, M. K. (ed.). (2018). *Molodezh': konstruirovaniye trudovoy biografii [Youth: designing a work biography]*. [pdf], [online]. Moskva: Institut sotsiologii FNISTS RAN. Available at: http://www.isras.ru/files/File/publ/inab_1_2018_Gorshkov.pdf.

6. Birchenko, O. V., Zverko, T. V., Kabanets, M. S., Mikhayleva, Ye. G., Novikova, O. V. (2017). *Professional'nye praktiki vypusnikov sovremennykh vuzov (naprimere vypusnikov Narodnoy ukrainskoy akademii)* [Professional practices of graduates of modern universities (on the example of graduates of the People's Ukrainian Academy)]. Harkov: Izd-vo NUA, 116 p.

7. Libanova, E., Tsybal, O., Yarosh, O., Lisohor, L. (2016). *Perekhid na rynek*

pratsi molodi Ukrayiny: rezultaty mizhnarodnoho doslidzhennya «School-to-work transition surveys» v Ukrayini u 2013 ta 2015 rokakh [The transition to the labor market of Ukrainian youth: the results of the international study «School-to-work transition surveys» in Ukraine in 2013 and 2015]. [pdf], [online]. Zheneva: Mizhnarodne byuro pratsi. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/—ed_emp/documents/publication/wcms_536293.pdf.

8. Cherednichenko, G. A. (2012) *Obrazovatel'nye trayektorii i professional'nye kar'yery (na materialakh sotsiologicheskikh issledovaniy molodezhi)* [Educational trajectories and professional careers (on the material of youth sociological research)]. Moskva: IS RAN, 1 CD ROM (332 p.).

**Сучасне суспільство
в контексті гуманітарного
знання:
соціокультурні проблеми**

В. А. Курвас

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

На основе материалов, ранее опубликованных в «Учёных записках Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» (ХГУ «НУА») [1–4] и других научных изданиях академии [5–9] по вопросам информационно-коммуникационной подготовки студентов, в статье даётся обобщённый анализ проблемы формирования цифровой компетентности современных студентов гуманитарного университета. Отмечается расширение понятийно-терминологического аппарата проблемы формирования информационно-коммуникационной компетентности (ИКК) студентов. Приводится определения *цифровой грамотности, цифровой компетентности, цифрового нарратива*. Выделяются требования, предъявляемые к некоторым выпускникам гуманитарных специальностей по цифровой компетентности. Указывается на опыт ХГУ «НУА» по формированию цифровой компетентности референт-переводчиков. Отмечается, что с целью дальнейшего углублённого формирования цифровой компетентности современных студентов, введены новые учебные дисциплины на факультетах «Бизнес-управление» и «Референт-переводчик». Приводятся работы автора, в которых были затронуты те или иные вопросы методики формирования ИКК студентов (компьютерного тестирования, применения дистанционной среды, смешанного обучения в университете по методу «перевернутый класс» и удалённого обучения в свете теории поколений). Отмечаются работы автора, в которых раскрывается проблема построения современной информационно-образовательной среды (ИОС) университета, приводятся работы, в которых рассматриваются вопросы облачных технологии в учебной работе и обращается внимание на ряд возникающих проблем при формировании ИКК студентов, обучающихся на гуманитарных специальностях. Приводится рекомендация исследователей о том, как следует пересмотреть содержательную составляющую учебного материала.

Ключевые слова: информационные и коммуникационные технологии

(ИКТ), информационно-коммуникационная компетентность (ИКК), цифровая грамотность, цифровизация, цифровая компетентность.

Кірвас В. А. Формування цифровий компетентності сучасних студентів гуманітарного університету

На основі матеріалів, раніше опублікованих в «Вчених записках Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» (ХГУ «НУА») [1–4] та інших наукових виданнях академії [5–8] з питань інформаційно-комунікаційної підготовки студентів, в статті дається узагальнений аналіз проблеми формування цифрової компетентності сучасних студентів гуманітарного університету. Відзначається розширення понятійно-термінологічного апарату проблеми формування інформаційно-комунікаційної компетентності (ІКК) студентів. Наводиться різні визначення цифрової грамотності, цифровий компетентності, цифрового наративу. Виділяються вимоги, що пред'являються до деяким випускникам гуманітарних спеціальностей по цифровій компетентності. Вказується на досвід ХГУ «НУА» по формуванню цифровий компетентності референт-перекладачів. Відзначається, що з метою подальшого поглибленого формування цифрової компетентності сучасних студентів, введені нові навчальні дисципліни на факультетах «Бізнес-управління» і «Референт-перекладач». Наводяться роботи автора, в яких були порушені ті чи інші питання методики формування ІКК студентів (комп'ютерного тестування, застосування дистанційній середовища, змішаного навчання в університеті за методом «перевернутий клас» і віддаленого навчання в світлі теорії поколінь). Відзначаються роботи автора, в яких розкривається проблема побудови сучасного інформаційно-освітнього середовища (ІОС) університету, наводяться роботи, в яких розглядаються питання хмарних технології в навчальній роботі і звертається увага на ряд проблем, що виникають при формуванні ІКК студентів, що навчаються на гуманітарних спеціальностях. Наводиться рекомендація дослідників про те, як слід переглянути змістовну складову навчального матеріалу.

Ключові слова: інформаційні та комунікаційні технології (ИКТ), інформаційно-комунікаційна компетентність (ИКК), цифрова грамотність, цифровизация, цифрова компетентність.

Kirvas Victor. Formation of Digital Competence of Modern Students of Humanitarian University

Based on the materials previously published in the «Scientific Papers» of the Kharkiv Humanitarian University «People's Ukrainian Academy» (PUA) [1–4] and

other scientific publications of the academy [5–9] on the issues of students' information and communications preparation, the articles provides a general analysis of the problem of forming digital competency among modern students of a humanitarian university. The expansion of the conceptual and terminological apparatus of the problem of forming information and communication competency (ICC) of the students is noted. The article provides definitions of digital literacy, digital competency, and digital narrative. It highlights requirements that some graduates of the humanities in digital competency face. It further indicates the experience of the PUA in forming digital competency among referent interpreters. It is noted that new academic disciplines were introduced at the departments of Business Management and Translation and Interpreting in order to further deepen the formation of the digital competency of modern students. The works of the author are referred to, which cover certain methodological issues in forming the ICC of the students (computer testing, distance learning, blended education at the university using the «flipped classroom» and remote education in light of the theory of generations). The author's publications on the problem of building a modern information and education environment (IEE) of the university are noted, presenting works discussing issues of the use of cloud technology in the academic work and drawing attention to a number of emerging problems arising in the formation of the ICC of students in the humanitarian studies. The article provides recommendations of the researcher on how the content of the educational materials should be revised.

Key words: information and communication technologies (ICT), information and communication competency (ICC), digital literacy, digitization, digital competency.

Введение. Процесс цифровизации стал одним из самых значимых глобальных процессов современности. Бурное развитие и проникновение цифровых технологий во все сферы социальной активности людей подтверждают справедливость этого тезиса. Стратегия развития информационного общества в Украине предусматривает, что «Одной из главных условий успешной реализации государственной политики в сфере развития информационного общества является обеспечение обучения, воспитания, профессиональной подготовки человека для работы в информационном обществе».

Сегодня конкурентная ситуация на рынке образовательных услуг обусловлена новым этапом перехода к постиндустриальному обществу, отличительной чертой которого является цифровизация всех

сторон жизни, приоритет интеллектуальных сфер деятельности, преобразование информации в стратегический ресурс общества. Модернизация системы образования предъявляет повышенные требования к подготовке конкурентоспособного специалиста, адаптированного к жизни и профессиональной деятельности в быстроменяющемся информационно-коммуникационном пространстве XXI века. Многие страны сейчас рассматривают освоение ИКТ, как ключевой элемент базового образования. Успешность процесса цифровизации общества во многом определяется уровнем профессиональной компетентности выпускников высших учебных заведений в цифровых технологиях. Стремительное развитие цифровых технологий и их проникновение во все сферы жизни общества требует не просто повышения уровня компьютерной грамотности выпускников вузов, а формирование цифровой компетентности студента, которая обеспечивает равноправное участие специалиста в глобальном информационном обществе и способствует расширению возможностей трудоустройства, продвижению по службе, улучшению материального благосостояния и, в конечном итоге, более динамичному развитию экономики страны. Существенные изменения, происходящие в методологии профессиональной подготовки студентов гуманитарных специальностей, основанной на компетентностном, технологическом, процессуально-деятельностном и других подходах приводят к научной проблеме теоретико-методологического обоснования новых педагогических технологий формирования цифровой компетентности студентов гуманитарных вузов, исходя из реального развития современного информационно-коммуникационного пространства. Поэтому формирование цифровой компетентности студентов вузов, в том числе гуманитарных, является в настоящее время одной из наиболее актуальных задач системы высшего профессионального образования.

Цель статьи – провести анализ материалов, опубликованных в сборнике «Учёные записки» и других научных изданиях ХГУ «НУА», по вопросам информационно-коммуникационной подготовки студентов и обозначить основные направления актуальной проблемы формирования цифровой компетентности современных студентов гуманитарного университета.

Основная часть. Сложность выявления предмета цифровой подготовки студента современного гуманитарного университета обусловлена многообразием и многозначностью используемых в этой сфере важнейших категорий, терминов и понятий. Ведущие эксперты в области цифровизации образования из учреждений науки, образования, культуры и коммуникаций обсуждают соотношения понятий: компьютерная грамотность, информационная грамотность, медиаобразование, информационно-коммуникационная компетентность, информационная культура личности и др., а также методики их оценки. Количество публикаций на эту тему огромное и постоянно возрастает. В этой связи без чёткого их определения невозможно ни построение целостной теории, ни организация практики цифрового образования. Ясное представление о предмете цифровой подготовки позволяет определить состав информационных знаний, умений и навыков, уровень цифровой компетентности личности, необходимой для жизни в информационном обществе, обществе знаний, smart-обществе.

В работе [1] был проанализирован основной понятийно-терминологический аппарат проблемы формирования информационно-коммуникационной компетентности (ИКК) студентов университета. Были рассмотрены такие понятия как *информационная подготовка, компьютерная грамотность, информационная грамотность, информационная компетентность, медиаграмотность, медиаобразование, информационной культуры, информационно-коммуникационная грамотность и компетентность* и др. Информационно-коммуникационная компетентность определена как способность выпускника вуза использовать ИКТ для доступа к информации, её поиска, организации, обработки, оценки, а также её разработки и передачи, которая достаточна для того, чтобы успешно жить и трудиться в условиях информационного общества, в условиях экономики, которая основана на знаниях.

Более расширенный анализ понятийно-терминологического аппарата проблемы формирования ИКК студентов проведён в монографии [8]. Было отмечено, что современные международные эксперты применяют уже понятие *цифровой грамотности*, с которым связывают умение человека ориентироваться в цифровой среде.

В «Стандартах...» ACRL даётся следующее определение: «Цифровая грамотность – это эффективные знания, навыки и поведение, используемые для обучения, жизни, работы, общения, адаптации и игры; и находить, оценивать, использовать, делиться и создавать контент в динамических сетях информационных технологий» [10].

Существуют и другие определения *цифровой грамотности*:

- Способность использовать и создавать контент на основе цифровых технологий, включая поиск и обмен информацией, ответы на вопросы, взаимодействие с другими людьми и компьютерное программирование.

- Набор знаний и умений, которые необходимы для безопасного и эффективного использования цифровых технологий и ресурсов интернета. Включает в себя цифровое потребление, цифровые компетенции и цифровую безопасность.

- Умение использовать компьютер уверенно, безопасно и эффективно. В том числе: умение пользоваться офисным программным обеспечением, таким как текстовые процессоры, программное обеспечение для электронной почты и презентаций; возможность создавать и редактировать изображения/ аудио/ видео; возможность использования веб-браузера и интернет-поисковых систем.

- Способность использовать информационные и коммуникационные технологии для поиска, понимания, оценки, создания и передачи цифровой информации.

Редакция ключевых компетентностей для обучения в течение всей жизни обновлена в 2018 г. – рекомендация 2018/0008 (NLE) Европейского Парламента и Совета (ЕС). В приложении к данным *Рекомендациям*, в соответствии с современным состоянием и тенденциями развития, содержание понятия *цифровая компетентность* кардинально обновлено.

Цифровая компетентность включает в себя уверенное, критическое и ответственное использование и взаимодействие с цифровыми технологиями для учёбы, работы и участия в обществе. Она включает в себя информационную грамотность и грамотность данных, компетенции: по коммуникации и сотрудничеству, по созданию цифрового контента (включая программирование), по безопасности

(включая цифровое благополучие и компетентности, связанные с кибербезопасностью) и решения проблем.

Определены базовые знания, навыки и отношения, касающиеся данной компетентности. Лица должны:

- Понимать, как цифровые технологии могут поддерживать коммуникацию, творчество и инновационность, осознавать их возможности, ограничения, последствия и риски. Они должны понимать общие принципы, механизмы и логику, лежащую в основе развивающихся цифровых технологий, а также знать основы функционирования и использования различных устройств, программ и сетей.
- Критически подходить к достоверности, надёжности и влиянию информации и данных, доступных цифровыми средствами и осознавать юридические и этические принципы, связанные с внедрением цифровых технологий.
- Уметь использовать цифровые технологии для поддержания активного гражданства и социальной интеграции, совместной работы, творчества для достижения личных, социальных или коммерческих целей.

Таким образом, навыки включают в себя умение добывать, использовать, фильтровать, оценивать, создавать, программировать и распространять цифровой контент. Лица должны уметь управлять и защищать информацию, содержание, данные и цифровые идентичности, а также признавать и эффективно работать с программами, устройствами, искусственным интеллектом и роботами.

Отмечается также, что вместо «IST» (технологии информационного общества) и «ICT» (информационно-коммуникационные технологии), которые использовались в определении с 2006 года, наиболее подходящим термином считается теперь «*цифровые технологии*» для определения полного набора устройств, программного обеспечения или инфраструктуры.

Следует заметить, что в образовательное пространство уверенно входит и термин «*цифровой нарратив*». Так Тимчук Л. характеризует цифровой нарратив как «динамическое средство передачи информационных сообщений, в котором слово, образ и звук выражены в общем цифровом коде, как мультимедийный проект, объединяющий

текст, изображения, аудио- и видеофайлы в коротком видеоклипе» [11]. К категории «цифровой нарратив» можно отнести цифровые тексты, презентации, рассказы, размещённые на блогах, видеоклипы, анимационные фильмы, видеоблоги, фотоколлажи, описания событий в соцсетях, твиттер-романы и др.».

В предыдущих наших работах мы анализировали требования, предъявляемые к некоторым выпускникам гуманитарных специальностей по цифровой компетентности [2; 5–9]. Например, к референт-переводчикам, кроме знания нескольких иностранных языков, работодатели предъявляют такие требования, как знание правил ведения документооборота и компьютерного делопроизводства, и что важно здесь заметить: умение работать с новыми офисными компьютерными программами, включая MSWord, Excel, Access, PowerPoint, Internet, Outlook и др., а также умение быстро и без ошибок печатать на ПК слепым десятипальцевым методом. Отмечается опыт ХГУ «НУА» по подготовке студентов по сдвоенной специальности на факультете «Референт-переводчик». С первого по третий курс изучается базовая дисциплина «Информационные технологии». Дисциплины, включённые в следующий этап референтской подготовки – это «Компьютерные технологии многомерного анализа данных» и «Информационные технологии переводчика».

С целью дальнейшего углублённого формирования цифровой компетентности современных студентов на факультете «Бизнес-управление» для магистрантов введена новая дисциплина «Бизнес-информатика», в которой изучаются такие темы, как *Технологии больших данных, Облачные вычисления, Интернет вещей, Технологии Blockchain, Технологии искусственного интеллекта, Корпоративные информационные системы, Интеллектуальный анализ данных, Электронная экономика, электронный бизнес, электронный маркетинг и электронная коммерция*. Для студентов факультета «Референт-переводчик» введена дисциплина «Информационные и аналитические технологии референта-переводчика», в которой, кроме традиционных ИКТ, компьютерного документооборота и делопроизводства, изучаются темы аналитической деятельности переводчика (*методы принятия решений, теория логического*

вывода, интерпретация на языке теории множеств, графы и отношения, вероятности высказываний, компьютерные системы и проблемы, связанные с искусственным интеллектом и др.).

В нашей работе [3] приводился опыт ХГУ «НУА» по использованию на государственных экзаменах и в процессе преподавания различных учебных дисциплин компьютерного тестирования с помощью программного комплекса TeachlabTestMaster. Для методического обеспечения самостоятельной работы было обсуждено применение дистанционной среды MOODLE и элементов дистанционных курсов [4]. Авторский коллектив преподавателей академии попытался в работе [9] дополнительно обосновать необходимость развития удалённых форм обучения, а также проанализировал возможность их использования применительно к конкретной ситуации уникального комплекса непрерывного образования ХГУ «НУА». Были рассмотрены предпосылки развития удалённых форм обучения, показаны особенности удалённого обучения в университете в свете теории поколений по методу «перевернутый класс». Здесь же раскрывается ИОСХГУ «НУА», обеспечивающая различные формы удалённого обучения и рассматриваются вопросы облачных технологии в учебной работе, а также анализируются возможности применения социальных сетей в образовании. В монографии автора [8] более подробно анализируются возможности и целесообразность применения дистанционных форм обучения для формирования ИКК и обращается внимание на ряд возникающих проблем при формировании ИКК студентов, обучающихся на гуманитарных специальностях. Там же раскрыта технология смешанного обучения при формировании ИКК студентов, отмечаются недостатки, а также «тормозящие» факторы внедрения смешанного обучения, рассмотрены особенности формирования ИКК при обучении по методу «перевернутый класс». В монографии рассмотрен и феномен «клипового мышления» в вузовской среде. Обращается внимание на вывод исследователей, что содержательную составляющую учебного материала следует пересмотреть. Приоритетными должны стать яркие, чёткие и наглядные видеоролики, презентации с образ-

ними, понятними и запоминающимися формулировками. Акцентируется, что в свете компетентного подхода на первый план выходит задача интегрированного обучения. Приведён опыт вертикальной и горизонтальной интеграции при непрерывном формировании ИКК школьников и студентов в Харьковском учебно-научном комплексе непрерывного образования «НУА». Раскрывается проблема построения современной ИОС университета, приводятся принципы, условия и задачи, которые необходимо выполнить при проектировании, построении ИОС, приведены рекомендации по формированию современной персональной ИОС. Рассмотрены также особенности и даны рекомендации по организации процесса обучения представителей различных поколений. Обсуждается как должны измениться преподаватели чтобы соответствовать новой парадигме образования. Предложен вариант построения информационной системы комплексной рейтинговой оценки и непрерывного мониторинга деятельности студентов.

Заключение. В заключение заметим, что информационное общество, общество знаний, smart-общество предъявляют качественно новые требования к формированию цифровой компетентности современных студентов гуманитарного университета и вообще к общей системе современного образования. Согласно новой парадигме образования человека надо не готовить к будущей профессиональной деятельности, а развивать личность, сместить основной акцент с усвоения значительных объёмов информации на овладение обучающимся способами непрерывного приобретения новых знаний и умения учиться самостоятельно; освоение навыков работы с любой противоречивой, разнородной информацией, формирование навыков критического мышления; формировать профессиональную компетентность.

В этой связи требует дальнейшего исследования этапы технологии формирования цифровой компетентности студентов гуманитарных вузов с учётом новых трендов в современном образовании. Необходимо постоянно уточнять современные технологические инструменты, средства реализации научно-методической системы обеспечения формирования цифровой компетентности в процессе обучения. Следует также детально проработать критерии, показатели и уровни

сформированности цифровой компетентности студентов гуманитарных вузов, методы и способы их эффективной оценки.

Список литературы

1. Кирвас В. А. Понятийно-терминологический аппарат проблемы информационно-коммуникационной подготовки выпускников современного гуманитарного университета / В. А. Кирвас // О простом и сложном профессионально: (спец. вып. Уч. зап. Харьк. гуманитар. ун-та «Нар. укр. акад.», посвященный 20-летию НУА). – Харьков, 2011. – С. 227–245.
2. Кирвас В. А. Референт-переводчик: особенности и перспективы профессии / В. А. Кирвас, П. Э. Ситникова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2017. – Т. 23. – С. 141–154.
3. Козыренко В. П. Компьютерное тестирование на государственных экзаменах / В. П. Козыренко, В. А. Кирвас // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2005. – Т. 11. – С. 130–135.
4. Козыренко В. П. Применение дистанционной среды и элементов дистанционных курсов для методического обеспечения самостоятельной работы студентов / В. П. Козыренко, В. А. Кирвас // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» – Харків, 2006. – Т. 12. – С. 181–187.
5. Кирвас В. А. Воспитание информационной культуры студентов гуманитарного вуза / В. А. Кирвас // Воспитательная работа в условиях непрерывного образования: программа и материалы межд. науч.-практ. конф., Харьков, 3 декабря 2009 г. / Нар. укр. акад. – Харьков, 2009. – С. 156–162.
6. Кирвас В. А. Формирование ИТ-компетентности специалистов в системе непрерывной референтской подготовки / В. А. Кирвас, Н. Ф. Хайрова // Экспертные оценки элементов учебного процесса: материалы VI межвуз. науч.-метод. конф., Харьков, 28 окт. 2004 г. / Харьк. гуманитар. ун-т «Нар. укр. акад.». – Харьков, 2004. – С. 38–41.
7. Кирвас В. А. Проблемы, методологические основы и пути формирования информационно-коммуникационной компетентности выпускников гуманитарного вуза / В. А. Кирвас // Экспертные оценки элементов учебного процесса: программа и материалы X межвуз. науч.-практ. конф., Харьков, 1 нояб. 2008 г. / Нар. укр. акад. [каф. информ. технологий и математики]. – Харьков, 2008. – С. 11–14.
8. Кирвас В. А. Формирование информационно-коммуникационной компетентности студентов гуманитарных вузов в процессе профессиональной подготовки: моногр. / В. А. Кирвас ; Нар. укр. акад. – Харьков : Изд-во НУА, 2018 – 348 с.

9. Формы дистанционного обучения в университете / В. А. Кирвас, П. Э. Ситникова, К. С. Барашев, В. П. Козыренко ; Нар. укр. акад.; под ред. Ситниковой П. Э. – Харьков: Изд-во НУА, 2018. – 72 с.

10. Standards for Distance Learning Library Services [Electronic resource]: approved by the ACRL board of directors, July 2008 ; revised June 2016 // Association of College & Research Libraries (ACRL). – Mode of access: <http://www.ala.org/acrl/standards/guidelinesdistancelearning> (access date: 12.05.18). – Title on screen.

11. Тимчук Л. І. Використання цифрових нарративів у вищій школі – провідна тенденція розвитку міжнародного освітнього простору / Л. І. Тимчук // Вісн. Черкас. ун-ту. Серія «Педагогічні науки». – 2017. – Вип. 6. – С. 121–129.

References

1. Kirvas, V. A. (2011). Ponyatiyno-terminologicheskyy apparat problem informatsionno-kommunikatsionnoy podgotovki vypusnikov sovremennogo gumanitarnogo universiteta [Conceptual and terminological apparatus of the problem of information and communication training of graduates of a modern humanitarian university]. *Spets. vyp. Vchen. zap. KhGU «NUA»*, pp. 227–245.

2. Kyrvas, V. A., Sytnykova, P. E. (2017). Referent-perevodchik: osobennosty y perspektivy professyy [Referent-translator: features and perspectives of profession]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, T. 23. pp. 141–154.

3. Kozыrenko, V. P., Kyrvas, V. A. (2005). Kompyuternoe testyrovanye na hosudarstvennykh ekzamenakh [Computer testing on state exams]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, Harkov, T. 11. pp. 130–135.

4. Kozыrenko, V. P., Kyrvas, V. A. (2006). Primeneniye distantsionnoy sredy i elementov distantsionnykh kursov dlya metodicheskogo obespecheniya samostoyatel'noy raboty studentov [The use of distance environment and elements of distance courses for the methodological support of students' independent work]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, Harkov, T. 12, pp. 181–187.

5. Kirvas, V. A. (2009). Vospitaniye informatsionnoy kul'tury studentov gumanitarnogo vuza. [Developing of information culture among students of the humanitarian university]. In: *Vospitatel'naya rabota v usloviyakh nepreryvnoy obrazovaniya*, Harkov, pp. 156–162.

6. Kirvas, V. A., Khayrova, N. F. (2004). Formirovaniye IT-kompetentnosti spetsialistov v sisteme nepreryvnoy referentskoy podgotovki [Formation of IT-competence of specialists in the system of continuous reference training]. In: *Ekspertnyye otsenki elementov uchebnogo protsessa*, Harkov, pp. 38–41.

7. Kirvas, V. A. (2008). Problemy, metodologicheskiye osnovy i puti formirova-

niya informatsionno-kommunikatsionnoy kompetentnosti vypusknikov gumanitarnogo vuza [Problems, methodological foundations and ways of forming information and communication competence of graduates of a humanitarian university]. In: *Ekspertnyye otsenki elementov uchebnogo protsessa*, Harkov, pp. 11–14.

8. Kirvas, V. A. (2018). *Formirovaniye informatsionno-kommunikatsionnoy kompetentnosti studentov gumanitarnykh vuzov v protsesse professional'noy podgotovki. [Formation of information and communication competence of students of humanitarian universities in the process of vocational training]*. Kharkov, Izd-vo NUA, 348 p.

9. Kirvas, V. A., Sitnikova, P. E., Barashev, K. S., Kozyrenko, V. P. (2018). *Formy distantsionnogo obucheniya v universitete [Forms of distance learning at the university]*. Kharkov, Izd-vo NUA, 72 p.

10. Association of College & Research Libraries (ACRL) (2016). *Standards for Distance Learning Library Services*. [online]. Available at: <http://www.ala.org/acrl/standards/guidelinesdistancelearning>.

11. Tymchuk, L. I. (2017). Vykorystannya tsyfrovyykh naratyviv u vyshchiiy shkoli – providna tendentsiya rozvytku mizhnarodnoho osvithnoho prostoru [The use of digital narratives in high school is a leading trend in the development of the international educational space]. *Visnyk Cherkaskoho unyversytetu*, Vyp. 6, pp. 121–129.

УДК 811'11

<http://doi.org/10.5281/zenodo.3707906>*Л. В. Михайлова***ИСТОРИЧЕСКОЕ
ВАРЬИРОВАНИЕ
ПРИНЦИПА ВЕЖЛИВОСТИ
В РЕЧЕВЫХ АКТАХ
ДИРЕКТИВАХ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ
ДИСКУРСЕ 16–20 ВВ.**

В современной лингвистике принципы и стратегии речевого общения наиболее полно исследованы в плане синхронии. Стратегии вежливости, используемые в побудительном дискурсе рассматриваются как диахронические переменные. Они анализируются как результат социокультурных изменений в обществе. Принципы и стратегии вежливости не являются константами, они варьируются в зависимости от социального и этнокультурного аспектов коммуникации конкретной эпохи.

Рассматривая тенденции эволюции принципа вежливости в побудительном дискурсе отмечается существенное увеличение численности стратегий негативной вежливости. Стратегии негативной вежливости продолжают доминировать в реквестивах 17–18 вв. В 19–20 вв. количество негативных стратегий увеличивается. В вышеупомянутый период возрастает и количество косвенных директивов. В англоязычном дискурсе 16–17 вв. широко использовались гонорифические обращения. В современном английском языке данные обращения выходят из употребления.

Лексический состав идентифицирующих маркеров варьируется в различные исторические периоды. В 18-м в. роль позитивной вежливости снижается. Она реализуется различными лексическими формулами, а также обращением по имени. Именно в этот период становится частотным маркер *please*.

Ключевые слова: вежливость, позитивная и негативная вежливость, стратегии вежливости, дискурс, директив, реквестив, речевое общение, речевой этикет, концепт, обращение, перформатив.

***Михайлова Л. В.* Використання варіювання принципу ввічливості в мовних актах директиву в англomовному дискурсі 16–20 ст.**

В сучасній лінгвістиці принципи та стратегії мовленнєвої взаємодії найбільш досліджені в синхронії. Стратегії ввічливості, які вживаються

у спонукальному дискурсі розглядаються як діахронічні сталі. Вони аналізуються як результат соціокультурних змін у суспільстві. Принципи та стратегії ввічливості не є постійними, вони змінюються в залежності від соціального та етно-культурного аспектів комунікації епохи. Розглядаючи тенденції еволюції принципу ввічливості у спонукальному дискурсі відмічаємо значне збільшення чисельності стратегій негативної ввічливості. Стратегія негативної ввічливості продовжує домінувати у реквестивах 17–18-го ст. У 19–20 ст. кількість негативних стратегій збільшується. В цей період зростає кількість директивів, які реалізуються непрямо.

У дискурсі 16–17 ст. часто вживаються гонорифічні звертання. У сучасній англійській мові такі звертання не вживаються.

Лексичний склад ідентифікуючих маркерів змінюється у різні історичні періоди.

У 18-му ст. значення позитивної ввічливості знижується. Вона реалізується різними формами звертань. У 18–19-му ст. типовим прикладом неформальних звертань є звертання на ім'я. Крім того, в даний період стає часто вживаним маркер *please*.

Ключові слова: ввічливість, позитивна та негативна ввічливість, стратегії ввічливості, дискурс, директив, реквестив, мовленнєва комунікація, мовленнєвий етикет, концепт, звертання, перформатив.

Mykhailova Liudmyla. Historical dynamics of politeness principle in the directive speech act in English-speaking discourse in the 16th-20th c.

In modern linguistics principles and strategies of speech interaction are analyzed and studied a lot in synchrony. Politeness strategies, that are used in imperative discourse are considered to be diachronic features. They are analyzed as the result of social and cultural changes in the society. Politeness principles and strategies are not constant, they vary according to social and ethno-cultural aspects of communication of this or that historical period. Considering the tendencies of the evolution of politeness principles in the imperative discourse, we find great increasing of the number of the negative politeness strategies.

Negative politeness strategies still dominate in requestives of the 17-18 th c. In the 19th.-20th. c. the number of negative politeness strategies increases, at the same period the number of directive speech acts, that are realized indirectly increases as well.

In the 16th.-17th. c. special addressing was widely used, like -good sir-. In the modern language this addressing is not used already, as the process of communication in the society became more democratic.

The vocabulary of the identified markers varies in different historical periods. In the 18th.c. the influence of positive politeness is reduced. It is realized mostly by different forms of addressing.

In the 18th.-19th.c. addressing to a person by his or her name became common. At the same period marker please became frequent.

Key words: politeness, positive and negative politeness, politeness strategies, discourse, directive, requestive, speech communication, speech etiquette, concept, addressing, perphormative.

Данная статья посвящена анализу категории вежливости в речевой коммуникации, в статье рассматриваются основополагающие принципы и стратегии вышеупомянутой категории.

В теоретическом плане понятие вежливость получило разработку в современной лингвистической прагматике в рамках теории речевого общения. Одним из фундаментальных принципов коммуникации, сформулированных П. Грайсом, является именно принцип вежливости, влияние которого часто играет решающую роль в оформлении высказывания и в выборе речевых вариантов при реализации директивного речевого акта [1].

Вежливость определяется как принцип социального взаимодействия, в основе которого лежит уважение к личности партнера. Этот принцип распространяется на все виды человеческого взаимодействия – как вербального так и невербального.

Следование принципу вежливости накладывает определенные ограничения на поведение коммуникантов, которые заключаются в том, чтобы учитывать интересы партнера, считаться с его мнением, желаниями. Соблюдение принципа вежливости в конечном счете имеет целью добиться максимальной эффективности социального взаимодействия за счет соблюдения социального равновесия и дружественных взаимоотношений. В прагматической теории речевого общения вежливость рассматривается как универсальный принцип, который в практике речевого взаимодействия играет регулирующую роль. Принцип вежливости определяется как особая стратегия речевого поведения, направленная на «предотвращение конфликтных ситуаций», цель которой «сохранить лицо» [1; 2].

Данный стратегический принцип реализуется в практике речевого

общения с помощью различных тактических приёмов, которые формулируются в виде постулатов и максим [1; 4].

П. Браун и С. Левинсон предлагают набор различных тактических приёмов, при помощи которых говорящий регулирует своё речевое поведение, исходя из оценки ситуации. Ситуация оценивается говорящим на основе трех независимых переменных:

- 1) социальной дистанции между говорящим и слушающим;
- 2) влиянием одного коммуниканта на другого;
- 3) степени внедрения в сферу адресата. [3].

В конце 70-х годов прошлого века Браун и Левинсон впервые вводят понятие ликоущемляющих речевых актов. Ликоущемляющие речевые акты являются одной из важнейших составляющих теории вежливости, которая предписывает как можно меньше ущемлять права другого, а если этого невозможно избежать, то по крайней мере – облекать невежливые, т.е. принуждающие РА, в максимально уважительную форму [3].

Принцип вежливости, регулирующий отношения между личностью и обществом, относится к области этикетного поведения. Речевой этикет регулирует речевое поведение членов общества, выступающих в процессе коммуникации в роли коммуникантов в разных социально значимых ситуациях общения [2]. Правила речевого этикета варьируются применительно к сфере общения, ситуации общения зависят от таких экстралингвистических факторов, как ролевые и личностные отношения коммуникантов.

Детальное изучение принципов и стратегий вежливости безусловно является неизменно актуальной и наиважнейшей задачей лингвистической прагматики на современном этапе её развития.

В современной лингвистике принципы и стратегии речевого взаимодействия наиболее полно исследованы в плане синхронии. В данном исследовании мы рассматриваем стратегии вежливости как диахронические переменные побудительного дискурса. Их взаимодействие приводит к тому, что в лингвокультурных общностях различных исторических периодов утверждаются коммуникативные нормы и ценности и формируются способы и стили их реализации, различные как в качественном, так и в количественном отношении,

что выражается в изменении ориентации принципа вежливости в целом.

Лингвокультурологическая составляющая концепта «вежливость» формируется в сознании носителя языка в результате восприятия как вербальных, так и невербальных компонентов культурного наследия, а также в том, что данный компонент содержания рассматриваемого концепта не является застывшим образованием ввиду его способности преобразовываться под влиянием внешних событий и в процессе жизненного опыта.

Актуальным стало обращение к историческому и социокультурному факторам, которые позволили объяснить происхождение и употребление той или иной формулы вежливости в языке. Это такие факторы как: социальная иерархия партнеров, пол (мужской/женский), возраст (дети, молодежь, взрослые), тип контакта (фамильярный, профессиональный, официальный), дистанция между партнерами (чужой, знакомый, друг, родственник), а также исторические события, оказавшие влияние на речевое взаимодействие. Концепт «вежливость» является абстрактным ментальным образованием и может материализоваться при помощи вербальных и невербальных средств. Речевой этикет является средством вербальной экспликации данного концепта, однако он далеко не полностью отражает содержание концепта, для наилучшего понимания которого следует также обращаться к средствам невербального дискурса.

Как показывает проведенный анализ, принципы и стратегии вежливости не являются константами, они варьируются в зависимости от социального и этнокультурного аспектов коммуникации конкретной эпохи.

В качестве общей тенденции эволюции принципа вежливости в побудительном дискурсе отмечаем существенное увеличение численности стратегий негативной вежливости в 20-м веке. Стратегия негативной вежливости продолжает доминировать в реквестивах в 17–18 вв.

В 19–20 вв. область функционирования негативных стратегий вежливости, реализованных вопросительным предложением, количественно расширяется.

Отличительной чертой стратегии негативной вежливости является стремление говорящего избежать навязчивости в общении.

Стратегія негативної вежливості – «виражай пошану до потреб адресата» – характерна для ситуації лікоповищення. Суть такої стратегії полягає в задоволенні потреби адресата в повазі, пошані. Це реалізується за допомогою використання етикетних форм звернення до адресата. Як правило, ця стратегія реалізується директивами, що містять етикетні форми, в частині гонорифікаційні звернення.

В речі 16–17 вв. спостерігається вища частота даної стратегії порівняно з 19–20 вв. це обумовлено гіпертрофованістю соціально-регулятивної функції спілкування в ранньоніоанглійський період. В ранньоніоанглійський період гонорифікаційні звернення, що походять з використання до 20-го в. були дуже частими (*my dear sir, my sweet sister, dearest madam* і т.д.). Такі лікоповищуючі звернення були обов'язковим елементом ввічливої мови в 16–17 вв. В сучасній ніоанглійській мові гонорифікаційні звернення виходять з звернення і використовуються лише в емоційно-оціночному контексті.

Позитивні стратегії вежливості, мають в своєму складі ідентифікаційні маркери належності до певної групи, реалізуючи такі стратегії адресат підкреслює свою спільність з адресатом, відсутність дистанції між ними.

В 17-м в. зберігається частота стратегії, реалізуваної в ситуації соціального рівності спілкуючих. Лексичний склад ідентифікуючих маркерів змінюється в різні історичні періоди відповідно до розвитку системи мови і вимогами мовного етикету.

В 18-м в. роль позитивної стратегії вежливості зменшується. Данна стратегія реалізується, в першу чергу, різними формами звернень (іменами власними, назвою ступеня родства, зменшувальними іменами, прізвиськами), в другіх синтаксическими конструкціями. В цей період частота різних форм звернень в ніоанглійській мові зменшується вдвічі порівняно з 16–17 вв. Типічними прикладами неформальних звернень в цей період є звернення по імені. Крім розмовних форм звернень позитивні стратегії вежливості реалізується з використанням жаргону, сленгу, діалекта.

В 18–20 вв. частотность позитивных стратегий вежливости существенно снижается, наиболее частотными становятся обращения *honey, child, guy, fellow* и т.д. Данное явление связано с общим снижением численности обращений, сопутствующих речевым актам директивам. Уменьшение частотности таких обращений, на наш взгляд связано с процессом демократизации речевого общения в 20 в. по сравнению с другими периодами.

Позитивная вежливость ориентирована на поиск согласия со слушающим для достижения оптимального взаимодействия. Для этой цели используются маркеры вежливости, так в 16–17 вв. наиболее распространенными были такие маркеры, как *pray, beseech, entreat* и т.д.

В 17 в. стратегия поиска согласия для укрепления доброжелательных отношений реализуется, как правило, в ситуациях, когда статусы адресанта и адресата равны. И использование позитивной вежливости отвечает требованиям речевого этикета эпохи и гипертрофированной социально-этикетной функции речи.

Однако, в 19–20 вв. существенно уменьшается употребление стратегии поиска согласия и одобрения адресата. В языковой системе отмечается архаизация маркеров вежливости, распространенных в ранненоанглийский период, они сменяются маркером *please*, который занимает позицию вводного члена предложения или элемента вопросительной конструкции.

Отличие современного маркера вежливости *please* от его ранненоанглийских аналогов состоит в том, что современный маркер *please* отмечает временную подчиненную ситуативную роль адресанта (как просителя), а ранее перформативы *I pray, I beseech, entreat* маркировали постоянный социально подчиненный статус. Частотность употребления маркера *please* значительно возросла к 20-му в. Кроме того, увеличивается частотность каузативных поясняющих директивов. И это также связано с процессом демократизации речевого общения. Если в ранненоанглийский период адресанту, статус которого был выше адресата, было достаточно лишь отдать распоряжение для выполнения желаемого действия, то уже в 20-м в. необходимо «подкрепление» своего требования или просьбы в виде пояснения, почему действие должно быть выполнено.

Стратегія упрочення дружественних отношений путем вираження заботи о нуждах адресата, проявлення симпатии к его интересам реализується в формі рад.

Отмечені тенденції побудительного дискурсу обумовлені природою речевого акту директива як ликоущемляющего акту і необхідністю активного використання стратегій негативної вежливості для забезпечення компенсації уцербі лиць. Це пояснює той факт, що на фоні загальної позитивної орієнтації принципу вежливості в 16–17 вв. в директивах домінують негативні стратегії вежливості, в отличие от 19–20 вв.

Таким образом, отмечаем тот факт, что стратегии вежливости постоянно варьируются в зависимости от исторической эпохи, правил и норм речевого этикета. Стратегии и принципы вежливости рассматриваем как диахронические переменные, которые находятся в процессе изменений.

Список литературы

1. Грайс Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16. – С. 217–237.
2. Рыжова Л.П. Речевой этикет и языковая норма / Л.П. Рыжова // Языковое общение: единицы и регулятивы. – Калинин : Изд-во Калинин. ун-та, 1987. – С. 51–58.
3. Brown P. Politeness: Some universals in language use / P. Brown, S. Levinson. – London ; New York : Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
4. Leech G.N. Principles of Pragmatics / G.N. Leech. – London : Longman, 1983. – 246 p.

References

1. Grays, G. P. (1985). Logika i rechevoye obshcheniye [Logic and verbal communication]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*. Moskva, V. 16. pp. 217–237.
2. Ryzhova, L. P. (1987). Rechevoy etiket i yazykovaya norma [Speech etiquette and linguistic norm]. In: *Yazykovoye obshcheniye: yedinitiy i regulyativy*. Kalinin: Izd-vo Kalinin. un-ta, pp.51–58.
3. Brown, P., Levinson, S. (1987). *Politeness: Some universals in language use*. London, New York: Cambridge University Press, 345 p.
4. Leech, G. N. (1983). *Principles of Pragmatics*. London; Longman, 246 p.

УДК 37.013:811.132.2'378142НУА

<http://doi.org/10.5281/zenodo.3707910>*Е. М. Яриз***РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ
НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ХГУ «НУА» НА ПРИМЕРЕ
ПРЕПОДАВАНИЯ ИСПАНСКОГО
ЯЗЫКА**

В статье исследуется развитие концепции непрерывного образования в Украине и ее реализация на базе Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия». Автор поставил цель раскрыть нормативно-правовую базу реализации концепции. В статье проанализированы предпосылки, которые определили необходимость развития непрерывного образования, раскрыто понятие явления и рассмотрены основные критерии и принципы ее реализации. Определены пути обеспечения непрерывности образования и его значение в реализации задач по повышению качества образования в Украине с целью воспитания населения в стране и его подготовка к адаптации в условиях интеграции страны в Европейское сообщество. Настоящее ставит перед обществом новую цель, предлагает новые стандарты жизни. Для реализации новых задач недостаточно только иметь современные знания. Надо уметь эффективно их использовать для достижения поставленной цели. Это требует от членов общества непрерывного обучения в течение всей активной жизни. Для этого необходимо иметь образовательные учреждения нового типа, которые могли бы обеспечить реализацию намеченной цели, давая возможность учиться всем желающим независимо от возраста. Одним из ярких примеров образовательных учреждений такого типа является Харьковский гуманитарный университет «Народная украинская академия»

Ключевые слова: концепция, непрерывное образование, критерии, принципы, организация, обеспечение.

Яриз Є. М. Реалізація принципів неперервної освіти в ХГУ «НУА» на прикладі викладання іспанської мови

У статті досліджується розвиток концепції неперервної освіти в Україні та її реалізація на базі Харківського гуманітарного університету «Народна

українська академія». Автор поставив за мету розкрити нормативно-правову базу реалізації концепції. В статті проаналізовано передумови, які визначили необхідність розвитку неперервної освіти, розкриті поняття явища і розглянуті основні критерії та принципи її реалізації. Визначено шляхи забезпечення неперервності освіти та її значення в реалізації завдань по підвищенню якості освіти в Україні з метою виховання населення країни та його підготовки до адаптації в умовах інтеграції країни в Європейське співтовариство. Сьогодні ставить перед суспільством нову мету, пропонує нові стандарти життя. Для реалізації нових завдань недостатньо лише мати сучасні знання. Треба вміти ефективно їх використовувати для досягнення поставленої мети. Це вимагає від членів суспільства неперервного навчання протягом усього активного життя. Для цього необхідно мати освітні заклади нового типу, які могли б забезпечити реалізацію окресленої мети, даючи змогу навчатися всім бажаючим незалежно від віку. Одним із яскравих прикладів освітніх закладів такого типу є Харківський гуманітарний університет «Народна українська академія»

Ключові слова: концепція, неперервна освіта, критерії, принципи, організація, забезпечення.

Yariz Yevgenii. The Implementation of Lifelong Learning Principles in Kharkiv University of Humanities ‘People’s Ukrainian Academy’ as Exemplified By the Teaching of Spanish

The article deals with the development of the Lifelong Learning concept in Ukraine and its implementation on the basis of Kharkiv University of Humanities “People’s Ukrainian Academy”. The author aims to get an insight into the legal framework for the implementation of the concept. The article analyzes the prerequisites which determined the necessity for Lifelong Learning development, discusses the concept of the phenomenon and considers the main criteria and principles of its implementation. The ways of ensuring the continuity of education and its importance in implementing the tasks to improve the quality of education in Ukraine in order to educate the population in the country and prepare it for adaptation in the context of integration into the European space have been determined. Nowadays sets a new goal for society, offers new standards of life. To face new challenges, acquiring modern knowledge is simply not enough. One must be able to use it effectively, so that to achieve their goal. Thus, the members of society are required to learn continuously throughout their active lives. To do this, it is necessary to have a new type of educational institutions that could ensure the implementation of the abovementioned goal, allowing everyone to study, regardless of their age. One of the brightest examples of the educational

institutions of this type is Kharkiv University of Humanities “People’s Ukrainian Academy”.

Key words: concept, Lifelong Learning, criteria, principles, organization, provision.

Современная социокультурная ситуация в Украине указывает на настоятельную необходимость реализации принципов непрерывности образования в стране.

Начало нового тысячелетия характеризуется глубокими изменениями во всех сферах деятельности общества, в том числе в сфере образования, одной из особенностей которого является его выход за рамки отношения «государство – образование». Рынок начинает диктовать свои правила игры, и это вынуждает образование перестраивать свои порядки. Современный рынок труда стимулирует систему образования к пересмотру своей роли в период реализации вопросов, связанных с проблемой «многоуровневого образования». В современных условиях важнейшей характеристикой непрерывного образования является то, что оно помогает человеку эффективно преодолевать кризисные, профессиональные и жизненные ситуации. Строго говоря, непрерывное образование – это развитие способности субъекта обучаться, адекватно воспринимая окружающую его действительность [1].

Являясь современной альтернативной системой взглядов на развитие образования, непрерывное образование предусматривает:

- учебную деятельность индивидуума как неотъемлемую и естественную часть его образа жизни;
- более рациональное распределение периодов обучения в сочетании с трудовой деятельностью человека на протяжении всей его жизни;
- подразделение образования на базовое и на профессиональное;
- приобретение необходимых знаний, навыков и умений, по мере возникновения потребности в них;
- необходимость целостного и согласованного преобразования всех ступеней образовательной лестницы и дополнение ее новыми ступенями, рассчитанными на все периоды жизни.

В этой связи главным смыслом непрерывного образования является постоянное творческое обновление, развитие и совершенствование каждого человека на протяжении всей жизни, а одной из основных целей – расширение и диверсификация образовательных услуг и деятельности. Рассматривая базовое образование как надежный фундамент успешного овладения профессиональными знаниями, умениями и навыками в любой сфере деятельности человека, мы должны отметить тот факт, что роль непрерывного профессионального образования в период быстрых перемен современного общества трудно переоценить [2].

Однако, несмотря на имеющиеся уже успехи его реорганизации на современном этапе развития, непрерывное профессиональное образование сталкивается с рядом проблем, требующих быстрее решения.

Среди основных проблем нужно отметить неспособность государственной системы профессионального образования оперативно реагировать на динамично изменяющиеся требования к подготовке специалистов нового поколения.

Второй проблемой является инертность традиционных подходов к формированию содержания профессионального образования, которая не способна решить новые задачи с максимальным учетом требований современных образовательных стандартов развития личности и ее профессионального образования.

Остро ощущается отсутствие достаточного количества современных образовательных учреждений непрерывного образования, отвечающих запросам определенных социальных групп населения и удовлетворяющих их потребности в получении непрерывного профессионального образования.

И наконец, проблемы части профессионально-педагогического сообщества, связанные с созданием и реализацией собственных инновационных образовательных практик на каждом этапе развития образования, которые позволяют гибко реагировать на запросы общества в отличие от традиционной системы профессионального образования.

Фундаментальной основой для модернизации и функционирования

современной системы образования является педагогика непрерывного образования.

Ее функции определены такими принципами как: научность, интеграция, дифференциация, преемственность, координация, диалогизм и др.

Принцип научности обеспечивает развитие педагогики непрерывного образования теоретически обоснованными и практически апробированными методами обучения и воспитания.

Принцип интеграции в педагогическом процессе отражает связь между содержанием, формами и методами непрерывного образования, обеспечивает состояние связанности как внутри, так и между элементами педагогического процесса.

Принцип дифференциации подразумевает создание условий для проявления индивидуальных особенностей личности, а также ведет к разделению системы непрерывного образования на отдельные этапы с их специфическими признаками.

Принцип преемственности является одним из необходимых в педагогике непрерывного образования. Сущность преемственности состоит в сохранении элементов системы непрерывного образования при переходе к новому состоянию. Именно преемственность позволяет успешно реализовать задачи непрерывного образования в системе образовательных учреждений: дошкольное образовательное учреждение – школа – лицей – колледж – вуз – курсы повышения квалификации и т. д.

Принцип координации помогает изучать и использовать особенности механизма взаимодействия субъектов непрерывного образования во всех звеньях педагогического процесса. Координация направлена на достижение основной цели – формирование ценностного отношения личности к непрерывному образованию. [3]

Принцип диалогизма подразумевает равноправное сотрудничество и взаимодействие обучающего и обучаемого.

Харьковский гуманитарный университет «Народная украинская академия» по праву является одним из первых национальных образовательных центров, который разработал и успешно реализовал принципы непрерывного образования на базе своего комплекса.

История ХГУ «НУА» началась в далеком 1991 году. Под руководством первого ректора Астаховой Валентины Илларионовны на карте Украины появился уникальный научно-образовательный центр. Вместе с коллективом единомышленников и соратников ей удалось осуществить задуманное шаг за шагом: в 1996 г. вновь созданный вуз получил государственное признание и полную аккредитацию по III уровню, а в 2002 г. – по наивысшему IV, был принят в члены Европейской ассоциации международного образования, определен как экспериментальная площадка Министерства образования и науки Украины по отработке нового образовательного модуля.

Комплекс представляет собой пирамиду, состоящую из следующих подразделений:

1. Детская школа раннего развития (ДШРР);
2. Специализированная экономико-правовая школа (СЭПШ)
3. Харьковский гуманитарный университет (ХГУ)

Своеобразной вершиной пирамиды, создающей условия для получения непрерывного образования, является университет, который имеет IV уровень аккредитации и ведёт подготовку экономистов (факультет «Бизнес-управление»), лингвистов (факультет «Референт-переводчик») и социологов (факультет «Социальный менеджмент»).

Кроме перечисленных подразделений в ХГУ «НУА» работают: центр довузовской подготовки; центр дополнительного образования; факультет заочно-дистанционного обучения и факультет последипломного образования.

Факультет «Референт-переводчик» занимается подготовкой специалистов со знанием двух иностранных языков. Наряду с английским языком студенты факультета изучают испанский, немецкий и французский языки.

Днем основания факультета «Референт-переводчик» можно считать 27 августа 1992 года. 13 сентября 1992 г. состоялось первое посвящение в студенты Харьковского гуманитарного института «Народная украинская академия». Набор составил 154 человека, 54 из них стали студентами факультета РП.

С тех пор факультет выпустил 420 специалистов, которые нашли применение своим знаниям и умениям в разных странах мира.

Подводя итоги можно уверенно сказать о том, что в ходе реализации программы непрерывного образования на всех этапах ее апробации на базе ХГУ «НУА» были достигнуты положительные результаты, которые могут служить ориентиром для других образовательных центров.

Список литературы

1. Астахова В. И. Эксперимент із запровадження безперервної освіти (з досвіду Народної української академії) / В. Астахова // Вища шк. – 2010. – № 2. – С. 5–13.

2. Астахова В. И. Воспитание на традициях: некоторые вопросы методологии и методики : [из опыта ХГУ «НУА»] / В. И. Астахова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – 2008. – Т. 14. – С. 7–21.

3. Астахова В. И. Приватные вузы как экспериментальный полигон системы образования / В. И. Астахова // Инновационность в образовательной деятельности: методология, методика, практика / М-во образования Украины ; ХГИ «НУА». – Харьков, 1997. – С. 36–47.

4. Астахова В. И. Воспитательная работа в высших учебных заведениях нового типа: сущность и детерминанты / В. И. Астахова, Н. Г. Чибисова // Приватная высшая школа в объективе времени: украинский вариант : моногр. / под общ. ред. В. И. Астаховой ; Харьк. гуманітар. ін-т «Нар. укр. акад.». – Харьков, 2000. – С. 306–331.

5. Астахова Е. В. Современный студент: риски адаптации к условиям непрерывного образования / Е. В. Астахова // Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2013. – Т. 19. – С. 40–48.

6. Чибисова Н. Г. Изменение ценностных ориентаций образования в современных условиях // Образование, общество, культура : моногр. / Нар. укр. акад. ; под общ. ред. В. Ф. Сухиной. – Харьков : Изд-во НУА, 2006. – 252 с.

References

1. Astahova, V. I. (2010). Eksperiment iz zaprovadzhennja bezpererвної osviti (Z dosvidu Narodnoї ukrainśkoї akademii) [Continuing Education Experiment (From the Experience of the People's Ukrainian Academy)]. *Vishha shkola*, 2, pp. 5–13.

2. Astahova, V. I. (2008). Vospitanie na tradicijah: nekotorye voprosy metodologii i metodiki: [iz opyta HGU «NUA»] [Education on traditions: some issues of methodology and methodology]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, 14, pp. 7–21.

3. Astahova, V.I. (1997). Privatnye vuzy kak jeksperimental'nyj poligon sistemy obrazovanija [Private universities as an experimental training ground for the education system]. In: *Innovacionnost' v obrazovatel'noj dejatel'nosti: metodologija, metodika, praktika*. Khakov, pp. 36–47.
4. Astahova, V. I., Chibisova, N. G. (2000). Vospitel'naja rabota v vysshih uchebnyh zavedenijah novogo tipa: sushhnost' i determinanty [Educational work in higher education institutions of a new type: essence and determinants]. In: *Privatnaja vysshaja shkola v obektive vremeni: ukrainskij variant*. Khakov, pp. 306–331.
5. Astahova, E. V. (2013). Sovremennyj student: riski adaptacii k uslovijam nepreryvnogo obrazovanija [The modern student: risks of adaptation to the conditions of continuing education]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, 19, pp. 40–48.
6. Chibisova, N.G. (2006). Izmenenie cennostnyh orientacij obrazovanija v sovremennyh uslovijah [Change in the value orientations of education in modern conditions]. In: V.F. Suhinoj, ed., *Obrazovanie, obshhestvo, kul'tura*. Khakov, Izd-vo NUA, 252 p.

УДК 811'25:37.063

<http://doi.org/10.5281/zenodo.3707914>**В. В. Ильченко, Е. В. Карпенко****РОЛЬ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ
ПРИНЦИПОВ ХГУ «НУА» В
ФОРМИРОВАНИИ МОДЕЛИ
ВЫПУСКНИКА ФАКУЛЬТЕТА
«РЕФЕРЕНТ-ПЕРЕВОДЧИК»**

Авторы подробно рассматривают сформировавшиеся и оформившиеся в систему в течение двадцатипятилетней деятельности вуза системообразующие принципы обучения, характерные для Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» (ХГУ «НУА»), и их роль в разработке и создании интегрированной трехуровневой модели выпускника ХГУ «НУА» и модели выпускника факультета «Референт-переводчик» в частности. На примере *принципа инновативности обучения* было рассмотрено влияние системообразующих принципов на содержание *блоков компетенций, формируемых у выпускника* факультета «Референт-переводчик», в частности на блоки общепрофессиональных и профессиональных компетенций. В качестве подтверждения обоснованности опоры на системообразующие принципы при формировании

содержательной составляющей раздела компетенций модели выпускника факультета «Референт-переводчик» приводятся данные экспериментов по использованию адаптивного пакета тестирования TeachLab TestMaster, проведенных на кафедрах факультета. Высказывается предположение о целесообразности регулярного пересмотра набора компетенций в модели выпускника с учетом развития образовательных ИТ-технологий и требований рынка труда.

Ключевые слова: системообразующие принципы, модель выпускника, компетенции, образовательные ИТ-технологии, общепрофессиональные компетенции, профессиональные компетенции.

Ільченко В. В., Карпенко О. В. Роль системотворчих принципів ХГУ «НУА» у формуванні моделі випусника факультету «Референт-перекладач»

Автори докладно розглядають системотворчі принципи навчання, характерні для Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» (ХГУ «НУА»), що протягом двадцятип'ятирічної діяльності внз склалися та оформилися в систему, та їх роль у розробці і створенні інтегрованої трирівневої моделі випусника ХГУ «НУА» та моделі випусника факультету «Референт-перекладач» зокрема. На прикладі принципу інновативності навчання було розглянуто вплив системотворчих принципів на визначення блоків компетенцій, що формуються у випусника факультету «Референт-перекладач», зокрема на блоки загально-професійних і професійних компетенцій. У якості підтвердження обґрунтованості опори на системотворчих принципи при формуванні змістової складової розділу моделі компетенцій випусника факультету «Референт-перекладач» наводяться дані експериментів з використання адаптивного пакету тестування TeachLab TestMaster, що проведені на кафедрах факультету. Висловлюється припущення що до доцільність регулярного перегляду набору компетенцій в моделі випусника з урахуванням розвитку освітніх ІТ-технологій та вимог ринку праці.

Ключові слова: системотворчі принципи, модель випусника, компетенції, освітні ІТ-технології, загально-професійні компетенції, професійні компетенції.

Ilchenko Valeria, Karpenko Elena. The role of the system-forming principles of KhUH “PUA” in the formation of the model of the graduate of the “Translator and interpreter” department

The authors present a serious consideration of the system-forming education principles characteristic of Kharkov University of Humanities “People’s Ukrainian Academy” (KhUH “PUA”) that have been formed and finalized into a system within the twenty-five-year activities of the University as well as their role in the development and creation of an integrated three-level model of the PUA graduate and the model of the “Translator and interpreter” department graduate in particular. As exemplified by the principle of innovative education, the influence of the system-forming principles on the content of the competence blocks laid down for the “Translator and interpreter” department graduate – the blocks of general professional and professional competences in particular – has been considered. The experimental findings of the educational use of the adaptive test package

TeachLab TestMaster at the “Translator and interpreter” department have been used to validate the use of the system-forming principles in the formation of the contents part of the competence section of the “Translator and interpreter” department graduate model. It is suggested that it is expedient to regularly revise the set of competencies in the graduate model, taking into account the development of the educational IT-technologies and the requirements of the labor market.

Key words: system-forming principles, graduate model, competences, educational IT-technologies, general professional competences, professional competences.

Закономерным результатом деятельности современной образовательной системы в целом и конкретного учебного заведения в частности является подготовка специалиста, обладающего неким набором профессиональных и личностных свойств и качеств, соответствующих определенному образовательному уровню [4]. Такая система знаний, умений и навыков формируется в соответствии с моделью специалиста, которая представляет собой некий синтезированный образ выпускника, сформировавшийся под влиянием таких «объективных» требований как образовательные стандарты и нормативные акты по вопросам образования, и «субъективных» факторов в виде культурно-образовательной среды и концептуальных основ образовательной деятельности конкретного учебного заведения.

Говоря о модели выпускника ХГУ «НУА» и факультета «Референт-переводчик» в частности, необходимо отметить ряд характеристик, в которых заключается ее принципиальное отличие от аналогичных моделей других вузов.

1) Многоуровневость. Так как ХГУ «НУА» представляет собой инновационный образовательный комплекс, в рамках которого функционирует детская школа раннего развития (ДШРР), общеобразовательная специализированная экономико-правовая школа (СЭПШ) и собственно гуманитарный университет (ХГУ), то модель выпускника ХГУ «НУА» (и факультета «Референт-переводчик» в частности) является трехуровневой системой.

2) Непрерывность и интегрированность. Поскольку одним из базовых принципов деятельности ХГУ «НУА» является принцип непрерывного образования, то и для модели выпускника вуза харак-

терна непрерывность и интегрированность. Данная характеристика обеспечивает, во-первых, непрерывность и преемственность формирования определенного набора профессиональных и личностных свойств и качеств выпускника любой ступени, во-вторых, плавный и безболезненный переход учащихся с одной образовательной ступени на другую с последующей минимальной адаптацией, и, в-третьих, – в последствии – оптимальное выполнение ими профессиональных функций в условиях рыночных отношений и успешную жизнедеятельность в трансформирующемся обществе.

3) Компетентностно-ориентированность. С точки зрения данной характеристики, модель выпускника ХГУ «НУА» представляет собой персонифицированный результат образования на каждой конкретной образовательной ступени – подготовленность выпускника к осуществлению социальной, учебной и/или профессиональной деятельности, профессионально-личностному самосовершенствованию, меру соответствия его знаний, умений, навыков, личностных качеств и психических свойств компетенциям, характерным для той или иной образовательной ступени – и обобщенный показатель успешности учебно-воспитательной деятельности ХГУ «НУА» как комплекса непрерывного образования [1].

Как отмечалось ранее, немаловажную роль в достижении образовательных результатов и формировании модели выпускника играют концептуальные основы образовательной деятельности конкретного учебного заведения, в том числе и его система базовых принципов обучения. Большинство из них, будучи сформулированными на основе законов и закономерностей, являются универсальными и отражают теоретические подходы к организации образовательного процесса во всех учебных заведениях, независимо от их типа. Однако, в контексте ХГУ «НУА», такая система также будет иметь ряд отличительных особенностей. В нашем случае представляется возможным говорить ни об отдельных ведущих принципах, характерных для каждой образовательной ступени комплекса в отдельности, ни даже об их совокупности, а о совокупности главенствующих принципов, являющихся стержневыми для всего научно-учебно-образовательного комплекса непрерывного образования в целом. К таким системообразующим

принципам обучения в ХГУ «НУА», выкристаллизовавшимся в результате двадцатипятилетнего опыта работы вуза, относятся: принцип преемственности, непрерывности и перспективности; принцип коллективизма; принцип элитарности обучения; принцип *единства образовательных, развивающих и воспитательных функций обучения*; принцип инновативности обучения.

Вышеперечисленные системообразующие принципы обучения, наряду с «классическими» общедидактическими принципами, легли в основу модели выпускника факультета «Референт-переводчик».

В основе формирования проективной модели личности выпускника ХГУ «НУА», не зависимо от образовательной ступени, лежат локомотивная, адаптивная и компетентностно-ориентированная стратегии [2].

С точки зрения же компетентностного подхода, ядром модели выпускника факультета «Референт-переводчик» являются компетенции, которые целенаправленно, непрерывно и последовательно формируются на всех этапах обучения на факультете. Среди них ключевые надпрофессиональные, общепрофессиональные, профессиональные, предметно-цикловые и предметные компетенции, которыми должен обладать выпускник факультета «Референт-переводчик» в области профессиональной (переводческой, учебно-воспитательной, научно-исследовательской) деятельности.

Принцип инновативности обучения нашел свое отражение практически во всех блоках компетенций, формируемых у выпускника факультета «Референт-переводчик», поскольку «применение новых технологий» является одним из главных принципов деятельности Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия», обеспечивающим интеграцию различных информационных источников с использованием современных информационно-коммуникационных технологий в единую образовательно-информационную среду вуза в целом и факультета «Референт-переводчик» в частности [5].

В современном обществе осуществление процесса межъязыковой и межкультурной коммуникации требует от переводчика применения определенных знаний и умений в области информационно-

коммуникационных технологий, основными из которых на сегодняшний день являются:

- электронный документооборот;
- работа с пакетами прикладных программ;
- получение оперативной информации;
- связь с удаленными партнерами;
- принятие компетентностных решений;
- ввод и систематизация данных.

Перечисленные направления деятельности современного переводчика требуют как теоретических знаний, так и практических навыков в области информационно-коммуникационных технологий. Поэтому инновативность обучения, в частности использование современных информационно-коммуникационных технологий, отражены практически во всех блоках потенциальных компетенций выпускника факультета: 1) в рамках блока общепрофессиональных компетенций познавательная (гностическая) компетенция предусматривает умение будущего переводчика осуществлять поиск информации с использованием любых IT-технологий, информационных носителей и поисковых систем; 2) в блоке профессиональных компетенций:

а) языковая компетенция наряду с текстообразующей, коммуникативной, экстралингвистической, социокультурной и психофизиологической компетенциями включает также и информационно-технологическую компетенцию;

б) производственно-педагогическая компетенция в том же блоке представляет собой умение и готовность приобретать в течении всей профессиональной деятельности новые общие и профессиональные знания, используя современные технологии обучения, в том числе и IT-технологии.

Информационный взрыв и ускоренные темпы прироста научной информации в эпоху цифровых технологий ставят перед образовательной средой глобальную проблему – увеличение количества и повышение качества учебной информации при сокращающемся количестве учебного времени, за которое должна быть усвоена эта информация. Цифровизация, которая все глубже и глубже проникает

в систему образования, качественно изменяя профессиональную подготовку специалистов – переводчиков в частности – в условиях информационного общества. Непрерывная работа в данном направлении ведется на кафедрах факультете «Референт-переводчик» практически с самого его основания.

Так, на кафедре теории и практики перевода, с 2007 по 2008 год проводился эксперимент по использованию адаптивного пакета тестирования TeachLab TestMaster в процессе обучения аспекту «Деловая корреспонденция». Программа доказала свою эффективность как в качестве средства контроля, так и средства обучения на следующих этапах педагогического процесса: предъявление учебной информации, усвоение учебного материала, промежуточный и итоговый контроль, самоконтроль и коррекция процесса обучения и его результатов [3]. Помимо этого, в результате эксперимента было подтверждено, что использование адаптивных тестирующих программ на стадии усвоения учебного материала способствует формированию профессиональной технической компетенции переводчика, т.е. комплекса специфических умений и навыков, необходимых для осуществления переводческой деятельности, а именно:

- умение выполнять параллельные действия на двух языках, быстро переключаясь с одного языка на другой при широком использовании полуавтоматической подстановки готовых соответствий;
- умение выстраивать синонимические ряды, правильно использовать слова-синонимы в языке перевода (ПЯ), осуществлять выбор между ними;
- умение преодолевать трудности, связанные с лексическими, фразеологическими и стилистическими особенностями исходного языка.

Подытоживая вышесказанное, можно сделать выводы о том, что изменение парадигмы результата образования в условиях информационного общества требует от преподавателей ХГУ «НУА», и преподавателей перевода в частности, решения принципиально новой проблемы – подготовки специалистов, обладающих информационно-технологической компетенцией и навыками решения профессиональных задач на ее основе. В настоящее время существует насущ-

ная необхідність не тільки дальнішого змінення професійної підготовки майбутніх перекладачів, але й перегляду самої форми їх професійних, перекладацьких, компетентностей з боку акцентування їх інформаційно-технологічної складової [2]. Така робота повинна проводитися планово і послідовно, враховувати не тільки сучасні тенденції в сфері освіти і потреби роботодавців, але й особливості культурно-освітнього середовища, характерного для кожного конкретного ВНУ. Результати такої роботи повинні знаходити своє відображення в моделі випускника спеціальності, яка повинна регулярно переглядатися з урахуванням викликів сучасного суспільства.

Список літератури

1. Бондарь Т. И. Интегрированная модель выпускника НУА: обобщенный результат образовательной деятельности вуза в условиях непрерывного образования / Т. И. Бондарь, В. В. Ильченко, З. И. Шилкунова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2015. – Т. 21. – С. 17–28.
2. Ильченко В. В. Информационно-технологическая компетенция как компонент профессиональной подготовки переводчика / В. В. Ильченко, Е. В. Карпенко // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна : Сер. Романо-герм. філол. – 2010. – № 897. – С. 181–185.
3. Ильченко В. В. Использование адаптивных тестирующих программ в формировании переводческой компетенции / В. В. Ильченко, Е. В. Карпенко // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2010. – Т. 16. – С. 97–107.
4. Ильченко В. В. Системообразующие принципы обучения в ХГУ «НУА» // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2016. – Т. 22. – С. 71–83.
5. Непрерывное образование в контексте образовательных реформ в Украине: моногр. / [авт. кол. В.И. Астахова, Е.Г. Михайлева, Е.В. Астахова и др.]; под общ. ред. В.И. Астаховой; Нар. укр. акад. – Харьков: Изд-во НУА, 2006. – 300 с.

References

1. Bondar, T. I., Ilchenko, V. V., Shilkunova Z. I. (2015). *Integrirovannaya model vypusknika NUA: obobshchennyj rezultat obrazovatelnoj deyatel'nosti vuza v usloviyah nepreryvnogo obrazovaniya*. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, V. 21, pp. 17–28.
2. Ilchenko, V. V., Karpenko, E. V. (2010). *Informacionno-tehnologicheskaya*

kompetenciya kak komponent professionalnoj podgotovki perevodchika. *Vestnik Harkovskogo nacionalnogo universiteta imeni V. N. Karazina*, 897, pp. 17–28.

3. Ilchenko, V. V., Karpenko, E. V. (2010). Ispolzovanie adaptivnyh testiruyushchih programm v formirovanii perevodcheskoj kompetencii. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, V. 16, pp. 97–107.

4. Ilchenko, V. V., (2016). Sistemoobrazuyushchie principy obucheniya v HGU «NUA». *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, V. 22, pp. 71–83.

5. Astahova, V. I. (ed.) (2006). Nepreryvnoe obrazovanie v kontekste obrazovatelnyh reform v Ukraine : monografiya. *Izdatelstvo NUA*, 300 p.

А. А. Ивахненко

СОХРАНЕНИЕ ИДИОСТИЛЯ Э. ДИКИНСОН В РУССКИХ И УКРАИНСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Объектом настоящей статьи является проблема поэтического перевода, предметом – сложности передачи идиостиля. Материалом служит творчество

Э. Дикинсон и его переводы, выполненные украинскими и российскими переводчиками. Актуальность исследования подтверждается неиссякаемым интересом ученых к творчеству американской поэтессы. Новизна проведенного анализа видится нам в попытке представить комплексную характеристику идиостиля Э. Дикинсон. Цель статьи – выделить некоторые тенденции, появившиеся в отношении анализа поэтических оригиналов и переводов за последние 10 лет. В статье рассматривается история анализа художественного творчества, в целом, и стиля Э. Дикинсон, в частности. Отмечается влияние на теорию перевода других направлений гуманитарной науки: психологии, философии, литературоведения и пр. Рассматривается понятие идиостиля, выделяются стилеобразующие факторы, например: социальные и исторические условия; соотносительность традиции и новаторства в отдельном тексте или во всем корпусе текстов того или иного писателя; жанровые признаки текста. Автор статьи соглашается с определением Л. Ставицкой: «идиостиль – это образ индивидуального языкового мышления писателя; глубинные механизмы формирования языковой личности». Автор статьи отмечает, что за последние десять лет интерес к целостному анализу поэтических произведений. В отношении украинских переводов, исследователь приходит к выводу о том, что переводчики поэзии Э. Дикинсон стремились передать художественное единство формы и содержания, сохранить и символику, и систему образов текстов, однако это не всегда им удавалось из-за объективно существующей разницы между английским и украинским языками.

Ключевые слова: идиостиль, образ Бога, образ смерти, поэтический перевод, система образов, Э. Дикинсон.

Івахненко А.О. Збереження ідіостилю Е. Дікінсон у російських і українських перекладах.

Об'єктом статті є проблема поетичного перекладу, предметом – складності передачі ідіостилю. Матеріалом служить творчість Е. Дікінсон і її переклади, виконані українськими й російськими перекладачами. Актуальність дослідження підтверджується невичерпним інтересом науковців до творчості американської поетеси. Новизна проведеного аналізу вбачається у спробі представити комплексну характеристику ідіостилю Е. Дікінсон. Ціль статті – виділити деякі тенденції, що з'явилися відносно аналізу поетичних оригіналів і перекладів за останні 10 років. У статті розглядається історія аналізу художньої творчості, у цілому, і стилю Е. Дікінсон, зокрема. Відзначається вплив на теорію перекладу інших напрямків гуманітарної науки: психології, філософії, літературознавства та ін. Розглядається поняття ідіостилю, виділяються стилеутворюючі фактори, наприклад: соціальні й історичні умови; співвіднесеність традиції й новаторства в окремому тексті або у всьому корпусі текстів того чи іншого письменника; жанрові ознаки тексту. Автор статті погоджується з визначенням Л. Ставицької: «ідіостиль – це образ індивідуального мовного мислення письменника; глибинні механізми формування мовної особистості». Автор статті відзначає, що за останні десять років інтерес до цілісного аналізу поетичних добутків значно виріс. Відносно українських перекладів, дослідниця доходить висновку про те, що перекладачі поезії Е. Дікінсон прагнули передати художню єдність форми й змісту, зберегти й символіку, і систему образів текстів, однак це не завжди їм вдалося через об'єктивно існуючу різницю між англійською і українською мовами

Ключові слова: Е. Дікінсон, ідіостиль, образ Бога, образ смерті, поетичний переклад, система образів

Ivakhnenko Antonina. Keeping E. Dickinson's individual style in Russian and Ukrainian translations

The object of this article is the problem of poetry translation, the subject is the difficulty of transmitting the individual style of a poet. The material is the works by E. Dickinson and their translations made by Ukrainian and Russian translators. The relevance of the study is confirmed by the inexhaustible interest of scientists to the works of the American poetess. The novelty of the analysis is seen in an attempt to present a comprehensive description of the individual style of E. Dickinson. The purpose of the article is to highlight some trends that have emerged in relation to the analysis of poetry originals and translations over the past decade. The article deals with the history of the analysis of artistic creativity, in general,

and the style of E. Dickinson, in particular. The influence of various areas of the humanities (psychology, philosophy, literary criticism, etc.) on the Translation Studies is noted. The concept of individual style is considered, style-forming factors are highlighted, for example: social and historical conditions; the correlation of tradition and innovation in a single text or in the entire corpus of texts of a writer; genre features of the text. The author of the article agrees with the definition of L. Stavitska: “The individual style is the image of a writer’s individual language thinking; deep mechanisms of forming a language personality”. The author notes that over the past ten years, interest in a holistic analysis of poetic works has grown. With regard to Ukrainian translations, the researcher concludes that the translators of E. Dickinson’s poetry sought to convey the artistic unity of the form and content, to preserve both the symbolism and the system of images of the texts, but this was not always possible to achieve because of the objectively existing difference between the English and Ukrainian languages.

Key words: E. Dickinson, image of God, image of death, individual style, poetry translation, system of images

Объектом настоящей статьи является проблема поэтического перевода, *предметом* – сложности передачи идиостиля. *Материалом* служит творчество Э. Дикинсон и его переводы, выполненные украинскими и российскими переводчиками. *Актуальность* исследования подтверждается неиссякаемым интересом ученых к творчеству американской поэтессы. *Новизна* проведенного анализа видится нам в попытке представить комплексную характеристику идиостиля Э. Дикинсон. *Цель* статьи – выделить некоторые тенденции, появившиеся в отношении анализа поэтических оригиналов и переводов за последние 10 лет.

Для начала совершим небольшой экскурс в историю анализа художественного творчества, в целом, и стиля конкретного автора, в частности.

Интересно отметить, что теоретики литературы и перевода активно использовали результаты исследований, выполненных в других областях науки: так, в рамках нашей статьи имеет смысл упомянуть интерес ученых к работам известного психоаналитика К. Г. Юнга, конкретнее – его разработку теории архетипов. Согласно К. Г. Юнгу, архетипы – это древнейшие, первоначальные типы, то

есть старинные, общеизвестные образы [18]. Архетипы неизбежно появляются в художественном тексте, пронизывают его, и одна из задач анализа произведения может состоять в обнаружении архетипов и описание способа их существования в общем контексте.

В перечне моделей анализа художественного творчества следует также ненадолго остановиться на экзистенциальной модели. Так, по мнению М. Хайдеггера, единственным источником произведения является его автор, который описывает не объективную, окружающую его реальность, а выражает себя через творчество [16].

В конце двадцатого века психологией творчества также интересуется Г. Вязовский: в своей работе [3, с. 335] ученый рассматривает бессознательное и подсознательное в психике писателя, способность творческого мышления, в целом, к ассоциативности, называет такое мышление «способом высказывания авторского «я» в художественном произведении». Г. Вязовский полагает, что импульсом для возникновения произведения служит индивидуально-эмоциональное восприятие условий окружающей среды.

В целом, исследователи отмечают, что на творческую личность различные события (как реальные, так и выдуманные), влияют гораздо сильнее, чем на обычного человека. Когда писатель не реагирует на то или иное событие немедленно, его впечатления постепенно накапливаются и вступают во взаимодействие. Накопление впечатлений в результате ведет к возникновению базовой эмоции, которая со временем преобразуется в творческую мысль [15, с. 132–138]. Как отмечает в своей работе «Эволюция форм художественного обобщения» Н. М. Шляхова, «Конфликт идеального с реальным предопределяет эстетический выбор художника – субъективный, откровенно личностный образ художественного обобщения» [17, с. 52].

Поскольку любой писатель, по мнению И. Томбулатовой, осмысливает жизнь, вообще, и свой жизненный опыт, в частности, через эмоцию (хоть бы каким длинным и напряженным был сам процесс осмысления), она, в свою очередь, отражается в символизации объектов. Чем больше таких эмоциональных реакций, тем четче формируется ощущения жизни, в целом. Ощущение жизни и особенности символизации объектов, по нашему мнению, и есть то,

что создает особый, неповторимый, *стиль письма* того или другого писателя.

Взгляды на то, что же такое идиостиль, сегодня очень отличаются друг от друга. Так, В. В. Иванов считает, что XX ст. характеризуется развитием «семиотических игр», вызывающих у творческой личности появление одновременно нескольких языков [9]. С таким взглядом на идиостиль не соглашается С. И. Гиндин: по словам последнего, за широким «диапазоном языковых преобразований» творческой индивидуальности всегда можно увидеть «структурообразующий стержень творчества» [4, с. 77–79].

Говоря об индивидуальном стиле писателя, следует понимать, что данное явление отличается сложностью. Так, Д. С. Лихачев предлагает принимать во внимание при анализе стиля целый ряд факторов, а именно: социальные и исторические условия; соотносительность традиции и новаторства в отдельном тексте или во всем корпусе текстов того или иного писателя; жанровые признаки текста и многое другое [12, с. 254].

Г. Ливерски, в свою очередь, распределяет вышеуказанные факторы на индивидуальные и общепринятые, или формальные: к первым он относит «профессию, душевные склонности», а ко вторым – «целую эпоху или, наоборот, небольшой промежуток времени, социальную группу писателя, языковую ситуацию» [19, с. 452]. Г. Ливерски подчеркивает, что каждый фактор вызывает возникновение особого индивидуального стиля, который в разных текстах проявляется с разной интенсивностью. Естественным образом, переводчик должен ощущать разные степени интенсивности такого стиля в разных произведениях одного автора [19, с. 452].

Как считает В. Григорьев, попытка растолковать понятие идиостиля должна идти в направлении выявления «глубинной семантической и категориальной связи его элементов», благодаря которым творческий путь писателя отражается в его речи [5].

Стиль писателя, согласно В. Жирмунского, – целостное явление; он означает не только «фактическое сосуществование разных приемов, а и внутреннюю взаимную их обусловленность, органическую или систематическую связь, которая существует между отдельными

приемами. Художественный стиль писателя является выражением его мировоззрения, воплощенного в образах языковыми средствами» [6, с. 405].

Оригинальное определение индивидуального стиля предлагает известная американская писательница и литературный критик С. Зонтаг: «Стиль – это принцип принятия решения в художественном произведении, печать воли художника. А поскольку человеческая воля может иметь бесконечное количество проявлений, то существует также и бесконечное количество возможных стилей для художественных произведений» [8, с. 320].

По определению Л. Ставицкой, «идиостиль – это образ индивидуального языкового мышления писателя; глубинные механизмы формирования языковой личности» [14]. По мнению же известного лексикографа Н. Засориной, поскольку по своей природе индивидуальная речь является социо-коммуникативным явлением, то и анализ идиостиля должен проводиться на внеязыковом уровне, а именно, принимая во внимание профессиональные, историко-культурные, психофизические и другие факторы, которые повлияли на избранный писателем «способ использования языковых ресурсов» [7, с. 320].

По определению Н. Сологуб, «язык художественного стиля возникает не как совокупность языковых средств отдельных уровней и не как набор тропов, а как художественная целостность, как текст, которым “дирижирует” личность автора, его мировоззрение» [13, с. 34].

Подведем первые выводы. Понятие идиостиля на сегодняшний день рассматривается с трех позиций. К *первой* можно отнести определения, которые акцентируют, прежде всего, языковой и/или языково-стилистический слой творчества писателя; ко *второй* – определения, в первую очередь, акцентирующие внимание на авторском мировоззрении, его душевных склонностях; к *третьей* – определения, учитывающие объективную ситуацию вокруг автора: эпоху, в которую он или она жили; социальную группу, к которой принадлежали; языковую ситуацию, в которой выросли и/или находились в творческий период.

За последние десять лет интерес к целостному анализу поэтических произведений, анализу передачи всех особенностей стиля автора на всех уровнях (графическом, пунктуационном, языковом и пр.) значительно возрос, как и упрочился интерес к творчеству американской поэтессы Эмили Дикинсон, в частности. В качестве примера достаточно, на наш взгляд, привести две диссертации, защищенные в соседнем государстве [1; 2]. Рассмотрим их подробнее.

Т. Ю. Боровкова в своей диссертации выделяет главную особенность творчества Эмили Дикинсон, центральную доминанту ее произведений – сомнение, нежелание придерживаться конкретного философского течения или религии. Исследователь отмечает, что в целом, противоречия «являются неизбежным условием познания окружающей действительности» [2, с. 6]. Т. Ю. Боровкова придерживается той же мысли, которую мы высказывали в статье «Образ Бога в творчестве Э. Дикинсон» [10], а именно: хотя религиозные настроения в ближайшем окружении американской поэтессы, несомненно, оказали колоссальное влияние на становление ее мировоззрения и поэтического дара, «бунт поэтессы против устоявшихся догм привел к крайне неоднозначному толкованию ею вопросов религии и веры» [2, с. 7]. Эмили Дикинсон и тянется к Богу, и отвергает или критикует Его, и даже сомневается в правдивости ряда положений Библии – однако образ Бога является, несомненно, одним из центральных в ее творчестве.

Вторым центральным образом, как мы отмечали в статье «Образ смерти в творчестве Э. Дикинсон: проблема передачи в переводе» [11], и как указывает в своем исследовании Т. Ю. Боровкова [2, с. 7], является смерть. Противоречивость отношения поэтессы к главным понятиям, которым посвящены ее стихотворения, характерна и для образа смерти: конечность жизни одновременно и страшит Э. Дикинсон, и притягивает ее «своей неизведанностью и таинственностью»; поэтесса одновременно и верит в бессмертие души, и глубоко сомневается в нем [2, с. 7].

В работе Т. Ю. Аникеевой «Рецепция поэзии Э. Дикинсон в России» [1] проведена периодизация «процесса вхождения поэзии

Дикинсон в русскую культуру». Так, с точки зрения исследователя, восприятие творчества американской поэтессы учеными, переводчиками и читателями можно разделить на два периода. Первый период, длившийся приблизительно с 1940 по 1990 гг. и названный Т. Ю. Анিকেевой «классикализацией», характеризуется стремлением переводчиков «подогнать» творчество Э. Дикинсон под ожидания целевой аудитории и, одновременно, требования цензуры. Второй период, отличающийся «переакцентуацией» переводов ее стихотворений, начался в 1990-х годах и продолжается по сей день. В это время происходит переосмысление творчества поэтессы, борьба с «биографическим мифом», поиск новых, ранее не замеченных граней образности ее текстов [1, с. 4].

Т. Ю. Анিকেева отмечает, что, согласно требованиям существовавшей в СССР идеологии, произведения иностранного писателя могли увидеть свет при условии «социально-активного импульса» его творчества, «патриотического звучания» текстов [1, с. 10]. По этой причине первые переводчики поэзии Э. Дикинсон представляли ее читателям как противника религии, борца за светлое будущее «простого американца» (там же). Еще одним штрихом, способствовавшим популяризации творчества поэтессы, служило ее отнесение к представителям романтизма (там же). Однако «богоборческих» стихотворений у Э. Дикинсон не так уж и много, и это служило одной из причин не особой популярности ее текстов. Второй причиной, как мы это не раз отмечали, [1; 2] можно считать оригинальную пунктуацию, необычный синтаксис и колоссальную многозначность ее лексики.

1990-х гг. – период новой волны интереса к творчеству поэтессы в России и Украине. По мнению Т. Ю. Анিকেевой, прежде всего такой интерес был вызван происходящими в обществе изменениями: уходом старой идеологии, появлением новых эстетических требований: издательства начинают руководствоваться преимущественно художественной ценностью публикуемых текстов, а также новым взглядом на уже известные произведения [1, с. 16]. С исчезновением антирелигиозной пропаганды публикуются переводы А. Величанского и А. Гаврилова, в полной мере отражающие систему образов, характерную для оригинального творчества Э. Дикинсон: Бог, смерть,

любовь, дружба. Исследователь также делает интересный вывод о «начале процесса ассимиляции поэзии Дикинсон русской культурой» [1, с. 17]. Это одна из первых работ, где анализу подвергаются особенности переводов, выполненных не профессиональными переводчиками, и/или опубликованных в интернете, в свободном доступе.

Что касается переводов поэзии Э. Дикинсон на украинский язык, то сравнительный анализ исходных и вторичных текстов, проведенный нами за последние десять лет, дает основания для таких выводов: 1) в большей части переводов художественное единство формы и содержания сохраняется; 2) в целом, сохраняется и символика, и система образов творчества американской поэтессы; 3) частично воссоздается стилистика; 4) в подавляющем большинстве случаев особенности пунктуации Э. Дикинсон либо вообще не находят отражения в переводах, либо представляются в виде отдельных элементов (например, избыток тире); 5) семантическая сторона оригиналов передается практически стопроцентно. Значительную часть расхождений между оригиналами и переводами можно объяснить объективно существующей разницей между английским и украинским языками.

Список литературы

1. Аникеева Т.Ю. Рецепция поэзии Э. Дикинсон в России : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Т. Ю. Аникеева. – Владивосток : ДВГУ, 2010. – 26 с.
2. Боровкова Т. Ю. Философско-религиозные искания в поэзии Э. Дикинсон : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Ю. Боровкова. – Воронеж : ВГУ, 2012. – 23 с.
3. В'язовський Г.В. Творче мислення письменника / Г.В. В'язовський . – Київ : Дніпро, 1982. – 335 с.
4. Гиндин С. И. Опыт статистической реконструкции семантики поэтического идиолекта по корпусу связанных текстов / С. И. Гиндин // Автоматическая обработка текста методами прикладной лингвистики : материалы Всесоюзной конф., 6–8 декабря 1971 г. – Кишинев, 1971. – С. 77–79.
5. Григорьев В. В. Грамматика идиостиля / В.Хлебников. В. В. Григорьев. – М. : Языки рус. культуры, 2000. – С. 57–205.
6. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика : избр. тр. / В. М. Жирмунский. – Л. : Наука, 1977. – 405 с.

7. Засорина Л. Н. Введение в структурную лингвистику / Л. Н. Засорина. – М. : Высш. шк., 1974. – 320 с.
8. Зонтаг С. Проти інтерпретації та інші есе / С. Зонтаг. – Львів : Кальварія, 2006. – 320 с.
9. Иванов В. В. Очерки по предыстории и истории семиотики // Иванов В. В. Избр. труды по семиотике и истории культуры. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – Т.1. – 912 с.
10. Ивахненко А. А. Образ Бога в творчестве Э. Дикинсон // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2014. – Т. 20. – С. 459–463.
11. Ивахненко А. А. Образ смерти в творчестве Э. Дикинсон: проблема передачи в переводе // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2010. – Т. 16. – С. 346–354.
12. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X-XII веков: эпохи и стили / Д. С. Лихачев. – Л. : Наука, 1973. – 254 с.
13. Сологуб Н. М. Поняття «індивідуальний стиль письменника» в контексті сучасної лінгвістики / Н. М. Сологуб // Наук. вісн. Чернівецького ун-ту. Слов'янська філологія. – Чернівці, 2001. – Вип. 117–118. – С. 34–38.
14. Ставицька Л. О. Про термін ідіолект / Л. О. Ставицька // Укр. мова. – 2009. – № 4. – С. 3–17.
15. Томбулатова І. Індивідуальний стиль письменника: чинники та носії літературна освіта / І. Томбулатова // Філологічні семінари. – 2013. – Вип. 16. – С. 132–138.
16. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / М. Хайдеггер. – М. : Гнозис, 1993. – 464 с.
17. Шляхова Н. М. Еволюція форм художнього узагальнення : навч. посіб. / Н. М. Шляхова. – Одеса : Астропринт, 2011. – 152 с.
18. Юнг К. Г. Архетип и символ. Об архетипах коллективного бессознательного [Электронный ресурс] / К. Г. Юнг. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4229/4232>.
19. Liwerski R. Art «Stil» / R. Liwerski // Handlexikon der Literaturwissenschaft. – München, 1974. – P. 452–461.

References

1. Anikeeva, T. Yu. (2010). *Retseptsiya poezii Dikinson E. v Rossii* [The reception of Dickinson, E. poetry in Russia]. Kand. filolog. nauk. Vladivostok, DVGU.
2. Borovkova, T. Yu. (2012). *Filosofsko-religioznye iskanija v poezii E. Dikinson* [Philosophical and religious quest in E. Dickinson's poetry]. Kand. filolog. nauk. Voronezh, VGU.

3. Viazovsky, H. V. (1982). *Tvorche myslennya pysmennyka* [The writer's creative thinking]. Kyiv: Dnipro, 335 p.
4. Gindin, S. I. (1971). Opyt statisticheskoy rekonstruktsii semantiki poeticheskogo idiolekta po korpusu svyaznykh tekstov [The experience of statistical reconstruction of the semantics of poetic idiolect on the basis of the corpus of textual unities]. In: *Avtomaticheskaya obrabotka teksta metodami prikladnoy lingvistiki*. Kishinev, pp. 77–79.
5. Grigoryev, V. V. (2000). *Grammatika idiosilya: V. Khlebnikov* [Grammar of an author's individual style: V. Khlebnikov]. Moscow : Yazyki russkoy kultury, pp. 57–205.
6. Zhirmunskiy, V. M. (1977). *Teoriya literatury. Poetika. Stilistika : izbrannyye trudy* [Theory of Literature. Poetics. Stylistics: Selected Works]. Leningrad: Nauka, 405 p.
7. Zazorina, L. N. (1974). *Vvedeniye v strukturnuyu lingvistiku* [Introduction to structural linguistics]. Moscow: Vysshaya shkola, 320 p.
8. Zontag, S. (2006). *Proty interpretatsiyi ta inshi ese* [Against Interpretation and Other Essays]. Lviv: Kalvariia, 320 p.
9. Ivanov, V. V. (1999). *Ocherki po predystorii i istorii semiotiki: Izbr. trudy po semiotike i istorii kul'tury* [Essays on the prehistory and history of semiotics : Selected works on semiotics and cultural history]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, V. 1, 912 p.
10. Ivakhnenko, A. A. (2014). Obraz Boga v tvorchestve Dikinson, E. [The image of God in the works by Dickinson, E.]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, V. 20, pp. 459–463.
11. Ivakhnenko, A. A. (2010). Obraz smerti v tvorchestve Dikinson, E.: problema peredachi v perevode [The image of death in the work of Dickinson, E.: the problem of transfer in translation]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, V. XVI, pp 346–354.
12. Likhachev, D. S. (1973). *Razvitiye russkoy literatury X-XII vekov: epokhi i stili* [The development of the Russian literature of the X-XII centuries: eras and styles]. Leningrad: Nauka, 254 p.
13. Solohub, N. M. (2001). Poniattia «indyvidualny styl pysmennyka» v konteksti suchasnoii linhvistyky [The concept of «a writer's individual style» in the context of modern linguistics]. *Naukovy visnyk Chernivetskoho un-tetu*, 117–118, pp. 34–38.
14. Stavyt'ska, L. O. (2009). Pro termin idiolekt [On the idiolect as a term]. *Ukrain'ska mova*, 4, pp. 3–17.
15. Tombulatova, I. (2013). Indyvidualny styl pysmennyka: chynnyky ta nosiii literaturna osvita [The individual style of a writer: factors and bearers of literary education]. *Filolohichni seminary*, Iss. 16, pp. 132–138.

16. Heidegger, M. (1993). *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and reflections from different years]. Moscow: Gnosis, 464 p.

17. Shliakhova, N. M. (2011). *Evoliutsiia form khudozhnoho uzahalnennia* [Evolution of forms of artistic generalization]. Odesa : Astroprint, 152 p.

18. Jung, C. G. (1974). *Arkhetip i simvol. Ob arkhetipakh kollektivnogo bessoznatelnogo* [Archetype and symbol. On the archetypes of the collective unconscious]. [online]. Available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4229/4232>.

19. Liwerski, R. (1974). Art «Stil». In: *Handlexikon der Literaturwissenschaft*. München, pp. 452–461.

Л. А. Артеменко

**РЕТРОСПЕКТИВНИЙ АНАЛІЗ
ПРОЦЕСА ОБУЧЕННЯ
АНГЛІЙСЬКОМУ ЯЗЫКУ
СТУДЕНТОВ ФАКУЛЬТЕТОВ
«БИЗНЕС-УПРАВЛЕНИЕ»
И «СОЦИАЛЬНИЙ МЕНЕДЖМЕНТ»
В ХГУ «НУА»**

Статья посвящена рассмотрению и анализу методов, способов, подходов и организации обучения английскому языку студентов факультетов «Бизнес-управление» и «Социальный менеджмент», осуществляемые общеакадемической кафедрой иностранных языков (ОКИЯ) на протяжении 25 лет существования кафедры.

Со дня организации кафедра работает под девизом «Профессионализм, преемственность, постоянный поиск нового».

Согласно авторской интегрированной программе непрерывной подготовки по английскому языку в Харьковском гуманитарном университете «Народная украинская академия», разработанной в 2005 году и модифицированной в 2012 году, основными направлениями учебно-методической деятельности кафедры являются: компетентностный подход, интерактивные технологии, включая методику «погружения в иноязычную среду», метод проектирования, внедрение индивидуальной траектории обучения, разноуровневое обучение, обучение по аспектам (устная практика, грамматика), что не является характерным для нефилологических факультетов; применение информационных технологий, работа в сети Интернет, использование аутентичных учебников.

Основные цели обучения – формирование у студентов англоязычных лингвистических и речевых компетенций, воспитание гражданственности, как составной части профессиональной компетенции экономиста и социолога, подготовка специалистов, достойно представляющих свою страну в партнерских взаимоотношениях.

Ключевые слова: компетентностный подход, интерактивные технологии, методика «погружения в иноязычную среду», индивидуальная траектория обучения, разноуровневое обучение, аспектное обучение, информационные технологии.

Артеменко Л. О. Ретроспективний аналіз процесу навчання англійській мові студентів факультетів «Бізнес-управління» і «Соціальний менеджмент» в ХГУ «НУА»

Стаття присвячена розгляду та аналізу методів, засобів, підходів та організації навчання англійської мови студентів факультетів «Бізнес-управління» і «Соціальний менеджмент», що використовуються загально-академічною кафедрою іноземних мов протягом 25 років.

З дня своєї організації кафедра працює під девізом «Професіоналізм, послідовність, постійні пошуки нового».

У відповідності до авторської інтегрованої програми безперервної підготовки з англійської мови в Харківському гуманітарному університеті «Народна українська академія», розробленої у 2005 році та модифікованої у 2012 році, основними напрямками навчально-методичної діяльності кафедри є: компетентнісний підхід, інтерактивні технології, що включають методика «занурення у іншомовне середовище», метод проектування, впровадження індивідуальної траєкторії навчання, різнорівневе навчання, навчання за аспектами (усна практика, граматики), що взагалі не характерно для нефілологічних факультетів; застосування інформаційних технологій, робота в мережі Інтернет, використання аутентичних підручників.

Основна цілеспрямованість навчання – формування у студентів англійськомовних лінгвістичних та комунікативних компетенцій, виховання громадянськості як складової професійної компетенції економіста та соціолога, підготовка фахівців, які зможуть бути гідними представниками своєї країни у партнерських взаємовідносинах.

Ключові слова: компетентнісний підхід, інтерактивні технології, методика «занурення у іншомовне середовище», індивідуальна траєкторія навчання, різнорівневе навчання, аспектно навчання, інформаційні технології.

Artemenko Lyudmila. Retrospective analysis of the process of teaching English to Students of «Business Administration» and «Social Management» faculties at Kharkov University of Humanities «People's Ukrainian Academy»

The article deals with analysis and discussion of methods, ways, approaches and organization of teaching English to students of «Business Administration» and «Social Management» faculties, employed by the Academy foreign languages department all through the 25 years of the department existence.

Since the day of its organization the department motto has been: «Professionalism, succession, invariable quest for innovations».

In accordance with the copyright integrated programme of continuing teaching

English at KUH «PUA», worked out in 2005 and modified in 2012, the main trends of the department educational and methodical activities are as follows: a competence approach; interactive technologies, including the methodics of «immersion in the foreign language environment», the method of the project work; introducing individual trajectories of teaching; different levels teaching; distinguishing aspects of teaching; oral practice, grammar – which is usually not practised at non-philological faculties; employment of informational technologies; using Internet; working with authentic textbooks.

The main objective of the course is formation of students English language linguistic and communicative competences, bringing up civic spirit as a component of an economist or a sociologist professional competence, training specialists able to properly represent their country in partnership interrelations.

Key words: competence approach; interactive technologies; methodics of «immersion in the foreign language environment»; individual trajectory of teaching; distinguishing aspects of teaching; informational technologies.

Общеакадемическая кафедра иностранных языков на протяжении более 20 лет занимается вопросами повышения эффективности обучения английскому языку студентов факультетов «Бизнес-управление» и «Социальный менеджмент».

Цель вузовского курса обучения – формирование англоязычной коммуникативной компетенции студентов путем разнообразной познавательной, коммуникативной, творческой, практической деятельности студентов.

Курс обучения английскому языку на этих факультетах рассчитан на пять лет. I–IV семестры – курс General English, V–VIII семестры – Business English, IX–X семестры – English for Specific Purposes.

В 2005 году кафедрой была разработана интегрированная программа непрерывной подготовки по английскому языку [1]. В 2012 году была подготовлена модифицированная программа, которая является составной частью комплекса непрерывной профессиональной подготовки экономистов и социологов в системе «школа – вуз – последипломное образование».

В программе соблюдается единая концептуальная стратегия осуществления образовательно-воспитательного процесса – система непрерывного обучения.

Методика. Обучение английскому языку осуществляется на основе коммуникативных методов, предполагающих овладение иностранным языком как вторым языком общения.

Стратегические задачи университетского курса обучения английскому языку на факультетах «Бизнес-управление» и «Социальный менеджмент» предусматривают формирование у студентов навыков владения английским языком на уровне второго языка общения как составной части профессиональной подготовки будущего экономиста и социолога, обеспечивающей эффективное функционирование выпускников ХГУ «НУА» в условиях диалога культур и их конкурентоспособность на международном рынке труда; воспитание у студентов чувства ответственности за качество собственного образования, формирование у студентов личностных качеств профессионала и гражданина.

Использование интерактивных технологий: погружение в языковую среду, обучение по индивидуальной траектории, обучение по методу ECRIF (Encounter Clarify Remember Internalize Fluent use), case-study, проектное обучение достаточно эффективны в учебном процессе и способствуют повышению мотивации, коммуникабельности, умению работать в команде, возможности самовыражения [2].

Подход: компетентностный, имеющий целью формирование модели специалиста, способного гибко реагировать на вызовы времени, то есть способного учиться и сохранять конкурентоспособность на протяжении всей жизни.

Переход от квалификационной модели специалиста к модели компетентностной предусматривает наряду с профессиональной подготовкой долгосрочную перспективу востребованности в профессии [3].

Обязательной составляющей конкурентоспособности специалиста является уровень владения английским языком, позволяющий участвовать в международных программах, конференциях, проектах, деловых встречах, вступать в профессионально-деловое общение с представителями других культур.

Организация учебного процесса: стриминг – распределение студентов в разноуровневые группы.

Изначально проводится диагностическое тестирование, по результатам которого студенты распределяются в группы Pre-Intermediate, Intermediate, Upper-Intermediate.

Учебники: аутентичные англоязычные, рекомендованные МОН Украины.

Разноуровневое обучение строится на принципах дифференциации и индивидуализации. Дифференциация означает учет уровня владения иностранным языком, учет личностных интересов студента, его мотивацию. Индивидуализация предусматривает создание благоприятных условий для проявления студентами своих способностей. Задача преподавателя – создавать условия для выявления и формирования личностных компетенций.

Преимущества разноуровневой системы:

- адаптация учебного процесса к познавательным возможностям, способностям, мотивации каждого студента;
- каждый студент – активный участник и равноправный партнер в любом виде учебной деятельности;
- каждая предшествующая стадия является подготовительной ступенью к следующей;
- преемственность между этапами обучения;
- прозрачность и объективность оценки знаний;
- четкое определение конечных целей;
- студент несет ответственность за результаты обучения.

Наша многолетняя практика подтвердила правильность подобного распределения студентов для изучения иностранного языка. На наш взгляд, мнение о том, что мы в какой-то мере демотивируем студентов, является необоснованным. Каждый студент, работая в полную силу, быстро приобретает необходимые компетенции, имеет возможность перейти на следующий уровень. Мы полагаем, что такое разделение является в значительной степени мотивирующим.

Принцип разноуровневого обучения обеспечивает эффективность подготовки студентов в области иностранного языка.

Проектное обучение – метод решения студентами той или иной проблемы. Студенты работают группами над одной проблемой, тщательно исследуют ее, синтезируют информацию, находят общее

решение. Этот вид работы активизирует студентов, стимулирует процесс приобретения новых знаний, умений и навыков. Метод проектов успешно применяется на всех курсах, меняется только объем и сложность проблемы.

Одной из инноваций нашей работы является **аспектное обучение** английскому языку студентов нефилологических факультетов. Два аспекта – практика устной речи и грамматика – ведут соответственно разные преподаватели, разрабатывают учебные программы, подбирают учебники и учебные материалы для каждого уровня, которые обязательно рассматриваются на заседаниях кафедры с последующим утверждением.

Метод ECRIF акроним включает пять стадий процесса изучения языка:

E – encounter – ознакомление;

C – clarify – пояснение;

R – remember – запоминание;

I – internalize – усвоение;

F – fluent use – беглое использование.

Акцент делается на изучении языка, а не на обучении ему. Только осмысление и изучение, овладение каждой стадией процесса дает положительный результат. Модель ECRIF используется преподавателями: для осмысления процесса изучения иностранного языка студентами; для планирования занятий; для определения на какой стадии изучения находится студент и какие корректирующие действия необходимо применить.

IT-технологии. Возможности использования Интернет-ресурсов разнообразны. Используя глобальную сеть Интернет, студенты и преподаватели могут получить любую информацию. Базовый набор услуг включает электронную почту, возможность размещения информации, доступ к таким информационным ресурсам как справочные каталоги и поисковые системы. Кафедра предлагает студентам использовать информационные технологии при написании самостоятельных работ, рефератов и аннотаций, подготовке медиа-презентаций и проектов, использовать YouTube для внеаудиторной и аудиторной работы, просматривать видеофильмы и выполнять задания к ним,

изучать определенные разговорные темы с помощью on-line Oxford English, пополнять свой словарный запас, осуществлять обмен информацией, использовать ресурсы Интернет для подготовки материалов к занятиям, презентаций на конференциях, проектов. Однако, на наш взгляд, следует и дальше расширять использование IT-технологий в учебном процессе, в частности, при проведении контроля знаний студентов.

Интерактивные технологии, которые используются кафедрой на филологических факультетах, являются, на наш взгляд, достаточно эффективными. Преимущества интерактивных форм обучения: повышение мотивации, выработка навыков коммуникативности, умение работать в команде, возможность самовыражения, взаимное уважение и толерантность. При этом совершенствуются навыки монологической и диалогической речи, расширяется словарный запас за счет лексики современного английского языка. Особую важность приобретает формирование навыков презентации/медиапрезентации.

Применение преподавателями кафедры методики «погружения в иноязычную среду» позволяет моделировать на практических занятиях реальную языковую среду, в которой студенты не только учатся профессиональному общению на английском языке, но и приобретают навыки межкультурного взаимодействия, формируют социально-культурную компетенцию как в рамках родной, так и иноязычной культуры. Такая языковая среда должна быть комфортной для самореализации каждого студента, воспитывать у участников учебного процесса ответственность за создание и поддержание атмосферы сотрудничества, конструктивной критики и самокритики и других социокультурных навыков – именно в таких условиях в учебной аудитории возможна эффективная подготовка будущих успешных профессионалов. К социокультурным навыкам мы относим: самодисциплину, организованность, пунктуальность, высокую культуру общения.

Нашей целью является создание на занятиях условий, приближенных к реальной жизни. Проверка домашнего задания носит характер не механической оценки «правильно/неправильно», а готовности студента доказать правильность своего варианта, внимательно

выслушать варианты ответов сокурсников, избегать односложных ответов на вопросы, использовать принятые носителями языка нормы неязыкового и языкового поведения, в том числе устойчивые языковые формы, чтобы соответствовать стандартам партнерского общения на английском языке.

Поддержание партнерского взаимодействия между студентом и преподавателем осуществляется в тех случаях, когда студент может высказывать свое мнение, пользуясь адекватными социолингвистическими средствами для выражения степени уверенности в правильности своего решения.

Обучение иностранным языкам в университете имеет целью не только формирование языковых и коммуникативных компетенций, но и воспитание высокой поведенческой культуры, воспитание личности, достойно представляющей свою страну в партнерских взаимоотношениях. Освоение норм и стандартов как собственной, так и чужой языковой и поведенческой культуры обеспечивает адекватное функционирование в поликультурном обществе.

Работа над кейсами (case study) активно внедряется, начиная с третьего курса. Этот вид работы стимулирует студентов самостоятельно изучать и анализировать конкретные ситуации, идентифицировать проблемы и их причины, принимать решения для коррекции, отчитываться о проделанной работе в устной (презентация, доклад, участие в дискуссии) или письменной (отчет, статья, деловое письмо) формах.

Преимуществами этого метода являются возможность работать в команде, способствует развитию творческого мышления, формированию навыков обобщения информации; развитию умения вести дискуссию, аргументировать высказываемые положения, использовать аутентичные ресурсы.

Кафедрой разрабатываются и поэтапно внедряются экспериментальные **программы индивидуальных траекторий обучения (ИТО)** как для студентов, владеющих английским языком на уровне Elementary, так и для студентов, владеющих английским языком на уровне Upper-Intermediate.

Построение ИТО базируется на принципах осознанности перспективы возможного участия студентов в собственном образовании и динамичности системы в соответствии с требованиями рынка труда.

Преподаватель разрабатывает вариативные учебные планы и программы. Учитывается организационный аспект, формы, методы, контроль и оценка знаний. Составляется индивидуальный план обучения студента, проводятся консультации по индивидуальному графику и осуществляется мониторинг учебных достижений.

ИТО предполагает большой объем самостоятельной работы студента. Совместно с преподавателем определяются цели и формы обучения, оцениваются реальные достижения.

Индивидуализация, гибкость установления сроков изучения темы, чередование различных форм работы делают процесс обучения студентов весьма эффективным.

При разработке и внедрении программ возникает ряд проблем: недостаток времени как у студента, так и у преподавателя; английский язык не является профилирующим предметом, и студенты не всегда уделяют ему достаточно времени и внимания.

Самостоятельная работа студентов.

Самостоятельная работа включает работу в сети Интернет во внеурочное время, написание рефератов, разработку проектов, подготовку презентаций в программе Power Point, написание аннотаций и рефератов.

Цели **самостоятельной работы студентов** – формирование культуры умственного труда, самостоятельности в поиске и приобретении новых знаний. Время проведения самостоятельной работы, место и формы контроля могут быть разными. Преподаватель ставит конкретные задачи, определяет объем и сроки их выполнения.

Участие студентов в работе англоязычной секции на ежегодной международной студенческой научной конференции в ХГУ «НУА», представление тезисов на английском языке способствует формированию умений: извлекать из любого текста необходимую информацию; выдвигать гипотезы; принимать нестандартные решения; отстаивать свою точку зрения; участвовать в дискуссии.

Контроль учебных достижений студентов осуществляется в зависимости от аспекта: устная практика, грамматика.

В качестве критериев оценивания приняты рекомендации, предложенные Национальной программой для университетов «English for Specific Purposes».

Тестирование: соблюдение инструкции по проведению теста – временной лимит, дистанция между участниками теста, предусмотренные правилами международно признанных систем тестирования, помогают студентам приспособиться к требованиям теста, выработать самодисциплину и самостоятельность.

Критерии оценивания ориентированы на Европейские стандарты – CEF (Common European Frame-work), единые стандарты, которые применяются во всех европейских странах в процессе преподавания иностранных языков и оценки знаний обучаемых.

Текущий контроль осуществляется в форме опроса и проверки результатов выполнения различных заданий, сообщений, презентаций.

Выводы: опыт работы общеакадемической кафедры иностранных языков по первому и второму варианту программы подтверждает эффективность разработанных программ и целесообразность их использования.

Особо следует отметить:

- разноуровневое обучение;
- компетентностный подход к обучению;
- аспектное обучение;
- обучение по индивидуальным траекториям (ИТО);
- самостоятельную и индивидуальную работу студентов.

Программы постоянно дополняются и модифицируются. На наш взгляд, необходимо усиливать индивидуальный подход к студентам, расширить использование индивидуальных траекторий обучения; сотрудничество с профилирующими кафедрами, в частности при работе со студентами V курса необходимо настоятельно требовать осуществлять подбор и работу над англоязычными статьями в русле тематики дипломной работы.

Кафедра продолжает искать методы, пути, способы достижения более высокого результата обучения студентов.

Список литературы

1. Артеменко Л. О. Володіння іноземною мовою – невід’ємна складова професійної підготовки фахівців / Л. О. Артеменко, В. С. Полина, Т. М. Тимошенкова // На шляху до безперервної освіти (із досвіду розробки авторських інтегрованих навчальних програм у науково-навчальному комплексі «Народна українська академія») / Нар. укр. акад. ; за заг. ред. В. І. Астахової. – Харків, 2005. – С. 45–60. – Библиогр. : с. 60.
2. Артеменко Л. А. Гуманитарная составляющая в процессе обучения английскому языку как второму языку общения / Л. А. Артеменко, В. С. Полина // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2010. – Т. 16. – С. 49–55. – Библиогр. : с. 55 (5 назв.).
3. Артеменко Л. А. Опыт формирования компетентностной модели специалиста на занятиях по английскому языку в ХГУ «НУА» / Л. А. Артеменко, В. С. Полина // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2016. – Т. 22. – С. 144–156.

References

1. Artemenko, L. O., Polina, V. S., Tymoshenkova, T. M. (2005). Volodinnya inozemnoyu movoyu – nevidyemna skladova profesijnoi pidgotovki fakhivtsya [Command of a foreign language – an integral part of a specialist professional training]. *Na shlyakhu do bezpererвної osviti*. Kharkiv, pp. 45–60.
2. Artemenko, L. A. (2010). Gumanitarnaya sostavlyayushchaya v protsesi obucheniya anglijskomu yaziku kak vtoromu yaziku obshcheniya [Humanities component in the process of teaching English as a second language of communication]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*. Kharkov, V. 16, pp. 49–55.
3. Artemenko, L. A. (2000). Opit formirovaniya kompetentnostnoi modeli spetsialista na zanyatiyakh po angliyskomu yaziku [Experience of formation of a specialist competence model in the English language classroom]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*. Kharkov, V. 6, pp. 211–216.

УДК 811.111'37'42

<http://doi.org/10.5281/zenodo.3707936>*Н. С. Молодчая*

**РЕТРОСПЕКТИВА
ИССЛЕДОВАНИЯ
РЕЧЕВОГО ТВОРЧЕСТВА
(на материале инновационной
лексики англоязычного
академического дискурса)**

В статье представлены аспекты ретроспективы исследования проблемы речевого творчества, результаты которого получены в рамках функционирующей в ХГУ «НУА» научной школы «Лингвистические исследования как теоретический фундамент подготовки специалиста, отвечающего современным мировым требованиям и стандартам» под руководством проф. Т. М. Тимошенко. В качестве средства выражения лингвокреативного творчества рассматривается окказиональная лексика англоязычного академического дискурса, определяемого наличием специфических участников, хронотопа, жанров, коммуникативных стратегий. Окказионализмы, характеризующиеся антропоцентричностью, дискурсивностью, новизной, деривативностью, контекстуальностью, некодифицированностью, противопоставлены неологизмам, которые являются частью языковой системы и зарегистрированы в нормативных словарях. Рассмотрены структурно-семантические особенности окказионализмов. Наиболее продуктивными способами образования окказиональных единиц являются словосложение, телескопия, аффиксация; к малопродуктивным относятся семантическая транспозиция, усечение, конверсия. Особое внимание уделено стратегии перевода окказиональной лексики, предполагающей структурно-семантический анализ единицы в контексте с учетом фоновых знаний и передачу ее средствами языка перевода при помощи таких переводческих трансформаций, как функциональный аналог, экспликация, компенсация, калькирование, транскодирование, создание нового слова. Перевод окказиональной единицы предполагает передачу смысла при сохранении экспрессивных компонентов оригинального слова. Представлена методика составления неолексикографических изданий, цель которых заключается в систематизации окказиональной лексики с помощью параметров, обеспечивающих лингвосоциокультурную информацию о единице словаря. Перспек-

тива исследования состоит в комплексном исследовании административно-академического дискурса, включая дискурс-анализ жанровых форм, описание коммуникативно-стилистических особенностей дискурса руководителей американских и британских вузов с учетом социокультурных особенностей, что позволит составить лингвокультурный портрет руководителя вуза для дальнейших сравнительных исследований.

Ключевые слова: административно-академический дискурс, академический дискурс, дискурс руководителя вуза, неолексикографическое издание, неологизмы, окказионализмы, окказиональная лексика, перевод окказиональной лексики, речевое творчество, словарь новых слов, семантические окказионализмы, стратегия перевода окказиональных слов, структурные окказионализмы

Молодча Н. С. Ретроспектива дослідження мовленнєвої творчості (на матеріалі інноваційної лексики англомовного академічного дискурсу)

Стаття присвячена ретроспективі дослідження проблеми мовленнєвої творчості, результати якого були отримані в рамках функціонуючої в ХГУ «НУА» наукової школи «Лінгвістичні дослідження як теоретичний фундамент підготовки фахівця, що відповідає сучасним світовим вимогам і стандартам» під керівництвом проф. Т. М. Тимошенкової. Засобом вираження лінгвокреативного потенціалу розглядається окказиональна лексика англомовного академічного дискурсу, що визначається наявністю специфічних учасників, хронотопу, жанрів, комунікативних стратегій. Окказиональна лексика характеризується такими властивостями як антропоцентричність, дискурсивність, новизна, деривативність, контекстуальність, некодифікованість і протиставлена неологізмам, які є частиною мовної системи і зареєстровані в нормативних словниках. Розглянуто структурно-семантичні особливості окказионалізмів. Найбільш продуктивними способами утворення окказиональних одиниць виявилися словоскладання, телескопія, афіксація; до малопродуктивних способів відносяться семантична транспозиція, усічення, конверсія. Особливу увагу приділено стратегії перекладу окказиональних одиниць, яка передбачає структурно-семантичний аналіз одиниці в контексті з урахуванням фонових знань і передачу її засобами мови перекладу за допомогою таких перекладацьких трансформацій, як функціональний аналог, експлікація, компенсація, калькування, транскодування, створення нового слова. Принцип перекладу окказиональної одиниці в тому, щоб передати семантику знака при збереженні експресивних компонентів структури оригінального слова. Представлена методика складання неолексикографічних видань, мета яких в

систематизації оказіональної лексики за допомогою параметрів, що забезпечують одиницю лінгвосціокультурною інформацією. Перспектива дослідження полягає в аналізі жанрових форм адміністративно-академічного дискурсу, опису комунікативно-стилістичних особливостей дискурсу керівників американських і британських внз з урахуванням соціокультурних особливостей, що дозволяє скласти лінгвокультурний портрет керівника внз для подальших компаративних досліджень.

Ключові слова: адміністративно-академічний дискурс, академічний дискурс, мовленнєва творчість неолексикографічне видання, неологізми, оказіональна лексика, переклад оказіональної лексики, словник нових слів, стратегія перекладу оказіональної лексики, структурні оказіоналізми

Molodcha Natalia. Speech Creativity Research Retrospective (based on English academic discourse innovative lexical units)

The article is devoted to the speech creativity research retrospective the results of which have been received within the framework of the scientific school “Linguistic research as a theoretical foundation for training specialists who meet modern world requirements and standards” operating at Kharkiv University of Humanities “People’s Ukrainian Academy” under the guidance of the professor T.M. Tymoshenkova. Nonce words actualized in the English academic discourse, which is characterized by certain participants, chronotope, genres, communicative strategies, are considered as a means of expressing linguocreative potential. Nonce words characterized by anthropocentricity, discursiveness, novelty, derivativeness, contextuality, non-codification are opposed to neologisms that are a part of the language system. Structural and semantic features of nonce words have been analyzed. The most productive ways of nonce words formation include word-formation, telescoping, and affixation. Semantic transposition, reduction, and conversion are revealed as unproductive word formation ways. Particular attention is paid to the strategy of translating nonce words that includes a structural-semantic analysis of a unit taking into account sociocultural knowledge and transferring it by means of the language of translation with the help of such translation transformations as a functional analogue, explication, compensation, calquing, transcoding, and new words creation. The interpretation of a nonce word implies the conveying the meaning while retaining the expressive components of an original word. The method of compilation of neolexicographic editions has been presented to systematize nonce words with the help of parameters providing units with linguistic and socio-cultural information. Research prospects lie in the analysis of administrative-academic discourse, its genre forms and communicative-

stylistic features of the American and British higher educational institutions leaders' discourse the results of which allow to create a linguocultural portrait of a university head for further comparative studies.

Key words: administrative-academic discourse, academic discourse, dictionary of new words, neolexicographic publication, neologisms, nonce words, speech creativity, strategy of nonce words translation, translation of nonce words, verbal creativity, structural nonce words

Объект, актуальность, методология исследования. Творчество является неотъемлемой частью природы человека, и среди видов созидательной деятельности внимание исследователей привлекают вопросы языкового творчества. Язык – уникальная система знаков, позволяющая языковой личности, кроме способности к коммуникации при помощи стереотипных когнитивных схем, реализовать свой лингвокреативный потенциал, создавая новые номинации для обозначения объектов и явлений окружающей действительности, выражения отношения к ним, привлечения внимания коммуникантов и воздействия на них, а также для получения эстетико-художественного удовольствия [2; 4].

Речевое творчество обусловлено социально-психологическими особенностями коммуниканта (профессиональным статусом, установкой быть неповторимым, уникальным, не раствориться в рамках стереотипа) и является результатом сформированных лингвокреативных компетенций [2].

Проблематика речевого творчества, проявляющегося в актуализации окказиональной лексики в современном англоязычном дискурсе, разрабатывается нами в системно-структурной парадигме с учетом антропоцентрического, функционального, когнитивного подходов, методологическая сущность которых позволяет определить онтологические, структурно-функциональные характеристики окказионализмов, указывающие их место в системе языка, моделировать процессы их порождения и интерпретации [4; 3; 1]. Результаты исследования получены в рамках функционирующей в ХГУ «НУА» научной школы «Лингвистические исследования как теоретический фундамент подготовки специалиста, отвечающего современным мировым требованиям и стандартам» под руководством профессора Т.М. Тимошенко.

Изложение основных результатов исследования. Определение онтологических характеристик инновационных единиц разных видов является важнейшей задачей неологии. В рамках обозначенной парадигмы **окказионализмы** являются неустойчивыми речевыми формациями, характеризующиеся рядом свойств: *дискурсивностью* («дискурс – коммуникативная среда, в которой образуется коммуникативно-номинативная лакуна, способом преодоления которой является инновация») [4, с. 7]; *антропоцентричностью*, т.к. в основе их генерирования участвуют лингвокреативный потенциал и установки адресанта, антропный фактор лежит в основе объекта и средства номинации, а также в процессе интерпретации, требующей от адресата определенных навыков и знаний; *новизною* (ощущением, сопровождающим восприятие единицы, обусловленным наличием в структуре и семантике окказионального знака неконвенциональных сочетаний вместе с актуализацией оценочно-эмотивных компонентов. Элемент непредсказуемости в структуре семантических окказионализмов обусловлен асимметрией (конфликтом между планом выражения и планом содержания), гештальтностью ментального образа и совокупностью ассоциаций, которые формируют значение единицы); *деривативностью*, указывающей на зависимость значения и структуры окказионализма от исходного узуального значения или структур конвенциональных слов; *контекстуальностью*, реализуемой как возможность интерпретировать их исключительно в микро и макроконтекстах с учетом синтаксического, структурно-семантического анализа, а также фоновых знаний); *некодифицированностью* (отсутствием у окказионализмов регистрации в системных словарях, отражающих все факты языка) [4; 1]. На основании критерия лексикографической фиксации окказионализмы противопоставлены **неологизмам** – единицам, сохраняющим новизну в структуре единицы, однако получившим регистрацию в нормативных словарях в связи с принятием единицы языковым коллективом [4; 8].

Большим концептуально-коммуникативным и лингвокреативным потенциалом обладает **академический дискурс**, представляющий собой институционально-обусловленную коммуникативную систему с характерными жанровыми формами, специфическим понятийным

аппаратом и лексикой, которую университетское (академическое) сообщество (студенты, профессорско-преподавательский состав, администраторы) использует в рамках различных видов деятельности высшего учебного заведения.

Результаты исследований, посвященных изучению окказиональных формаций в академическом дискурсе на материале современных неолексикографических баз, напр. Urban Dictionary, Pseudodictionary, официальных сайтов и студенческих форумов университетов Гарварда, ун-та Уильяма Маршала Райса и др.), выявили степень продуктивности способов, лежащих в основе формирования окказиональных инноваций [4; 5; 8].

Наибольшим потенциалом обладают такие словообразовательные способы, как словосложение, состоящее из двух компонентов (*grammatical angst, brickteacher*); телескопия, включающая разные структурные трансформации (*skood (school + food), cloogege (community+college) – a community college, darty (day+party)*); аффиксация (напр. *schoolist, mentee*). Среди малопродуктивных способов формирования структурных окказиональных формаций оказываются такие способы, как усечение (*govvo – Youth allowance payments for students, clubbie – a member of a final club*); конверсия (*Cobble – A meal that takes place after dinner and before breakfast. Usually between 11 pm and 4 am. Most common meal among college students*), а также семантическая транспозиция, реализующаяся за счет метафорического и метонимического переносов, базирующихся на принципе установления подобия или смежности между сравниваемыми объектами. Так, при помощи метафорической антономасии имя чародея Merlin из уэльских легенд и сказаний используется для обозначения характеристики студента, сдавшего экзамен чудом, не прилагая никаких усилий (“*A. Did Kurt pass his exam? R. Yeah, Kurt’s a merlin, ya’ know – gifted but lazy student who somehow manages to pass exams without doing any work at all, as if by magic*”).

Систематический анализ окказиональных единиц показывает, что количество структурных окказионализмов в дискурсе превышает объем семантических в соотношении 3:1 [4; 5; 10; 8; 11]. Малочисленность единиц, сочетающих узуальную форму с окказиональным

значением, объясняется тем, что для их генерирования и интерпретации задействуется более значительный объем лингвокреативной энергии, которую, коммуниканты в целом стремятся экономить, что выражено в известном законе об экономии речевых усилий.

К речевому творчеству прибегают руководители ведущих американских университетов. Контент-анализ торжественных обращений 28 президента гарвардского университета Дрю Фауст (годы правления 2007–2018), традиционно произносимых перед выпускниками по окончании учебного года (*commencement speech*) показывает, что лидер университета использует богатый арсенал лексических и стилистических средств, включая, наряду с колоритными метафорами, гиперболами, эпитетами, аллюзиями, экзотизмами, новообразования – неологизмы и окказионализмы. Так, обращаясь к молодежной аудитории, г-жа Фауст употребляет неологизмы – новую лексику, отражающую новые реалии в жизни студенческой молодежи: *hoodies*, *Snapchatted*, *Instagrammed*, *selfies*. Чтобы придать драматизм описываемым событиям, президент употребляет следующие окказионализмы – “*We have experienced wild weather, from hurricanes to **Snowmageddon** to **Bombogenesis**, and we’ve doubled down on our commitment to combat climate change*” [9].

Интерпретация окказионализмов, относящихся нередко к группе безэквивалентной лексики, реализуется с помощью стратегии, понимаемой как сознательный план действий переводчика, которым он руководствуется при работе с текстом оригинала и в процессе его передачи на другой язык [8; 5].

Стратегия перевода окказиональной единицы включает два этапа: 1) структурно-семантический анализ слова в контексте; 2) передача значения слова средствами целевого языка. На первом этапе переводчик анализирует контекст окказиональной единицы. Различают узкий контекст (лингвистический контекст или микроконтекст) и широкий контекст (фоновые знания или макроконтекст). Узкий контекст – это окружение данной единицы в пределах предложения. На первом этапе интерпретатор оценивает лексико-синтаксическое окружение окказиональной единицы в предложении, проводит

структурно-семантичний аналіз слова. Також розглядаються фонові знання, соціокультурні факти, знання яких допомагає перекладачу створити проміжне значення одиниці, для якого на наступному етапі інтерпретатор застосовує перекладацькі технології для створення адекватного відповідності [7].

На другому етапі перекладач демонструє свій талант і майстерність у вмінні знаходити адекватний переклад, балансує між передачею значення і збереженням елемента креативності в структурі знака. Задача в тому, щоб зберегти структурні особливості, «атмосферу» окказиональних одиниць, зробити їх незвичними для сприйняття читачами і разом з тим доступними для розуміння. Передача адекватного змісту за допомогою оригінальної форми характеризує творче спадщина перекладача.

Для проміжного значення, сформованого на першому етапі, в мові перекладу вибирається або створюється одиниця, найбільш адекватно передає значення і викликає відповідну реакцію у зарубіжного читача. Серед перекладацьких трансформацій продуктивними для передачі значення окказиональної одиниці засобами цільової мови є експлікація, компенсація, транскодування, калькування, створення окказиональної одиниці в мові перекладу, використовуються нерідко в поєднанні двох з них з метою найбільш адекватної інтерпретації оригінальної одиниці [7]. Наприклад, для перекладу окказиональної одиниці *grammasphemy*, актуалізованої в реченні “I cringe every time I hear such *grammasphemy* as I seen it”, сформованої в результаті телескопії (об'єднання двох скорочених лексем *grammar* – «грамматика» і *blasphemy* – «богохульство, кощунство, осквернення») і маючої в структурі негативний оцінний компонент, застосовуються механізми компенсації, що дозволяють в пропонуваній одиниці «безбожна грамматика; безбожні, адські помилки», передати емотивно-оцінний заряд оригінального слова, однак з деякою втратою експресивності в структурі знака.

Окказиональна лексика, незареєстрована в системних словниках на основі обмеженого використання, складає корпус спеціалізованих неолоксикографічних видань, метою яких

является систематизация, комплексное описание новейшей лексики для дальнейшего ее изучения в рамках разных отраслей [1; 4].

Систематическое совершенствование методики составления словарей новой лексики [10; 11], включая сопоставительный анализ неолексикографических словарей последний лет [6], позволяет определить набор параметров, способных исчерпывающе отразить языковые и социокультурные сведения о новой единице. К *обязательным* компонентам относятся: мегаструктура, макроструктура и микроструктура, отражающие стандартные лингвистические сведения о неолексемах. К *факультативным* относятся параметры, обеспечивающие единицу словаря социокультурной информацией, сведениями о семантико-структурных особенностях, оценочным компонентом, транскрипцией. В изданиях, регистрирующие отраслевую инновационную лексику, рекомендуется включать краткий глоссарий основных терминов, а также банк коротких текстов для представления ключевых понятий отрасли. Выявленные параметры могут служить оптимальной структурой критерия, с помощью которого оценивается комплексность описания окказиональной единицы в неолексикографическом издании.

Таким образом, новые слова, возникающие в дискурсе, отражают глубинную способность человека к творчеству, его желание осмыслить и выразить свое видение мира и отношение к нему. Окказиональные единицы, актуализированные в дискурсе как лингвокреативные формации, предстают микрогруппой прагматически заряженных единиц, объединяющих в структуре знака экспрессивные, эмотивно-оценочные элементы, сложную семантику, и определяются совокупностью выделенных характеристик, которые учитываются при разработке стратегии их интерпретации и регистрации в неолексикографических изданиях с целью систематизации и дальнейшего изучения.

Административно-академический дискурс, отражающий коммуникацию администрирующих субъектов в системе высшего образования и понимаемый нами как **дискурс руководителей вузов**, отличается высоким интеллектуальным, лингвокреативным, регулятивным потенциалом, оставаясь при этом практически неизученным.

Перспективним представляється комплексний аналіз виступлень керівників американських і британських вузів з урахуванням даних лінгвопрагматики, психосемантики, етнокультурології, стилістики, риторики, когнітивістики. Результати аналізу створять основу для моделювання соціокультурного портрета лідера академічного суспільства в англосаксонських етнокультурах.

Список литературы

1. Зильбер Н. С. Характерные признаки семантических окказионализмов / Н. С. Зильбер (Молодчая) // Вчені записки Харківського гуманітарного інституту «Народна українська академія». – 2001. – Т. 7. – С. 415–421.
2. Молодчая Н.С. Когнитивный аспект семантических окказионализмов : научное издание / Н.С. Молодчая // Вчені зап. Харків. гуманітар. ін-ту «Нар. укр. акад.». – 2002. – Т. 8. – С. 465–471.
3. Молодчая Н. С. Специфика понимания семантических окказионализмов / Н. С. Молодчая // Вчені записки Харківського гуманітарного інституту «Народна українська академія». – 2007. – Т. 13, кн. 2 : Проблеми економіки та філології. – С. 170–181.
4. Молодча Н. С. Семантичні окказіоналізми в сучасному англійському дискурсі [Електронний ресурс] : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Молодча Наталя Сергіївна ; Харків. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. – Харків, 2011. – 20 с. – Режим доступу: <http://dspace.nua.kharkov.ua> [дата звернення 5.11.19].
5. Молодча Н. Словотворчий потенціал мовних інновацій академічного дискурсу (на матеріалі англійських веб-сайтів) / Н. Молодча, Є. Ільєсова // Наук. зап. Вінниць. держ. пед. ун-ту ім. Михайла Коцюбинського. Серія: Філологія (мовознавство) : зб. наук. пр. – 2017. – Вип. 25. – С. 93–100.
6. Молодчая Н.С. К проблеме моделирование неолексикографических изданий (на основе сопоставительного анализа словарей новых слов) / Н.С. Молодчая // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2019. – Т. 25. – С. 309–321.
7. Скрипка В. К. Проблеми перекладу окказіональної лексики економічного дискурсу (на матеріалі англійських текстів сфери «Управління персоналом») / В. К. Скрипка, Н.С. Молодча // Збірник праць молодих учених Народної української академії / [редкол.: К. В. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2017. – С. 215–220.
8. Янковський М.О. Системно-структурні особливості інноваційної лексики англійського академічного дискурсу [Електронний ресурс] / М.О. Янковський // Збірник праць молодих учених Народної української

академії / [редкол.: К. В. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2018. – С. 176–181. – Режим доступу: <http://dspace.nua.kharkov.ua> (дата звернення 5.11.19).

9. Molodcha N. S. On the administrative academic discourse sociolinguistic characteristics (on the material of Harvard University President Drew Gilpin Faust epideictic speeches) [Electronic resource] / N. S. Molodcha // The European Journal of Humanities and Social Sciences. – 2019. – № 1. – С. 144–151. – Mode of access: http://ppublishing.org/upload/iblock/1e8/EJH-1_2019.pdf [Accessed 5 Nov. 2019].

Лексикографические источники

10. Англо-український словник-тезаурус сфери «Управління персоналом» (традиційна термінологія, новітня лексика та інтерактивні тексти з відповідної тематики) / Нар. укр. акад. ; [авт.-упоряд.: Н. С. Молодча, В. К. Скрипка] ; за ред. Молодчої Н. С. – Харків : НУА, 2018. – 103 с.

11. Молодчая Н. С. Англо-русский словарь семантических окказионализмов (с лингвострановедческими комментариями) = English-russian dictionary of semantic nonce words (with lingua-cultural commentaries) [Электронный ресурс] : [избранное] / Наталья Сергеевна Молодчая. – Харьков : Планета-принт, 2014. – 222 с. – Режим доступа: <http://dspace.nua.kharkov.ua/jspui/handle/123456789/424> (дата обращения 5.11.19).

References

1. Zilber, N. (2001). Kharakternye pryznaky semanticheskikh okkazyonalizmov [Typical characteristics of semantic nonce words]. *Vcheni zapiski Kharkivs'kogo humanitarnogo universitetu «Narodna ukrains'ka akademiya»*. Kharkiv, 7, pp. 415–421.

2. Molodcha, N. (2002). Kognitivnyy aspekt semanticheskikh okkazyonalizmov [Cognitive aspect of semantic nonce words studies]. *Vcheni zapiski Kharkivs'kogo humanitarnogo universitetu «Narodna ukrains'ka akademiya»*. Kharkiv, 8, pp. 465–471.

3. Molodcha, N. (2007). Spetsyfyka ponymanyaya semanticheskikh okkazyonalizmov [Semantic nonce words interpretation specifics]. *Vcheni zapiski Kharkivs'kogo humanitarnogo universitetu «Narodna ukrains'ka akademiya»*. Kharkiv, 13, pp. 170–181.

4. Molodcha, N. (2011). *Semantichni okazionalizmy v suchasnomu anhlovnomu dyskursi* [Semantic Nonce Words in Contemporary English Discourse]. Kand. filol. nauk. V. N. Karazin Kharkiv. national un-t. Kharkiv. [online]. Available at: <http://dspace.nua.kharkov.ua/jspui/handle/123456789/1590> [Accessed 5 Nov. 2019].

5. Molodcha, N., Ilyasova Ye., (2017). Slovtvorchyy potentsial movnykh innovatsiy akademichnoho dyskursu (na materialy anhlomovnykh veb-saytiv) [Linguocreative potential of the speech innovations of the academic discourse (on the material of the English websites)]. *Nauk. zap. Vinnyts. derzh. ped. un-tu im. Mykhayla Kotsyubynskoho. Seriya: Filolohiya (movoznavstvo)*, 25, pp. 93–100.

6. Molodcha, N. (2019). K probleme modelirovaniye neoleksikograficheskikh izdaniy (na osnove sopostavitel'nogo analiza slovarey novykh slov) [To the problem of neolexicographic editions (based on new words dictionaries comparative analysis)]. *Vcheni zapiski Kharkivs'kogo humanitarnogo universitetu «Narodna ukrains'ka akademiya»*. Kharkiv, 25, pp. 309–321.

7. Skripka, V., Molodcha N., (2017). Problemi perekladu okazionalnoi leksiki ekonomichnoho dyskursu (na temu angloyazychnykh tekstov «Upravlinnnya personalom») [On the problem of economic discourse nonce words translation (based on HR Management discourse)]. *Vcheni zapiski molodykh ychenykh Kharkivs'kogo humanitarnogo universitetu «Narodna ukrains'ka akademiya»*. Kharkiv, pp. 215–220.

8. Yankovskyy, M. (2018). Systemno-strukturni osoblyvosti innovatsiyanoi leksyky anhlomovnoho akademichnoho dyskursu» [Systemic and structural peculiarities of the innovative lexical units of the English academic discourse]. *Vcheni zapiski molodykh ychenykh Kharkivs'kogo humanitarnogo universitetu «Narodna ukrains'ka akademiya»*. [online]. Kharkiv, pp. 176–181. Available at: <http://dspace.nua.kharkov.ua>. [Accessed 5 Nov. 2019].

9. Molodcha, N. (2019). On the administrative academic discourse sociolinguistic characteristics (on the material of Harvard University President Drew Gilpin Faust epideictic speeches). *The European Journal of Humanities and Social Sciences*, [online]. Volume (1), pp. 144–151. Available at: http://ppublishing.org/upload/iblock/1e8/EJH-1_2019.pdf. [Accessed 5 Nov. 2019].

Lexicographic resources

10. Molodcha, N. (ed.). (2018). *English-Ukrainian dictionary-thesaurus of the HR management new words (terminological units, the newest words, interactive texts within HR management theme)*. [online]. Kharkiv, Izd-vo NUA. Available at: <http://dspace.nua.kharkov.ua/jspui/handle/123456789/1758>. [Accessed 5 Nov. 2019].

11. Molodcha, N. (2014). *English-Russian dictionary of semantic nonce words (with lingua-cultural commentaries)*. [online]. Kharkov: Planeta-print, 222 p. Available at: <http://dspace.nua.kharkov.ua/jspui/handle/123456789/424>. [Accessed 5 Nov. 2019].

УДК 81'1

<http://doi.org/10.5281/zenodo.3707942>*Е. В. Тарасова*

**СИНЕРГЕТИКА И НАУКА
О ЯЗЫКЕ:
КОНЦЕПЦИИ И ПРИНЦИПЫ
СИНЕРГЕТИКИ
В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ,
ПРОВОДИМЫХ В ХГУ «НУА»**

Целью настоящего ретроспективного обзора является анализ, систематизация и обобщения опыта использования инструментария и концепций синергетики в лингвистических исследованиях автора в период работы в ХГУ «НУА» (2012–2019), выполненных в русле научного направления, получившего название *лингвосинергетики*. Подчеркивается, что интегрирующее влияние синергетической идеологии в языкознании находит выражение также в теориях нечетких множеств (расплывчатых понятий), включая теорию лингвистических фреймов и теорию лингвистического поля, а также в лингвокультурологии, этнографии речи, теориях речевой адаптации и управления дискурсом. Синергетические исследовательские установки недвусмысленно прослеживаются сегодня и в *дискурсологии*, а именно, в утверждении системно-интегративной природы дискурса.

В сфере исследовательских интересов автора особое место занимает так называемый *экономический дискурс* (ЭД), рассматриваемый как сложная самоорганизующаяся функционально-адаптивная макросистема, проводится сопоставительный анализ англоязычного и русскоязычного ЭД с целью выявления их национально-культурной специфики.

Автором также предпринята попытка использования идей синергетики как «методологической парадигмы» современной педагогики на примере анализа динамики учебно-воспитательного процесса в «Народной украинской академии», состоящей в переходе от традиционной дисциплинарной к синергетической педагогической модели, базирующейся на идее *непрерывного образования*. Результаты проделанных исследований позволяют сделать вывод о наступлении качественно нового этапа в развитии синергетической научной парадигмы, открывающей перед исследователями новые возможности в поиске ответов на глобальные вызовы современного, наполненного противоречиями мира.

Ключевые слова: лингвосинергетика, педагогическая синергетика, системно-интегративный подход, саморазвивающиеся синергетические системы, дискурс.

Тарасова О. В. Синергетика і наука про мову: концепції та принципи синергетики в лінгвістичних дослідженнях, проведених в ХГУ «НУА»

Метою наступного ретроспективного огляду є аналіз, систематизація і узагальнення досвіду використання інструментарію та концепцій синергетики в лінгвістичних дослідженнях автора в період її роботи в ХГУ «НУА» (2012–2019), що були виконані в руслі наукового напрямку, що має назву *лінгвосинергетика*. Підкреслюється, що інтегруючий вплив синергетичної ідеології в сучасному мовознавстві просліджується також в теоріях нечітких множин (розмитих понять), теоріях лінгвістичних фреймів та лінгвістичного поля, а також в лінгвокультурології, етнографії мовлення, теоріях мовленнєвої адаптації і керування дискурсом. Синергетичні дослідницькі настанови виявляються і в *дискурсології*, а саме, в розгляданні дискурсу як системно-інтегративного феномену згідно провідного принципу синергетики. У колі дослідницьких інтересів автора особливе місце займає так-званий *економічний дискурс* (ЕД), що розглядається як складна синергетична макросистема, що здатна до самоорганізації, здійснюється порівняльний аналіз англомовного та російськомовного ЕД з метою виявлення їх національно-культурної специфіки. Автор також робить спробу використання ідей синергетики як «методологічної парадигми» сучасної педагогіки, зокрема для аналізу динаміки навчально-виховального процесу в «Народній українській академії», сутність якої складається в переході від традиційної дисциплінарної до синергетичної педагогічної моделі, що базується на ідеї *неперервної освіти*. Результати досліджень дозволяють зробити висновок про наступ якісно нового етапу в розвитку синергетичної наукової парадигми, що відкриває перед дослідниками нові можливості в пошуку відповідей на глобальні виклики сучасного, сповненого протиріч світу.

Ключові слова: лінгвосинергетика, педагогічна синергетика, системно-інтегративний підхід, синергетичні системи, що самоорганізуються, дискурс.

Tarasova Olena. Synergistics and Linguistics: Concepts and Principles of Synergistics in the Linguistic Studies at Peoples Ukrainian Academy

The present retrospective survey aims at an analysis, systematization and generalizing the author's experience of using the tools and concepts of synergetics in her linguistic research done during the period of her employment in the «People's

Ukrainian academy» (2012-2019) and accomplished within the framework of the area known as *Linguo-synergetics*. Synergistic tendencies can also be traced in *discourse studies*, where discourse is now viewed from the synergistic perspective, whose key principle is the systemic-integrating one. A special place in the author's sphere of interests belongs to *economic discourse* (ED), conceptualized as a complex self-organizing macro-system and contrasting English and Russian ED with the aim of identifying their ethno-cultural characteristics. An attempt is also made to use synergistic ideas as a «methodological paradigm» of contemporary pedagogy, in particular, for analyzing the dynamics of the educational process at the «People's Ukrainian academy», which consists, according to the author, in a transfer from the traditional discipline-based model to a synergistic pedagogical one with its key idea of continuous (life-long) learning. The results obtained so far make it possible to mark the beginning of a qualitatively new stage in the development of the synergistic paradigm – a stage opening to researcher new vistas in their search for answers to the global challenges of our contradictory modern world.

Key words: linguo-synergetics, pedagogical synergetics, systemic-integrative approach, self-organizing systems, discourse.

В конце прошлого века мировая наука приблизилась к открытию законов, действие которых объясняет единые механизмы структурогенеза, т.е. существования мира, обеспечивающие целостность развивающихся природных и социальных явлений. Познанием этих законов человечество во многом обязано синергетике, возникшей как научное направление, изучающее единую сущность самых разнообразных феноменов, рассматриваемую как процесс перехода от неупорядоченности (хаоса) к порядку. Фундамент синергетики был заложен, когда специалистами в разных частях мира и в различных областях знания были обнаружены общие детерминанты материальных, социальных и мыслительных процессов и созданы синергетические теории самоорганизации сложных систем [1; 2; 3; 16].

Цель данного ретроспективного обзора состоит в анализе, систематизации и обобщении опыта использования концепций и инструментария синергетики в научных исследованиях, выполненных его автором в период работы в ХГУ «НУА» (2012–2019).

Синергетика – это не новая наука, но новое объединяющее направление в науке, цель которого – выявление общих идей, методов

и закономерностей в самых разных областях естествознания, обществоведения и техники. Термин «синергетика», образованный от греческого «син-ергия» – содействие, сотрудничество, напоминает ученым, сосредоточившимся каждый на своей собственной избранной им дисциплинарной деланке, о внутреннем единстве, гармонии и согласованности мира, о «внутренней всепроникающей связи всего со всем» [2, с. 33].

Общность разнородных явлений обнаруживается, как правило, на стыках конкретных научных областей. Поэтому для нахождения общих принципов, управляющих миром, необходимо *кооперирование* различных дисциплин, которое, собственно, и «породило» синергетику. С самого начала она возникла именно как *междисциплинарное* направление, проложив, по образному замечанию Г. Хакена [16], «тоннель сквозь огромную гору, которая прежде разделяла различные научные дисциплины», особенно так называемые «мягкие», т.е. социальные и гуманитарные науки от так называемых «твердых», т.е. точных наук». Устранение преграды между ними способствовало их взаимному сближению, ибо чтобы познать сложное явление, необходимо преодолеть «сверхспециализацию», отказаться от десятилетиями господствовавшего в научном мышлении редукционистского подхода к изучаемым явлениям, заменив его подходом *холистским*. Основанный на идеях целостности мира и научного знания о нем, такой подход неизбежно влечет за собой «взаимное оплодотворение идеями» [2]. В основе синергетической парадигмы – кооперативность действий изолированных объектов, спонтанно организующихся в структуру некоторой системы, которая в свою очередь функционирует в определенной среде. Основные принципы синергетического стиля научного мышления можно предельно кратко свести к следующим: диссипативные (открытые, нелинейные) системы, самоорганизация, взаимодействие системы и среды.

Яркое подтверждение перехода к этому новому стилю научного мышления – перемены, происходящие в последние десятилетия в науке о языке, где интегрирующее влияние синергетической идеологии нашло выражение в бурном развитии так называемых «зонтичных» направлений – таких как психо-, социо-, прагма- и этнолинг-

вистика, когнітологія, антропологічна лінгвістика, герменевтика і др. Потужний об'єднуючий імпульс дозволив цим різним, але «родственным» дисциплінам «профільтрувати» свої ключові концепції і підходи під єдиним кутом зору, взаємно обогачаючи і доповняючи свої досягнення і дослідницький апарат, здійснюючи тим самим *інтегративний* підхід до вивчення і опису мовної діяльності.

Оцінити роль і місце синергетики в вивченні вербальної комунікації – непросте завдання. Вона вимагає осмислення конкретних механізмів самоорганізації в конкретних процесах розвитку мовних і мовних систем. Тим не менше, такі поняття, як «функціональна адаптація», «саморегуляція», «внутрішня активність», «ентропія», «інформація» і др. стають все більш важливими вимірами, визначаючими природу і спосіб існування комунікативних структур (слів, висловлювань, мовних актів, текстів), кожен з яких можна розглядати як *функціонально-адаптивну систему* – засіб або спосіб, за допомогою якого індивіди пристосовуються до оточуючого середовища, взаємодіють з ним, обмінюючись з ним інформацією.

Поняття адаптації, саморегуляції, взаємодії системи і середовища знаходять успішне застосування і в антропологічній лінгвістиці, а саме, в тій її частині, яка з'єднується з *культурологією* [17; 21 і др.]. Адже якщо виходити з визначення культури як «комплексу знань, представлень, образів, почуттів і відносин, що відображають способи організації людської життєдіяльності, які представлені в артефактах, нормах, установах, духовних цінностях і відношенні людей до природи і до себе», то природно передбачити, що культура в цілому складається з відносно незалежних субкультур, які володіють здатністю до самоорганізації. Ця трактовка знайшла відображення, зокрема, в роботах, виконаних в ХГУ «НУА» [10; 11; 12].

Достатньо послідовно синергетичний підхід реалізується також в *етнографії мови* (ЭР) – порівняльно новому дослідницькому напрямку, виниклому на «стыке» антропології і лінгвістики, яка, можна сказати, «революціонізувала» наше

понимание взаимоотношения языка и культуры. В русле данного направления в НУА также был проведен ряд исследований, отраженных в публикациях, посвященных проблемам этносемантики и этнопрагматики [8; 18; 20], а также актуальным вопросам межкультурной коммуникации [14; 15].

В теории коммуникации идеи самоорганизации речевых систем и взаимодействия системы и среды все более прочно связываются также с *теорией речевой адаптации* (ТРА). ТРА – это теория системного социо-психолингвистического взаимодействия, моделирующая сценарии коммуникативного поведения индивидов. Согласно этой теории, говорящий всегда сознательно или бессознательно приспосабливается к своему партнеру по коммуникации, «настраиваясь» на его речевое поведение. Эвристический потенциал ТРА, основанный на синергетических принципах самоорганизации коммуникативных (под)систем под воздействием своей «экологии», также был проиллюстрирован в ряде публикаций, обобщающих результаты исследований, проводимых в русле этой теории в Народной украинской академии [10; 19].

В синергетических терминах ТРА получает удовлетворительное объяснение и такое активно обсуждаемое сегодня явление, как *управление дискурсом* [4; 7], что тоже было объектом анализа, предпринятого автором данного обзора.

Как видим, языкознание имело все основания принять синергетику в качестве своей исследовательской методологии, что привело к возникновению особого научного направления, получившего название *лингвосинергетики*. Последняя сформировалась в ходе использования языковедами синергетических концепций и принципов для выделения и всестороннего описания самых разных сложных нелинейных самоорганизующихся коммуникативных систем, в том числе, естественно, и *дискурса*.

Анализируя все общеизвестные определения последнего, приходим к выводу, что каждое из них оптимально отвечает классическому определению открытой диссипативной функционально-адаптивной синергетической системы, «погруженной» в свою «экологию». Из сказанного закономерно вытекает необходимость рассмотрения

дискурса в русле синергетической теории, основополагающим принципом которой является *системно-интегративный*. Реализация данного принципа, состоящего в понимании дискурса как ингерентно *организованной* формы речемыслительной деятельности, нашла отражение в ряде публикаций автора данного обзора [6; 14].

В сфере исследовательских интересов автора особое место занимает так-называемый *экономический дискурс* (ЭД), под которым понимается «разновидность дискурса, используемую с целью раскрытия сущности различных аспектов экономической реальности и экономической деятельности как отдельных индивидов, так и человеческих коллективов» [148, с. 43], и которая рассматривается как сверхсложная самоорганизующаяся система, регулируемая синергетическим законом функциональной зависимости элементов. Выбор ЭД в качестве объекта исследования в свете теории самоорганизации сложных систем мотивируется динамичностью концептуального пространства экономических отношений как наиболее открытой для инноваций форм общественного сознания. Экономическая система чутко реагирует на влияние импульсов, приходящих извне и изменяется в результате усвоения и переработки полученной информации человеком. Это заставляет признать, что ЭД – это *функционально-адаптивная система*, лежащая в основе как поведенческих, так и мыслительных практик различных экономических сообществ.

Особым объектом внимания автора в последние годы стал современный *англоязычный* экономический дискурс (АЭД), обслуживающий систему экономических связей, сложившихся в англоговорящих социумах. Так, в работах, опубликованных в ХГУ «НУА» [5; 13], автором впервые были выделены такие признаки АЭД, как гибкая уровневая организация, саморегуляция, динамичность, функциональная адаптация к условиям «среды обитания» и постоянная перестройка под воздействием этой среды. Последнее и есть результат действия синергетического принципа самоорганизации. В фокусе исследований, проведенных в НУА, был также английский *письменный* деловой дискурс, рассматриваемый как микросистема в составе макросистемы АЭД. Письменная деловая документация имеет социально-

значимые цели, регулируя социально-экономическое взаимодействие индивидов и социальных групп, и потому является необходимой составляющей экономической деятельности [5].

Если исходить из положения, в соответствии с которым наиболее фундаментальные различия в экономических дискурсах, влияющие на характер экономического сознания этноса и используемые его членами коммуникативные стратегии, лежат в социокультурной плоскости, то актуальным становится *сопоставительное* изучение экономических дискурсов, сложившихся в различных лингвокультурах, т.е. выявление *национально-культурной специфики* ЭД. Этноспецифические формы ЭД, определяемые особенностями общественного сознания, природной и социо-экономической реальности до недавнего времени ускользали из поля зрения языковедов. Некоторые аспекты этой проблемы, тем не менее, нашли отражение в предпринятом автором данного обзора сопоставительном анализе *англоязычного и русскоязычного* ЭД, который позволил глубже проникнуть в особенности коллективного самосознания народа, его менталитета, национального характера, образа жизни и системы ценностей, а также понять, чем определяется коммуникативная эффективность ЭД в экономической деятельности носителей сопоставляемых лингвокультур [9].

Как подчеркивалось выше, синергетика предоставляет методологическую основу для полноценного изучения и описания любых видов систем вне зависимости от их природы, форм существования и степени сложности. Не является исключением и *система образования*.

Оценить роль и место синергетики в организации учебно-образовательного процесса в вузе – непростая задача, требующая осмысления конкретных механизмов самоорганизации в работе конкретных учебных заведений. В рамках этой задачи была предпринята попытка использования идей синергетики как «методологической парадигмы» для анализа динамики учебно-воспитательного процесса в «Народной украинской академии» за 25 лет ее существования. Соответственно, ХГУ «НУА» была представлена как *сложноорганизованная макросистема*, все структурные подразд-

еления которой представляют собой взаимосвязанные и взаимообусловленные составляющие, позволяющие академии существовать как целостный и относительно обособленный социум с характерной структурой и способами саморегулирования и самоорганизации. Имплементация идей синергетики в организации учебно-воспитательного процесса в НУА заключается, прежде всего, в переходе от традиционной дисциплинарной к синергетической педагогической модели, базирующейся на идее *непрерывного образования*.

Концептуально-методологическая новизна идей самоорганизации применительно к педагогическим системам состоит в том, что деятельность вуза рассматривается как процесс саморегуляции макросистемы под воздействием окружающей ее среды, в том числе с точки зрения ее интеграции с внешними по отношению к ней социальными и экономическими системами. Примером подобного межсистемного синергетического взаимодействия можно считать то, как данный вуз строит свои отношения со *стейкхолдерами*, что нашло отражение в материалах международной научно-практической конференции «Взаимодействие образовательных учреждений со стейкхолдерами: веление времени», состоявшейся в Народной украинской академии в 2017 году.

Подводя итоги представленной выше ретроспективы, можно сделать вывод о наступлении качественно нового этапа в развитии синергетической научной парадигмы, открывающей перед исследователями новые возможности в поиске ответов на глобальные вызовы современного, наполненного противоречиями мира.

Список литературы

1. Добронравова И. С. Синергетика: становление нелинейного мышления / И.С. Добронравова. – Киев : Либидь, 1990. – 217 с.
2. Князева Е. Н. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным / Князева Е. Н., Курдюмов С. П. // Вопросы философии. – 1992. – №11. – С. 25–32.
3. Пригожин И. Г. Природа, общество и новая рациональность. В поисках нового миропонимания // Философия и жизнь. – 1991. – №7. – С. 3–19.
4. Тарасова Е.В. Теория речевой аккомодации и проблемы управления

дискурсом // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2018. – Т. 23. – С. 419–427.

5. Тарасова Е. В. Английский письменный деловой дискурс как подсистема английского экономического дискурса // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2017. – Т. 22. – С. 419–427.

6. Тарасова Е. В. Дискурс в системно-интегративном аспекте / Е. В. Тарасова // *Philology* : сб. материалов междунар. научн. конф. «Actual Problems of Science and Education». – 2017. – V. (38), Iss. 115. – С. 53–57.

7. Tarasova Ye. V. On discourse management / Ye. V. Tarasova // Сучасні філологічні штудії: теоретична та прикладна лінгвістика : матеріали III між нар. наук.-практ. конф., 28-29 февр. 2017 р. – Київ; Буча, 2017. – С. 213–217.

8. Тарасова Е. В. О предмете и задачах этнографии речи / Тарасова Е. В. / Сучасні філологічні студії: теоретична та прикладна лінгвістика : [матеріали] II Міжнар. наук.-практ. конф., 24-25 лют. [2016 г.] / Нар. укр. акад. [та ін.]. – Київ ; Буча, 2016. – С. 49–53.

9. Тарасова Е. В. О национально-культурных особенностях экономического дискурса / Е. В. Тарасова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2015. – Т. 21. – С. 419–427.

10. Тарасова Е. В. Языковая личность и синергетический принцип взаимодействия системы и среды / Тарасова Е.В. // Научная дискуссия: вопросы филологии, философии и культурологи : междунар. заоч. науч.-практ. конф., 08 нояб. 2015 г., г. Москва / Междунар. центр науки и образования. – Москва, 2015. – С. 56–61.

11. Тарасова Е. В. Культурный синдром и академическая культура современной Украины // Современная система образования: опыт прошлого – взгляд в будущее : сб. ст. по материалам III Междунар. научно-практ. конф., 3 окт. 2014. – С. 180–185.

12. Тарасова Е. В. Культура как саморазвивающаяся синергетическая система // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологи : сб. ст. по материалам 23 Междунар. научно-практ. конф. – 2014. – №4 (23). – С. 15–23.

13. Тарасова Е. В. Обучение англоязычному экономическому дискурсу как компонент профессиональной подготовки студентов-экономистов // Приоритеты развития современного образования: теория, методология, практика : материалы междунар. науч.-практ. конф., Харьков, 17-18 февр. 2014 г. : [в 2 ч.] / Харьк. гуманітар. ун-т «Нар. укр. акад.» [и др.]. – Харьков, 2014. – Ч. 2. – С. 142–147.

14. Тарасова Е. В. Современный экономический дискурс в понятиях и

терминах синергетики // Вчені зап. Харк. гум. ун-ту «Народна українська академія» / [редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2014. – Т. 20. – С. 325–334.

15. Тарасова Е.В. Некоторые проблемы обучения этике межкультурного общения : [раздел коллективной моногр.] // Теоретические и прикладные аспекты обучения иностранному (английскому) языку на неязыковых факультетах. – Харьков : Изд-во НУА, 2014. – С. 238–260.

16. Хакен Г. Синергетика: Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах : пер. с англ. / Г. Хакен. – М. : Мир, 1985. – 423 с.

17. Keesing R. M. Theories of culture / Roger M. Keesing // Annual review of anthropology. – 1976. – V. 3. – P. 73–97.

18. Tarasova Ye. V. Ethnography of communication: some aspects of ethnosemantics and ethnopragmatics // European Science Review. – 2014. – N 4 (7–8). – P. 120–123.

19. Tarasova Ye. V. Speech accommodation theory as a methodological framework for exploring interactive discourse // Proceedings of the 7th International Congress on Social Sciences and Humanities. – Vienna, 2016. – P. 137–143.

20. Tarasova Ye. V. Ethnography of Speech as a Methodological Base for Interpreting relations of Language, Culture, and Society // The European Journal of Literature and Linguistics. – 2018. – N 3. – P. 18–23.

21. Wierzbicka A. «Cultural scripts»: A new approach to the study of cross-cultural communication // Language contact and language conflict. – Amsterdam : John Benjamin, 1996. – P. 69–88.

References

1. Dobronravova, I. S. (1990). *Sinergetika: stanovleniye nelineynogo myshleniya* [Synergetics: the formation of non-linear thinking]. Kiev: Libid', 217 p.

2. Knyazeva, Ye. N., Kurdyumov, S. P. (1992). Sinergetika kak novoye mirovideniye [Synergetics as a new world view]. *Voprosy filosofii*, 11, pp. 25–32.

3. Prigozhin, I. G. (1991). Priroda, obshchestvo i novaya ratsional'nost' [Nature, society and new rationality]. *Filosofiya i zhizn'*, 7, pp. 3–19.

4. Tarasova, Ye. V. (2018). Teoriya rechevoy akkomodatsii i problemy upravleniya diskursom [Theory of speech accommodation and problems of discourse management]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, Harkov, v. 23, pp. 419–427.

5. Tarasova, Ye. V. (2017). Angliyskiy pis'menny delovoy diskurs kak podsistema angliyskogo ekonomicheskogo diskursa [English written business

discourse as a subsystem of the English economic discourse]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, Harkov, v. 22, pp. 419–427.

6. Tarasova, Ye. V. (2017). Diskurs v sistemno-integrativnom aspekte [Discourse in the system-integrative aspect]. *Actual Problems of Science and Education*, v. (38), Iss. 115, pp. 53–57.

7. Tarasova, E. V. (2017). On discourse management. In: *Suchasni filolohichni shtudiyi: teoretychna ta prykladna linhvistyka*. Kyev–Bucha: Milenium, pp. 213–217.

8. Tarasova, E. V. (2016). O predmete y zadachakh itnohrafyy rechy [About the subject and tasks of the ethnography of speech]. In: *Suchasni filolohichni studiyi: teoretychna ta prykladna linhvistyka*. Kiev; Bucha, pp. 49–53.

9. Tarasova, Ye. V. (2015). O natsional'no-kul'turnykh osobennostyakh ekonomicheskogo diskursa [On the national-cultural features of economic discourse]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, Harkov, v. 21, pp. 419–427.

10. Tarasova, Ye. V. (2015). YAzykovaya lichnost' i sinergeticheskiy printsip vzaimodeystviya systemy i sredy [Language personality and the synergistic principle of interaction between the system and the environment.]. In: *Nauchnaya diskussiya: voprosy filologii, filosofii i kul'turologi*. Moskva, p. 56–61.

11. Tarasova, Ye. V. (2014). Kul'turnyy sindrom i akademicheskaya kul'tura sovremennoy Ukrainy [Cultural syndrome and academic culture of modern Ukraine]. In: *Sovremennaya sistema obrazovaniya: opyt proshlogo – vzglyad v budushcheye*, 180–185.

12. Tarasova, Ye. V. (2014). Kul'tura kak samorazvivayushchayasya sinergeticheskaya sistema [Culture as a self-developing synergistic system]. In: *Nauchnaya diskussiya: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turolog*, 4, (23), pp. 15–23.

13. Tarasova, Ye. V. (2014). Obucheniye angloyazychnomu ekonomicheskomu diskursu, kak komponent professional'noy podgotovki studentov-ekonomistov [Education English-speaking economic discourse as a component of professional training of students of economists]. In: *Prioritety razvitiya sovremennoy obrazovaniya: teoriya, metodologiya, praktika*. Harkov, part 2, pp. 142–147.

14. Tarasova, Ye. V. (2014). Sovremennyy ekonomicheskyy diskurs v ponyatiyakh i terminakh sinergetiki [Modern economic discourse in terms and terms of synergy]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*, Harkov, v. 20, pp. 325–334.

15. Tarasova, Ye. V. (2014). Nekotoryye problemy obucheniya etike mezhhul'turnogo obshcheniya [Some problems of teaching ethics of intercultural communication]. In: *Teoreticheskiye i prikladnyye aspekty obucheniya inostrannomu (angliyskomu) yazyku na neyazykovykh fakul'tetakh*. Harkov: Izd-vo NUA, pp. 238–260.

16. Khaken, G. (1985). *Sinergetika: Iyerarkhii neustoychivostey v samoorganizuyushchikhsya sistemakh i ustroystvakh* [*Synergetics: Hierarchies of Instabilities in Self-Organizing Systems and Devices*]. Moskva: Mir, 423 p.
17. Keesing, R. M. (1976). Theories of culture. *Annual review of antrphology*, V. 3, pp. 73–97.
18. Tarasova, Ye. V. (2014). Ethnography of communication: some aspects of ethnosemantics and ethnopragmatics. *European Science Rview*, 4 (7-8), pp. 120–123.
19. Tarasova, Ye. V. (2016). Speech accommodation theory as a methodological framework for exploring interactive discourse. In: *Proceedings of the seventh International Congress on Social Sciences and Humanities*. Vienna, pp. 137–143.
20. Tarasova, Ye. V. (2018). Ethnography of Speech as a Methodological Base for interpreting relations of Language, Culture, and Society. *The European Journal of Literature and Linguistics*, 3, pp. 18–23.
21. Wierzbicka, A. (1996). Cultural scripts: A new approach to the study of cross-cultural communication. In: *M. Puts (Ed.) Language contact and language conflict*. Amsterdam: John Benjamin, p. 69–88.

А. А. Хильковская

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ВЫРАЖЕНИЯ КРИТИКИ И НЕОДОБРЕНИЯ В СВЕТЕ ТЕОРИИ НЕВЕЖЛИВОСТИ

Настоящее исследование ведется на кафедре иностранных языков ХГУ «НУА» под руководством проф. Тарасовой Е.В., результаты его ежегодно публиковались в сборнике «Ученые Записки».

Цель исследования выявить коммуникативные стратегии выражения критики и неодобрения, существующие в современном англоязычном *дискурсе*. Исследование опирается на понимание дискурса как «языка в действии», существующего в форме речевого потока, регулируемого стратегиями и тактиками участников общения и подверженного влиянию сложной системы когнитивных, языковых и внеязыковых факторов. Для дискурс-анализа предлагаются инструменты прагматики: понятия речевого акта и прагматические принципы (Кооперативный Принцип Грайса и Принципы Вежливости Браун и Левинсона). Данное в статье определение коммуникативных стратегий основывается на теории речевых актов, которая понимает говорение как действие, реализующее коммуникативное намерение путем рационального выбора языковых и речевых средств.

Поскольку критика и неодобрение связаны с отрицательной оценкой, в работе рассматриваются *эксплицитные* и *имплицитные* средства выражения оценки. Выбор говорящим средств для выражения отрицательной оценки рассматривается как ключевой для успеха коммуникации, что связано с конфликтогенностью отрицательной оценки.

Определяя критику и неодобрение как потенциально конфронтационное речевое поведение в исследовании применяется модель Кальпеппера, автора Теории Невежливости, для классификации коммуникативных стратегий, в которых критика и неодобрение в различных обстоятельствах могут находить свое выражение. Выделяются стратегии неодобрения «bald on-record», стратегии критики и неодобрения, угрожающие «позитивному лицу» адресата, стратегии критики и неодобрения, наносящие ущерб «негативному

лицу» адресата, сарказм и стратегии «off-record». К этой классификации предлагается добавить еще одну коммуникативную стратегию – «дружескую невежливость» – характерную для ситуации дружеского общения.

Ключевые слова: дискурс, дискурс-анализ, прагматика, коммуникативные стратегии, Кооперативный Принцип Грайса, Теория Вежливости, критика и неодобрение.

Хільковська А. О. Комунікативні стратегії висловлення критики та несхвалення в світі теорії неввічливості

Дослідження, що представлено, ведеться на кафедрі іноземних мов ХГУ «НУА» під науковим керівництвом професора Тарасової О. В. його результати були щорічно представлені на сторінках «Вчених Записок ХГУ «НУА»».

Ціль цього дослідження полягає у виявленні та вивченні комунікативних стратегій висловлення критики та несхвалення в сучасному англомовному дискурсі. Дослідження спирається на визначення дискурсу як «мови в дії» що реалізується в потоці мовлення, регулюється стратегіями і тактиками учасників спілкування та зазнає впливу складної системи когнітивних, мовних та позамовних чинників. Для дискурс-аналізу пропонуються інструменти прагматики: поняття мовленнєвого акту та прагматичні принципи (Кооперативний Принцип Грайса і Теорію Ввічливості Браун та Левінсона). Визначення комунікативної стратегії, що використовується дослідженням, базується на Теорії Мовленнєвих Актів, мовлення сприймається та аналізується як дія, що реалізує комунікативні наміри суб'єкта шляхом раціонального відбору мовних та мовленнєвих засобів.

Оскільки критика та несхвалення безпосередньо пов'язані з негативною оцінкою, стаття розглядає експліцитні та імпліцитні засоби висловлення оцінки. Вибір засобів висловлення негативної оцінки розглядається в статті як ключовий чинник успіху комунікації у зв'язку з високою вирогідністю конфронтації, що може бути спричиненою критикою або несхваленням.

Визначаючи критику та несхвалення як потенційно конфронтаційну мовленнєву поведінку, дослідження використовує модель Кальпеппера, автора Теорії Неввічливості, для класифікації комунікативних стратегій, за допомогою яких критика та несхвалення можуть передаватися. Виділяються стратегії несхвалення «bald on-record», стратегії критики та несхвалення, що загрожують «позитивному обличчю» адресата, стратегії критики та несхвалення, що загрожують «негативному обличчю» адресата, сарказм і стратегії «off-record». До існуючої класифікації пропонується додати ще одну стратегію – «дружню неввічливість» – що є характерною рисою спілкування у колі друзів.

Ключові слова: дискурс, дискурс-аналіз, прагматика, комунікативні стратегії, Комунікативний Принцип Грайса, Теорія Ввічливості, критика та несхвалення.

Khilkovska Asia. Communicative Strategies of Expressing Criticism and Disapproval in the Light of the Impoliteness Theory

The research under discussion is carried out in People's Ukrainian Academy under the scientific guidance of Professor Tarasova O. V. Its results have been publicized in the PUA annual bulletin «Vcheni zapiski Kharkivs'kogo humanitarnogo universitetu».

The objective of the research is to identify communicative strategies of expressing criticism and disapproval in the modern English discourse. The research views and defines discourse as a «language in action», present in a stream of speech regulated by tactics and strategies of speakers and affected by a complex system of cognitive, linguistic and non-linguistic factors. As means of discourse analysis principles of pragmatics, such as Grice's Cooperative Principle of and the Theory of Politeness, are suggested. The definition of a communicative strategy given in the paper is based on the Speech Acts theory which says that speech is a kind of action meant to achieve communicative intentions of the speaker by means of the language rationally selected by the communicant.

As criticism, as well as disapproval, is expression of negative attitude to objects, actions or situations in a whole, the paper reviews and classifies explicit and implicit negative value judgements. Selection of appropriate means conveying poor evaluation is considered crucial for a speaker due to high probability of confrontation which may be caused by criticism and disapproval. Defining criticism and disapproval as belonging to a confrontational discourse, the research uses Culpepper's Impoliteness model to classify communicative strategies employed to express criticism and disapproval. Strategies of disapproval «bald on-record», strategies threatening individual's «positive face», strategies threatening individual's «negative face», sarcasm and «off-record» strategies are identified in the paper. A strategy of «friendly impoliteness» is suggested to complement the classification.

Key words: discourse, discourse analysis, pragmatics, communicative strategies, Grices Cooperative Principle, Theory of Politeness, criticism and disapproval.

Цель настоящего исследования выявить коммуникативные стратегии выражения критики и неодобрения, существующие в совре-

менном англоязычном *дискурсе*, проследить связь избираемых говорящим коммуникативных стратегий с прочими языковыми и внеязыковыми факторами, взаимодействующими в процессе коммуникации в конкретной ситуации, и результатами коммуникации, описать механизмы использования различных стратегий выражения критики и неодобрения для достижения коммуникативных целей говорящего.

Отправной точкой исследования стало определение понятия *дискурс* как «использования языка в определенных социальных условиях» или «языка в действии» [4, с. 23]. За основу были взяты определения, данные Ю. С. Степановым, дискурс – это «особое использование языка для выражения ментальности, которое влечет за собой активацию некоторых черт языка» [5, с. 35], и И. С. Шевченко: «Дискурс – это текст (или тексты), созданные в результате речевой деятельности представителей определенной лингво-культурной общности», рассматриваемые в совокупности их лингвистических параметров и социо-культурного контекста, при этом к дискурсу относятся все формы устной и письменной речи [9, с. 150].

Данное в начале исследования определение остается по-прежнему актуальным, с той лишь поправкой, что за последние несколько лет слово «*дискурс*» стало самым употребляемым в речи «не лингвистов» лингвистическим термином.

Наряду с лингвистами, анализом *дискурса* занимаются антропологи и философы, психологи и социологи, специалисты по массовым коммуникациям и политологи. Дискурс-анализ для лингвиста – это источник информации о том, «что и как язык сообщает, когда он целенаправленно используется в отдельных случаях и контекстах, и как явления, которые мы обнаруживаем в реальном языке, можно объяснить с учетом коммуникативных целей текста или взаимодействия» [4, с. 32]. Иными словами, лингвистика рассматривает феномен функционирования языка, в то время как для других дисциплин дискурс-анализ – способ получения информации о социальных отношениях, психологическом состоянии и других аспектах жизни индивидуумов или их сообществ. Изучение дискурса в рамках различных научных дисциплин обогащает каждую из них, стирает

рамки между отдельными областями знания и превращает дискурс-анализ в междисциплинарный инструмент научных исследований.

Дискурс как язык в действии, язык используемый, «чтобы что-то сделать и что-то значить» [4, с. 32], является объектом динамичным, «живым», интерактивным, существующим в форме речевого потока, регулируемого стратегиями и тактиками участников общения и подверженного влиянию сложной системы когнитивных, языковых и внеязыковых факторов [5, с. 35].

Поэтому для анализа дискурса более всего подходят инструменты предлагаемые прагматикой.

Для прагматики характерно представление о речи как о действии, которое совершается говорящим для достижения им определенных коммуникативных целей. «Прагматика изучает, как язык может использоваться, чтобы выполнить действие и иметь значение в реальных ситуациях» [4, с. 120]. Значение тоже не является в прагматике статичным, раз и навсегда закрепленным за теми или иными языковыми единицами, оно формируется в коммуникации и взаимодействии. «Создание значения – это динамический процесс, оно формируется во взаимодействии говорящего и слушающего». На его формирование влияет как «контекст высказывания (физический, социальный и лингвистический)», так и «потенциал значения высказывания» [17, с. 22].

Таким образом, в прагматике *дискурс* – это пространство «для динамичного процесса создания значения» [4, с. 121], и прагматика предлагает инструменты для дискурс-анализа: понятия речевого акта и прагматические принципы: Кооперативный Принцип Грайса и Принципы Вежливости Браун и Левинсона.

В основе теории речевых актов лежит идея о том, что говорение – это действие, коммуникация индивидов есть последовательность речевых действий, направленных на реализацию их коммуникативных намерений. Наличие намерения (интенции) является неотъемлемым свойством речевого действия, этим намерением обусловлен выбор языковых и речевых средств каждым участником коммуникации. Таким образом, можно говорить о реализации говорящим определенной коммуникативной стратегии, природа которой интерактивна, так как она имеет свойство реагировать на речевое поведение

остальных участников коммуникации. «Стратегия – ... тип поведения каждого партнера в ситуации диалогического общения, который обусловлен и соотнесен с планом достижения глобальной и локальной коммуникативных целей» [1, с. 152].

Кооперативный принцип Грайса [14] гласит, что успех любой коммуникации зависит от готовности ее участников к взаимодействию и сотрудничеству. Эта готовность выражается в соблюдении коммуникантами правил речевого общения, которые получили название Максима кооперации Грайса: Максима Количества (недостаток информации, равно как и ее избыток, затрудняет коммуникацию), Максима Качества (ложная, недостоверная информация, мнения, не имеющие под собой достаточного основания, препятствуют эффективной коммуникации), Максима Релевантности (отклоняясь от темы, говорящий отдаляется от достижения поставленной коммуникативной цели), Максима Манеры (способ выражения не менее важен для осуществления коммуникативных намерений говорящего, чем содержание высказывания). Участники коммуникации далеко не всегда придерживаются сформулированных Грайсом Максим кооперации, но предполагается, что говорящий обладает свободой выбора и рациональностью, выбирая наиболее эффективные стратегии речевого поведения для достижения своих коммуникативных целей.

Критика и неодобрение связаны с отрицательной оценкой объектов, действий или ситуаций, выраженной с помощью содержащих оценочный компонент или приобретающих его в данном контексте языковых выражений, от единиц, представляющих собой, по Вольф [2], «меньше, чем слово» (междометие или пауза в разговоре) до целых высказываний.

Отрицательная оценка в высказывании может быть выражена *эксплицитно* и *имплицитно*. Среди эксплицитных средств выражения, в первую очередь, лексика, предназначенная для выражения оценки, прилагательные и наречия, существующие в парадигме «хороший/плохой», «хорошо/плохо», негативные наименования, глагольные структуры, описывающие оценочные отношения, в данном случае, отрицательное отношение к объекту, а также интерпретация действий индивидуума или событий в выражениях, содержащих отрицательную оценку.

*It was **nasty**, but I just put it out of my head.*

***I'm** sorry, I was so **rude**.*

*She sounded like her old self. **Nasty** and **bitchy**.*

*What, that **old frump**!*

*I don't know about you, but **I don't like** to be kept waiting.*

*It's my hair, that **wretched** hairdresser **ruined** my hair.*

*I told you not **to play with wrong children**.*

*Lots of **rivalries** and **jealousies**.*

К средствам эксплицитного выражения отрицательной оценки следует отнести также грамматические конструкции, за которыми закрепились функции отрицательной оценки: неиндикативные конструкции (*should have done, I wish he would, If you hadn't..*), конструкции с прилагательным/наречием (*too ... , not enough*).

*She **should have known** he was a blackmailer.*

***I wish you wouldn't call** me that.*

*«**I wish you hadn't come** and about time, too»*

*I thought he would have been **too old** for a disco.*

Неодобрение эксплицитно выражается в запретах, предостережениях и угрозах как непосредственной реакции на неодобряемое говорящим поведение, а также с помощью описания негативного эмоционального состояния субъекта речи, вызванного неодобряемым поведением.

*Eat your breakfast and **stop staring** at me!*

*Oh, **shut up**!*

*I admit, **I'm a little annoyed**.*

Отрицательная оценка может быть эксплицитно выражена высказыванием с модальностью желания, желаемое воспринимается как хорошее, и наоборот.

*...we **don't want** to do anything with the likes of you!*

Широко в качестве оценочных используются высказывания, в основе которых лежат другие модальности, оценка как бы маскируется ими, т. е. выражается имплицитно. Например, элемент оценки имплицитно присутствует в советах и других высказываниях с модальностью долженствования или просьбы. Присутствие оценочного знака

в этих модальностях лежит в основе коммуникативной стратегии, которую можно назвать **псевдосоветом**:

You should be grateful, yes, grateful that I'm here to protect you.

Основным содержанием этого высказывания является критика (отсутствия благодарности со стороны адресата), а не совет. Можно продолжить ряд стратегий с приставкой псевдо-: **псевдопобуждение** (*Why not kick all my lovely things to pieces.*), **псевдонедоверие** или псевдоудивление (*You wouldn't, Charles! A young girl like that!*).

Как средства имплицитного выражения критики и неодобрения могут использоваться вопросы (интерогативы):

Why did you say that?

You want me to WHAT?

I don't think George Bross liked Felicity much. – What! His own daughter?

В этих примерах негативная оценка «упакована» в вопрос, что является одним из распространенных стратегий выражения неодобрения. Как правило, вопрос «*Why did you say that?*», выражающий неодобрение ранее сказанного собеседником, не требует ответа. В таких контекстах обычной реакцией на него является не объяснение, а слова извинения «*I didn't mean to hurt you!*», что свидетельствует о восприятии его в качестве критики и неодобрения обоими собеседниками.

Coffee? – asked Boase. – Police coffee?

В вопросе отсутствуют слова, содержащие в своей семантике негативную оценку, и, тем не менее, очевидно, что основным смыслом вопроса является отрицательное отношение к предлагаемому объекту (кофе, подаваемый в полицейском участке, обычно не отличается хорошими вкусовыми качествами).

Оценка может быть выражена имплицитно, когда ни один из элементов высказывания не является оценочным, но описывается ситуация, имеющая соответствующий смысл в «картине мира»:

You weren't around when I was being kidnapped.

We were supposed to..., but you changed your mind, not me. – Здесь отрицательная оценка заключается в несоответствии действий адресата речи ожиданиям субъекта.

Невыражение необходимого, с точки зрения Теории Вежливости, сочувствия пострадавшему является еще одной стратегией выражения неодобрения персонажа или его действий:

I hope she's suffering.

It was only one mistake. – Serves her right.

Утверждение, что никто так не поступает, предполагает, что говорящий не одобряет соответствующие действия:

Nobody dresses up to go out for dinner these days.

Итак, критикуя или выражая неодобрение чего-либо, говорящий может прибегнуть к сугубо оценочным высказываниям (предназначенным языком для отрицательной оценки), к высказываниям, содержащим оценку, наряду с иными модальностями (советы, вопросы, неиндикативные высказывания), что позволяет превращать их в инструмент отрицательной оценки, и к способам имплицитного выражения отрицательной оценки (приписывание объекту оценки свойств или действий, имеющих соответствующий смысл в «картине мира», контраст между ожиданием и реальностью, невыражение сочувствия и т. д.).

Выбор говорящим средств для выражения отрицательной оценки играет ключевую роль, особенно (хотя и не только) в непосредственной коммуникации, где оценочные высказывания могут затрагивать интересы участников и являться мощным конфликтогенным фактором. Но, как в случае с эксплицитно выраженной, так и имплицитной негативной оценкой, вероятность конфронтации очень высока, тем более, что представляется невозможным следовать Максимумам Грайса: и качество, и количество, и релевантность критики сами могут становиться источником несогласия между коммуникантами.

Высказанная отрицательная оценка сигнализирует о наличии противоречия (говорящий отрицательно оценивает действия или качества адресата речи, либо третьего лица, по поводу которого у адресата может быть противоположное мнение) и потенциально является предпосылкой конфронтации между участниками коммуникации, и кроме того, несет угрозу «социальному лицу» как самого говорящего, так и адресата речи, тому позитивному социальному имиджу, который они, предполагается, стремятся сохранить. Термин

«социальное лицо» предложен Гофманом и лежит в основе Теории Вежливости Браун и Левинсона [12]. Негативные оценочные высказывания могут быть квалифицированы как ФТА (Face Threatening Acts) – акты, угрожающие лицу собеседника или ликопонижающие РА (речевые акты). Они воспринимаются как недружественные, конфронтационные вербальные действия и чреваты нарушением коммуникации, переходом коммуникантов к недружественному взаимодействию, невозможностью реализации их коммуникативных намерений и возникновением конфликтной ситуации.

Теория Вежливости. П. Браун и С. Левинсона предлагает коммуникантам глобальную Стратегию Вежливости, принципы речевого поведения, направленного на сглаживание существующего противоречия и недоведение его до ситуации конфронтации или конфликта путем «сведения к минимуму» угроз «социальному лицу» собеседника. При этом теория вежливости различает негативное лицо (Negative face) и позитивное лицо (Positive Face) коммуниканта. Позитивное лицо сохраняется и поддерживается одобрением окружающих, их поддержкой, симпатией, уважением и принятием, а негативное лицо – предоставлением свободного выбора, уважением независимости и самостоятельности собеседника, посягательства же на эти права коммуниканта несет угрозу его лицу.

П. Браун и С. Левинсон [12] выделяют четыре суперстратегии вежливости: стратегия «bald on record» (отсутствие всяких попыток минимизировать угрозу «лицу» собеседника), позитивная вежливость (вежливость сближения, выраженная забота о позитивном «лице» собеседника, дружелюбность, солидарность, принятие), негативная вежливость (вежливость дистанцирования, минимизация угроз негативному «лицу», демонстрация нежелания ограничить свободу собеседника), стратегия «off-record» (использование намеков и импликаций с целью избежать возможных угроз «лицу» собеседника). Некоторые авторы, анализирующие теорию вежливости Браун и Левинсона считают, что принцип «Своди к минимуму угрозу потери лица» [12] сам по себе и есть глобальная стратегия вежливости [3], а угроза потери «лица» в коммуникации – всегда предпосылка конфронтации.

Модель невежливості Кальпеппера [13], включаюча п'ять суперстратегій невежливості, побудована як зеркальне відображення суперстратегій ввічливості Браун і Левінсона, суперстратегії невежливості несуть загрозу «лицю» співрозмовника. Кальпеппер виділяє наступні суперстратегії: невежливість «bald on-record» (експліцитна невежливість, відкрита і недвосмысленна загроза «лицю» співрозмовника), позитивна невежливість (загроза позитивному «лицю» співрозмовника, оскорблення, негативні оцінки, пренебрежливе ставлення), негативна невежливість (нанесення шкоди негативному «лицю» адресата, посягання на його свободу дій, приниження, вторгнення в особистий простір), сарказм (притворна або перебільшена ввічливість), ігнорування загальноприйнятих в даній лінгвокультурі формул ввічливості і невежливість «off-record» (наміки і імплікації, загрожуючі «лицю» співрозмовника).

Визначаючи критику і неохвалення як потенційно конфронтаційне мовне поведіння, логічно застосувати модель Кальпеппера для класифікації комунікативних стратегій, в яких критика і неохвалення в різних обставинах можуть знаходити своє вираження. Відповідно до моделі Кальпеппера виділяємо:

1) стратегії неохвалення «bald on-record», недвосмысленний, нічим не завуальований «удар» по «соціальному обличчю» адресата (емоційно забарвлені відричально-оцінні прислівники/назви, образливі найменування з використанням образної лексики, демонстративний вихід за межі норм ввічливості: «*old frump*», «*wretched hairdresser*», «*Nasty and bitchy*», «*stop staring*», «*shut up!*»);

2) стратегії критики і неохвалення, загрожуючі позитивному «лицю» адресата (відричально-оцінні висловлювання, характеризуючі адресата і його дії, конструкції, описуючі відричальне ставлення до нього або емоційне стан, викликане неохвалюваними і критикуваними діями, інтерпретація дій адресата з допомогою лексики, що містить відричально-оцінний компонент значення: «*I don't like*», «*don't want*», «*I'm a little annoyed*», «*rivalries and jealousies*»);

3) стратегії критики і неохвалення, що завдають шкоди «негатив-

ному лицу» адресата, ограничивающие его свободу действий, означающие вторжение в его личностное пространство или зону ответственности (высказывания с модальностью долженствования или просьбы, директивы, советы и псевдосоветы, псевдопобуждение и псевдоудивление: «*You should...*», «*Why not...*», «*You wouldn't!*»);

4) средства выражения сарказма, такие как притворное и преувеличенное одобрение, трансформирующееся в свою противоположность, часто с помощью интенсификаторов высказывания и интонации;

5) стратегия «off-record», неодобрение в форме намеков и импликаций, угрожающих «лицу» адресата, и игнорирование общепринятых в данной лингвокультуре формул вежливости («*It was only one mistake. – Serves her right.*»).

Выбор говорящим средств выражения критики и неодобрения можно рассматривать как сознательный выбор в ситуации диалогического общения такой коммуникативной стратегии, которая более всего соотносится с его глобальными и локальными коммуникативными целями. Выбирая стратегию выражения критики и неодобрения, коммуниканты вынуждены соотносить свое эмоциональное состояние с прагматикой коммуникации (не зря Вольф определяет оценку как «поле взаимодействия семантики и прагматики» [2]), прибегать к манипулированию иллокутивной силой своего высказывания. Однако, выражая критику и неодобрение, говорящий, фактически, реализует одну из «стратегий невежливости», рискуя оказаться в ситуации конфронтации. В свою очередь, стремление минимизировать угрозы «лицу» собеседника и реализовать свои коммуникативные намерения вынуждает говорящего помещать отрицательно-оценочные высказывания в компенсирующие или нейтрализующие их контексты, либо использовать «PC language» (язык политкорректности), ограничивающий средства отрицательной оценки и делающий запретными для критики и неодобрения определенные свойства и сферы жизни индивидуума.

Особняком стоит феномен речевого взаимодействия в дружеском кругу, где принципы дружеского общения особым образом соотносятся с принципами социального взаимодействия и речевыми стратегиями, допустимыми в социуме. Когда соблюдение принципов кооперации и

языковой вежливости становятся общепринятой нормой и практически универсальным средством эффективного сотрудничества, речевые акты, их реализующие (такие как выражение участия, интереса, поддержки, оптимизма, маркеры солидарности, извинения, принятие на себя основного груза вины за любые неудобства, испытываемые собеседником, приумножение любых тягот, испытываемых говорящим, и в этом ряду, всяческое смягчение критики и неодобрения) утрачивают свою эксклюзивность и перестают быть языком близости дружбы и особого отношения. Тогда тесные приятельские отношения между собеседниками «говорят», пренебрегая средствами языковой вежливости, и именно пренебрежение этими инструментами выступает знаком эксклюзивности и доброжелательности в отношениях между коммуникантами. Наблюдения над англоязычным молодежным дискурсом показывают, что высказывания, обычно ассоциирующиеся с конфликтом и агрессией, могут трансформироваться в свою противоположность и использоваться в дружеском общении как маркеры принадлежности к ближнему кругу [8].

“Don't anybody say anything!”

“I hate to tell you, Izzy, but I think one of your false eye-lashes is coming off”

“Might have known I wouldn't get any sympathy from you!”

“I really absolutely hate you sometimes”

“If you dare say “I told you so”, I'll kill you”

Если обратиться к теории речевого взаимодействия П. Браун и С. Левинсона, то в каждом акте речевого взаимодействия могут быть выделены внелингвистические переменные: социальная дистанция (D - distance) и статус (R – ranking), чем больше социальная дистанция между участниками коммуникации, тем большую роль в ней играет соблюдение принципов языковой вежливости; демонстративное пренебрежение принципами языковой вежливости, возможность прямой критики и неодобрения может работать на уменьшение дистанции между коммуникантами и уравнивание их статуса. Такое речевое поведение можно определить как шестую суперстратегию невежливости, «дружескую невежливость», свидетельствующую об особых отношениях и отсутствии дистанции между коммуникантами.

Заклучение.

Широкий спектр средств выражения критики и неодобрения в терминах прагматики можно рассматривать как коммуникативные стратегии, сознательно избираемые коммуникантом для достижения определенных глобальных и локальных целей,

Выражение критики и неодобрения относится к конфронтационному речевому поведению, поскольку оно актуализирует существующее между индивидами противоречие и несет угрозу «лицу» участников коммуникации,

Коммуникативные стратегии выражения критики и неодобрения укладываются в классификацию суперстратегий невежливости Кальпеппера, что позволяет выделить неодобрение «bald on-record», критику и неодобрение, угрожающие позитивному «лицу» адресата, критику и неодобрение, наносящие ущерб «негативному лицу» адресата, сарказм и стратегию «off-record».

К описанным стратегиям следует добавить «дружескую невежливость» как особую коммуникативную стратегию, характерную для ситуации дружеского общения.

Список литературы

1. Бондаренко Е. В. Как нарисовать портрет птицы : кол. монография / [Е. В. Бондаренко, А. П. Мартынюк, И. Е. Фролова, И. С. Шевченко]; под ред. И. С. Шевченко. – Х. : ХНУ им. В. Н. Каразина, 2017. – 246с.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф // Изд. 2е, доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280с.
3. Давыденко Л. Г. Реализация постулатов речевого общения в коммуникации в рамках теории вежливости П. Браун и С. Левинсона / Л. Г. Давыденко, Р. Я. Гаспарян, А. Б. Музыченко // Современные наукоемкие технологии. – 2014. – №2. – С.96–100.2.
4. URL: www.rae.ru/snt/?section=content&op=show_article&article_id=10002269
5. Кэмерон Д. Разговорный дискурс. Интерпретации и практики / Пер. с англ. Вовк Ю. С. – Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2015. – 316с.
6. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 в. / под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С.35–72.

7. Тарасова Е. В. Теория речевой аккомодации и проблемы управления дискурсом / Е.В. Тарасова // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту “Нар. укр. акад.” – Харків, 2017. – Т. 23. – С. 391–308.
8. Хильковская А. А. К вопросу о так называемом агрессивном дискурсе / А. А. Хильковская // Научная дискуссия: инновации в современном мире: сб. ст. по материалам XLVII Международной научно-практической конференции «Научная дискуссия: инновации в современном мире». – № 3 (46). Часть 2. – М., Изд. «Интернаука», 2016. – С. 18–21.
9. Хильковская А. А. Типология и границы агрессивного дискурса / А. А. Хильковская // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту “Нар. укр. акад.” – Харків, 2018. – Т. 24. – С. 309–318.
10. Шевченко И. С. К определению понятия дискурса в исторической прагмалингвистике / И. С. Шевченко // Романо-германская филология. Вестник Харьковского университета № 435. – Харьков: Константа, 1999. – С. 150–154.

References

1. Bondarenko, E. V., Martyniuk, A. P., Frolova, I. E., Shevchenko, I. S. (2017). Kak narisovat portret ptitsyi: metodologiya kognitivno-kommunikativnogo analiza yazyka [How to draw the portrait of a bird: cognitive and communicative analyses methodology]. *Kol. monografiya*. Kharkiv: HNU im. V. N. Karazina, 2017, 246 p.
2. Volf, E. M. (2002). Funktsionalnaya semantika otsenki [Functional semantics of value judgement]. Moskva: Editorial URSS, 280 p.
3. Davyidenko, L. G., Gasparyan, R. Ya., Muzychenko, A. B. (2014). Realizatsiya postulatov rechevogo obscheniya v kommunikatsii v ramkah teorii vezhlivosti P. Braun i S. Levinsona [Realization of the main communication principles in the framework of P. Brawn and S. Levinson’s Politeness Theory]. / *Sovremennyye naukoemkie tehnologii* #2, pp. 96–100.
4. Cameron, D. Working with Spoken Discourse, Sage, 2015. 298 p. (Russ. ed. Razgovornyy diskurs. Interpretatsii i praktiki, Kharkiv: Izd-vo «Gumanitarnyj centr», 2015. 316 p.).
5. Stepanov, Yu.S. (1995). Alternativnyj mir, diskurs, fakt i princip prichinnosti [Alternative world, discourse and a causality principle]. *Yazyk i nauka konca 20 v*. Moskva: In-t yazykoznanija RAN, pp. 35–72.
6. Tarasova, E. V. (2017). Teoriya rechevoy akkomodatsii i problemy upravleniya diskursom [Speech accommodation theory and discourse management issues]. *Vcheni zapiski Kharkivs'kogo humanitarnogo universitetu “Narodna ukrains'ka akademiya”*. Kharkiv, (23), pp. 391–308.
7. Hilkovskaya, A. A. (2016). K voprosu o tak nazyvaiemom agressivnom

diskurse [About so called aggressive discourse]. *Nauchnaya diskussiya: innovatsii v sovremennom mire: sb. st. po materialam XLVII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Nauchnaya diskussiya: innovatsii v sovremennom mire»*. Moskva, 3(2), pp. 18–21.

8. Hilkovskaya, A. A (2018). Tipologiya i granitsyi agresivnogo diskursa [Typology and limits of aggressive discourse]. *Vcheni zapiski Kharkivs'kogo humanitarnogo universitetu "Narodna ukrains'ka akademiya"*. Kharkiv, (24), pp. 309–318.

9. Shevchenko, I. S. (1990). K opredeleniyu ponyatiya diskursa v istoricheskoy pragmalingvistike [To the definition of discourse in historical pragmalinguistics]. *Romano-termanskaya filologiya. Vestnik Harkovskogo universiteta*. Kharkiv: Konstanta, # 435, pp. 150–154.

10. Boncea, I. J. (2013). Hedging Patterns Used as Mitigation and Politeness Strategies. *Annals of the University of Craiova*, 2, pp. 2–25. Available at: http://cis01.central.ucv.ro/litere/activ_st/anale_engleza/Annals_vol2_2013_Limba.pdf
<http://docplayer.net/35508079-Hedging-patterns-used-as-mitigation-and-politeness-strategies.html>

11. Brown, P., Levinson, S. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. L., N.Y.: CUP, 345p.

12. Brown, P., Levinson, S.C. (1978). Universals in language usage: politeness phenomena. *Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction*. N.Y.: Cambridge University Press, pp. 56---289.

13. Culpeper, J. (1996). Towards an anatomy of impoliteness. *Journal of Pragmatics*. 1996, 25, pp. 349-367.

14. Grice, P. (1998). Further Notes on Logic and Conversation. *Pragmatics vol. 4*. London: Routledge, pp. 162–178.

15. Grice, P. (1995). Logic and Conversation. *Syntax and Semantics. Speech Acts*. 1995, 3, pp. 41-52.

16. Leech, G. N. (1980). *Explorations in Semantics and Pragmatics*. Amsterdam, Philadelphia : Benjamins, 133 p.

17. Thomas, J. (1995). *Meaning Interaction: An Introduction to Pragmatics*. London : Longman, 224 p.

Т. М. Берест

КОНЦЕПТ «БОГ» У ПОЕТИЧНІЙ МОВТВОРЧОСТІ КІНЦЯ ХХ СТОЛІТТЯ

Статтю присвячено когнітивній інтерпретації концепту «Бог» у поезії 80–90-х років ХХ століття. Метою роботи є узагальнення попередніх досліджень специфіки поетичного контексту та семантико-функціональних особливостей релігійної лексики в ньому через когнітивну інтерпретацію художнього концепту «Бог» в текстах означеного періоду. Спостереження за ключовими концептами поетичної мовтворчості, за їх вербалізацією, віднайдення співвідношення узуальності й лінгвокреативності у творенні образів сприяє розширенню уявлення про структурно-семантичний обсяг національної мови та окреслює перспективи її розвитку. Джерельною базою розвідки слугували поезії з 60 збірок молодих авторів-переможців конкурсів «Смолоскип», «Гранослов» та ін. В основу роботи покладено розуміння концепту як інтелектуальної одиниці, збагаченої ціннісними ознаками, культурно маркованого вербалізованого смислу. Результатами дослідження є висновки про значне місце концепту «Бог» у художніх картинах світу письменників-постмодерністів кінця ХХ ст.; спостереження про традиційність номінацій, що експлікують концепт (найбільш поширеними серед них є Бог і Господь); виділення ядерних і периферійних для аналізованого матеріалу номінацій. Також встановлено, що структура художнього концепту «Бог» у аналізованих поетичних текстах, з одного боку, відображає традиційні уявлення («чистота», «невинність», «любов», «усепрощення», «ідеал», «найвищий розум», «повелитель», «пастир», «спаситель», «ідол», «віра»), а з іншого – особливі, індивідуально-авторські способи осмислення навколишньої дійсності, спільною ознакою яких є наявність у смислового шарі художнього концепту негативних оцінок та компонентів, що є традиційно притаманними концепту «людина» («спостерігач», «начальник», «функціонер», «самотня істота», «безпорадність», «мисливець»).

Ключові слова: концепт, мовна картина світу, номінація, контекст, конотація.

Берест Т. Н. Концепт «Бог» в поэтической речи конца XX века

Статья посвящена анализу когнитивной интерпретации концепта «Бог» в поэзии 80–90-х годов XX века. Целью работы является обобщение предыдущих исследований специфики поэтического контекста и семантико-функциональных особенностей религиозной лексики в нем через когнитивную интерпретацию художественного концепта «Бог» в текстах указанного периода. Наблюдение за ключевыми концептами поэтической речи, за их вербализацией, обнаружение соотношения узуальности и лингвокреативности в создании образов способствует расширению представления о структурно-семантическом объеме национального языка и очерчивает перспективы его развития. Источником исследования послужили поэзии из 60 сборников молодых авторов-победителей конкурсов «Смолоскип», «Гранослов» и др. В основу работы положено понимание концепта как интеллектуальной единицы, обогащенной ценностными признаками, культурно маркированным вербализованным смыслом. Результатами исследования являются выводы о важном месте концепта «Бог» в художественных картинах мира писателей-постмодернистов конца XX в.; наблюдения о традиционности номинаций, которые эксплицируют концепт (наиболее распространенными среди них являются Бог и Господь); выделение ядерных и периферийных для рассматриваемого материала номинаций. Также установлено, что структура художественного концепта «Бог» в анализируемых поэтических текстах, с одной стороны, отражает традиционные представления («чистота», «невинность», «любовь», «всепрощение», «идеал», «наивысший разум», «повелитель», «пастырь», «спаситель», «идол», «вера»), а с другой – особые, индивидуально-авторские способы осмысления окружающей действительности, общим признаком которых является наличие в смысловом слое художественного концепта негативных оценок и компонентов, традиционно свойственных концепту «человек» («наблюдатель», «начальник», «функционер», «одинокое существо», «беспомощность», «охотник»).

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, номинация, контекст, коннотация.

Berest Tetyana. Concept “God” in Poetic Language Creativity in the Late XX Century

This article deals with cognitive interpretation of the concept “God” in the Ukrainian poetry of the 1980s and 1990s. The purpose of the work is to summarize previous studies of the specificity of the poetic context and the semantic-functional

features of the religious vocabulary in it through cognitive interpretation of the artistic concept of “God” in the texts of the specified period. Observing the key concepts of poetic speech-making, their verbalization, finding the correlation of usability and linguistic creativity in the development of poetic images contributes to the broadening of the idea of the structural-semantic volume of the national language and highlights the prospects for its development. Poetry from 60 compilations of young authors-winners of the Smoloskyp, Granoslov and other competitions served as a source of our research. The work is based on the understanding of the concept as an intellectual item enriched with value traits of culturally marked verbalized meaning. We demonstrate the significant place of the concept of “God” in the artistic world of the post-modernist writers of the late twentieth century; we observe the tradition in nominations explaining the concept (most common among them are “God” and “Lord”); and more over we point out nuclear and peripheral nominations in the analyzed material. It is also established that the structure of the artistic concept of “God” in the analyzed poetic texts, on the one hand, reflects the traditional ideas (“purity”, “innocence”, “love”, “forgiveness”, “ideal”, “supreme being”, “lord”, “shepherd”, “savior”, “idol”, “faith”), and on the other - specific, unique author’s ways of understanding the surrounding reality, a common feature of which is the presence of the negative perception and components that are traditionally inherent in the concept of “human” in the semantic layer of the art concept (“observer”, “boss”, “functionary”, “lonesome”, “helplessness”, “hunter”).

Key words: concept, linguistic picture of the world, nomination, context, connotation.

Прагнення до осмислення сутності мови в широкому теоретичному контексті живить розвиток низки антропоорієнтованих дисциплін, серед яких етнолінгвістика, психолінгвістика, лінгвокогнітивістика, лінгвокультурологія. Спроби дослідити й описати специфіку фіксування та відображення в мові світобачення індивіда чи колективу мовців спричинили формування новітніх термінологічних понять – мовна картина світу, мовна особистість, індивідуальний стиль, концепт культури, художній концепт, індивідуально-авторський концепт, концептуальна картина світу тощо. Тривалий час пильна увага науковців зосереджена, з одного боку, на дослідженні впливу на смисл поетичного слова ситуативного та соціально-культурного (вертикального, прецедентного) контексту [3], а з іншого – на аналізі впливу індиві-

дуальних функціонально-типологічних новацій та породжених ними семантичних зрушень у поетичній лексиці на національну мову, а відтак і на національну та загальнолюдську культуру. Спостереження за ключовими концептами поетичної мовотворчості, за їх вербалізацією, віднайдення співвідношення узуальності й лінгвокреативності у творенні образів сприяє розширенню уявлення про структурно-семантичний обсяг національної мови та перспективи її розвитку.

Метою нашої статті є з одного боку, узагальнення попередніх досліджень художнього осмислення образу Бога в поетичних контекстах 80–90 рр. ХХ ст., а з іншого – спроба їх когнітивної інтерпретації, що, своєю чергою, дозволить зробити певні узагальнення щодо специфіки змісту й вербалізації концепту «Бог» у поезії означеного періоду.

Розробляючи лінгвокультурологічний напрямок концептології, науковці (О. М. Кагановська, Л. І. Белехова, В. В. Жайворонок, Н. Д. Арутюнова, В. В. Колесов, І. А. Стернін) включають у зміст концепту не лише понятійну складову, а й усю супровідну культурно-фонову інформацію. За визначенням Ю. С. Степанова, концептами є «семантичні утворення, позначені лінгвокультурною специфікою, які так чи інакше характеризують носіїв певної етнокультури», концепт конденсує культуру у свідомості людини, «є тим, у вигляді чого культура входить до ментального світу людини», але водночас «це те, через що людина ... сама входить до культури, а в деяких випадках і впливає на неї» [6, с. 42–43]. Дослідниця В. А. Маслова таким чином визначає завдання лінгвокультурології: «експлікувати культурну значимість мовної одиниці (тобто «культурні знання») на основі зіставлення прототипної ситуації ... чи мовної одиниці, її символічного прочитання з тими «кодами» культури, які відомі чи можуть бути запропоновані носію мови лінгвістом» [5, с. 10–11].

З кінця минулого століття значно збільшилася кількість різнобічних досліджень релігійної лексики. Науковці активно вивчають релігійну термінологію, застосовуючи структурно-семантичний підхід (Н. І. Кочан, Ю. В. Осінчук, Н. В. Пуряєва, І. В. Бочарова, Н. В. Піддубна та ін.). Семантико-стилістичні особливості біблійної та релігійної лексики в українських художніх текстах аналізують В. Ю. Пустовіт,

Н. Я. Дзюбишина-Мельник, О. М. Черевченко, Ю. І. Браїлко та ін. У лінгвокогнітивній, лінгвокультурній царині досліджують сакральні назви мовознавці Т. П. Вільчинська, М. С. Скаб, П. В. Мацьків, Н. В. Піддубна та ін. Новизна нашого дослідження полягає в тому, що на матеріалі українських поетичних текстів 80–90-х вивчення концептів культури не проводилося.

Результати роботи можуть бути використаними в поетичній лексикографії; а також для порівняльного аналізу мови поезії кінця ХХ століття та поетичного мовлення попередніх періодів з метою формулювання когнітивних ознак концепту й відстежування їх динаміки та задля підсумкового моделювання змісту культурного концепту «Бог». Матеріали й результати дослідження можуть знайти застосування в наукових семінарах, при викладанні відповідних спецкурсів.

У досліджуваному матеріалі (60 поетичних збірок) концепти сакральної сфери представлені досить широко, здебільшого у текстах авангардного напрямку. З одного боку, вони допомагають адекватно розкрити важливі суспільні й моральні проблеми сучасності, з іншого, важливим чинником «пожвавлення» релігійної концептосфери є наявне в постмодерній поезії прагнення шокувати читача «антиестетизмом», що часто виражається в депоетизації «високого» матеріалу. У поезії традиційного напрямку релігійні концепти представлені значно менше [1; 2].

Універсальний концепт «Бог» відіграє важливу роль у релігійній і мовній картині світу народу. Відповідно до визначення у Філософському енциклопедичному словнику, Бог «наділений якостями абсолютного суб'єкта, якому властива абсолютна досконалість, найвищий розум, всемогутність, всеосяжність, духовність, усезнання, самодостатність, вічність, усеблагість, безмежність, незбагненність для розуму, єдиність (у монотеїстичних релігіях). Бог... є творцем Всесвіту та всього існуючого в ньому. У християнстві Бог один за сутністю й троїстий у своєму бутті: він є Бог-Отець, Бог-Син і Бог-Дух Святий. ... Як абсолютна повнота буття й гранична довершеність, Бог втілює в собі вічні й безумовні цінності: добро, красу, істину, свободу, безсмертя» [7, с. 59]. Згадані якості й характеристики спричинили множинність способів вербалізації концепту «Бог» у українській

картині світу: усевишній, творець, господь, пан Бог, спаситель, усеблагий, передвічний, цар небесний, отець (небесний), владица тощо.

У досліджуваному матеріалі художній концепт «Бог» вербалізують одиниці: Бог (у 23 авторів), Господь (у десяти авторів), Отець (у трьох авторів), Творець, Пастир, Вишній (по одному автору), Всевишній, Вседержитель (у двох авторів). Частина (близько 25%) образних уживань слів Бог і Господь припадає на фразеологічні сполучення: Боже [мій, правий], дай Боже [Господи], дякуючи Богові, бачить Бог (Бог свідок), слава Богу, з богом, хай Бог простить та усталене звертання Отче. Таким чином, можемо говорити про актуальність досліджуваного концепту для аналізованого нами матеріалу й про те, що найчастіше автори вдаються саме до основного імені концепту (Бог).

Текстові реалізації демонструють значимість концепту в народній картині світу й, здебільшого, його відповідність християнському світобаченню. Складниками смислової структури концепту «Бог» у поетичних текстах нерідко є традиційні компоненти: ‘чистота’, ‘невинність’ («Каже дитятко: «Я – Бог»,/ трусить сніжком»); ‘любов’, ‘усепрошення’ («Хворий [на «манію любові»], як бог перед сповіддю»); ‘найвищий розум’ («Все знає бог. Але не може знати./ за що, коли і як воздати їм [репресованим]»), ‘повелитель’ («– Сину, це з жовтих отав./ Бог не велів їх косити»; «Кожен янгол волить в сад небесний однести дитину, але Бог не велить...»); ‘спаситель’ («Дерева боронитися не вміли./ І слухав Бог, як крони їх шуміли, і гладив їм прозорі стовбури»). Своєрідне відновлення внутрішньої форми експресивності Вседержитель через зв’язок із дієсловом держати («...зі світом на пару зуваючись долу./ і наш Вседержитель не держить мене») звужує семантику назви Бога до передачі змісту ‘той, хто тримає’ і надає їй іронічно-трагічного забарвлення. Звичні ж компоненти значення назви «високої» реалії відходять на другий план. Засоби вербалізації концепту «Бог» зберігають значення, близькі до базових ознак, переважно при реалізації мотивів моління, звертання до Господа, наприклад: «Дитинку носить, Бога просить...»; «І в душі розмову з Господом веде...». Традиційними для асоціативно-семантичного поля концепту є й компоненти ‘ідол’, ‘віра’, ‘ідеал’, («Ми ж молимося одному Богу, / з одної

глини і води»; «Якому богу не молись, / а на землі – / свої закони») 'релігія' («Не на порі, / окрім поезії і бога, / й ці трударі...»). У смислового навантаженні концепту «Бог» в аналізованих текстах нерідко актуалізується поняття висоти, неба. До речі, відповідно до української міфології, наші предки «обожнювали небо, ... слова, що означали небо, заразом вважалися переважно і назвами Бога» [4, с. 33].

У давніх українців слово Бог мало значення 'божество долі', що цілком корелює з базовою ознакою 'творець долі', 'пастир', яка в досліджуваному матеріалі досить часто трансформується в компоненти 'той, хто керує вчинками людей', 'той, хто обмежує волю': «...Тебе чомусь засмутили / слова: / нехай буде воля Твоя / як на небі / так і на землі / ти зрозуміла / що ніколи досі не потрапляла в таку залежність /.../ Бог також видається / не тим до кого ти звикла / коли перестаєш відчувати його як метафору...». Аналогічні зміни образно-асоціативного рівня маємо в сполуках із формою генітива: мливо господа, замисел Господа Ідея змарнованого, «нерезультативного» життя експресивно відбита в рядках: «Намарні люди котрих навіть Бог не в змозі пригадати на обличчя». Бог виступає тут не стільки керівною істотою, скільки критерієм визначення доцільності, корисності життя людини. Водночас мотив неспроможності пригадати когось і функція обліковця звужують базові ознаки концепту.

Нерідко в сучасній поезії образ Бога використовується для персоніфікації ідеї самотності, що цілком пояснюється абсолютизацією поняття, яке лежить в основі концепту. Вираження ідеї самотності досягається через зображення просторової віддаленості Бога («Богові самотньо в холодному космосі»; «...та й Бога жалко: він-бо все простить – / самотній і сумний за золотим порогом»), через ототожнення із самотою або поєднання з експресемами самотньо, самотній. Концептема самотність часто супроводжується асоціативним атрибутивним елементом семантики 'сумний', який в ряді творів підкреслюється сполученням із епітетами: «Бог / ...самотній і сумний», «Ось так цей світ котився, схожий на катафалк, / ...у безвість. / А на узбіччі безвісті сумний Господь стояв», «...де сумнолико дивить Бог / одвіковіку чвари...». Таке зображення надає образу-концепту відтінку трагічності й водночас «затемнює» ознаку всемогутності. Десеман-

тизацію змістових компонентів, пов'язаних із надприродністю, і зміну конотативних складових спричиняє уподібнення Бога до людини: «А Бог живе на темному Горішці / на зиму сушить ягоди й гриби». Таке осмислення образу Бога-Отця близьке до зображення Бога-Господаря у фольклорних творах – колядках. Рядки: «І, може, бог не раз уже збирав / усіх святих,/ щоб виправити помилку,/ щоб якось там поіншому карать / за неповторну яблучну оскоминку», – асоціюються з образом малорезультативних нарад. З-поміж семантичних ознак назви бог до «центру» висувається сема 'керівник', унаслідок чого образна складова концепту набуває нетипових компонентів 'здатність помилятися', 'безпорадність' поруч із узувальною складовою 'успрощення'.

Значно менший вплив на зміст художнього концепту «Бог» у аналізованих творах мають дохристиянські та політеїстичні уявлення, хоча однією із визначальних ознак постмодерної творчості є змішування образів та ідей різних релігій, культур, наприклад, звертання до Перуна: «– Ми кинули тебе, / але не кидай нас! – / молились люди. – / Боже, повернися». Подвійне означення старий, дерев'яний у тому ж творі мотивує появу в семантичній структурі номінації концепту метонімічного компонента 'фігура бога, ідола'. Завдяки контекстуальному зв'язку з лексикою, тематично пов'язаною з античністю, а також написанню з малої букви (хоча цей показник у силу ряду причин як мовного, так і екстралінгвістичного характеру не можемо вважати надійним) назва Бог пов'язується з міфічними персонажами античної епохи: «В цій вулиці юність... / як бог у сивілі дельфійського храму віщує»; «Зрине з провалля Бог / на золотих вітрах».

Специфічна ідея «національного» Бога втілюється в рядках І. Малковича: «Наш бідний Боже України, / чи ти збайдужів, а чи спиш, / чи між богами ти, як миш, / тремтиш залякано й мовчиш...». Спостерігаємо тут деактуалізацію ознаки одиничності, стирання ядерних компонентів 'творець' та 'істота, яка керує світом і вчинками людей', а відтак і втрату ознаки всемогутності. Відчутним є зв'язок між таким розумінням Бога в сучасній поезії та образами Бога-отця в поетичних творах Т. Шевченка.

Досить характерними для постмодерних творів є перефразування

сталих сполучень Бог [Господь] прийняв [душу] до себе та Бог [Господь] прийняв [прибрав] – Бог скосив, Бог поглинає, Господь витягує душу, Бог заманує душу, у яких маємо заміну компонента ‘той, хто дарує життя’ на ‘той, хто відбирає життя’. Уживання разом із назвами понять мисливства мотивує появу в концепті периферійного компонента ‘мисливець’.

Таким чином, концепт «Бог» у художніх картинах світу письменників-постмодерністів кінця ХХ ст. посідає досить значне місце, допомагаючи митцям осмислювати суспільну ситуацію, давати глибокі морально-етичні оцінки чи епатувати читача. Склад лексики, що експлікує концепт, є традиційним, ядерною номінацією концепту виступає назва Бог, периферійними для досліджуваного матеріалу є назви Творець, Пастир, Вишній. Структура художнього концепту «Бог» в аналізованих поетичних текстах, з одного боку, відображає узуальні уявлення, цілком співвідносні з релігійною картиною світу, слов’янською та українською міфологією, а з іншого – особливі, індивідуально-авторські способи осмислення навколишньої дійсності. Спільною ознакою авторського асоціативного бачення поняття «Бог» у різних поетів є 80–90 рр. ХХ ст. є наявність у смисловому шарі художнього концепту негативних оцінок та компонентів, що є традиційно притаманними концепту «людина».

Перспективи дослідження вбачаємо в подальшому аналізі ключових художніх концептів поетичного дискурсу кінця ХХ ст.

Список літератури

1. Берест Т. М. Художнє осмислення образу Ісуса Христа в поезії кінця ХХ століття / Т. М. Берест, О. А. Шумейко // Вчені записки Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» – Харків, 2006. – Т. 12. – С 483–491.
2. Берест Т. М. Семантика лексичних одиниць – назв Бога-Отця в українській поезії 80-90 років ХХ століття / Т. М. Берест // Лінгвістичні дослідження: збірн. наук. праць. – Харків : ХДПУ, 2001. – Вип. 7. – С. 153–157.
3. Берест Т. М. Роль поетичного контексту у формуванні естетичного значення слова / Т. М. Берест // Вчені записки Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.» – Харків, 2003. – Т. 9. – С. 414–422.
4. Войтович В. М. Українська міфологія / В. М. Войтович. – Київ : «Либідь», 2005 – 664 с.

5. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пос. / В. А. Маслова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 296 с.
6. Степанов Ю. С. Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Академический проект, 2004. – 992 с.
7. Філософський енциклопедичний словник / НАН України, Ін-т філософії імені Г. С. Сковороди ; [В. І. Шинкарук та ін.]. – Київ : Абрис, 2002. – 744 с.

References

1. Berest, T. M., Shumejko, O. A. (2006). Hudozhnye osmyslennya obrazu Isusa Hrista v poeziyi kincyа XX stolittya [Artistic reflection of the concept of Jesus Christ in poetry of the late XXth century]. *Vcheni zapiski Kharkivs'kogo humanitarnogo univrsitetu «Narodna ukrayins'ka akademiya»*. Kharkiv, 12, pp. 483–491.
2. Berest, T. M. (2001). Semantika leksichnih odinic – nazv Boga-Otcya v ukrayinskij poeziyi 80-90 rokiv XX stolittya [The semantics of lexical units used to name God the Father in Ukrainian poetry of 1980s-1990s of the XXth century]. *Lingvistichni doslidzhennya*. Kharkiv: KDPU, 7, pp. 153–157.
3. Berest, T. M. (2003). Rol poetichnogo kontekstu u formuvanni esteticnogo znachennya slova [The role of poetic context in the development of the aesthetic meaning of a word]. *Vcheni zapiski Kharkivs'kogo humanitarnogo univrsitetu «Narodna ukrayins'ka akademiya»*. Kharkiv, 9, pp. 414–422.
4. Vojtovich, V. M. (2005). *Ukrayinska mifologiya* [Ukrainian mythology]. Kyiv: «Libid», 664 p.
5. Maslova, V. A. (2004). *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Moskva: Flinta: Nauka, 296 p.
6. Stepanov, Yu. S. (2004). *Konstanty: Slovar russkoj kultury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. Moskva: Akademicheskij proekt, 992 p.
7. *Filosofskij enciklopedichnij slovnik* (2002) [Philosophical encyclopedic dictionary], Kyiv: Abris, 744 p.

И. Л. Ануфриева

ИНТЕГРАЦИЯ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА КУЛЬТУРЫ ФРАНКОГОВОРЯЩИХ СТРАН

Статья посвящена процессу интеграции опыта преподавания курса культуры франкоговорящих стран. Автор данной работы делает акцент на межкультурной коммуникации, которая базируется на диалоге культур. Формирование языковой коммуникации предусматривает готовность принимающего представителя иноязычной культуры со всеми её национальными особенностями и способностью, поэтому автор выделяет основные составляющие компоненты в системе изучения иностранного языка.

В статье значительное внимание уделяется альтернативной возможности изучения иностранных языков, которая позволяет совершенствовать языковые умения и навыки, применяя их в естественной среде. На конкретных примерах плодотворных лингвокультурных обменов показана результативность погружения в языковую среду при альтернативном обучении.

Автором сделан вывод: межкультурное сотрудничество помогает студентам преодолевать языковой барьер, повышать языковую эрудицию и культурный уровень, развивает межличностную коммуникацию.

Ключевые слова: образование, межкультурная коммуникация, международный обмен, иноязычная культура, диалог культур.

Ануфриєва І. Л. Інтеграція досвіду викладання курсу культури франкомовних країн

Стаття присвячена процесу інтеграції досвіду викладання курсу культури франкомовних країн. Автор даної роботи робить акцент на міжкультурній комунікації, яка базується на діалозі культур. Формування мовної комунікації передбачає готовність приймати представника іноземної культури з усіма її національними особливостями і здатність, тому автор виділяє основні складові компоненти в системі вивчення іноземної мови.

У статті значна увага приділяється альтернативній можливості вивчення іноземних мов, яка дозволяє удосконалювати мовні вміння і навички,

застосовуючи їх у природному середовищі. На конкретних прикладах плідних лінгвокультурних обмінів показана результативність занурення в мовне середовище при альтернативному навчанні.

Автором зроблено висновок: міжкультурне співробітництво допомагає студентам долати мовний бар'єр, підвищувати мовну ерудицію і культурний рівень, розвиває міжособистісну комунікацію.

Ключові слова: освіта, міжкультурна комунікація, міжнародний обмін, іншомовна культура, діалог культур.

Anufriieva Iryna. Integration of Experience of Teaching a Course of Culture of French-Speaking Countries

The article is devoted to the process of integrating the experience of teaching a course of culture of French-speaking countries. The author of this paper focuses on intercultural communication, which is based on a dialogue of cultures. The formation of language communication provides for the willingness to accept a representative of a foreign language culture with all his or her national features and ability, therefore, the author identifies the main components in the system of studying a foreign language.

The article pays considerable attention to the alternative possibility of studying foreign languages, which allows improving language skills, applying them in a natural environment. The effectiveness of immersion in the language environment with alternative training is shown by specific examples of fruitful linguocultural exchanges.

The author concluded as follows: intercultural cooperation helps students to overcome the language barrier, to increase language erudition and cultural level, and develops interpersonal communication.

Key words: education, intercultural communication, international exchange, foreign language culture, dialogue of cultures.

В нашу эпоху, когда все от техники до политики стремится принять сверхчеловеческие масштабы, нужно объяснить всем и каждому, что и сверхчеловеческое берет начало в человеке. «Надо все вокруг наделить сердцем. И природой – в наш век машин и дыма. Защитить и воспитать человека. Дать возможность испытать гордость собой тем, кто прав, кто на стороне добра и заставит зло опустить глаза», говорил известный французский писатель Андре Стиль [1].

Современное образование характеризуется антропоцентрической

направленностью, основным условием которой является проникновение в тайны творческих способностей человека независимо от профессиональной специализации человека. Сегодня нет ни одной сферы деятельности, которая не нуждалась бы в переосмыслении содержания своего основания: от стандартного понимания объекта деятельности к креативному пониманию сути. Поэтому в центре стоит *homo ludens* – человек играющий, человек-художник, в котором реализованы его духовные и творческие способности.

Осуществление межкультурной коммуникации предусматривает готовность человека не только принимать представителя другой культуры со всеми её национальными особенностями, но и способность меняться самому. Изучая иностранный язык, ученики и студенты сталкиваются с языковыми и культурными явлениями и сопоставляют их с такими же в родном языке. Так, например, постигая лексико-грамматическую систему иностранного языка, приходится прибегать к знаниям, полученным на занятиях украинского языка, чтобы выделить сходства и расхождения в языковых явлениях и сферах их употребления. Изучение иноязычной культуры также подталкивает ученика к необходимости обратиться к культурно-историческому факту своей страны. [2]

В связи с этим, при изучении иностранного языка (в частности французского) следует выстроить систему мировоззренческих взглядов, этических оценок, эстетических вкусов, норм языкового и неязыкового поведения французского общества при получении студентами базовых знаний по географии, экономике, политике страны, ее общей культуры, информационной и поведенческой культуры современных французов; приобщить студентов к системной самостоятельной работе с источниками и материалами лингвострановедческого характера.

При обучении иностранному языку особое внимание уделяется диалогу культур, который базируется на фоновых знаниях литературы и страноведения изучаемого иностранного языка.

На факультете «Референт-переводчик» диалог культур реализуется через межкультурный компонент иностранного языка. Именно благодаря этому студенты могут не только определить расхождения

в своей и чужой культурах и уважать их, но и чувствовать гордость за свою страну, народ, культуру.

Благодаря межкультурному компоненту иностранного языка у студентов формируется представление о диалоге культур как о единственной возможной в современных поликультурных сообществах философии существования, которая отличается этничностью, расовой, религиозной и социальной толерантностью к представителям других культур.

Следовательно, целью овладения иностранным языком считается приобщение к другой культуре и участие в диалоге культур. Эта цель достигается путём формирования способности к межкультурной коммуникации. Преподавание, организованное на основе заданий коммуникативного характера, обучение иноязычной коммуникации с использованием всех необходимых для этого упражнений и приёмов является отличительной чертой урока иностранного языка, в ходе которого формируются и развиваются речевые способности и навыки.

В наше время, когда контакты с другими странами становятся более тесными, знания иностранного языка играют важную роль. Современный человек должен хорошо владеть минимум одним иностранным языком, потому что взаимопонимание между народами имеет большое значение для мирного сотрудничества. Без знаний иностранных языков это сотрудничество почти невозможно. Сегодня развиваются разные формы международного общения: международные встречи, выставки, спортивные мероприятия, общий бизнес. Обмен школьниками и студентами также относится к таким формам. Это хорошие предпосылки для изучения иностранных языков.

Для достижения основных поставленных целей в ХГУ «НУА» сложилась целая программа плодотворных лингвокультурных обменов:

- 1) Сотрудничество с ассоциацией городов-побратимов Харьков-Лилль (Франция). В рамках данной деятельности (с 1998 года) осуществлялись обмены школьниками и студентами ХГУ «НУА» и учебными заведениями Северного Департамента: начальная школа «Буа Блан», колледж «Франклен», лицей «Фенелон», Лилльский католический университет. Благодаря этим международным обме-

нам школьники и студенты прошли лингвистическую и языковую стажировку, познакомились с достопримечательностями Северного региона Франции, с традициями и бытом французских семей, что дало результативность поступления студентов в магистратуру высших учебных заведений города Лилля (Дзиворонюк Виталий), Парижа (Белоус Янина, Назаренко Валерия).

2) Культурный обмен с мэрией города Колльвилль (Нормандия, Франция), который знаменит богатый историческим прошлым, и курортным настоящим, сырами, яблочным сидром... Программа пребывания в вышеназванном департаменте включает в себя: участие в праздновании открытия Второго Фронта в Европе, подготовку и проведение Дня Республики (14 июля), литературно-страноведческая работу по истории Франции (изучение наследия художников-импрессионистов), поэтов Жака Превера, Робера Десноса. знакомство с традициями и кухней региона, экскурсионные поездки и полное погружение в языковую среду.

Открытие «стажировочного окна» для студентов старших курсов в языковой школе «Azurlingua», где они совершенствуют свои знания в аутентичной языковой среде. С данной школой ХГУ «НУА» сотрудничает с 2002 года. [3] Конкурентными преимуществами обучения в международной школе «Azurlingua» являются:

- занятия для дебютантов;
- знак качества, признанный французским государством;
- признание университетов (сотрудничество с ними);
- 11 уровней французского языка;
- обеспечение педагогическим материалом.

Таким образом, межкультурное сотрудничество помогает студентам преодолевать языковой барьер, повышать языковую эрудицию и культурный уровень, развивает межличностную коммуникацию.

Список литературы

1. Ануфриева И. Л. Знания без воспитания – это оружие в руках мамашедшего / Ирина Леонидовна. Ануфриева // Трансформация социальных функций образования в современном мире : материалы междунар. науч.-практ. конф., 17-18 февр. 2015 г. / Харьк. гуманитар. ун-т «Нар. укр. акад.» [и др.]. – Харьков, 2015. – С.83–86.

2. Ануфриева И. Л. Диалог культур в учебно-воспитательном процессе / Ирина Леонидовна. Ануфриева // Вчені зап. Харківського гуманітар. ун-ту «Народна українська академія»: [зб. наук. пр. / редкол.: В. І. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2015 – Т. 22. – С. 182–187.

3. Ануфриева И.Л. Роль международных языковых программ в изучении иностранного языка / И.Л. Ануфриева // Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.». – Харків, 2015. – Т. 21. – С. 438–443.

References

1. Anufrieva, I. L. (2015). Znaniya bez vospitaniya - eto oruzhie v rukah sumashedshogo [Knowledge which lacks education is a weapon in the madman's hands]. *Transformatsiya sotsialnykh funktsiy obrazovaniya v sovremennom mire*. Kharkov, pp. 83–86.

2. Anufrieva, I. L. (2015). Dialog kultur v uchebno-vospitatelnom protsesse [The dialogue of cultures in the educational process]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*. Kharkov, V. 22, pp. 182–187.

3. Anufrieva, I. L. (2015). Rol mezhdunarodnykh yazykovykh programm v izuchenii inostrannogo yazyka [The role of international language programs while learning a foreign language]. *Vcheni zapiski KhGU «NUA»*. Kharkov, V. 21, pp. 438–443.

**Економіка освіти:
проблеми теорії і практики**

УДК 331.556.4

<http://doi.org/10.5281/zenodo.3707960>*Г. Б. Тимохова*

ІНСТИТУЦІЙНІ АСПЕКТИ ЗМІНИ СИСТЕМИ ОСВІТИ В УКРАЇНІ

Перспективи інституційного розвитку українського суспільства відповідно до моделі соціально-орієнтованої ринкової економіки, багато в чому визначаються громадянською культурою, якістю освіти. У статті використовуються методи ретроспективного аналізу минулих публікацій автора, проведена систематизація досліджень впливу інституційних реформ на процеси формування і збереження людського капіталу, а також визначення особливостей впливу чинника освітніх реформ на якість розвитку людського капіталу України. Проаналізовано інституційні особливості прояву інфляції кваліфікацій. Кваліфікаційна інфляція освіти подібна грошовій інфляції: чим більше грошей потрібно для покупки одних і тих же товарів – в даному випадку таким товаром є робочі місця – зростає і вартість товарів. Зроблено висновок, що обмеження розширення освітньої системи закладені в одному з його структурних властивостей. Освіта не зовсім аналогічна грошовій системі оскільки вартість друку більшої кількості грошей відносно низька, а вартість навчання зростаючого числа людей висока. Потрібні високі витрати на будівництво корпусів, оплату вчителів, адміністраторів і так далі. Ефективне функціонування інституту освіти може забезпечуватися завдяки знаходженню балансу між необхідністю підтримувати стабільність своєї структури і необхідністю змінюватись відповідно до вимог часу, що висуваються суспільством і певними соціальними групами.

Ключові слова: інститути, людський капітал, економіка освіти, інституційна пастка, довіра до реформ.

Тимохова Г. Б. Институциональные аспекты изменений системы образования в Украине

Перспективы институционального развития украинского общества в соответствии с моделью социально-ориентированной рыночной экономики, во многом определяются гражданской культурой, качеством образования. В статье используются методы ретроспективного анализа прошлых

публикаций автора, проведена систематизация исследований влияния институциональных реформ на процессы формирования и сохранения человеческого капитала, а также определены особенности влияния фактора образовательных реформ на качество развития человеческого капитала Украины. Проанализированы институциональные особенности проявления инфляции квалификаций. Квалификационная инфляция образования подобная денежной инфляции: чем больше денег нужно для покупки одних и тех же товаров – в данном случае таким товаром является рабочие места – растет и стоимость товаров. Сделан вывод, что ограничение расширения образовательной системы заложены в одном из его структурных свойств. Образование не совсем аналогично денежной системе поскольку стоимость печати большего количества денег относительно низкая, а стоимость обучения растущего числа людей высокая. Нужны высокие затраты на строительство корпусов, оплату учителей, администраторов и так далее. Эффективное функционирование института образования может обеспечиваться благодаря нахождению баланса между необходимостью поддерживать стабильность своей структуры и необходимостью изменяться в соответствии с требованиями времени, предъявляемых обществом и определенными социальными группами.

Ключевые слова: институты, человеческий капитал, экономика образования, институциональная ловушка, доверие к реформам.

Tymokhova Halyna. Institutional Aspects of Change in the Education System in Ukraine

Perspectives of institutional development of Ukrainian society in accordance with the model of socially oriented market economy are largely determined by civil culture, quality of education. The methods of retrospective analysis of past publications of the author are used in the article, systematization of researches of influence of institutional reforms on the processes of formation and preservation of human capital, as well as determination of peculiarities of influence of the factor of educational reforms on the quality of development of human capital of Ukraine. Institutional features of the manifestation of skills inflation are analyzed. Qualifying education inflation is similar to monetary inflation: the more money you need to buy the same goods – in this case jobs are the same – so does the cost of goods. It is concluded that the limitations of the expansion of the educational system are laid in one of its structural properties. Education is not exactly similar to the monetary system because the cost of printing more money is relatively low and the cost of training a growing number of people is high. It takes high costs to

build buildings, pay teachers, administrators, and so on. The effective functioning of an educational institute can be ensured by striking a balance between the need to maintain the stability of its structure and the need to change in accordance with the demands of time imposed by society and certain social groups.

Key words: institutions, human capital, education economy, institutional trap, trust in reforms.

Вищу освіту відносять до економічних інститутів (права власності корпорації, держава, профспілки, професійні спільноти, правові, етичні, моральні, психологічні норми.) за участі яких регулюються економічні відносини. А результати економічної діяльності закладів вищої освіти є невід'ємною складовою ринкової економіки і включають їх до валового внутрішнього продукту – одного із найбільш використовуваного індикатора результатів економічної діяльності. Тільки за останні 20 років у економістів з'явилися дані і емпіричні інструменти, які дозволили тестувати гіпотези щодо освітнього факторів в економіці. Дослідники даного напрямку економічного розвитку акцентують на невідповідності діючої моделі економічної діяльності вищої освіти принципам вільної ринкової економіки.

Ціль нашого дослідження – систематизація досліджень впливу інституційних реформ на процеси формування і збереження людського капіталу, а також визначення особливостей впливу чинника освітніх реформ на якість розвитку людського капіталу України.

В Україні на цій ниві успішно працюють В. Антонюк, Л. Безтелесна, В. Близнюк, О. Бородіна, О. Грішнова, Т. Кір'ян, А. Колот, Т. Костишина, Е. Лібанова, Л. Лісогор, Л. Любохинець, О. Макарова, Д. Мельничук, Л. Михайлова, Г. Міщук, Г. Назарова, О. Новікова, І. Петрова, М. Романюк, У. Садова, М. Семикіна, Л. Семів, С. Тютюнникова, Л. Федулова, А. Циренова, А. Чухно, Л. Шаульська, Л. Шевчук, О. Яременко та ін. Важливі аспекти розвитку людського капіталу досліджують фахівці з близького зарубіжжя, зокрема О. Добринін, С. Дятлов, Р. Капелюшніков, А. Корицький, В. Марцинкевич, С. Циренова та ін. Питання впливу кризових явищ на людський капітал досліджені в роботах вітчизняних та зарубіжних вчених: О. Брінцевої, Л. Гальків, Д. Мельничука, Н. Паралути, Т. Хаусчідт та ін.

Виклад результатів дослідження.

Освітній комплекс суспільства як опосередкований структурний компонент економічної системи обумовлює економічну ефективність останнього і в свою чергу, сам залежить від цієї ефективності. Важливим фактором є довіра до освітньої системи та інституційним змінам, різним інституційним практикам і процедурам. Згідно з Коулманом Дж., довіра набуває статусу «соціального капіталу», тобто вкоріненості таких відносин, які пов'язані з очікуваннями того, що «інші агенти виконуватимуть свої зобов'язання без застосування санкцій» [1, с. 123]. Дослідження Нек С. і Кіфер П. показали, що через підвищення рівня довіри в країні на один пункт економічне зростання збільшується більш ніж на 0,5 п. [2, с. 1251–1288] Високий рівень освіти індивідів сприяє створенню самопідтримки клімату довіри, віддача від якого збільшується зі зростанням середнього рівня освіти в країні. Кумулятивний ефект від освіти присутня в багатьох видах соціальної взаємодії, включаючи членство в різних клубах і організаціях [3].

Зростання середнього рівня освіти не тільки сприяє перерозподілу соціального капіталу в відповідні групи, але і служить фактором його підвищення. Так, наприклад, кожен додатковий рік освіти для індивіда підвищує його схильність до довіри на 4,4, зростання середнього рівня освіти на один рік в певному регіоні підвищує довіру на 2,4% [3].

Проводячи інституційні зміни системи освіти, держава прагне досягти суспільно важливих результатів, які можуть бути отримані завдяки інституційному довірі. Пік реформаторської активності в сфері освіти прийшовся на попередні роки. У 2014 р Рада прийняла основні закони «Про вищу освіту», у 2015 «Про науково-дослідну діяльність», у 2017 – «Про освіту». З 1990 років в країні суттєво змінилася демографічна ситуація. За офіційними даними Держстату, кількість дітей до 15 років з 1990 скоротилася на 42% (з 12 до 7 млн). В багатьох селах та малих містах кількість дітей суттєво зменшилася, натомість в інших громадах місцева влада повинна вирішувати проблеми з переповненими школами та садочками. Інституційне довіра виступає як особливе джерело сили державної влади і одночасно – як показник її ефективності /неефективності. Влада, яка не користується підтрим-

кою населення і якої люди не довіряють – з точки зору системного підходу – в принципі нежиттєздатна (хоч термін життя такої влади досить не визначено). Якщо суспільство відносно пасивне, результатом явних і прихованих процесів, орієнтованих на збереження застарілої системи, стає розквіт культури двоєдумства, пасивності, конформізму, недовіри і низької самооцінки. Як результат матимемо низьку конкурентоспроможність на всіх рівнях економіки, від нано- (окрема людина) до макро (країна в цілому). Необхідно ввести обов'язкову експертизу всіх законодавчих актів на предмет впливу їх на соціальний і людський капітали. Це сприятиме зростанню соціального і людських потенціалів. При цьому слід зробити упор на збереження і розвиток, а в ряді випадків і створення, національних наукових шкіл фундаментальної спрямованості, що дозволяють критично оцінювати досягнення зарубіжної теорії і виробляти нові методологічні підходи для подальшого конфігурації української інституційної моделі господарювання

Як було раніше досліджено у попередніх публікаціях [4–6], особливістю сучасного інституційного розвитку людського капіталу на освітній галузі є інфляція кваліфікації, як появ інституційної пастки розвитку українського суспільства. Коли в сфері, де вища освіта не є необхідністю, з'являється багато людей з дипломами, роботодавець починає підвищувати ставки. Освіта потенційного співробітника знецінюється, від нього вимагають додаткових ступенів або дипломів. Поширюється стереотип: людина з вищою освітою розумний, працьовитий, відповідальний. Насправді для суспільства це дуже корисно. У світі, де кожен отримав науковий ступінь, знайти роботу (а також платити податки) стає все складніше. Основною структурною перешкодою є кваліфікаційна інфляція освіти. Чим більше людей володіє навчальними ступенями або дипломами, тим сильніша конкуренція за робочі місця, для отримання яких потрібно цей рівень навчальної кваліфікації. Таким чином, у міру того, як все більше людей отримує все більш високий рівень освіти, встановлені для даного робочого місця, так і кваліфікаційні вимоги також зростають.

Кваліфікаційна інфляція освіти подібна грошовій інфляції: чим більше грошей потрібно для покупки одних і тих же товарів – в даному випад-

ку таким товаром є робочі місця – зростає і вартість товарів. Але хоча кваліфікаційна інфляція в цьому сенсі аналогічна сектору фінансових спекуляцій, для деяких студентів освіта може бути вигідною інвестицією, особливо для тих, чиї сімейні ресурси дозволяють їм витримати більш довгу конкуренцію. Тому освіта, хоча воно часто представляється як інструмент створення соціальної рівності, часто має зворотний ефект не тільки твердження, але навіть і посилення соціальної нерівності яка активізує процеси фіктивізації людського капіталу [5–6].

Обмеження розширення освітньої системи закладені в одному з його структурних властивостей. Освіта не зовсім аналогічна грошовій системі оскільки вартість друку більшої кількості грошей відносно низька, а вартість навчання зростаючого числа людей висока. Потрібні високі витрати на будівництво корпусів, оплату вчителів, адміністраторів і так далі. Таким чином, межі кваліфікаційної інфляції стають відчутні, коли вартість освіти перевищує віддачу від нього для студентів або для суспільства, в залежності від того, хто його фінансує – самі студенти (і їх сім'ї) або держава. Але в контексті майбутнього витіснення середнього класу з робочих місць, інфляція освіти не обов'язково є поганим явищем. Якщо кількість робочих місць для середнього класу скорочується через інформаційних технологій, то інфляція освіти буде тільки посилюватися; навіть якщо рівні освіти залишатимуться незмінними, робочих місць буде менше, що підніме вимоги до утворення ще вище. Зворотній зв'язок приходить з обох сторін цієї системи; коли хороших робочих місць мало, все більше людей повертається до навчання або продовжує її термін, як для того, щоб підвищити свої професійні дані для майбутньої конкуренції, так і для того, щоб уникнути конкуренції безпосередньо в сьогоденні. Отже, ми можемо очікувати того, що витіснення середнього класу з робочих місць сприятиме розширенню системи освіти, а також ще вище підніме вимоги до освіти.

Висновки.

Ефективне функціонування інституту освіти може забезпечуватися завдяки знаходженню балансу між необхідністю підтримувати

стабільність своєї структури і необхідністю змінюватись відповідно до вимог часу, що висувуються суспільством і певними соціальними групами. Поряд із зовнішніми вимогами, існують ще й внутрішні, вимоги власне інституту, які можуть виступати як обмеження, з боку структурних підсистем, щодо виконуваних функцій, що обумовлені стійкими взаємозв'язками. Розробляючи плани структурної освітньої реформи, треба враховувати показники якості освіти, які можна виміряти відносно легко та дешево та які відображатимуть позитивний для суспільства результат, а також свідчитимуть, наскільки успішно реалізується освітня політика. Наприклад, сходинка країни у рейтингах PISA, популярність випускників ВНЗ на ринку праці та відповідність кількості та кваліфікації випускників вимогам ринку, місце України у глобальному рейтингу конкурентоспроможності за освітніми показниками.

Список літератури

1. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 122–139.
2. Knack, S. Does Social Capital Have An Economic Payoff? A Cross–Country Investigation / S. Knack, P. Keefer // *Quarterly Journal of Economics*. 1997. Vol. 112, № 4.
3. Helliwell, J. Education and Social Capital / R. Putnam // *Eastern Economic Journal*. 2007. Vol.33, No. 1.
4. Тимохова Г. Б. Предпосылки формирования институционального доверия к реформам в сфере образования / Г. Б. Тимохова, А. Е. Ильченко // *Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.»*. – Харків, 2018. – Т. 24. – С. 151–162
5. Тимохова Г. Б. Анализ развития виртуальных институтов образования / Г. Б. Тимохова // *Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.»*. – Харків, 2016. – Т. 22. – С. 329–338.
6. Тимохова Г. Б. Проблеми формування соціального капіталу в контексті розвитку інституту тіньової освіти / Г. Б. Тимохова // *Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.»*. – Харків, – 2019. – Т. 25. – С. 45–53.

References

1. Coleman J. (2001). Social and human capital. *Social sciences and modernity*, 3, pp. 122-139.

2. Knack, S. (1997) Does Social Capital Have An Economic Payoff? A Cross-Country Investigation. *Quarterly Journal of Economics*, 112, 4.

3. Helliwell, J. (2007) Education and Social Capital. *Eastern Economic Journal*. Vol.33, No. 1.

4. Tymohova, G.B, Ilchenko A.E (2017) Prerequisites for building institutional confidence in education reforms. *Vcheni zap. Kharkiv. humanitar. un-tu "Nar. ukr. akad."* Harkov: Izd-vo NUA, pp. 151–162.

5. Tymohova, G.B (2016) Analysis of the development of virtual educational institutions. *Vcheni zap. Kharkiv. humanitar. un-tu "Nar. ukr. akad."* Harkov: Izd-vo NUA, pp. 329–338.

6. Tymohova, G.B (2019) The problems of social capital formation in a context of the development of the institute of shadow education. *Vcheni zap. Kharkiv. humanitar. un-tu "Nar. ukr. akad."* Harkov: Izd-vo NUA, pp. 45–53.

УДК 339.13.012.42:37(477)

<http://doi.org/10.5281/zenodo.3707962>*Е. И. Решетняк*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УКРАИНЕ

В последнее время проблемы финансирования высшего образования присущи большинству стран мира, в том числе и Украине. Важность данной проблемы возрастает в процессе необходимости роста конкурентоспособности отечественного высшего образования. Целью статьи является анализ основных проблем финансирования высшего образования и определение перспектив их решения в Украине. В статье используются методы ретроспективного анализа прошлых публикаций автора. Метод исследования – анализ тенденций, обобщение. Проведен анализ динамики расходов на высшее образование в Украине и странах ОЭСР, осуществлено их сопоставление. Основная тенденция финансирования высшего образования в странах ОЭСР – диверсификации источников. Однако, как показывает анализ источников финансирования отечественного высшего образования, эта тенденция не соответствует модели финансирования в Украине. Привлечение различных источников негосударственного финансирования вузов открывает возможности повышения эффективности их использования за счет внебюджетных источников в том числе и для Украины. Инновационной моделью обеспечения привлечения внебюджетных источников финансирования высшего образования – формирование образовательных кластеров. Рассмотрены этапы формирования образовательных кластеров а также преимущества, которые возникают при формировании инновационной модели привлечения внебюджетных источников. Выделены виды синергетических эффектов, возникающих в процессе формирования образовательных кластеров.

Ключевые слова: высшее образование, бюджетное финансирование, внебюджетное финансирование, источники финансирования, образовательные кластеры, синергетический эффект

Решетняк Є. І. Проблеми і перспективи фінансування вищої освіти в Україні

Останнім часом проблеми фінансування вищої освіти притаманні більшості країн світу, в тому числі і Україна. Важливість даної проблеми зростає в процесі необхідності зростання конкурентоспроможності вітчизняної вищої освіти. Метою статті є аналіз основних проблем фінансування вищої освіти і визначення перспектив їх вирішення в Україні. У статті використовуються методи ретроспективного аналізу минулих публікацій автора. Метод дослідження – аналіз тенденцій, узагальнення. Проведено аналіз динаміки витрат на вищу освіту в Україні та країнах ОЕСР, здійснено їх зіставлення. Основна тенденція фінансування вищої освіти в країнах ОЕСР – диверсифікації джерел. Однак, як показує аналіз джерел фінансування вітчизняної вищої освіти, ця тенденція не відповідає моделі фінансування в Україні. Залучення різних джерел недержавного фінансування вузів відкриває можливості підвищення ефективності їх використання за рахунок позабюджетних джерел в тому числі і для України. Інноваційною моделлю забезпечення залучення позабюджетних джерел фінансування вищої освіти – формування освітніх кластерів. Розглянуто етапи формування освітніх кластерів а також переваги, які виникають при формуванні інноваційної моделі залучення позабюджетних джерел. Виділено види синергетичних ефектів, що виникають в процесі формування освітніх кластерів.

Ключові слова: вища освіта, бюджетне фінансування, бюджетне фінансування, джерела фінансування, освітні кластери, синергетичний ефект

Reshetnyak Olena. Problems and Prospects of Financing Higher Education in Ukraine

Recently, the problems of financing higher education are inherent in most countries of the world, including Ukraine. The importance of this problem increases in the process of the need to increase the competitiveness of domestic higher education. The purpose of the article is to analyze the main problems of financing higher education and determine the prospects for their solution in Ukraine. The article uses the methods of retrospective analysis of past publications of the author. The research method is trend analysis, generalization. The analysis of the dynamics of expenditures on higher education in Ukraine and OECD countries was carried out, their comparison was made. The main trend of higher education financing in OECD countries is diversification of sources. However, as the analysis of sources of financing of domestic higher education shows, this trend does not correspond to the financing model in Ukraine. Attraction of various sources of

non-state financing of universities opens up possibilities for increasing the efficiency of their use at the expense of extra-budgetary sources, including for Ukraine. An innovative model to ensure the attraction of extrabudgetary sources of financing higher education – the formation of educational clusters. The stages of the formation of educational clusters are considered as well as the advantages that arise in the formation of an innovative model of attracting extra-budgetary sources. The types of synergistic effects arising in the process of formation of educational clusters are highlighted.

Key words: higher education, budget financing, extra-budgetary financing, sources of financing, educational clusters, synergistic effect

Финансирование системы высшего образования является одной из ключевых проблем современности для большинства стран мира, в том числе и Украины. От уровня подготовки выпускников вузов во многом зависят перспективы экономического развития страны и тот путь, который выберет Украина. В свою очередь, развитие системы высшего образования, формирование конкурентоспособных университетов, обеспечивающих высококачественное образование для своих учащихся, во многом зависит от уровня финансирования вузов.

Целью статьи является анализ основных проблем финансирования высшего образования и определение перспектив их решения в Украине.

Проведенный ранее анализ финансирования высшего образования в развитых странах, который проведен ранее и представлен был в статье «Анализ тенденций финансирования высшего образования в зарубежных странах» [7], показал, что в процессе нарастающих изменений в отношениях между государством и высшими учебными заведениями, большинство государств ОЭСР следуют целям достижения широкого и равного доступа к высшему образованию, повышения качества высшего образования, увеличения финансовой эффективности в секторе высшего образования.

Отмечается также, что финансирование высшего образования в основном сохраняется за счет средств государственных бюджетов [7], но при этом финансирование высшего образования за счет домашних хозяйств, компаний и благотворительных фондов становятся также очень важным источником поступления средств для

развития университетов и колледжей. Такая тенденция при сохранении значимости государственного (бюджетного) финансирования и увеличении внебюджетных источников, приводит к увеличению расходов на обеспечение развития высшего образования. Как отмечается в [7], страны-члены ОЭСР за период с 1995 по 2017 г. увеличили расходы на высшее образование в среднем на 75%. Наиболее высокие темпы роста финансирования высшего образования демонстрировали: Греция – 185%, Словакия – 110%, Польша – 102%. Наиболее развитые страны мира сохраняют высокие темпы роста расходов на высшее образование.

В тоже время в Украине, анализ динамики бюджетных расходов на систему образования в относительном выражении показал, что при увеличении доли общих расходов (с 14,7% в 2000 г. до 16,8% в 2017 г.), наблюдается снижение в направлении финансирования высшего образования (табл.1). Так, если в 2000 г. их доля соответствовала 4,7%, а в 2010 г – 6,6%, то в 2017 г. – 3,7% [2]. Такое положение дел не может не вызывать тревогу.

Таблица 1

Расходы в процентах от общих бюджетных расходов Украины [2]

Статья расходов	Год					
	2000	2005	2010	2015	2016	2017
на образование – всего	14,7	18,1	21,1	16,8	15,5	16,8
в том числе						
дошкольное	1,6	2,0	2,7	2,7	2,4	2,7
среднее	5,3	7,4	8,7	7,3	6,8	8,0
профессионально-техническое	0,9	1,1	1,4	0,9	0,7	0,8
высшее	4,7	5,7	6,6	4,6	4,2	3,7

Неутешительным является сопоставление расходов на высшее образование с ВВП Украины. Так, если еще в 2000 г. доля расходов на высшее образование от ВВП страны составляла 1,3% (при общих затратах на систему образования 4,2%), то в 2017 г. доля расходов на высшее образование от ВВП страны составила 1,1% (при общих затратах на систему образования 5%). Динамика расходов в процентах от ВВП Украины приведена в табл. 2.

Таблиця 2

Расходы в процентах от ВВП Украины [2]

Статья расходов	Год					
	2000	2005	2010	2015	2016	2017
на образование – всего	4,2	6,1	7,4	5,7	5,4	5,0
в том числе						
дошкольное	0,5	0,7	0,9	0,9	0,8	0,8
среднее	1,5	2,5	3,0	2,5	2,4	2,4
профессионально-техническое						
	0,3	0,4	0,5	0,3	0,3	0,2
высшее	1,3	1,8	2,3	1,6	1,5	1,1

Доля финансирования высшего образования 1,1% от ВВП Украины является существенно меньшей по сравнению со средними показателями в странах ОЭСР. Так, в 2017 г. в странах ОЭСР средний процент расходов на финансирование высшего образования составлял 3,1% от ВВП (см. табл. 3) [1; 3].

Таблиця 3

Расходы учебных заведений, как доля ВВП, по уровню учреждений с 2001 по 2017 гг. [3]

Учебный год	Валовой внутренний продукт (ВВП) (в млрд долларах по текущему курсу)	Расходы на образование, доллар					
		Все учебные заведения		Начальное и среднее образование		Высшее образование	
		Сумма, млн долл.	Процент от ВВП	Сумма, млн долл.	Процент от ВВП	Сумма, млн долл.	Процент от ВВП
1	2	3	5	4	5	6	7
2001–02	10 621,8	752 780	7,1	472 064	4,4	280 715	2,6
2009–10	14 418,7	1 100 897	7,6	654 418	4,5	446 479	3,1
2014–15	17 348,1	1 228 000	7,1	696 000	4,0	532 000	3,1
2015–16	18120,7	1,293,000	7,1	734,000	4,1	560,000	3,1
2016–17	18624,5	1,342,000	7,2	759,000	4,1	583,000	3,1

Проведенный ранее анализ структуры расходов на высшее образование в 2000–2017 гг. в странах ОЭСР [1], показал, что порядка 69% составляют государственные источники финансирования и только 31% – частные инвестиции (внебюджетные источники финансирования).

Как показывает проведенный анализ [1] доля частных инвестиций

существенно ниже в странах Европейского Союза, и составляет порядка 16%, тогда как в некоторых азиатских странах, например Корее, частные инвестиции составляют более 75%. Отмечается, что высокоразвитые, наукоемкие экономики демонстрируют высокий процент финансирования за счет частных инвестиций. Так, в США доля частных источников финансирования высшего образования около 65%, в Японии – более 58% и Австралии – около 53%. В Чили высшее образование на 84,5%, а в Израиле на 50,4% финансируется из частных источников, в основном – домашними хозяйствами. Кроме того, отмечается положительная динамика увеличения удельного веса частных инвестиций в странах ЕС в основном за счет повышения доли финансирования за счет юридических лиц. В США за счет бизнес-структур осуществляется финансирование не только высшего образования, но и научной деятельности университетов.

В Украине отмечается противоположная тенденция. Доля бюджетного финансирования возрастает с 38,3% в 2010 г. до 44,5% в 2017 г. (табл. 4).

Таблица 4

Удельный вес студентов, обучающихся из различных источников финансирования, (%) [2]

Источник финансирования	2010/11	2014/15	2015/16	2016/17	2017/18
государственного бюджета	38,3	44,5	45,6	46,2	44,5
местных бюджетов	3,8	4,9	4,9	4,6	4,7
юридических лиц	0,4	0,6	0,6	0,6	0,5
физических лиц	57,5	50,0	48,9	48,6	50,3

Из табл. 4 видно незначительное участие в финансировании образовательной деятельности за счет физических лиц, что может характеризовать ситуацию, когда бизнес не заинтересован в подготовке высококвалифицированных специалистов исходя из имеющихся потребностей рынка труда. Именно бизнес должен быть заинтересован в подготовке квалифицированных специалистов, формировании образовательных программ, которые отвечают запросам рынка труда

и обеспечении роста экономики за счет подготовки соответствующих специалистов.

Решение большинства проблем, связанных не только с повышением уровня финансирования высшего образования, но и обеспечением высококвалифицированных специалистов, отвечающих современным потребностям рынка труда, может быть достигнуто за счет формирования образовательных кластеров. Вопросам формирования образовательных кластеров посвящена работа «Модель формирования образовательных кластеров с целью повышения конкурентоспособности региона» [4], где рассматриваются основные элементы образовательного кластера, процедура их формирования, а также выделены наиболее важные функции, которые они выполняют и преимущества, которые могут быть достигнуты при реализации такой организационной модели финансирования и обеспечения конкурентоспособности образовательной системы.

Выделяются следующие этапы формирования образовательных кластеров [4]: 1. Формирование организационной и управленческой структуры образовательного кластера и определение механизма его функционирования; 2. Определение модели взаимодействия и взаимосогласования между участниками с целью обеспечения роста эффективности результатов функционирования кластера; 3. Формирование и реализация программ развития формируемого образовательного кластера; 4. Оценка функционирования и обоснование приоритетных направлений развития образовательного кластера.

Оценивая социально-экономическую эффективность образовательных кластеров [5], отмечается, что несмотря на сложность оценки ожидаемой эффективности от реализации предлагаемой концепции регулирования развития сферы образования на основе формирования кластеров, обеспечивается: создание демократической системы образования, гарантирующей необходимые условия для полноценной качественного образования на всех уровнях; индивидуализацию образовательного процесса за счет многообразия видов и форм образовательных учреждений и образовательных программ, учитывающих интересы и способности личности и потребности работодателей; конкурентоспособный уровень образования, как по содержанию

образовательных программ, так и по качеству образовательных услуг; позволит достичь уровня заработной платы профессорско-педагогического состава, обеспечивает устойчивую конкурентоспособность образования на рынке труда, и поэтапно приблизить оплату труда педагога до европейского уровня; обеспечит устойчивый рост экономики за счет развития сферы высшего образования и прироста внутреннего валового продукта за счет обеспечения более эффективного развития предприятий, получающих высококвалифицированные кадры.

Достижение социально-экономической эффективности обеспечивается за счет эффекта синергизма, который рассмотрен в работе «Экономические аспекты формирования образовательных кластеров: оценка синергетического эффекта» [6]. Так, могут быть выявлены следующие виды синергизма за счет формирования образовательных кластеров:

1. Управленческий – повышение эффективности управления образовательной системой за счет интеграции менеджмента различных субъектов кластерной структуры.

2. Операционный – экономия операционных издержек, за счет достижения эффекта масштаба при осуществлении совместных инвестиций; снижения затрат на проведение научно-исследовательских работ и пр..

3. Продаж – обеспечение доступа к новым знаниям, позволяющим с большей отдачей использовать образовательный потенциал.

4. Финансовый – рост финансового обеспечения вузов за счет прямого инвестирования образовательных программ, научных исследований и пр. бизнесом.

5. Инфраструктуры – повышение конкурентных преимуществ образовательного кластера за счет совместного использования объектов производственно-образовательной, информационной, финансовой, социальной инфраструктуры, на основе которой и строятся кластерные взаимосвязи.

Таким образом, формирование образовательных кластеров, как инновационная модель обеспечения роста конкурентоспособности украинского высшего образования может стать действенным инструментом решения проблем его финансирования.

Список литературы

1. Решетняк Е.И. Анализ тенденций финансирования высшего образования в зарубежных странах / Е.И. Решетняк, М.С. Васильев // *Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.»*. – Харків, 2019. – Т. 25. – С. 232–239.
2. Державна служба статистики України. Основні показники діяльності вищих навчальних закладах України [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.ukrstat.gov.ua>. (дата обращения 01.072019)
3. OECD [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <https://stats.oecd.org/#> (дата обращения 01.072019)
4. Решетняк Е. И. Модель формирования образовательных кластеров с целью повышения конкурентоспособности региона / Е.И. Решетняк // *Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту “Нар. укр. акад.”*. – Харків, 2016. – Т. 22. – С. 314–320.
5. Решетняк Е. И. Оцінка соціально-економічної ефективності від реалізації освітньої кластерної політики / О. І. Решетняк // *Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту “Нар. укр. акад.”*. – Харків, 2017. – Т. 23. – С. 232–239.
6. Решетняк Е. И. Экономические аспекты формирования образовательных кластеров: оценка синергетического эффекта / Е.И. Решетняк // *Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту “Нар. укр. акад.”*. – Харків, 2015. – Т. 21. – С. 307–314.

References

1. Reshetnyak E. Y., Vasylev M. S. (2019). Analyz tendentsyy fynansyrovanyya vyssheho obrazovanyya v zarubezhnykh stranakh [Analysis of Trends in Financing Higher Education in Foreign Countries]. *Vcheni zap. Kharkiv. humanitar. un-tu “Nar. ukr. akad.”*. Kharkiv. vol. 25, pp. 232–239.
2. Derzhavna sluzhba statistiki Ukraini. Osnovni pokazniki dnyal'nosty vishchikh navchal'nykh zakladny Ukraini [State Statistics Service of Ukraine. Main indicators of activity of higher educational establishments of Ukraine]. [online]. Available at: <http://www.ukrstat.gov.ua>.
3. OECD [online]. Available at: <https://stats.oecd.org/#> (data obrashchenyya 01.072019)
4. Reshetnyak E. Y. (2016). Model formyrovanyya obrazovatelnykh klasterov s tsel'yu povyshenyya konkurentosposobnosti rehyona [Model of formation of educational clusters in order to increase the competitiveness of the region]. *Vcheni zap. Kharkiv. humanitar. un-tu “Nar. ukr. akad.”*. Kharkiv. vol. 22, pp. 314–320.

5. Reshetnyak E. Y. (2017). Otsinka sotsial'no-ekonomichnoyi efektyvnosti vid realizatsiyi osvithn'oyi klasternoyi polityky [Estimation of socio-economic efficiency from the implementation of educational cluster policy]. *Vcheni zap. Kharkiv. humanitar. un-tu "Nar. ukr. akad."*. Kharkiv. Vol. 23, pp. 232–239.

7. Reshetnyak E. Y. (2015). Ekonomycheskye aspekty formirovaniya obrazovatel'nykh klasterov: otsenka synerhetycheskoho efekta [Economic aspects of formation of educational clusters: evaluation of synergetic effect]. *Vcheni zap. Kharkiv. humanitar. un-tu "Nar. ukr. akad."*. Kharkiv. vol. 21, pp. 307–314.

УДК 330.341.2(477)

<http://doi.org/10.5281/zenodo.3707966>*Е. І. Цибульська*

ІНСТИТУЦІЙНІ ОСНОВИ ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ НАЦІОНАЛЬНОЇ КОНКУРЕНТОСПРОМОЖНОСТІ В ЗНАНІСВІЙ ЕКОНОМІЦІ

«Долар, який вкладений в інтелект людини, породжує більший приріст національного доходу, ніж долар, вкладений в інфраструктуру і виробничі фонди» [1].

У статті обґрунтовано вирішальну роль національної інноваційної системи в інституціональному каркасі країни в постіндустріальній економіці. Показано, що формування національної інноваційної системи, адекватної епосі економіки знань, повинне ґрунтуватися на створенні нового класу інститутів – інститутів генерації знань, що є базовим елементом такої системи. До традиційних інститутів генерації знань варто віднести: інститути сектора науки – Академії наук, науково-дослідні лабораторії, конструкторські бюро, інститути сфери освіти – школи, технікуми, інститути й університети, а також інститути, діяльність яких пов'язана з виробництвом наукомісткої продукції. До нових інститутів генерації знань належать інформаційні структури, технопарки, венчурні фірми, глобальні корпорації, інноваційні кластери.

Зроблено висновок про забезпечення з боку держави механізму фінансової підтримки розвитку мережі інститутів генерації знань для підвищення національної конкурентоспроможності.

Робиться висновок про створення «інноваційного ліфта», сприяючого трансформації інтелектуальної власності в інтелектуальний капітал. Розглядаються заходи щодо удосконалення інституційного режиму економіки знань. Обґрунтовується механізм правового захисту інтелектуальної власності в Україні.

Ключові слова: конкурентоспроможність, інтелектуальний капітал, інституційне середовище, інститут генерації знань, інноваційний ліфт.

Цибульская Э. И. Институциональные основы обеспечения национальной конкурентоспособности в знаниевой экономике

В статье обоснована решающую роль национальной инновационной системы в институциональном каркасе страны в постиндустриальной экономике. Показано, что формирование национальной инновационной системы, адекватной эпохе экономики знаний, должно основываться на создании нового класса институтов – институтов генерации знаний, является базовым элементом такой системы. К традиционным институтам генерации знаний следует отнести: институты сектора науки – Академии наук, научно-исследовательские лаборатории, конструкторские бюро, институты сферы образования – школы, техникумы, институты и университеты, а также институты, деятельность которых связана с производством наукоемкой продукции. К новым институтам генерации знаний принадлежат информационные структуры, технопарки, венчурные фирмы, глобальные корпорации, инновационные кластеры.

Сделан вывод об обеспечении со стороны государства механизма финансовой поддержки развития сети институтов генерации знаний для повышения национальной конкурентоспособности.

Делается вывод о создании «инновационного лифта», способствующего трансформации интеллектуальной собственности в интеллектуальный капитал. Рассматриваются меры по совершенствованию институционального режима экономики знаний. Обосновывается механизм правовой защиты интеллектуальной собственности в Украине.

Ключевые слова: конкурентоспособность, интеллектуальный капитал, институциональная среда, институт генерации знаний, инновационный лифт.

Tsybulska Eleonora. Institutional bases of ensuring national competitiveness in the knowledge economy

The article proves the constitutional role of the national innovation system in the institutional framework of the country in post-industrial economy. The idea, that the formation of the national innovation system that is adequate to the knowledge economy should be based on the establishment of the new institutional class – institutions of the knowledge generation as basic elements of the system is described. The traditional institutions of the knowledge generation are: scientific institutions – Academy of Sciences, research laboratories, design offices, educational institutions – schools, colleges, institutes and universities, and the institutions whose activities are connected with the production of high-tech products. The new institutions of knowledge generation include: information structures, technology parks, venture capital firms, global corporations, and innovative clusters.

The article concludes with the thoughts on that the state of financial support of the development of the knowledge generation institutional network would improve the national competitiveness. The conclusion about the creation of “innovation elevator” promoting the transformation of intellectual property rights in intellectual capital is made.

The conclusion is made about the creation of «innovation elevator» promoting the transformation of intellectual property rights in intellectual capital. The measures for improving the institutional regime of the knowledge economy are considered. The mechanism of legal protection of intellectual property in Ukraine is explained.

Key words: competitiveness, intellectual capital, institutional environment, institution of knowledge generation, innovative elevator.

Удосконалення і розвиток економіки України має на меті її інтеграцію в європейський економічний і соціальний простір. Звернення до досвіду Західних країн показує, що згідно «Лісабонської стратегії», прийнятої на Лісабонському саміті ЄС в 2000 р., країни Євросоюзу протягом останніх 19 років створюють найбільш конкурентоспроможну і динамічну знанісву економіку – економіку, в якій виробництво, розподіл і використання знання є основним фактором зростання, створення багатства і зайнятості в усіх галузях економіки. Виходячи з цього досвіду, на конференції 2002 року в Парижі пріоритетними стратегіями створення економіки знань в країнах-кандидатах в члени ЄС, до яких відноситься і Україна були названі [2]: створення відповідних економічних стимулів і інституційного середовища, що забезпечують широке поширення та ефективне використання локальних і глобальних джерел знання у всіх сферах економіки; створення суспільства кваліфікованих, талановитих і творчих людей, суспільства з можливостями якісної освіти для всіх громадян; формування динамічної інформаційної інфраструктури, конкурентного інноваційного сектора економіки, здатного створювати ефективні інформаційно-комунікаційні технології для всіх галузей економіки; створення ефективної інноваційної системи, що охоплює фірми, науково-дослідні центри, університети та інші організації, які здатні обслуговувати і розвивати зростаючий фонд глобального знання в цілях створення нових продуктів, послуг і способів ведення бізнесу.

Перехід до знанієвої економіки потребує від кожної держави нового підходу до забезпечення національної конкурентоспроможності. Це пов'язано з генерацією, розповсюдженням та використанням нематеріальних ресурсів – знань, залученням їх в ринковий обіг, з проведенням системних, інституційних перетворень в науковому та освітньому секторах економіки, створенням умов для формування нових інститутів, адекватних рівню знанієвої економіки.

Мета дослідження – узагальнення та подальший розвиток теоретичних уявлень про інституційні засади забезпечення національної конкурентоспроможності країни в знанієвій економіці.

Ще Ф. Ліст у своїй праці «Національна система політичної економії» висловив думку про те, що джерело добробуту нації обумовлюється не кількістю багатств, тобто мінових цінностей (вартостей), а ступенем розвитку продуктивних сил [3, с. 28]. Під ступенем розвитку продуктивних сил він розумів духовний, освітній, правовий і науковий потенціал і досвід суспільства, тобто інституційне підґрунтя національної конкурентоспроможності. Це в значній мірі актуалізує дослідження процесів інституційного забезпечення вітчизняної національної конкурентоспроможності в знанієвій економіці, формування і розвитку інтелектуального потенціалу суспільства, факторів і наслідків впливу інтелектуальної діяльності на економічний розвиток України з урахуванням подолання системної кризи, що склалася в умовах трансформаційної економіки.

Проблемам забезпечення конкурентоспроможності української економіки присвячено багато праць, зокрема це питання освітлюється в роботах В. Гейця, В. Семиноженка, Б. Кваснюка [4], А. Жаліло, Я. Базилевича [5]. Інституційні аспекти забезпечення національної конкурентоспроможності та розбудови вітчизняної економіки найшли висвітлення в працях Т. Артемової [6], А. Гриценка [6–7], О. Яременко [8–9].

Певний внесок у дослідження економіки знань, уточнення трактування окремих положень і понять зробили українські вчені В. Геєць, Л. Федулова, А. Чухно та ін. [10–13]. Але в цих працях не знайшли широкого висвітлення і вимагають додаткових досліджень питання пошуку напрямків вдосконалення інституційних умов фор-

мування економіки знань в Україні, інституційного регулювання процесів формування та розвитку інтелектуального капіталу як основного чинника конкурентоспроможності держави. Спробу знайти відповідь на ці питання зроблено в працях Цибульської Е. І. [14–16].

Зокрема в [14, с. 268] обґрунтовано, що інституційним підґрунтям знанієвої економіки виступає національна інноваційна система, якій належить вирішальна роль в інституціональному каркасі країни в знанієвій економіці. Показано, що формування національної інноваційної системи, адекватної епосі економіки знань, повинне ґрунтуватися на створенні нового класу інститутів – інститутів генерації знань, що є базовим елементом такої системи. До традиційних інститутів генерації знань варто віднести: інститути сектора науки – Академії наук, науково-дослідні лабораторії, конструкторські бюро, інститути сфери освіти – школи, технікуми, інститути й університети, а також інститути, діяльність яких пов'язана з виробництвом наукомісткої продукції. До нових інститутів генерації знань належать інформаційні структури, технопарки, венчурні фірми, глобальні корпорації, інноваційні кластери. Інститути генерації знань в структурі національної іннованої системи відіграють роль системоутворюючих інститутів. Від того, які знання і як генерують ці інститути, як здійснюють їх трансферт, на яких умовах, залежить інноваційна діяльність тих суб'єктів, які використовують ці знання – фірм, організацій, держструктур, індивідів і т. д., її результативність і перспективність. Забезпечення з боку держави механізму фінансової підтримки розвитку мережі інститутів генерації знань дозволить Україні здійснити інноваційний прорив і забезпечити національну конкурентоспроможність держави в епоху економіки знань.

В [16] автор досліджує інституційні умови формування економіки знань в Україні та показує, що основним гальмом її розвитку є відсутність адекватного розвиненого інституційного середовища. Автор просліджує динаміку індексу економіки знань (характеризує рівень розвитку економіки знань в країні) України та порівнює її з індексом інших країн світу та приходиться до висновку, що цей індекс приблизно дорівнює середньому загальносвітовому показнику, але від лідера Швеції відставання в гірший бік суттєве – до 39,2%. Але якщо

розглянути складові українського індексу економіки знань, то видно, що його більш за все гальмує така його складова як інституційний режим економіки. Так в 2009 р. цей показник склав 4,27, а в 2012 р. вже 3,95, що майже в 1,5 рази нижче від середнього загальносвітового показника цього субіндексу. В якості причини гальмування розвитку інституційного середовища виступає неоптимальна його щільність та наявність великої кількості інституційних пасток [16, с. 299]. Таким чином, інституційне регулювання процесів формування економіки знань в Україні проводиться неефективно. Для того щоб за індексом економіки знань Україні наблизитися до розвинених країн, повинні відбутися кардинальні зміни у використанні результатів інтелектуальної діяльності на практиці і створенні економічних інститутів, здатних ефективно використовувати існуючі і створювати нові знання. Основним напрямком розвитку української економіки повинні стати заходи, спрямовані на глобальне вдосконалення інституційних умов формування економіки знань: підвищення рівня правової забезпеченості в інтелектуальній сфері; реалізація економічної політики держави, спрямованої на стимулювання розвитку інноваційного бізнесу, стимулювання пропозиції та попиту на інновації; підтримка високого рівня конкуренції в економіці в цілому і в інноваційному секторі зокрема; підвищення фінансової забезпеченості економічних суб'єктів в інтелектуальній сфері, підвищення рівня інноваційної сприйнятливості виробників.

Заходи щодо вдосконалення інституційних умов формування економіки знань в Україні, повинні стати основою побудови державної економічної політики в науковій інноваційній та інтелектуальній сферах і поширитися на всі суб'єкти сфери виробництва, розповсюдження і комерціалізації знань.

В роботі [15] зазначається, що інтелектуальний капітал країни виступає в якості основного чинника конкурентоспроможності держави. В зв'язку з цим основні зусилля по інституційному забезпеченню конкурентоспроможності України в знанєвій економіці повинні бути направлені на інституційне регулювання процесів формування та функціонування інтелектуального капіталу.

Результати дослідження свідчать, що реформування української економіки і сам характер реформ вирішальною мірою визначаються логікою інституційних змін в економіці, інерцією економічних інститутів і станом інституційного середовища. Інституційне регулювання процесів формування та розвитку інтелектуального капіталу в Україні здійснюється неефективно в наслідок інверсійного типу ринкових трансформацій, наслідком яких стало формування подвійної інституціональної структури суспільства та суб'єктів господарювання, націлених не на розвиток виробництва шляхом конкуренції і застосування інновацій, а на швидке збагачення за рахунок різних схем.

Проведене дослідження дає можливість свідчити про те, що для забезпечення інституціональних основ національної конкурентоспроможності в знанієвій економіці, Україні необхідно, по-перше, створити сприятливі умови для інституційного регулюванні процесів формування, розвитку та функціонування інтелектуального капіталу. По-друге, в українській економіці повинен бути створений механізм «інноваційного ліфта», що передбачає активізацію процесів трансформації інтелектуальної власності в інтелектуальний капітал за допомогою інститутів генерації знань, стимулювання інноваційної активності та підвищення конкурентоспроможності.

Список літератури

1. Гелбрейт Д. Экономические теории и цели общества / Д. Гилбрейт ; под ред. акад. Н. Н. Иноземцева. – М. : Прогресс, 1979. – 406 с.
2. Building Knowledge Economies: Opportunities and Challenges for EU Accession Countries [Electronic resource] : Final Report of the Knowledge Economy Forum organized by the World Bank in cooperation with the European Commission the Organization for Economic Cooperation and Development the European Bank for Reconstruction and Development and the European Investment Bank, February 19–22 2002. – Paris, 2002. – 29 p. – URL:<http://web.worldbank.org/archive/website01503/WEB/IMAGES/BUILDING.PDF> (accessed 01.07.2019).
3. Лист Ф. Национальная система политической экономии [Электронный ресурс] / Ф. Лист. – URL: https://royallib.com/read/list_fridrih/natsionalnaya_sistema_politicheskoy_ekonomii.html#0 дата обращения 01.07.2019.
4. Стратегічні виклики XXI століття суспільству та економіці України : у трьох тт. / за ред. В. М. Гейця, В. П. Семиноженка, Б. Є. Кваснюка ; Ін-

економіки та прогнозування НАН України, Український форум. – Київ : Фенікс, 2007. – Т. 3. Конкурентоспроможність української економіки. – 556 с.

5. Конкурентоспроможність економіки України в умовах глобалізації / Я. А. Жаліло, Я. Б. Базилук ; за ред. Я. А. Жаліла. – Київ : КНІСД, 2005. – 388 с.

6. Гриценко А. А. Институциональная архитектура и динамика экономических преобразований / Гриценко А.А., Т. И. Артемова, О. Л. Яременко. – Харьков : Форт, 2008. – 938 с.

7. Гриценко А. А. Институциональные проблемы экономической политики / А. А. Гриценко // Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. – 2014. – №1. – С.70–79.

8. Яременко О. Л. Переходные процессы в экономике Украины институциональный аспект / О. Л. Яременко. – Харьков : Основа, 1997. – 182 с.

9. Яременко О. Л. Суперечливий вплив інституційних реформ на функціонування економіки / О. Л. Яременко // Економіка України – 2018. – №11–12(684–685). – С.4–11.

10. Геєць В. М. Економіка знань та перспективи її розвитку для України / Геєць В. М. – Київ : Інститут економіки та прогнозування НАН України, 2005. – 425 с.

11. Геєць В. М. Суспільство, держава, економіка: феноменологія взаємодії та розвитку / Геєць В. М. – Київ : Ін-т економіки та прогнозування НАН України, 2009. – 864 с.

12. Федулова Л. І. Особливості економіки знань на сучасній фазі розвитку суспільства. Теорія і практика розбудови в Україні / Л. І. Федулова, Т. М. Корнеєва // Актуальні проблеми економіки і практики – 2010. – № 4 (106). – С. 74–86.

13. Чухно А. А. Нова економічна політика / А. А. Чухно // Економіка України. – 2005. – № 6. – С.4–11; № 7. – С. 15–22.

14. Цыбульская Э. И. Институциональный аспект обеспечения национальной конкурентоспособности в эпоху экономики знаний / Э. И. Цыбульская // Вчені записки Харк. гуманітар. ун-ту «Народна українська академія» / [редкол. : В. І. Астахова (голов. редактор) та ін.] – Харків: Вид-во НУА. – 2013. – Т. 19. – Кн. 2. – С. 268 – 277.

15. Цыбульская Э. И. Институциональное регулирование процессов формирования и функционирования интеллектуального капитала / Э. И. Цыбульская // Вчені записки Харк. гуманітар. ун-ту «Народна українська академія» / [редкол. : В. І. Астахова (голов. редактор) та ін.] – Харків : Вид-во НУА. – 2016 – Т. 22 – С. 407 – 416

16. Цибульська Е. І. Інституційні умови формування економіки знань в

Укаїні / Е. І. Цибульська // Вчені записки Харк. гуманітар. ун-ту «Народна українська академія» / [редкол. : В. І. Астахова (голов. редактор) та ін.] – Харків: Вид-во НУА. – 2017 – Т. 23 – С. 299 – 308.

References

1. Gelbreyt, D. (1979). *Ekonomicheskie teorii i tseli obschestva* [Economic theories and goals of society]. Moscow, Progress, 406 p.
2. Building Knowledge Economies: Opportunities and Challenges for EU Accession Countries. Final Report of the Knowledge Economy Forum organized by the World Bank in cooperation with the European Commission the Organization for Economic Cooperation and Development the European Bank for Reconstruction and Development and the European Investment Bank, February 19–22, 2002. Paris, 2002. 29 p. Available at:
<http://web.worldbank.org/archive/website01503/WEB/IMAGES/BUILDING.PDF> [Accessed 1.07.2019].
3. List, F. (2019). *Natsionalnaya sistema politicheskoy ekonomii* [National System of Political Economy]. Available at: http://royallib.com/read/list_fridrih/natsionalnaya_sistema__politicheskoy_ekonomii.html#0 [Accessed 1.07.2019].
4. Heitsia, V. M., Semynozhenka, V. P., Kvasniuka, B. Ye. (2007). *Stratehichni vyklyky XXI stolittia suspilstvu ta ekonomitsi Ukrainy* [Strategic challenges of the XXIst century to the society and economy of Ukraine]. Kiev, Phoenix, 556 p.
5. Zhalilo, Ya. A., Bazyljuk, Ya. B. (2005). *Konkurentospromozhnist ekonomiky Ukrainy v umovakh hlobalizatsii* [Competitiveness of Ukrainian economy in the conditions of globalization]. Kiev, Family Leisure Book Club, 388 p.
6. Hrytsenko, A. A., Artemova, T. Y, Yaremenko, O. L. (2008). *Ynstitutsyonalnaia arkhitektonyka y dynamyka ekonomicheskyykh preobrazovanyi* [Institutional architectonics and the dynamics of economic transformation]. Kharkov, Fort, 938 p.
7. Hrytsenko, A. A. (2014). Ynstitutsyonalnie problemi ekonomicheskoi polityky [Institutional Problems of Economic Policy]. *Scientific works of DonNTU. Economic series*, 1, pp. 70–79.
8. Yaremenko, O. L. (1997). *Perekhodnie protsessi v ekonomyke Ukrainy ynstitutsyonalnyi aspekt* [Transitional processes in the Ukrainian economy institutional aspect]. Kharkov, Osnova, 182 p.
9. Yaremenko, O. L. (2018). Superechlyvyi vplyv instytutsiinykh reform na funktsionuvannia ekonomiky [Controversial impact of institutional reforms on the functioning of the economy]. *Ukraine economy*, 11–12(684–685), pp. 4–11.
10. Heiets, V. M. (2005). *Ekonomika znan ta perspektyvy yii rozvytku dlia*

Ukrainy [Knowledge Economy and Prospects for its Development for Ukraine]. Kiev, Institute of Economics and Forecasting NAS of Ukraine, 425 p.

11. Heiets, V. M. (2009). *Suspilstvo, derzhava, ekonomika: fenomenolohiia zaiemodii ta rozvytku* [Society, state, economy: phenomenology of interaction and development. Kiev, Institute of Economics and Forecasting NAS of Ukraine 864 p.

12. Fedulova, L. I. Kornieieva, T. M. (2010). Osoblyvosti ekonomiky znan na suchasni fazi rozvytku suspilstva. Teoriia i praktyka rozbudovy v Ukraini [Peculiarities of the Knowledge Economy in the Modern Phase of Society Development. Theory and practice of development in Ukraine]. *Current problems of economy and practice*, 4 (106), pp. 74–86.

13. Chukhno, A. A. (2005). Nova ekonomichna polityka [New economic policy]. *Ekonomika Ukrainy*, 6, pp. 4–11; 7, pp. 15–22.

14. Tsybulska, E. I. (2013). Ynstytutsyonalny aspekt obespechennia natsyonalnoi konkurentosposobnosti v epokhu ekonomyky znanyi [The institutional aspect of ensuring national competitiveness in the era of the knowledge economy]. *Vcheni zap. Kharkiv. humanitar. un-tu «Nar. ukr. akad.»*. Harkov: Izd-vo NUA, vol. 19, book. 2, pp. 268–277.

15. Tsybulska, E. I. (2016). Ynstytutsyonalnoe rehulyrovanye protsessov formyrovannya y funktsyonyrovannya yntellektualnoho kapytala [Institutional regulation of the processes of formation and functioning of intellectual capital]. *Vcheni zap. Kharkiv. humanitar. un-tu «Nar. ukr. akad.»*. Harkov: Izd-vo NUA, vol. 22, pp. 407–416.

16. Tsybulska, E. I. (2017). Instyutsiini umovy formuvannia ekonomiky znan v Ukraini [Institutional Conditions of Knowledge Economy Formation in Ukraine]. *Vcheni zap. Kharkiv. humanitar. un-tu «Nar. ukr. akad.»*. Harkov: Izd-vo NUA, vol. 23, pp. 299–308.

УДК 339.98

<http://doi.org/10.5281/zenodo.3707974>*О. Л. Яременко*

ІНТЕГРАЦІЙНА СПРОМОЖНІСТЬ ІНСТИТУТІВ В УМОВАХ СТАНОВЛЕННЯ ЦИФРОВОЇ ЕКОНОМІКИ: ПЕРСПЕКТИВИ ТА РИЗИКИ

На підставах трактування інтеграційного потенціалу інститутів як їх здатності до урегулювання конфліктів, забезпечення довіри, передачі соціальної спадщини, сприяння відтворенню ідентичностей, розкрито ендогенні та екзогенні чинники інтеграційної спроможності економічних інститутів в умовах становлення цифрової економіки. Доведено, що цифровізація економіки означатиме подальшу формалізацію інституційних вимог, що частково знімає проблему розриву між технологічним змістом та соціальною формою економічної діяльності.

Ефективність технологій big data та штучного інтелекту стає відчутною саме в глобальних конкурентних зіткненнях, коли користувач має можливість обчислювати можливі сценарії на декілька ходів вперед. Але силові інструменти вирішення глобальних конфліктів є інструментами короткої дії, тому кожна перемога над конкурентами несе загрозу несподіваної катастрофи. Постінституційні механізми регулювання кооперації та конфліктів ще не апробовані в достатній мірі, і тому не можуть оцінюватися як надійна альтернатива економічним інститутам.

Показано, що цифрова економіка одночасно існує, і не існує: вона існує, якщо оцінювати реальні загрози, які вона вже сьогодні несе традиційним формам організації суспільства та його економічної складової, змінюючи пріоритети та ламаючи ієрархії цінностей, що склалися тисячоліттям; в той же час цифрова економіка не існує, оскільки немає її власного механізму суспільного відтворення, немає її власних циклів, що перетворює її на якесь несистемне вкраплення у сучасну світову економіку. Але довго використовувати переваги такого статусу (доступ до глобальних ресурсів та рішень без відповідальності за їх наслідки, «безкоштовне» користування соціально-ціннісною інфраструктурою сучасної цивілізації, перекладання більшості витрат, втрат та ризиків на платників податків) цифрова економіка не зможе

внаслідок загрози системної деструкції традиційних інституційно-технологічних структур. Зроблено висновок, що перша системна криза цифрової економіки висвітлить її реальні можливості, межі та вади.

Ключові слова: інтеграційний потенціал, інтеграційна спроможність, цифрова економіка, ризики.

Яременко О. Л. Интеграционная способность институтов в условиях становления цифровой экономики: перспективы и риски

На основании трактовки интеграционного потенциала институтов как их способности к урегулированию конфликтов, обеспечению доверия, передаче социального наследия, содействию воспроизводству идентичностей, раскрыты эндогенные и экзогенные факторы интеграционной способности экономических институтов в условиях становления цифровой экономики. Доказано, что цифровизация экономики будет означать дальнейшую формализацию институциональных требований, частично снимая проблему разрыва между технологическим содержанием и социальной формой экономической деятельности.

Эффективность технологий big data и искусственного интеллекта становится ощутимой именно в глобальных конкурентных столкновениях, когда пользователь имеет возможность рассчитывать возможные сценарии на несколько ходов вперед. Но силовые инструменты разрешения глобальных конфликтов являются инструментами короткого действия, поэтому каждая победа над конкурентами несет угрозу неожиданной катастрофы. Постинституциональные механизмы регулирования кооперации и конфликтов еще не апробированы в достаточной мере, и поэтому не могут оцениваться как надежная альтернатива экономическим институтам.

Показано, что цифровая экономика одновременно существует и не существует: она существует, если оценивать реальные угрозы, которые она уже сегодня несет традиционным формам организации общества и его экономической составляющей, меняя приоритеты и ломая иерархии ценностей, складывавшиеся тысячелетиями; в то же время цифровая экономика не существует, поскольку нет ее собственного механизма общественного воспроизводства, нет ее собственных циклов, что превращает ее в некое несистемное вкрапление в современную мировую экономику. Но долго использовать преимущества такого статуса (доступ к глобальным ресурсам и решениям без ответственности за их последствия, «бесплатное» пользование социально-ценностной инфраструктурой современной цивилизации, перекладывание большинства расходов, потерь и рисков на налогоплательщиков) цифровая экономика не сможет вследствие угрозы

системной деструкции традиционных институционально-технологических структур. Сделан вывод, что первый системный кризис цифровой экономики покажет ее реальные возможности, границы и недостатки.

Ключевые слова: интеграционный потенциал, интеграционная способность, цифровая экономика, риски.

Yaremchenko Oleg. Integrating Capacity of Institutes in the Mind of Digital Economy: the Perspectives and Risks

Based on the treatment of institutes integration potential as their ability to regulate the conflicts, secure the trust, transfer the social heritage, assist in reproduction of identities, the endogenous and exogenic factors of the integrational abilities of the economic institutes were disclosed in the condition of the digital economics development. It was proved that the digitalization of economics will mean further formalization of the institutional requirements that will partly resolve the problem of discrepancy between technological content and social form of economic activity.

The effectiveness of the big data technologies and artificial intellect is becoming more notable in the global competitive collisions when the user has the opportunity to calculate the possible scripts proactively. But the power instruments for the global conflict resolution are short-termed instruments, and that is why every victory over the rivals includes the threat of the unexpected catastrophe. Postinstitutional mechanisms of cooperation and conflict resolution are not tested enough yet, and that is why they cannot be referred to as the reliable alternative to economic institutes.

It was shown that digital economics exists and does not exist simultaneously. It exists if the real threats, which it poses to traditional forms of society organization and its economic constituent, are taken into account. It changes the priorities and breaks the hierarchy of values which had been formed for thousands years. At the same time digital economics does not exist because there isn't its own mechanism of social reproduction, there aren't its own cycles which turn it into some unsystematic interspersing into the global economics. But the digital economics will not be able to use all the advantages of this status (the access to the global resources, and decisions without responsibilities for their consequences, "free" usage of the socio-valuable infrastructure of the modern civilization, transference of most expenses and losses and risks to tax payers) for a long time because of the threat of systemic destructions of traditional institutional and technological structures. The conclusion was made that the first systemic crisis of digital economics will disclose its real opportunities, boundaries and disadvantages.

Key words: integration potential, integration ability, digital economy, risks.

Актуальність проблеми. Активізація торгівельних, валютно-фінансових, соціальних та геополітичних конфліктів на рубежі 10–20 років XXI століття свідчить про накопичення розривів між здатністю сучасних інститутів до зняття невизначеності розвитку соціально-економічних систем і фактичною складністю соціально-економічних зв'язків та взаємозалежностей. Для багатьох суб'єктів міжнародної економіки конфліктна форма взаємодій виглядає як найбільш доступний інструмент отримання доступу до економічних ресурсів та економічної влади¹.

При цьому масштаби цих конфліктів мають тенденцію до поширення майже на всі зони та точки глобальних взаємодій. Першою жертвою зростання загальної конфліктності стає міжнародне співробітництво, в тому числі, і міжнародна торгівля. Низка авторів звертає увагу на небезпечні наслідки згорання міжнародного співробітництва для світової торгівлі та подолання нерівності та бідності в світі². Як відмічає П. Куяну-Голдберг, в таких умовах подальша лібералізація торгівля стає проблематичною, а існуючий інституціональний механізм вирішення конфліктів працює неефективно³. Деякі автори вважають загальну конфліктність та зниження рівня співпраці «новою нормальністю»⁴. Явище загальною незахищеності примушує вчених по-новому поглянути на поточні

¹ International Monetary Fund, World Bank, and World Trade Organization (IMF-WB-WTO). 2018. “Reinvigorating Trade and Inclusive Growth.” Washington, DC.

² Constantinescu, Cristina, Aaditya Mattoo, and Michele Ruta. 2016. “Does the Global Trade Slow-down Matter?” World Bank Policy Research Working Paper 7673, Washington, DC; Gaulier, Guillaume, Aude Sztulman, and Deniz Inal. 2019. “Are Global Value Chains Receding? The Jury Is Still Out. Key Findings from the Analysis of Deflated World Trade in Parts and Components.” CEPII Working Paper 2019-01, Paris.

³ Pinelopi Koujianou-Goldberg. The Future of Trade. *Policy can play a role in shaping the future of the ailing multilateral trade system*// Finance & Development, June 2019, Vol. 56, No. 2 PDF version/ P. 20-25.

⁴ Hoekman, Bernard, ed. 2015. The Global Trade Slowdown: A New Normal? VoxEU.org eBook, CEPR Press.

результати глобального ускладнення системи міжнародної кооперації та торгівлі⁵.

Але руйнуючий потенціал економічних, геополітичних та соціальних конфліктів недооцінюється. Одним з вражаючих прикладів неконтрольованої глобальної конфліктності є феномен Брекзиту, коли глибоко інституціоналізована система керівних органів ЄС виявилася нездатною зреагувати належним чином на раптовий збій демократичних процедур у Великій Британії та намагається за будь яку ціну покарати британців за «неправильне» голосування на референдумі. В середині ЄС останнім часом стихійно формуються ситуаційні конфігурації, які знову розпадаються при будь яких серйозних шоках. Вимога одного члену Європейського союзу від іншого майже трильйонних репарацій за минулі гріхи зводять нанівець інституційні результати попередніх десятиліть співпраці та означають катастрофічне падіння взаємної довіри.

Це свідчить про те, що інтеграційна спроможність будь яких інститутів є обмеженою, і сьогодні її не вистачає для упорядкування різноспрямованих векторів у єдину лінію дій навіть у самих благополучних зонах глобального простору. Потік змін прориває захисну греблю інститутів, і спроби її відновити постійно запізнюються. А на підході вже сили «глибокого резерву» еволюції/революції – цифрові технології, які загрожують знеціненню інституційних активів цивілізації взагалі. Збереження та відновлення інтегративного потенціалу життєздатних інститутів в цих умовах означає шанс на позитивну альтернативність цивілізаційного розвитку у XXI столітті, яка, на жаль, не є гарантованою. Ідея, що цифровому суспільству немає альтернативи, набуває характеру всім відомої банальності.

Інтеграційний потенціал інститутів ми розуміємо як здатність до урегулювання конфліктів, забезпечення довіри, передачі соціальної спадщини, сприяння відтворенню ідентичностей, забезпечення ефекту належної звичності соціально-економічного середовища в умовах змін та інновацій. Важливою особливістю інституційного середовища є його

⁵ Mattoo, Aaditya. 2019. "Services Globalization in an Age of Insecurity: Rethinking Trade Cooperation." World Bank Policy Research Working Paper 8579, Washington, DC.

здатність підтримувати баланс між формальними та змістовними моментами економічних взаємодій. Завдяки цьому система виглядає як стабільна і оптимально консервативна, що є умовою підтримання середньострокових та довгострокових очікувань та інвестиційних мотивацій господарчої діяльності.

Серед ендогенних чинників, що впливають на довгострокову інтеграційну спроможність економічних інститутів в умовах технологічних зрушень, на перше місце можна поставити потенціал їх гетерогенного ускладнення, що відображає генетичне співвідношення між загальним та особливим, яке закладено у фундамент інституційної форми соціального багатства людства. Як відмічав ще Г. Гегель, вимоги права споконвічно повинні абстрагуватися від суб'єктивного змісту ситуацій, які вони закликані регулювати, що означає «приблизний» характер інституційних приписів. Свобода особистої волі суб'єктів органічно доповнюється загальними обмеженнями відповідальності, що надає свободі практичного (економічного) змісту. Найбільш яскраво позитивна роль об'єктивних обмежень в практичній реалізації економічної свободи людини відображена у моделі раціонального вибору, коли людина доводить своє право на власну свободу, спираючись на *власні* бюджетні обмеження. Раціональний вибір споживача – це його повсякденна «вправа у свободі».

Чим більше вимірв технологічної та соціальної свободи має суб'єкт, тим більш важливою є для нього здатність інститутів «автоматично» вирішувати проблеми морально-етичних та правових обмежень. Це означає, що інститути повинні «підлаштовуватися» під вимоги технологій та права, які змінюються як закономірним, так і випадковим чином у ході соціально-економічного розвитку. Найкращим чином таке пристосування досягається за умови належної, або оптимальної, формалізації (вербалізації) інституційних вимог.

Якщо інституційне структурування економічної діяльності найкращим чином припасовано до економічних потреб сьогодення і тому є максимально ефективним, то швидкий відрив технологічного розвитку (технологічний стрибок) від актуальної структури економічної влади та конкурентних переваг буде супроводжуватися падінням ефективності діючих інститутів. В умовах інноваційного розвитку

природний ціннісно-детермінований консерватизм соціально-інституційних структур економіки стає чинником їх виштовхування з сучасної системи технологій. Інститути не встигають за новими можливостями суб'єктів отримувати доходи, подавляти конкурентів, створювати нові потреби. Навіть якщо інститути і зберігають свою сферу повноважень, вона втрачає своє відносне значення.

Цифровізація економіки означатиме новий етап формалізації інституційних приписів, що частково знімає проблему розриву між технологічним змістом та соціальною формою економічної діяльності. Інститути перероджуватимуться у технологічні регламенти, що у перспективі може забезпечити більш швидкий розвиток та саморозвиток технологій. Вербальні інститути залишаються, але їх загальна соціальна цінність буде знижатися. Під тиском технологічних вимог цифрової економіки ціннісні компроміси для економічних суб'єктів можуть поступово перетворюватися у загальне правило. Це не означатиме тотального переродження людини та людської цивілізації до стану «пост-людини», але ціннісно-інституційна складова цивілізації може перейти «в основу» – достатньо глибоку.

Цифрова економіка має сильну генетичну невизначеність, обумовлену неухильним зниженням рівня вербальності суттєвої інформації: розрив цифрових регламентів господарських взаємодій з ціннісним фундаментом знижує імунітет щодо соціально деструктивних або ворожих впливів та проникнень. Довгострокова деградація традиційних ціннісно орієнтованих інституцій (релігійні конфесії, традиційна родина, суверенна національна держава) позбавляє інституційну систему її природної стійкості, і тому множина інституційних новацій стає потенційно нескінченною, що суперечить природі інститутів як таких. Інституційна система в епоху становлення цифрової економіки отримує характер мозаїки, або колекції різноманітних модних новацій, яка не пов'язана з ієрархією національних пріоритетів та цілей. Вибір стає максимально широким, але він перестає бути простором національної свободи та відповідальності, тому що позбавлений критеріїв.

Життєвий цикл будь якої інституційної системи економіки супроводжується розгортанням внутрішніх розривів наслідок старіння і відмирання окремих елементів та їх груп, виникнення інституційних

порожнеч. Цей процес сам по собі є природним для будь яких інституційних систем і багато в чому має латентний характер. Це пов'язано з особливостями відтворення та передачі соціальної спадщини від покоління до покоління, коли одна й та ж інформація сприймається по-різному в залежності від актуального контексту, і тому її інтерпретація та використання призводить до інших результатів, ніж це передбачалося первісною моделлю. Уточнення та корекції правил соціально значущої поведінки та прийняття рішень відбуваються на прагматичних підставах здорового глузду, що означає приховану та неухильну ерозію інститутів, або їх «амортизацію». Усвідомлення глибини розриву між вимогами інститутів та вимогами економічної практики може відбуватися раптом, як це відбулося у Радянському Союзі за років так званої перебудови, коли фактична економічна стагнація наочно продемонструвала катастрофічний рівень зносу інститутів державно-монополістичного соціалізму. Але досвід розпаду Радянського Союзу – це лише натяк на неминучість періодичного виникнення загальної загрози інституційної деструкції у будь яких економічних системах, особливо – у індустріальних за своїм походженням.

Важливу роль у інтеграційній спроможності економічних інститутів відіграє притаманний ним потенціал формалізації та запас змінності, від чого залежить адаптаційна спроможність. Це забезпечується наявністю відповідної інституційної інфраструктури суспільства, яка включає до себе розвинути систему виховання та освіти, державно-політичних інститутів та установ. Перш за все, це правова система держави, включаючи навчальні заклади, а також система громадянського контролю. Правове регулювання економічних відносин може стати однією з перших сфер більш менш органічної цифровізації.

В той же час надмірна формалізація економіки у вигляді цифрової правової регламентації може надати поточні переваги, але ускладнюватиме пристосування до фундаментальних зрушень та загроз, особливо у тому випадку, коли конкуренти починають грати не за інституційними правилами, а вдаються до інструментів влади та сили. Переважання неформальних інститутів у країнах з ринками, що розвиваються, породжує ефект прихованого протекціонізму, полегшуючи підтримку національного виробника, але в той же час ускладнює

інвестиційно-інноваційний розвиток економіки, тому що за інших рівних умов генерує більше опортуністичних практик при укладанні та виконанні контрактів, а також знижує загальну довіру і сприяє високому рівню процентних ставок.

Серед актуальних чинників інституційної спроможності інститутів звертає на увагу складність внутрішнього та зовнішнього соціально-економічного середовища. Ускладнення зовнішнього середовища породжує проблему суверенітету та національного інтересу. Інакше кажучи, виникає дефіцит ресурсів для незалежного від зовнішніх інстанцій прийняття життєво важливих рішень. Зовнішні кредитори та інвестори отримують право голосу при вирішенні питань щодо напрямів національного соціально-економічного розвитку. Україна регулярно подає у МВФ документ, що має назву Лист про наміри, який підписується Президентом, Прем'єр-міністром, Головою Національного банку та Міністром фінансів України, до якого додається «Меморандум про економічну та фінансову політику», де детально розписані параметри та напрями діяльності української влади та її окремих органів. За кожним пунктом змісту Меморандуму треба звітувати. Суверенітет як самостійно обраний вектор руху держави та суспільства у напрямі національного благополуччя зміщуються в бік зовнішніх інстанцій та зовнішніх інтересів. Фактичний спосіб дій держави отримує таку складову, як демонстрація лояльності до зовнішніх кредиторів. Довгострокові витрати та втрати розвитку за такою моделлю демонструє Аргентина, яка останніми десятиліттями рухається від кризи до кризи.

Ускладнення внутрішнього середовища знижує рівень стратегічності національного соціально-економічного розвитку. Так званий «електоральний цикл» як екзогенний чинник попиту та пропозиції періодично спричиняє збурюючих впливів на соціально-економічний розвиток. Це означає, що система національних інститутів не здатна забезпечувати належний рівень суб'єктності у просторі та часі. Це об'єктивно знижує інтегративну спроможність національної системи економічних інститутів і посилює загальну невизначеність.

На особливу увагу заслуговує чинник швидкості змін. Адаптивна здатність інститутів залежить від швидкості виникнення та «спрацю-

вання» суттєвої технологічної або соціальної зміни. Притаманний інститутам принцип консенсусу, тобто формального або неформального погодження більшості учасників з інституційними вимогами, об'єктивно робить неможливим миттєве пристосування. Час, потрібний для «інституційного навчання» є тим більшим, чим більш змістовною є зміна. Коли зміни набувають системного характеру, то час пристосування інститутів може перевищити час життєвого циклу нової технології, або у кращому випадку, дорівнювати йому. Країна за природними причинами перетворюється на «довічного» аутсайдера, який, якщо збереже свою ідентичність, може отримати наступний шанс вже на новому витку світового інституційно-технологічного розвитку.

Як самостійний чинник ефективності інституційних механізмів можна оцінити рівень технологічної алгоритмізації суспільно-економічних відносин. Технологічна алгоритмізація суспільно-економічних відносин полегшує взаємодію як на рівні окремих виробництв (фірм), так і у відносинах між ними. Технологічні, екологічні, соціальні стандарти та регламенти, з одного боку, не припускають різних тлумачень, а з іншого боку, можуть узгоджено змінюватися, як наприклад це відбулося при формуванні Європейського Союзу. В той же час, такі стандарти та регламенти можуть, у прихованому вигляді містити в собі інструменти пригнічення конкурентів, що заперечує їх всезагальний характер, який є притаманним інститутам як таким. Тому технологізація та екологізація економічних відносин не здатна утримувати рівень суспільної конфліктності на прийнятному рівні. Сьогодні боротьба за право нав'язувати глобальні стандарти є одним з головних джерел цивілізаційної конфліктності, що має загрозливий характер.

Суперечності сучасного етапу глобального інституційно-технологічного розвитку мають усі шанси на подальше загострення в умовах поширення цифрових технологій у виробництві та реалізації товарів і послуг, у функціонуванні валютно-фінансових ринків та системи державних фінансів. Цифрова економіка поступово перетворюється на особливий інституційно-технологічний ареал сучасного суспільства.

Виходячи з міркувань розумної обережності, доцільно вважати цифрову економіку такою, що знаходиться у стадії становлення, коли вона одночасно і існує, і не існує. Останній документ ЮНКТАД «Доповідь про цифрову економіку 2019» констатує: «Цифрова економіка продовжує розвиватися з неймовірною швидкістю завдяки її здатності збирати, використовувати і аналізувати величезні обсяги машино-читасмої інформації (цифрових даних) практично про все»⁶. Про існування цифрової економіки свідчать ті нові можливості підвищення продуктивності, які вже сьогодні використовуються новаторами-лідерами, приносять їм не лише величезні доходи, а ще й непропорційно велику економічну та соціально-політичну владу. Цифрова економіка *існує*, якщо оцінювати реальні загрози, які вона вже сьогодні несе традиційним формам організації суспільства та його економічної складової, змінюючи пріоритети та ламаючи ієрархії цінностей, що склалися тисячоліттями.

В той же час цифрова економіка *не існує*, тому що немає її власного механізму суспільного відтворення, немає її власних циклів, що перетворює її на якесь несистемне вкраплення у сучасну світову економіку. Але довго використовувати переваги такого статусу (доступ до глобальних ресурсів та рішень без відповідальності за їх наслідки, безкоштовне користування соціально-ціннісною інфраструктурою сучасної цивілізації, перекладання більшості витрат, втрат та ризиків на платників податків) цифрова економіка не зможе внаслідок загрози системної деструкції традиційних інституційно-технологічних структур. Перша системна криза цифрової економіки висвітлить її реальні можливості, межі та вади.

Одним з головних чинників ціннісно-інституційних ризиків, які притаманні цифровій економіці, є принципово новий рівень формалізації економічних та суспільних відносин. Людина відчуває свою людську сутність у соціальній мережі, де вона підлягає прямому та безконтрольному цифровому маніпулюванню як анонімний (?) мережевий

⁶ Доклад ЮНКТАД о цифровой экономике. 2019 г. United Nations Publications, 300 East 42nd Street, New York, New York 10017, United States of America. – 31 с.

феномен. Модифікація і корекція поведінки, що відбувається з таким нібито анонімним і мережевим феноменом завдяки цифровим технологіям впливу, поступово перероджує ідентичність людини⁷.

Мова вже не йде про нав'язування псевдо-потреб та уподобань, а про нав'язування псевдо-цінностей, які людина може нібито вільно обирати. Відмова від абсолютно нерухомої точки відліку у системі координат людини позбавляє її свободи вибору та відповідальності за наслідки такого вибору. У що вірити, на що надіятися, що любити – це вирішує мережа. Бути членом мережі стає однією з головних потреб⁸.

Сильного впливу на суспільний попит на інституційні механізми зняття невизначеності спричиняють технології big data, які надають їх користувачам можливість максимально знімати невизначеність дій у доступному соціальному конкурентному просторі. В системі з доступними інструментами прямої дії (прямого обчислювання варіантів) потреба у соціально-інституційних опосередкуваннях згасає. Якщо інститути продовжують своє існування, то вже на засадах іншого, більш низького, соціального статусу. Сама по собі законослухняність як пароль доступу до суспільних ресурсів вже не відіграє ролі обов'язкової умови.

Ефективність технологій big data та штучного інтелекту стає відчутною саме в глобальних конкурентних зіткненнях, коли користувач має можливість обчислювати можливі сценарії на декілька ходів вперед. Але, оскільки така ситуація має ознаки гри з нульовою сумою, загальна невизначеність системи може зберігатися на попередньому рівні, або навіть зростати. Сторона, яка програє, може почати грати на збільшення невизначеності за будь яку ціну, що на якомусь етапі поставить перед всіма учасниками зіткнення питання про обмеження

⁷ Крупенникова Л.Ш., Курбатов В.И. Виртуальная личность: Net-мышление, сетевой психотип и Интернетфобии // Инженерный вестник Дона, №3 (2014) ivdon.ru/tu/magazine/archive/n3y2014/2537

⁸ Катречко С.Л. Интернет и сознание: к концепции виртуального человека Трансформация сознания в эпоху Интернета // Институт Философии Российской Академии Наук URL: iph.ras.ru/page50056493.htm (дата обращения: 08.09.2014).

конкурентного конфлікту формальним правилом⁹, тобто відновлення інституційної складової господарчої системи.

Висновки. Інститути як такі завжди відображають минуле системи. Чим більш історична відстань від моменту виникнення інституційної системи, тим частіше виникають розриви між інституційним приписами та реальними умовами господарювання. Сьогодні ми бачимо системний кризи інститутів індустріальної економіки, яка сьогодні зберігається, але вже не є вирішальною ланкою світового господарства. Виникнення нових правил та норм потребує часу, на протязі якого хаотичні прояви нових можливостей, нових проблем та нових інституційно-технологічних комбінацій приводитимуть к посиленню чинників конфліктності у динаміці світового господарства.

Надмірна складність глобальної системи взаємозалежностей сьогодні показує «природні межі» ефективності індустріального за походженням інституційного порядку, який не розрахований на таку кількість суб'єктів. Силкові інструменти вирішення конфліктів є інструментами короткої дії, тому кожна перемога над конкурентами несе загрозу несподіваної катастрофи. Постінституційні механізми регулювання кооперації та конфліктів ще не апробовані в достатній мірі, і тому не можуть оцінюватися як надійна альтернатива економічним інститутам. Тому неефективні інститути вимушені працювати і далі, на тлі посилюючої конфліктності та заплутаності глобальної економіки. Небезпека складається в тому, що найбільш сильні гравці у сфері IT-технологій системно порушують такі неефективні правила, перш за все, антимонопольні закони, створюючи гранично небезпечну ситуацію концентрованих повноважень та ризиків. Нерівномірний розподіл ринкового та технологічного потенціалу породжує глибокі дисбаланси.

⁹ «Підвищення щільності глобального середовища посилює взаємну залежність та актуалізує чинник конкурентоспроможності. Конфліктність світового господарства зумовлена відносно низькою спроможністю існуючих правил і стандартів. Як показує досвід інституційної еволюції, така конфліктність може передувати інтенсивному генезису нових інститутів». – Яременко О.Л. Глобальні дисбаланси та новий протекціонізм: інституційна гіпотеза. //Економіка України. 2017. № 5-6. С. 106–123. С. 110.

Зниження інтеграційного потенціалу економічних інститутів свідчить про те, що становлення цифрової економіки як історичний процес містить в собі потенціал глибокої кризи ринкового, соціального та технологічного характеру. Бульбашка безмежного оптимізму щодо розвитку цифрових технологій може несподівано луснути. Сьогодні важко побачити ту слабку ланку, з котрої ця криза почнеться. Ясне одне: її ймовірність з часом зростатиме.

Список літератури

1. Constantinescu C. Does the Global Trade Slow-down Matter? [Electronic resource] : Policy Research Working Paper / Constantinescu Cristina, Aaditya Mattoo, Michele Ruta // The World Bank group. – Washington, 2016. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/533651467996728369/pdf/WPS7673.pdf>.

2. Gaulier G. Are Global Value Chains Receding? The Jury is Still Out. Key Findings from the Analysis of Deflated World Trade in Parts and Components [Electronic resource] / Guillaume Gaulier, Aude Sztulman, Deniz Inal // CEII. – Paris, CEII Working Paper, 2019. – № 715 (march). – URL: http://www.cepii.fr/PDF_PUB/wp/2019/wp2019-01.pdf.

3. The Global Trade Slowdown: A New Normal? [Electronic resource] / ed. Hoekman Bernard // CEPR : policy portal. – 2015. – URL: https://voxeu.org/sites/default/files/file/Global%20Trade%20Slowdown_nocover.pdf.

4. Reinvigorating Trade and Inclusive Growth / International Monetary Fund, World Bank, and World Trade Organization // International Monetary Fund. – Washington, 2018. – URL: <https://www.imf.org/~media/Files/Publications/PP/2018/093018-reinvigorating-trade-and-inclusive-growth.ashx>.

5. Mattoo A. Services Globalization in an Age of Insecurity: Rethinking Trade Cooperation : Working Paper 8579 // The World Bank group. – Washington, 2018. – 33 p.

6. Koujianou-Goldberg P. The Future of Trade. Policy can play a role in shaping the future of the ailing multilateral trade system // Finance & Development, – 2019. – Vol. 56, N. 2. – P. 20–25.

7. Доклад о цифровой экономике 2019 [Электронный ресурс] : обзор на конференции Организации Объединенных Наций / ООН. – Женева, 2019. – 31 с. – Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_overview_ru.pdf.

8. Крупенникова Л.Ш. Виртуальная личность: Net-мышление, сетевой психотип и Интернетфобии [Электронный ресурс] / Крупенникова Л.Ш.,

Курбатов В.И. // Инженерный вестник Дона. – 2014. – №3. – Режим доступа: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2014/2537.

9. Катречко С. Л. Интернет и сознание: к концепции виртуального человека Трансформация сознания в эпоху Интернета [Электронный ресурс] // Ин-т философии РАН. – Режим доступа: iph.ras.ru/page50056493.htm (дата обращения: 08.09.2014).

10. Яременко О. Л. Глобальні дисбаланси та новий протекціонізм: інституційна гіпотеза // Економіка України. – 2017. – № 5–6. – С. 106–123.

References

1. The World Bank (2016). *Does the Global Trade Slow-down Matter?* [pdf]. Washington, DC. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/533651467996728369/pdf/WPS7673.pdf>.

2. Gaulier G., Sztulman A., Bnal D. (2019). Are Global Value Chains Receding? The Jury is Still Out. Key Findings from the Analysis of Deflated World Trade in Parts and Components. In: *CEPII* [online]. Paris, CEPII Working Paper, 715 .URL: http://www.cepii.fr/PDF_PUB/wp/2019/wp2019-01.pdf.

3. Hoekman, B. (ed.). (2015). The Global Trade Slowdown: A New Normal? In: *CEPR* [online]. Available at: https://voxeu.org/sites/default/files/file/Global%20Trade%20Slowdown_nocover.pdf.

4. International Monetary Fund, World Bank, World Trade Organization (IMF-WB-WTO). (2018). *Reinvigorating Trade and Inclusive Growth*. [pdf]. Available at: <https://www.imf.org/~media/Files/Publications/PP/2018/093018-reinvigorating-trade-and-inclusive-growth.aspx>.

5. The World Bank (2018). *Services Globalization in an Age of Insecurity: Rethinking Trade Cooperation*. Washington, DC, 33 p,

6. Koujianou-Goldberg, P. (2019). The Future of Trade. Policy can play a role in shaping the future of the ailing multilateral trade system. [pdf]. *Finance & Development*, vol. 56, 2, pp. 20–25.

7. OON (2019). *Doklad o tsifrovoy ekonomike 2019*. [pdf]. Available at; https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_overview_ru.pdf.

8. Krupennikova, L.Sh., Kurbatov, V.I. (2014). Virtual'naya lichnost': Net-myshleniye, setevoy psikhotrop i Internetfobii. *Inzhenernyy vestnik Dona* [online], 3. Available at: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2014/2537.

9. Katrechko, S. L. Internet i soznaniye: k kontseptsii virtual'nogo cheloveka Transformatsiya soznaniya v epokhu Interneta. In: *Institut filosofii RAN*. [online]. Available at: iph.ras.ru/page50056493.htm [Accessed 08.09.2014].

10. Yaremenko, O. L. (2017). Hlobalni dysbalansy ta novyy protseksionizm: instytutsiyna hipoteza. *Ekonomika Ukrayiny*, 5–6, pp. 106–123.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ**INFORMATION ABOUT
THE AUTHORS****Ануфрієва Ірина Леонідівна**

доц., Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія» ir@nua.kharkov.ua

Anufriieva Iryna

Associate Professor,
Kharkiv University of Humanities
“People’s Ukrainian Academy”

Артеменко Людмила Олександрівна

доц., Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
germ-rom-nua@ukr.net

Artemenko Liudmyla

Associate Professor,
Kharkiv University of Humanities
“People’s Ukrainian Academy”

Астахов Віктор Вікторович

канд. юрид. наук, проф., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
rector@nua.kharkov.ua

Astakhov Victor

Ph.D. (Law), Professor,
Kharkiv University of Humanities
“People’s Ukrainian Academy”

Астахова Валентина Іларіонівна

д-р іст. наук, проф., Харківський
гуманітарний університет
«Народна українська академія»
rector@nua.kharkov.ua

Astakhova Valentyna

Doctor of History, Professor,
Kharkiv University of Humanities
“People’s Ukrainian Academy”

Астахова Катерина Вікторівна

д-р іст. наук, проф., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
rector@nua.kharkov.ua

Astakhova Kateryna

Doctor of History, Professor,
Kharkiv University of Humanities
“People’s Ukrainian Academy”

Батаєва Катерина Вікторівна

д-р філос. наук, проф., Харківський
гуманітарний університет
«Народна українська академія»
bataevaekaterina72@yahoo.com

Bataieva Kateryna

Doctor of Philosophy, Professor,
Kharkiv University of Humanities
“People’s Ukrainian Academy”

- Берест Тетяна Миколаївна**
канд. філол. наук, доц., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
ukr@nua.kharkov.ua
- Berest Tetiana**
Ph.D. (Philology), Associate
Professor, Kharkiv University
of Humanities “People’s Ukrainian
Academy”
- Бірченко Олена Володимирівна**
канд. соц. наук, доц., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
elena77daoup@gmail.com
- Birchenko Olena**
Ph.D. (Sociology), Associate
Professor, Kharkiv University
of Humanities “People’s Ukrainian
Academy”
- Бірюкова Марина Василівна**
д-р соц. наук, доцент, Національний
технічний університет «Харківський
політехнічний інститут»
birmarina@gmail.com
- Biriukova Maryna**
Doctor of Sociology, Associate
Professor, The National Technical
University “Kharkiv Polytechnic
Institute”
- Данилевич Сергій Борисович**
канд. фіз.-мат. наук, доц.,
Харківський гуманітарний
університет «Народна
українська академія»
danilevichsb@ukr.net
- Danylevych Sergii**
Ph.D. (Physics and Mathematics),
Associate Professor, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”
- Зверко Тамара Василівна**
канд. соц. наук, доц., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
sm@nua.kharkov.ua
- Zverko Tamara**
Ph.D. (Sociology), Associate
Professor, Kharkiv University
of Humanities “People’s Ukrainian
Academy”
- Іванова Ольга Анатоліївна**
канд. екон. наук, доц., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
olgaiva.nua@gmail.com
- Ivanova Olga**
Ph.D. (Economics), Associate
Professor, Kharkiv University
of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”

Івахненко Антоніна Олександрівна
канд. філол. наук, доц., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
vakhnenkoantonina@gmail.com

Ivakhnenko Antonina
Ph.D. (Philology), Associate
Professor, Kharkiv University
of Humanities “People’s Ukrainian
Academy”

Ільченко Валерія Віталіївна
доц., Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
ilchenko_valery@ukr.net

Ichenko Valeria
Associate Professor, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”

Карпенко Олена Валентинівна
ст. викл., Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»

Karpenko Olena
Senior lecturer, Kharkiv University
of Humanities “People’s Ukrainian
Academy”

Кірвас Віктор Андрійович
канд. техн. наук, проф., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
itm.nua@ukr.net

Kirvas Victor
Ph.D. (Engineering Sciences),
Professor, Kharkiv Humanitarian
University “People’s Ukrainian
Academy”

Козиренко Віктор Петрович
канд. техн. наук, доцент, Харківський
гуманітарний університет
«Народна українська
академія»kvp@nua.kharkov.ua

Kozyrenko Victor
PhD (Engineering sciences),
Associate Professor, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”

Козиренко Світлана Іванівна
канд. техн. наук, доцент, Харківський
національний університет
радіоелектроніки;
kozyrenko.c@gmail.com

Kozyrenko Svitlana
Ph.D. (Engineering sciences),
Associate Professor, Kharkiv National
University of Radio Electronics

Лозовой Віктор Олексійович
д-р філос. наук, проф.,
Національний юридичний
університет ім. Ярослава Мудрого
nir-nua@ukr.net

Lozovoy Victor
Doctor of Philosophy, Professor,
Yaroslav Mudryi National Law
University

Михайлова Людмила Вілїївна

канд. філол. наук, доц., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
germ-rom-nua@ukr.net

Молодча Наталія Сергїївна

канд. філол. наук, доц., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
natalia.molodcha@gmail.com

Нечітайло Ірина Сергїївна

д-р соц. наук, проф., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
nechit@ukr.net

Підлісний Дмитро Вадимович

канд. іст. наук, доц., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
kim.khar83@gmail.com

Решетняк Олена Іванівна

канд. екон. наук, доц., докторант
НЦІПР НАН України, Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
reshetele@yandex.ru

Тарасова Олена Владиславівна

д-р філол. наук, проф., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
tarasovaye@gmail.com

Mykhailova Liudmyla

Ph.D. (Philology), Associate
Professor, Kharkiv University
of Humanities “People’s Ukrainian
Academy”

Molodcha Natalia

Ph.D. (Philology), Associate
Professor, Kharkiv University
of Humanities “People’s Ukrainian
Academy”

Nechitaylo Iryna

Doctor of Sociology, Professor,
Kharkiv University of Humanities
“People’s Ukrainian Academy”

Podlisnyi Dmytro

Ph.D. (History), Associate Professor,
Kharkiv University of Humanities
“People’s Ukrainian Academy”

Reshetniak Olena

Ph.D. (Economics), Associate
Professor, Doctoral candidate NICIPR
NAS of Ukraine, Kharkiv University
of Humanities “People’s Ukrainian
Academy”

Tarasova Olena

Doctor of Philology, Professor,
Kharkiv University of Humanities
“People’s Ukrainian Academy”

- Тимохова Галина Борисівна**
канд. екон. наук, доц.,
Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
tymohova@gmail.com
- Тимокхова Halyna**
Ph.D. (Economics), Associate
Professor, Kharkiv University
of Humanities “People’s Ukrainian
Academy”
- Тимошенкова Тамара Михайлівна**
канд. філол. наук, проф.,
Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
germ-rom-nua@ukr.net
- Tymoshenkova Tamara**
Ph.D. (Philology), Professor, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”
- Удовицька Тетяна Анатоліївна**
канд. іст. наук, доц., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
tudovitska@gmail.com
- Udovytska Tetiana**
Ph.D. (History), Associate Professor,
Kharkiv University of Humanities
“People’s Ukrainian Academy”
- Хілковська Ася Олександрівна**
ст. викл., Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
asia.khilkovska@gmail.com
- Khilkovska Asia**
Senior lecturer, Kharkiv University
of Humanities “People’s Ukrainian
Academy”
- Цибульська Елеонора Іванівна**
канд. екон. наук, доц., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
ellatsib@gmail.com
- Tsybulska Eleonora**
Ph.D. (Economics), Associate
Professor, Kharkiv University
of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”
- Чибісова Наталія Григорівна**
канд. філос. наук, проф.,
Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
chibisova@ukr.net
- Chybisova Nataliia**
Ph.D. (Philosophy), Professor,
Kharkiv University of Humanities
“People’s Ukrainian Academy”

Яременко Олег Леонідович

д-р екон. наук, проф., Харківський
гуманітарний університет «Народна
українська академія»
v.o.yaremenko@gmail.com

Yaremenko Oleg

Doctor of Economics, Professor,
Kharkiv University of Humanities
“People’s Ukrainian Academy”

Яріз Євгеній Михайлович

доц., Харківський гуманітарний
університет «Народна українська
академія»
Eugenio2012@mail.ru

Yariz Yevgenii

Associate Professor, Kharkiv
University of Humanities “People’s
Ukrainian Academy”

ЗМІСТ

Передмова	5
Безперервна освіта в дії: погляд з висоти 30-річного досвіду	9
<i>Астахова В. И.</i> Вузовские научные школы в поисках выхода из кризисного тупика	11
<i>Астахова Е. В.</i> Академический оплот инновационного университета в условиях перехода к цифровой эпохе: совокупные риски	28
<i>Тимошенко Т. М.</i> Научные исследования как неотъемлемая составляющая учебного процесса в вузе	58
<i>Козыренко В. П., Козыренко С. И.</i> Информационное обеспечение учебного заведения в условиях цифровой трансформации	65
<i>Лозовой В. О.</i> Проблеми саморозвитку особистості в українському освітньому просторі	74
<i>Зверко Т. В.</i> Студент у полі освітніх можливостей	86
<i>Нечитайло И. С.</i> Микро-макро связи общества и образования: динамика и результаты научного поиска	93
<i>Данилевич С. Б.</i> Информационно-компьютерный инструментарий непрерывного образования	111
Приватна освіта в Україні: досвід становлення	121
<i>Астахов В. В.</i> О государственном подходе к «негосударственному» образованию: двадцать пять лет спустя	123
<i>Чибисова Н. Г.</i> Культурно-образовательная среда частного учебного заведения как фактор формирования личности	144
<i>Иванова О. А.</i> Сайентификация образования как базовое условие подготовки современного конкурентоспособного специалиста	153
<i>Подлесный Д. В.</i> Развитие частной высшей школы в начале XX ст.: исторический опыт	163
<i>Удовицька Т. А.</i> Громадські та приватні вищі навчальні заклади в Україні в кінці XIX – початку XX століть: історико-соціальні маркери дослідження	173
<i>Bataeva E.</i> Instrumental Educational Strategies and Practices in Private and State Higher Education	191
<i>Бірюкова М. В.</i> Сучасні технології формування регіонального освітнього простору	196
<i>Бирченко Е. В.</i> Роль высшей школы в профессиональном самоопределении выпускников в условиях непрерывной трансформации сферы занятости	211

Сучасне суспільство в контексті гуманітарного знання: соціокультурні проблеми	227
<i>Кирвас В. А.</i> Формирование цифровой компетентности современных студентов гуманитарного университета	229
<i>Михайлова Л. В.</i> Историческое варьирование принципа вежливости в речевых актах директивах в англоязычном дискурсе 16–20 вв.	242
<i>Яриз Е. М.</i> Реализация принципов непрерывного образования в ХГУ «НУА» на примере преподавания испанского языка	250
<i>Ильченко В. В., Карпенко Е. В.</i> Роль системообразующих принципов ХГУ «НУА» в формировании модели выпускника факультета «Референт-переводчик»	258
<i>Ивахненко А. А.</i> Сохранение идиостиля Э. Дикинсон в русских и украинских переводах	267
<i>Артеменко Л. А.</i> Ретроспективный анализ процесса обучения английскому языку студентов факультетов «Бизнес-управление» и «Социальный менеджмент» в ХГУ «НУА»	279
<i>Молодчая Н. С.</i> Ретроспектива исследования речевого творчества (на материале инновационной лексики англоязычного академического дискурса)	290
<i>Тарасова Е. В.</i> Синергетика и наука о языке: концепции и принципы синергетики в лингвистических исследованиях, проводимых в ХГУ «НУА»	302
<i>Хильковская А. А.</i> Коммуникативные стратегии выражения критики и неодобрения в свете теории невежливости	315
<i>Берест Т. М.</i> Концепт «Бог» у поетичній мовотворчості кінця ХХ століття	331
<i>Ануфриева И. Л.</i> Интеграция опыта преподавания курса культуры франкоговорящих стран	341
Економіка освіти: проблеми теорії і практики	347
<i>Тимохова Г. Б.</i> Інституційні аспекти зміни системи освіти в Україні	349
<i>Решетняк Е. И.</i> Проблемы и перспективы финансирования высшего образования в Украине	357
<i>Цибульська Е. І.</i> Інституційні основи забезпечення національної конкурентоспроможності в знанієвій економіці	367
<i>Яременко О. Л.</i> Інтеграційна спроможність інститутів в умовах становлення цифрової економіки: перспективи та ризики	377
Відомості про авторів	392

В 90 **Вчені** записки Харківського гуманітарного університету «Народна українська академія» / [редкол.: К. В. Астахова (голов. ред.) та ін.]. – Харків : Вид-во НУА, 2019. – Додаток до 25 т. – 402 с.

ISBN 978-966-2298-14-0

Додаток до 25-го ювілейного видання «Вчені записки ХГУ «НУА» є оригінальним збірником наукових публікацій, у яких подано ретроспективний аналіз праць авторів, опублікованих у щорічнику за попередні роки.

Збірник містить матеріали, що висвітлюють досвід становлення безперервної освіти, реформування освіти в Україні: історико-філософські, соціокультурні, економічні та правові аспекти.

Видання буде цікавим для викладачів, аспірантів, студентів і всіх небайдужих до проблем галузі освіти.

Supplement to anniversary Volume XXV of Research Bulletin of Kharkiv University of Humanities “Peoples Ukrainian Academy” is an original collection of scientific publications presenting a retrospective analysis of the authors works previously published in Research Bulletin.

The collection contains materials that cover historical, philosophical, socio-cultural, economic, and legal aspects of the development of continuous education and education reforms in Ukraine

The publication may be of interest to teachers, post-graduates, students, and all those interested in the sphere of education.

УДК 08

Наукове видання

**ВЧЕНІ ЗАПИСКИ
ХАРКІВСЬКОГО ГУМАНІТАРНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
«НАРОДНА УКРАЇНСЬКА АКАДЕМІЯ»**

Додаток до XXV тому

В авторській редакції

Відповідальна за випуск *О. А. Іванова*
Комп'ютерна верстка *І. С. Кордюк*

Підписано до друку 07.04.2020. Формат 84×108/32.
Папір офсетний. Гарнітура «Таймс». Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 23,48. Обл.-вид. арк. 22,41.
Наклад 500 пр. Зам. № 23/20.

Видавництво Народної української академії
Свідоцтво № 1153 від 16.12.2002.

Надруковано у видавництві
Народної української академії

Україна, 61000, Харків, МСП, вул. Лермонтовська, 27.

www.nua.kharkov.ua

e-mail:

rector.hgu.nua@ukr.net

rector@nua.kharkov.ua

prikomnua2@ukr.net